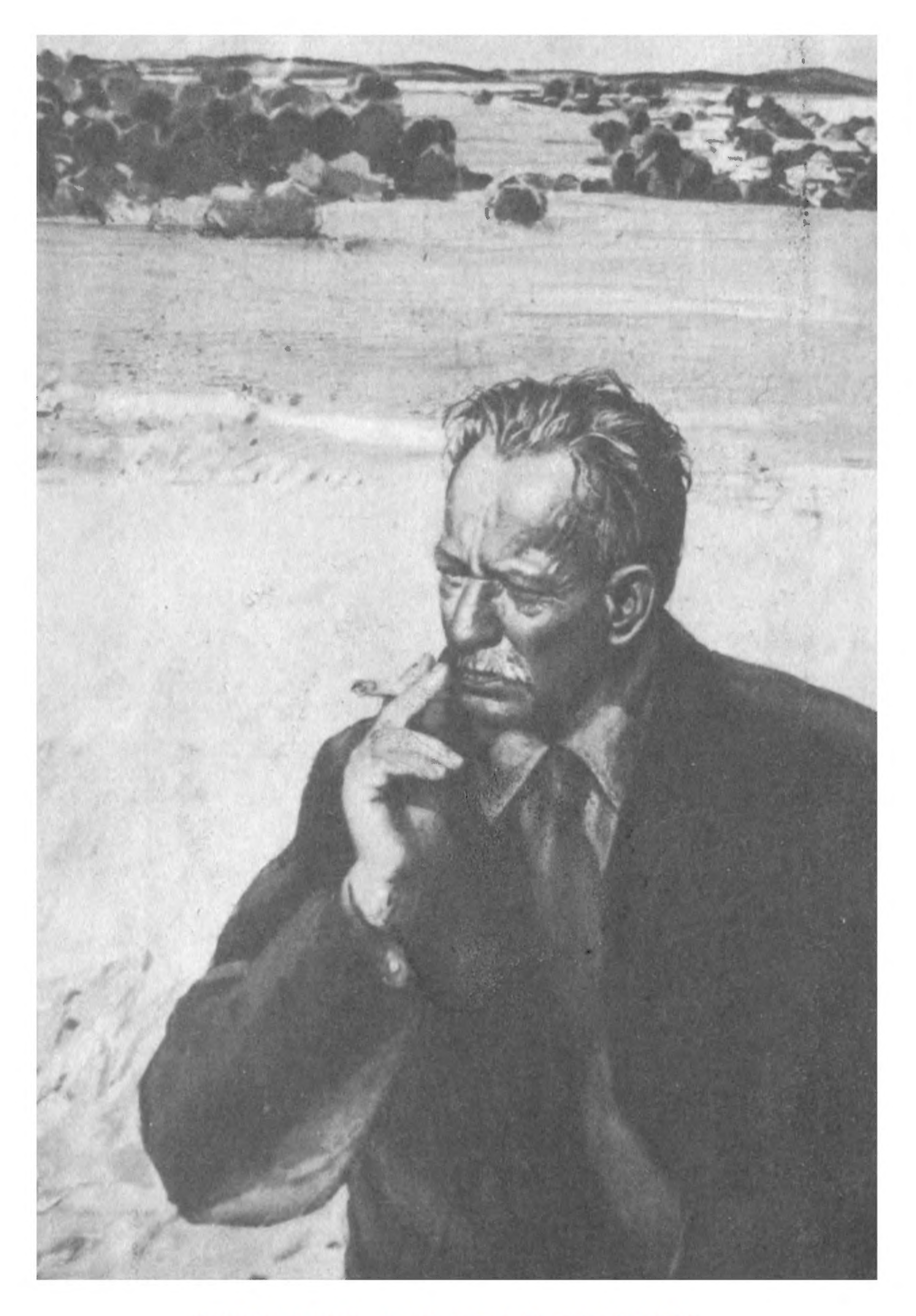
1990
5
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

574-ый
отдельный
зенитно-
артиллерийский
полк

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
К. Симонов

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.
А. Сурков



МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШОЛОХОВ

К 85-летию со дня рождения

Фрагмент картины художника А. Зубова

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

1990
5

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Композиция И. Андреевой

Четвертая страница обложки журнала: Фото Б. Раскина

«Молодая гвардия», 1990, № 5, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: для справок: — 285-88-58; 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; отдел писем — 285-80-16.

© «Молодая гвардия», 1990 г.

СЛОВО ОБ ОТЕЧЕСТВЕ

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР,
ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР,
ДЕЛЕГАТАМ XXVIII СЪЕЗДА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПИСЬМО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В последние годы под знаменами объявленной «демократизации», строительства «правового государства», под лозунгами борьбы с «фашизмом и расизмом» в нашей стране разнуздались силы общественной дестабилизации, на передний край идеологической перестройки выдвинулись преемники откровенного расизма. Их прибежище — многомиллионные по тиражам центральные периодические издания, теле- и радиоканалы, вещающие на всю страну.

Происходит беспримерная во всей истории человечества массированная травля, шельмование и преследование представителей коренного населения страны, по существу, объявляемого «вне закона» с точки зрения того мифического «правового государства», в котором, похоже, не будет места ни русскому, ни другим коренным народам России.

Тенденциозные, полные национальной нетерпимости, высокомерия и ненависти публикации «Огонька», «Советской культуры», «Комсомольской правды», «Книжного обозрения», «Московских новостей», «Известий», журналов «Октябрь», «Юность», «Знамя» и др. вынуждают заключить, что пасынком нынешней «революционной перестройки» является в первую очередь русский народ. Представители трех его ныне живущих поколений, начиная с ветеранов Отечественной войны, спасших мир от гитлеризма, представители разных социальных слоев и профессий — люди русского происхождения — ежедневно, без каких-либо объективных оснований именуются в прессе «фашистами» и «расистами» или же — с сугубо биологическим презрением — «детьми Шарикова», то есть происходящими от псов. Это прямо приводит на память гитлеровскую пропагандистскую терминологию относительно русских — «низшей» славянской расы.

Регулярному расистскому поношению подвергается все историческое прошлое России — дореволюционное и послереволюционное.

Россия — «тысячелетняя раба», «немая реторта рабства», «крепостная душа русской души», «что может дать миру тысячелетняя раба?» — эти клеветнические клише относительно России и русского народа, в которых отрицается не только факт, но сама возможность позитивного вклада России в мировую историю и культуру, к сожалению, определяет собою отношение центральной периодической

печати и ЦТ к великому народу-труженику, взявшему когда-то на свои плечи беспримерную тяжесть созидания многонационального государства.

«Русский характер исторически выродился, реанимировать его — значит вновь (?) обрекать страну на отставание, которое может стать хроническим» — читаем мы напечатанное на русском языке, на бумаге, выработанной из русского леса. Само существование «русского характера», русского этнического типа недопустимо по этой чудовищной логике! Русский народ объявляется сегодня лишним, глубоко нежелательным народом. «Это народ с искаженным национальным самосознанием», — заключают о русском советские политические деятели и журналисты. Желая расчленить Россию, упразднить это геополитическое понятие, они называют ее «страной, населенной призраками», русскую культуру — «накраденной» (!), тысячелетнюю российскую государственность — «утопией». Стремление «вывести» русских за рамки homo sapiens приобрело в официальной прессе формы расизма клинического, маниакального, которому нет аналогий, пожалуй, средь всех прежних «скрижалей» оголтелого человеконенавистничества. «Да, да, все русские люди — шизофреники. Одна половина — садист, жаждущий власти неограниченной, другая — мазохист, жаждущий побоев и цепей» — подобная «типология» русских нарочито распубликовывается московскими «гуманистами» в прессе союзных республик — для мобилизации всех народов страны, в том числе и славянских, против братского русского народа. Русофобия в средствах массовой информации СССР сегодня догнала и перегнала зарубежную, заокеанскую антирусскую пропаганду. Особенность здешних хулителей и клеветников — в отрицании истинного характера своей деятельности, в отрицании непреложного факта — советской русофобии, в непризнании за собою состава преступления против России и русского народа. Дискриминированный в реальных гражданских правах, ошельмованный как «раб», как «фантом» или «призрак», русский человек в то же время сплошь и рядом нарекается «великодержавным шовинистом», угрожающим другим нациям и народам.

Для этого лживо, глумливо переписывается история России, так что защита Отечества, святая героика русского патриотического чувства, трактуется как «генетическая» агрессивность, самодовлеющий милитаризм. «А с кем только не воевала?! — сокрушается насчет «забияки»-России член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев в «Литературной газете» (14 февраля с. г.). — И все это в памяти. Все это формирует сознание, остается в генофонде. Психологически — наследие отягчающее».

И уж не для того ли, чтоб снять с нас генетическую, психологическую «тяжесть» патриотической ратной славы, центральная пресса ныне равно отказывает России и в победе над Наполеоном, и в победе над гитлеровской Германией? Примеры подобной беззастенчивой лжи средств массовой информации, которые пытаются перекричать и Карамзина с его «Историей государства Российского», и «Клеветникам России» Пушкина, и «Войну и мир» Л. Толстого, и свидетельскую память наших живых еще современников, воистину бессчетны.

Явно сочувствуя националистическим движениям и фронтам (от Прибалтики до Молдавии и Закавказья), проникнутым русофобскими настроениями, многие средства массовой информации замалчивают

трагедию русского народа, его великие жертвы в прошлом и настоящем, многочисленные погромы, которым подвергается ныне русское население в союзных республиках.

На фоне этих погромов, организуемых в разных регионах страны, перед лицом десятков тысяч русских беженцев, лишенных приюта в собственном государстве, в средствах массовой информации учащаются грубые провокации, имеющие целью вызвать отвращение к русским, представить их в зоологическом виде, как это сделано было, например, в телепрограмме «Взгляд» 2 февраля с. г. в связи с вечером журнала «Наш современник». Провокационно раздувается жупел «Памяти», которую выдают за могущественно-агрессивную силу — нечто вроде гитлеровского абвера, хотя речь идет, по сути, о нескольких маскарадных фигурах, которые во всех случаях не могут быть признаны выразителями мировоззрения целого народа, не говоря уж о том бесспорном факте, что их самодельные плакаты, попадающие в телекадры, ничуть не националистичнее лозунгов многих «демократических» «народных» фронтов в союзных республиках.

Пример крупномасштабной провокации, задевающей честь множества народов России, — дружные усилия центральной прессы объявить VI пленум правления СП РСФСР «антисемитским шабашем». Между тем едва ли не 70 процентов участников пленума были представителями братских литератур РСФСР.

Замалчивая многонациональный состав пленума, демократический механизм принятия решений, единодушие подавляющего большинства его разнонациональных участников, центральная пресса нарочито суживает общественное мнение писателей России, ставит на один из полюсов нынешней литературно-идеологической конфронтации исключительно русских, только и именно их.

Лжеинтернационалистами из «Огонька», «Книжного обозрения», «Недели» и т. п., верно, невыгодно выявленное пленумом единство. Ибо это мощно заявившее о себе единство взглядов, сознание общности национальных судеб народов России не согласуется с клеветнической целью прессы и ЦТ — запугать население СССР «русским великодержавным шовинизмом». Центральная пресса игнорировала в своих «отчетах» о VI пленуме правления СП РСФСР выступления писателей из автономных республик, областей и округов России, не нашла для них места на своих многочисленных страницах, и уже одно это вынуждает подвергнуть глубокому сомнению якобы интернационалистическую позицию авторов провокационных «отчетов».

Возмутительный и, пожалуй, «новаторский» пример провокации — подстрекательство ленинградской прессы и телевидения накануне проведения в Ленинграде культурно-просветительского мероприятия «Российские встречи» с участием писателей из Москвы, Вологды и других городов России. «Политическим безрассудством и безответственностью», «всплеском националистической волны», который угрожает городу актами «хулиганства, насилия и, не дай Бог, кровопролития»,— вот как оценивала провокационно-клеветническая пресса приезд в «город на Неве» российских деятелей культуры и литературы. Словно вела речь о вражеском, иноземном нашествии! Словно русские деятели культуры направлялись не в русский город, недавнюю столицу России, а в ощеренный стан своих ненавистников, посягали на чужую землю, готовящуюся к отпору агрессорам! «Наш город должен ответить отказом принять их на невской земле», — призывали в газете «Смена» члены бюро обкома ленин-

градского комсомола. «Проведение «Российских встреч» может стать элементом, дестабилизирующим обстановку в нашем городе», — кликушествовали в письме в газету работники Ленинградского обкома ВЛКСМ, снова и снова призывая к «организации отпора» российским гостям.

Стоит заметить, что ничего подобного насчет куда более уместного ОТПОРА не публиковала ни «невская», ни другая советская пресса накануне слета в столице России, в декабре 1989 года, около 60 представителей крупнейших сионистских организаций Запада и Израиля, включая председателя исполкома Всемирной сионистской организации С. Диница.

А если вдуматься, что ленинградская пресса (и ТВ) желала бы ЗАПРЕТИТЬ ныне въезд в русский город таким русским писателям, как Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Солоухин, ряду русских писателей-фронтовиков, а также детям и внукам тех, кто сложил голову на подступах к Ленинграду в 1941—1944 годах, тех, кто прокладывал «Дорогу жизни» по Ладоге ради помощи ленинградским блокадникам, станет ясной всемирно-историческая беспримерность провокационной, организованной травли лучших представителей коренного народа России.

Эта травля, оскорбительная для всей России, не стихала и в саму неделю «Российских встреч», несмотря на успех литературно-публицистических, творческих вечеров у патриотического Ленинграда. Город был наводнен русофобскими, расистского толка листовками; у дверей концертных залов, где выступали российские писатели, вспыхивали провокации, гости, чувствовавшие себя порой точно фронтовая бригада, нуждались в заботе правоохранительных органов. Одну из недостойных провокаций, учиненную ленинградской журналисткой А. Репиной, стремительно поддержала всесоюзная газета «Известия» — вопреки разъяснению по ТВ работников ленинградского ГУВД насчет мнимо пострадавшей от русских писателей неудачливой провокаторши.

Возникает вопрос: зачем советские журналисты ставят себя в столь незавидное, унизительное положение? Не только лгут очернительскими своими перьями, искаженными фокусами своих теле- и фотосъемок, уродующими расово «несимпатичные» лица людей, но готовы к практическим инсинуациям, к саморучному сотворению «возмутительных» фактов в публичных местах, где немало свидетелей странного, порой именно буйного поведения «объективных» журналистов? Видно, последние действуют, исходя не из правды жизни, но из жестких идейных тенденций, выполняя при этом, как ни клянутся «свободой», чей-то социальный, политический заказ.

«РУССКАЯ КУЛЬТУРА БЕЗ РУССКИХ!» — вот, по сути, каков «демократический», «интернациональный» лозунг средств массовой информации, запугивающих жителей Ленинграда да и всей страны культурными программами «Российских встреч», самим фактом «Российских встреч» в... России!

Один из видов провокации — истерическое преувеличение, раздувание и натужное муссирование нежелательного события, даже и самого локального по его действительному масштабу. Преувеличение, которое служит разжиганию страстей, придавая локальному эпизоду «глобальное» значение, а устной словесной перепалке значение... кровопролития.

Такой провокацией является опубликованное шестимиллионным

тиражом «Литгазеты» (14 февраля 1990 года) «Открытое письмо членам Политбюро ЦК КПСС» от коммунистов ультралевацкой организации московских писателей «Апрель». Оно посвящено «налету (!) экстремистов из «Памяти» на Дом литераторов», или же — «достаточно подробно описанному в газетах» (и центральных журналах) «погрому в Доме литераторов».

Из «Открытого письма» выясняется, что «налетчики», «погромщики» (группка лиц, покуда еще следствием не выясненных, бог весть как проникших в Дом литераторов, администрация которого несет полную ответственность за допуск в ЦДЛ нечленов СП), экстремистские «налетчики» были вооружены мегафоном. Этот-то мегафон неведомых оппонентов «Апреля» авторы «Открытого письма» приравнивают к «самым смертоносным видам оружия», которым «набиты наши склады», наши «страшные арсеналы». А само обоюдовульгарное, не без комических черт происшествие в ЦДЛ фактически ставят в один ряд с «трагическими событиями последних месяцев в Фергане и Азербайджане».

Кажется, надобно знать меру в средствах и формах отпора даже неправому мнению и поведению! Но, как ни досадно скандальное происшествие в ЦДЛ, провокационность «Открытого письма» комитета «Апрель», похоже, далеко перекрывает суть и фабулу этого явно раздутого факта.

В том ли достоинство и долг писателей, чтобы при виде «оппонирующего» их политическим страстям, приблудного, а возможно, и ангажированного мегафона взывать к репрессиям и, на корню отвергая дискуссию, настраивать себя, Политбюро ЦК КПСС, миллионы читателей «ЛГ» не иначе как на гражданскую войну?

Бездоказательно обвинение правлению Союза писателей РСФСР, будто оно причастно к обструкции «Апрелю» со стороны не числящихся в СП РСФСР лиц. Глубоко провокационно и назойливое стремление печатных органов «слить» СП РСФСР с ряжеными крикунами из тщеславного крыла «Памяти» — несколькими «присяжными» манифестами.

И тут надо сказать: попытка возвести всякую мысль о возрождении России, о ее политическом и экономическом равноправии, о самобытности ее исторического пути, неповторимости ее национальной культуры к «эпатажным» плакатам ославленных, хоть, по сути, безвестных или самозваных, лиц из «Памяти», несомненно, служит сегодня прикрытию истинного расизма и неофашизма, нешуточные силы которого объединены в Союз сионистов СССР, имеющий военизированные отряды бейтаровцев. Истерично крича об угрозе человечеству, всем народам СССР со стороны одиозных, выбранных для рекламы «ужасов» нескольких фигур из «Памяти», центральная пресса упорно тушует или беззастенчиво приукрашивает идейную сущность сионизма и тщательно уводит сознание граждан нашей страны от того, что на счету легализованной в СССР организации «Бейтар» не только расистские лозунги еврейской национальной «исключительности», но и причастность к таким деяниям, как, например, резня в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, сотни кровавых преступлений, террористические акты, от которых не раз содрогалась мировая общественность.

Все, кто знаком с кровавой историей сионистских штурмовиков, из среды которых вышли такие преступные лидеры, как Менахем Бегин или «герои» разведки «Моссад», изуверы-каратели и пала-

чи, не могли не удивиться, что Антисионистский комитет советской общественности (АКСО) вместо того, чтобы, соответствуя своему наименованию, вести решительную борьбу за **запрещение** в СССР военизированных отрядов *советских* (как ни дик этот эпитет) бейтаровцев, вместо того, чтобы активно противостоять разрастанию сионистского движения в нашей стране с его многочисленными, разветвленными, прошивающими уже высокие этажи власти *легализированными* структурами, — этот Комитет в последнее время обрушился в печати как раз на критиков сионизма. В том числе на серьезного ученого, заместителя председателя Палестинского российского общества при АН СССР, известного борца с сионизмом Е. С. Евсеева. Так, в «Заявлении секретариата Антисионистского комитета советской общественности» («Литературная газета» от 7 февраля с. г.) Е. С. Евсеев был обвинен в... антисемитизме и антисемитской пропаганде, оскорбительно приравнен к неким скандальным крикунам, назван даже их «идейным вдохновителем». Трагическая гибель Е. С. Евсеева через несколько дней после этого несправедливого обвинения со стороны АКСО особенно подчеркнула странность позиции, какую заняло ныне руководство Антисионистского комитета. Не разгул сионистского движения, увенчавшегося в декабре прошлого года экстремистскими решениями съезда еврейских организаций и общин СССР, не ведущая роль главарей зарубежного сионизма на этом съезде, а... все тот же никчемный «инцидент в ЦДЛ» — вот что, по мнению руководства АКСО, «переполнило чашу терпения» национально непредвзятых «советских граждан»!

Что ж до «антисемитизма» покойного Е. С. Евсеева, то недавняя пресса, выходящая в СССР, показала: ныне в одном ряду с этим ученым оказался уже и Ф. М. Достоевский. «Великий русский писатель Достоевский и в самом деле был «заядлым» славянофилом, **а что для нас значимей — антисемитом»,** — читаем в «Вестнике еврейской культуры» за 28 февраля с. г. «Шовинизм» Достоевского, «имперский шовинизм», близость к «идеям фашизма» — вот что теперь инкриминируется Ф. М. Достоевскому, как и его великим предшественникам в русской культуре. Знакомая песня «истинных интернационалистов»! Слишком знакомая по двадцатым годам, когда разрабатывались, с огромным размахом осуществлялись самые дерзкие планы **искоренения** русской культуры, уничтожения русского народа!

Пряча в тени «коричневорубашечников» сегодняшнего дня, антиконституционно вторгшихся со своим международным сборищем в самое сердце России — Москву (еврейско-сионистский съезд 18—21 декабря 1989 года), развернувших практическую деятельность, ультрасионистскую пропаганду по всей нашей стране, «прогрессивная» пресса, в том числе органы ЦК КПСС, насаждает кощунственное понятие «РУССКОГО ФАШИЗМА», «нацизма российского», «российского неонацизма» — явления, которого у нас никогда не было и нет.

Выступая на февральском Пленуме ЦК КПСС, академик С. С. Шаталин разглагольствовал о том, что «великорусские шовинисты», к его, академика, «стыду», «решили возродить на нашей российской почве национал-социализм, что... эквивалентно национал-шовинизму» («Правда» от 8 февраля с. г.).

Характерно, что «стыдливому» академику с его безответственным, бездоказательным обвинением никто на Пленуме не возра-

зил. Хотя «**возрождение** на нашей почве национал-социализма» означает, что последний уже бытовал на ней в прошлом, и похоже, что академик, как минимум, **перепутал** народы, страны и почвы — Россию с Германией Гитлера, агрессоров — с жертвами агрессии. Такая «рассеянность», быть может, естественная для парящего в эмпиреях ученого мужа, но прилична ли для Пленума ЦК КПСС? Осталось неясным, что известно коммунисту С. С. Шаталину о «великорусских» планах завоевания мира, покорения других народов, без чего никогда не обходится шовинизм? И кого именно подразумевает ученый под «великорусскими шовинистами», нацистами, столь хищными, что вгоняют его в краску стыда за Россию?

В наглой, провокационной лжи о «русском фашизме», «давно зародившемся (!), по увереньям советской прессы, но до поры до времени не афишировавшем себя», содержится, помимо прочего, непростительное глумление над народом, победившим в 1945 году гитлеровский фашизм, спасшим от него мир, в том числе миллионы евреев. Подобное кощунство чудовищно выглядит в канун 45-летнего юбилея героической Победы народа, сплотившего против фашизма все народы страны, как и народы Европы.

Именно официальные средства массовой информации, сфабриковав подложное понятие «РУССКОГО ФАШИЗМА», несут моральную ответственность за распространение в Москве и других городах листовок-карикатур с изображением Гитлера в русской косоворотке и смазных сапогах. И что-то вовсе не слышно, чтобы авторов, издателей, распространителей этой пропагандистской «изопродукции» привлекали к уголовной ответственности за клевету на русскую нацию, за кощунство над десятками миллионов русских, павших на фронтах Великой Отечественной — «народной, священной» — войны! Никакая «74-я статья», похоже, на практике не помешает здешним ненавистникам России одеть далее в русскую косоворотку и Пиночета, и Пол Пота, да хоть бы Нерона с Торквемадой, Берия с Шамиром!

При отсутствии фактов насчет «великорусского фашизма» явственно проступают в печати социально-политические мотивы подобного вымысла. Вот газету «Известия» (19 февраля с. г.) «повергает в отчаяние» как провозвестник «беды (!)», «лозунг на площади», то есть «плакат, поднятый одним хулиганом (!)»: «Русским школам — русских учителей». Вот он, «русский фашизм»! — бьет «в набат» газета в обзоре писем читателей. И, рисуя воображаемую картину ухода из русских школ нерусских по происхождению учителей (в том числе и преподавателей русского языка), злорадствует, что «в затылок никому из них никто, как мы знаем (!), не дышит», — подтверждая тем самым глубокую дискриминационность русских в подготовке и обучении национальных кадров. Газета негодует и на возможную, хотя не заявленную еще «на площади» мечту: «Русским больницам — русских врачей», которая даже смешит «прогрессивного» журналиста. По той же причине: глубокой дискриминированности русского населения в реальном праве на высшее образование. Праве, которое находилось бы в сколько-нибудь справедливом соотношении с численностью коренной нации.

Являясь органом Советов народных депутатов СССР, «Известия» решительно отказывают русским в тех именно элементарных социальных правах, какие всячески приветствует эта газета, когда

речь идет о любой африканской стране, когда аналогичные права укрепляются (хотя бы в гипертрофированном виде) в Прибалтике, Армении или Грузии. Так, «Известия» не усмотрели «фашизма» в выступлении на I Съезде народных депутатов Ш. Амонашвили, который призвал к развитию «грузинской школы» — не просто ведущей преподавание на грузинском языке, но воспитывающей в детях грузинские национальные идеалы, любовь к Грузии и национальную гордость.

Мы тоже согласны с народным депутатом из Грузии. Однако не возьмем в толк, чем по существу отличается от него тот «один хулиган», что размечтался о «русской школе» с русскими учителями, которые бы (по слову Некрасова) «русские мысли внушали в умы» русским детям, воспитывая их русскую речь, «русский смысл» — «русский взгляд на жизнь» (Тургенев)?

И мы поневоле приходим к выводу: ФАНТОМ «РУССКОГО ФАШИЗМА» ПРИЗВАН СЕГОДНЯ «ОПРАВДАТЬ» ДЛЯЩУЮСЯ И, ВЕРНО, ПЛАНИРУЕМУЮ НА ВСЕ ВРЕМЕНА ВСЕСТОРОННЮЮ ДИСКРИМИНАЦИЮ РОССИИ.

Так спроста ли бесславный протест против создания РКП и даже Российской Академии наук был выдвинут на февральском Пленуме ЦК КПСС тем же академиком Шаталиным как раз вслед за его измышлениями о «великорусском национал-социализме», «национал-шовинизме»? Словно бы этим именно — фашизмом — означена была история Российской Академии еще со времен Михайлы Ломоносова!

Фантом «русского фашизма» придуман для разнообразных, в том числе и внешнеполитических, конечно, целей. По замыслу его изобретателей, он способен с помощью средств массовой информации решительно ОТВЛЕЧЬ ВНИМАНИЕ НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ ОТ КАКОЙ-ЛИБО ВНЕШНЕЙ ОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВУ, мысль о которой всецело подменяется ложью об опасности внутренней, исходящей из России.

Фантом «русского фашизма», «антифашистская» истерия в средствах массовой информации СССР, развернутая по этому мнимому поводу, призвана вместе с тем загодя затруднить возможность союзнических блоков нашей страны с другими (прежде всего европейскими) государствами в случае общей для нас и них внешней угрозы.

Выдумка о «русском фашизме» насаждается и для того, чтобы ОПРАВДАТЬ РАЗРУШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ, ПОДРЫВ ОБОРОННОЙ МОЩИ НАШЕЙ СТРАНЫ: ослабить эту мощь в виду «русского фашизма» становится делом столь же благородным, как некогда нанести удары военной мощи гитлеровской Германии.

Внедряемая в массовое сознание у нас и за рубежом ложь о «русском фашизме» была разработана, в частности, во имя АННУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СЛЕДСТВИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РЕЗУЛЬТАТОВ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ — ВСЕХ НАРОДОВ, ПОДНЯВШИХСЯ ДЛЯ РАЗГРОМА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. Провокационная ложь о «русском фашизме» выдвигается нынче как глубоко УНИЖАЮЩИЙ РОССИЮ «моральный фон» для объединения Германии. КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРЕВРАЩЕНИЯ СТРАНЫ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ В СТРАНУ, ПОКРЫВАЕМУЮ ПОЗОРОМ. КАК НЕКИЙ МОРАЛЬНЫЙ «КАРТ-БЛАНШ»

ДЛЯ БУДУЩЕЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ — ЛЮБОЙ ЕЕ РОЛИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ.

Насаждение вымыслов о «русском фашизме» служит далее «переосмыслению», УПРАЗДНЕНИЮ КАК СОБЫТИЯ И СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТАКОЙ РЕАЛЬНОСТИ, КАК ИЗМЕНА РОДИНЕ, СОТРУДНИЧЕСТВО С ИНОСТРАННЫМИ ФИРМАМИ И ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ НА ОСНОВЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ НАШЕЙ СТРАНЫ.

Что ж до внутреннеполитических следствий, то безудержные измышления о «великорусском национал-социализме» НАНЕСЛИ (И НАНОСЯТ) НЕБЫВАЛЫЙ, ГЛУБОКО РАССЧИТАННЫЙ УДАР ПО ТРАДИЦИОННОЙ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРУЖБЕ НАРОДОВ В СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ, ВСЕХ НАРОДОВ, КОТОРЫЕ ИЗДАВНА СПЛОТИЛА «ВЕЛИКАЯ РУСЬ» И КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ НЫНЕ ОБРЕЧЕНЫ НА ГУБИТЕЛЬНО-АВАНТЮРНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СУДЬБУ.

Демагогическая ложь о «РУССКОЙ империи», одушевленной идеями «национал-шовинизма»; о «великом держиморде» — русском народе; о «тюрьме народов», которую сторожит «имперский шовинист» — русский солдат; о русском «колонизаторе-мигранте», злостно подавляющем национальные окраины, — эта пропагандистская ложь призвана ВВЕРГНУТЬ НАШУ СТРАНУ В ПУЧИНУ КРОВАВЫХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ УСОБИЦ, в ходе которых большие потери суждено понести генофонду каждой из конфликтующих наций.

Фантом «русского фашизма» призван не только дискредитировать русский народ в глазах братских народов страны, всех народов мира, но и ВНУШИТЬ САМИМ РУССКИМ КОМПЛЕКС ВИНЫ, УСУГУБИТЬ ИХ ОЩУЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНИЖЕННОСТИ, ПОДОРВАТЬ ДО КОНЦА ИХ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ПОСТАВИТЬ ПОД СОМНЕНИЕ РУССКОЕ ЧУВСТВО ПАТРИОТИЗМА В ЛЮБОМ ИЗ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ. Вместе с тем ПОДРЫВАЕТСЯ И ОБЩИЙ ПАТРИОТИЗМ ДРУГИХ НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ, КОТОРЫЙ ОТНЫНЕ МОЖЕТ БЫТЬ НАПРАВЛЕН РАЗВЕ ЧТО ПО РУСЛУ РАЗНООБРАЗНЫХ УЗКОНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАСТЕЙ, СПОСОБНЫХ ИССУШИТЬ ДУШУ, ПРИМИТИВИЗИРОВАТЬ МЫСЛЬ КАЖДОГО ИЗ РАЗЪЕДИНЯЕМЫХ НЫНЕ БРАТСКИХ НАРОДОВ.

Жупел «русского фашизма» вместе с жупелом «русского великодержавного шовинизма» («великорусского шовинизма») был придуман как идеологический, социально-психологический, коварно подложенный ДИНАМИТ ДЛЯ РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ОДНОЙ ШЕСТОЙ ЧАСТИ ЗЕМНОГО ШАРА, ПРЕВРАЩАЕМОЙ В «ОТКРЫТУЮ ЗОНУ» ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕЙ ЭКСПАНСИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА. Жупел «русского фашизма», оправдывающий разрушение оборонной мощи страны, разложение и расформирование армии, предполагает свободу для любых видов экспансии — в том числе для военной агрессии против России. В этом смысле заслуживают внимания речи западных политиков и военных, которые на руинах Варшавского военно-оборонительного договора СССР и стран Восточной Европы утверждают, что военный блок НАТО должен по-прежнему существовать, несмотря на распад восточно-европейской военной коалиции. И мало того: сохранность, незыблемость блока НАТО объясняется ныне тем, что этот блок становится-де ГАРАНТОМ ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР. Перестройки «русско-фашистского» якобы государства...

Притворный ужас перед «русским фашизмом» доходит до аб-

сурда, до самых дешевых провокаций, какими не брезгует, к сожалению, даже верховно-парламентская пресса. Ее «берет оторопь», например («Надо бить в набат, в колокол — кто во что может...», как пишут «Известия»), от «фашистского желания» русских помочь друг другу в общенародной беде. «Как же случилось, — ужасаются в «рупоре» Советов народных депутатов СССР, — что молодежная газета помещает объявление: «Готов приютить семью русского военнослужащего». С адресом. Значит, если по этому адресу обратится оставшаяся без крова «смуглая» женщина — ей дверь не отворят?»

Таков при всем его очевидном безумии терроризирующий русского человека, науськивающий на него ВЫВОД всесоюзного печатного органа!

Словно бы русские даже в нынешнее тягчайшее для республики время «не отворили» дверей пострадавшим в Нагорном Карабахе и от землетрясения армянам; туркам-месхетинцам, бежавшим от резни в Фергане и не принятым Грузией, и т. д. ...

«Вот где КОРЕНЬ ОЗВЕРЕНИЯ», — прямо указуют «Известия» на русское племя.

Но следует сделать общий, равно касающийся и «русых», и «смуглых» наших соотечественников, куда более объективный, правдоподобный вывод: та идеологическая, широко финансируемая и технически оснащенная антирусская кампания, что развернута в средствах массовой информации СССР, может иметь единственно логический практический итог — установление не только в России, в стране в целом бескомпромиссного «режима Претории». Ведь нетрудно заметить, что под моральный, политический ТРИБУНАЛ последовательно, изощренно подводятся как «националистические», по-своему «шовинистические» и «расистские» ВСЕ народы страны, даром что многие из них в то же время используются для глобальной антирусской кампании. Натравливаемые друг на друга и непременно при этом — на братский русский народ, они неизбежно увидят себя столь же «бросовым», как и русская нация, материалом для транснациональных экстремистов, политических гангстеров ультралевого, тиранического толка, а свою историческую территорию, природные богатства и культурные ценности — предметом международной спекуляции, источником наживы «общечеловеческих» мафиози от «национально-освободительного» движения и мифической «демократии».

Удачливое исключение составляет сегодня у нас, на поверку, лишь один — именно еврейский народ, который безоговорочно идеализируется ведущими средствами массовой информации как «истинно» интернационалистический, самый талантливый, самый трудолюбивый, уникально безгрешный и понесший притом якобы наибольшие жертвы.

Эта идеализация равно касается нынче и советских, и зарубежных культурных, общественных деятелей еврейского происхождения — в том числе политических деятелей фашистского государства-агрессора Израиля. Эта чисто расистская идеализация дошла ныне до игнорирования едва ли не всей мировой общественности с ее трезвыми оценками и выводами. Так, сионисты и просионисты в советской прессе (среди них и народные депутаты СССР, и некоторые работники Идеологического отдела ЦК КПСС, и отдельные лица из Политбюро ЦК КПСС) гримируют преступный лик сионизма, «отмывают» его, с криводушием утверждают уже, буд-

то «сионизм... оклеветан ООН», принявшей с 1948 года свыше тысячи резолюций по осуждению сионистской агрессии на Ближнем Востоке и определившей сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. Эти фарисеи от «демократизации» в национальной политике пытаются придать сионизму то конфессиональный статус — одной из равноправных религий мира, то героическую окраску «национально-освободительного» (от арабов Палестины? от русских — в России?) движения, то безобидное значение мирно-патриотической тяги евреев на «историческую родину», — называя, наконец, эту ярофашистскую идеологию мирового господства согласованной с новой линией КПСС, с духовными задачами перестройки в СССР. (Последнее циничное толкование принадлежит, например, инструктору Идеологического отдела ЦК КПСС В. Тумаркину. Оно опубликовано в № 7 «Литературной России» за этот год.)

Подобная неисторичная планомерная идеализация одного народа со всеми крайностями возникших в нем национальных теорий и учений — испытанное средство формирования представления о «супернации», «über»-нации — высшей нации.

Некритическое, слащаво-умильное, по существу — раболепное отношение к еврейству в его прошлом и настоящем, к здешнему и зарубежному, к империалистам и сионистам в том числе, оказывается, с точки зрения ведущих средств массовой информации, главным мерилом личного, общественного, профессионального достоинства советских людей нееврейского происхождения.

Утвердить такое мерило нетрудно, если учесть, что подавляющее большинство работников, авторов центральной прессы и ЦТ, нашедших свое призвание в глумлении над русским народом и клевете на него, — это лица еврейского происхождения, семейно связанные с еврейством — его сионистскими, просионистскими кругами. Многие из этих лиц, фабрикующих «общественное мнение» относительно русского и других народов нашей страны, носят русские имена и фамилии, что усугубляет провокационный характер их открытой националистической деятельности.

Однако даже констатация этого факта, формальная констатация еврейской национальности конкретного лица или лиц обрекает русского человека (а впрочем, и украинца, и белоруса, и чуваша, и азербайджанца, и т. д.) на клеймо «антисемита». Такая объективная констатация расценивается как посягательство на «права человека», на нововведенную — «национальную тайну», как «злостное» раскрытие ее, приравниваемое к разглашению врачебной да, кажется, и государственной тайны. Ибо права «высшей» нации на деле включают в себя разом: и сокрытие национальной принадлежности; и, напротив, спекулирование ею (ее льготным статусом); и национальное самозванство, маскировку под чужим именем, и националистическую гордыню. Это обеспечивает в итоге свободу от исторической ответственности и тем паче от того национального «покаяния», которого вымогают у других народов страны, в первую очередь у русского народа.

В этих условиях даже многие честные, справедливые или простодушные евреи не застрахованы от обвинений в «антисемитизме» со всеми вытекающими отсюда грозными последствиями.

В этих условиях «сеянием межнациональной розни в СССР» оказывается на практике даже сочувствие борющемуся за свои законные права арабскому народу Палестины.

В этих условиях известный советский поэт, пишущий по-русски, народный депутат СССР (Е. Евтушенко), получает моральную и практическую возможность выступать в Израиле, надевать, видимо, в знак солидарности с агрессорами, израильскую военную форму, а советская пресса предоставляет ему регулярную трибуну для обличений русских «расистов» и «фашистов», для поучений насчет интернационализма...

В этих условиях, следует с тревогой отметить, на особом подозрении в недостатке «надлежащего» раболепия и покорности оказываются русские, даром что — «тысячелетние рабы»! Вопреки историческим фактам они обвиняются в «зоологическом», как бы врожденном антисемитизме. А Еврейский научный центр Советской социологической ассоциации АН СССР публикует ныне в «Вестнике еврейской советской культуры» (1990, № 4) отобранные академиком Заславской «данные» о первенстве России в «проявлениях антисемитизма» (к сожалению, не названных) сравнительно с другими республиками нашей страны.

«Антисемитизмом», «расистской одурью», «русским фашизмом», «нацизмом российским» в давно уже ПЕРЕВЕРНУТОМ зеркале средств массовой информации является, если вдуматься, все невыгодное — нет, не евреям в целом, но сионистам. А поскольку последним, сугубо ориентированным на интересы государства Израиль, на рваческие интересы выродков еврейского народа, невыгодно отсутствие антисемитизма в России (сдерживающее эмиграцию в Израиль, препятствующее статусу «политических беженцев» для евреев-иммигрантов из СССР), то и отсутствие антисемитизма, тем паче признание отсутствия антисемитизма в России расценивается как... «антисемитизм». Такова казуистика националистического политиканства! Так совершается подлог истинных интересов множества советских евреев, не готовых оплевать свою русскую родину, поддерживать планы фашистского государства Израиль. Так сужается, превратно трактуется, заметим, объективное понятие фашизма, которое нарочито сводится исключительно к «проявлениям антисемитизма». Словно бы подлинный, слишком известный со времен Гитлера и Муссолини фашизм ограничивается преследованием лишь одной нации, был нацелен лишь против евреев — и, следовательно, «не бывает» фашизма, нацизма сионистски-еврейского. Между тем именно последний несет прямую ответственность за многие, в том числе еврейские, погромы. За «обрезание сухих ветвей» древа своего же народа — в Освенциме и Дахау, во Львове и Вильнюсе.

В связи с расширяющимися вне воли русского народа дружественными контактами СССР с фашистским государством Израиль еврейский фашизм, свободный экспорт сионистско-еврейского нацизма в нашу страну стал грозной реальностью, и опасность его для всех народов страны выдвинулась на первый план.

Эта опасность вполне тотального характера. Так, если в мае 1917 года на VII Всероссийском сионистском съезде известный лидер экстремистов «всемирной еврейской нации» Идельсон ставил задачу — сделать Россию колонией будущего Израиля (еврейской «национальной метрополии» в Палестине), то в декабре прошлого года в Москве вице-президент Сионистского форума советских евреев Ш. Азарх, по сообщению «Литературной России» (№ 7, 1990), многозначительно заявил: «...у нас три центра: Советский Союз (!), Америка, Израиль. Я думаю, если бы нам удалось

создать основной общинный центр в Израиле, то весь этот треугольник очень хорошо бы стал работать». Работать — на полное мировое государство «избранного народа», накладывающего свой гигантский «треугольник» на весь земной шар, дабы бесследно канул в ненасытный этот — «бермудский» — треугольник сионистского капитала, сионистской агрессии не только арабский мир, но и великое множество других, покоренных стран и народов!

Щедро представлены люди, откровенно сочувствующие сионистам, среди народных депутатов СССР. И если иные из них, как академик В. И. Гольданский, входят в Комитет Верховного Совета СССР по международным делам, можно ли сомневаться в успешной ПРОТИВОРОССИЙСКОЙ работе указанного «треугольника»?

Эта опасность беспримерно-имперских аппетитов наступательного сионизма, называющего сегодня главным своим опорным центром Советский Союз, привычно маскирует себя перед широкой общественностью разнообразными фактологическими и идеологическими подлогами. Так, сионистские неофашисты и их пособники пытаются нынче возглавить... «борьбу с «неофашизмом», выдавая себя за антифашистов, антирасистов, «спасающих» мир от «русского фашизма», от ГДРовского «неогитлеризма» и т. п., твердя уже даже о «черном альянсе» между немецкими «ультраправыми» и их «единомышленниками в СССР». И отметим: таким международным клеветникам-провокаторам охотно предоставляет трибуну орган ЦК КПСС газета «Советская культура».

«Спасает» мир от «русских монархо-нацистов (или монархо-фашистов)» тот же сионо-лоббист Гольданский, имея разом трибуною и «Вашингтон пост», и центральную советскую прессу.

Не отвлечены от всех названных выше ПОДЛОГОВ и подрывные, сеющие злобу и панику слухи о готовящихся еврейских погромах в Ленинграде, Москве и других городах России. Эти слухи едва ли не ежедневно в последние месяцы транслируются телевидением, раздуваются прессой.

Пожалуй, можно указать на один из источников подобных слухов.

В уже упомянутом еврейском «Вестнике» сообщается, что среди «делегатов и гостей первого съезда еврейских общин и организаций», который состоялся в Москве, было проведено анкетирование, охватившее 352 еврейских активистов.

«Как вы считаете, — вопрошала анкета, — возможна ли в вашем населенном пункте в ближайшее время вспышка антисемитизма, сопровождаемая актами вандализма, жестокости, насилия?» (Разрядка Еврейского научного центра Социологической ассоциации, возглавляемой академиком Заславской.)

Откровенная провокационность подобного опроса, его огласки, публикации в прессе не нуждается в комментариях.

Эти социологические игры — под эгидой Академии наук СССР и с одобрения «гостей» Еврейского форума в Москве, среди которых оказались столпы международного сионизма, — состоялись еще в декабре прошлого года, предваряя собой широкую волну панических слухов о «ближайшей будущности» советских евреев.

3 февраля с. г. газета «Советская Россия» сообщила, впрочем, о более глубоком и тайном источнике провокаций — так сказать, **первичном** относительно социологической деятельности, развернутой ныне специалистом по уничтожению русских деревень

академиком Заславской. Газета опубликовала суждение зарубежной прессы об инициативной роли (в распространении слухов насчет еврейских погромов) израильской разведки «Моссад», ее действующего в СССР «управления по психологической войне».

А сегодня дело дошло до того, что иные руководящие партийные и советские работники, даже высшие чины КГБ вместо того, чтобы вскрыть источники провокационных измышлений, тревожащих — подчеркнем — отнюдь не одних лишь евреев, и принять меры против мастеров запугивания советских людей, с телеэкрана «демократически» призывают население к безоглядному доносительству насчет всего, хотя бы и померещившегося по части «еврейских погромов».

Ни один другой народ нашей страны, пусть и давно уже втянутый в кровавые межнациональные конфликты, не удостоился подобной заботы со стороны «бдительных», «человеколюбивых» и могущественных средств массовой информации.

Впрочем, эта «забота» все более смахивает, в свою очередь, на едва прикрытую национальную провокацию, все более убеждает, что кто-то из «сильных мира сего» жаждет еврейских погромов и, по сути, готовит их, загодя перекладывая ответственность на непричастных, противоборствующих провокациям лиц: на правление Союза писателей РСФСР, его VI пленум, на целый ряд русских деятелей культуры, патриотические организации России.

Слишком ясна конечная цель ширящейся политической провокации: несомненно задев как раз неповинных в низком политиканстве евреев, еврейские погромы, насильно призываемые сегодня на русскую землю, стали бы в итоге «кровавой баней» для русского народа, а затем и других народов РСФСР. «А что, если не дожидаться погромов?..» — спрашивают уже самые нетерпеливые журналисты.

В этой связи весьма показательно муссирование в прессе вопроса о специфическом, исключительном, защищающем сугубо одну нацию «законе об антисемитизме». Уже сама постановка такого, жизненно неактуального и узкого вопроса о преимущественной, выборочной национальной льготе, или особом праве на защиту со стороны государства, свидетельствует о национальной, по сути националистической, пристрастности многих средств массовой информации. Ведь этот предвзято-законодательный национально-эгоистический вопрос подымается в обстановке несчетных человеческих жертв, которые несут сегодня разные народы страны (но отнюдь все же не собственно еврейский!).

Нет сомнений, что все народы СССР имеют равное право на законодательную и практическую защиту их национального достоинства и жизненных интересов. И поэтому мы говорим решительное НЕТ как провокации (и возможному инспирированию) еврейских погромов, так и специфическому законодательству в пользу одного какого-либо самовлюбленного, возносящегося над другими, народа. Мы говорим решительное НЕТ умышленному расчесыванию ненанесенных ран — культивированию, нагнетению общественной истерии. В обстановке расчетливо организуемых вспышек братоубийства в стране мы глубоко возмущены ханжеской, спекулятивной прессой, впадающей в театральный мелодраматический «ужас... при виде пролитой крови» — «там, где она пролилась пока не буквально, а фигурально» («Известия» от 19 февраля с. г.). Ибо нетрудно заметить, что, взвинчивая нервы

читателей, эта избирательно-чувствительная пресса хлопочет именно о «приоритетной» крови; освящая фигуральные жертвы, она жестоко равнодушна к жертвам натуральным. Она оставляет на обочине своего внимания и страдания русского населения в союзных республиках, и неисчислимые славянские жертвы Чернобыля, и угрозу самому бытию множества «забытых» народов РСФСР. Она бесстыдно клеймит «оккупантами» посланных на заклание, в подожженные костры межнациональных усобиц русских солдат — юность, надежду приговоренной к вымиранию русской нации.

Что же касается вымогаемого средствами массовой информации, группой народных депутатов СССР, рядом «демократических» фронтов и движений помянутого «закона об антисемитизме», то, имея в виду все вышеизложенное, этот искусственный закон особенно опасен для русского населения, сполна уже испытавшего на себе его действие в 1918—1919 гг., а затем в 20—30-е годы. Как известно, по существу, это был ЗАКОН О ГЕНОЦИДЕ РУССКОГО НАРОДА. Предоставляя еврейской нации неограниченное, далеко превышающее разумную необходимость, исключительное «право защиты», этот драконовский закон был использован для «оправдания» чудовищных русских гекатомб для списания с темной совести «интернационалистов»-палачей десятков миллионов славянских жизней.

В связи с этим мы говорим решительное НЕТ также и специальному Всесоюзному комитету по защите прав евреев, о создании которого хлопочет Межрегиональная группа народных депутатов СССР во главе с Б. Н. Ельциным. В ситуации, когда права́ евреев в стране отнюдь не ущемлены и в реальном осуществлении, в социальном, экономическом, политическом, гражданском отношении намного, в очевидной диспропорции превосходят права других народов, создание такого чрезвычайного комитета есть заявка на экстраординарную национальную привилегию. На память приходит грозный призрак ВЧК, обагренные кровью миллионов невинных людей тени архитекторов, строителей и управляющих ГУЛАГа — Бермана и Френкеля, Фельдмана и Раппопорта... И во всяком случае, голос Б. Ельцина на этот счет в ультрарадикальном «Вестнике еврейской культуры» (№ 5, 1989 г.) — это не голос русского народа, не здравый и совестливый голос россиян, а скорей отраженье суфлерской подсказки конгресса США, заокеанских сторонников «крестового похода» против России и русских.

Моральное шантажирование терпеливого, добросердечного, открытого к болям соседей русского народа, ежедневное попрание его национального достоинства достигло того градуса, когда провокаторам не следовало бы с легкомыслием полагаться на русское всепрощение и незлобивость. Этот беспримерный моральный террор по национальному признаку происходит в условиях демографической катастрофы, переживаемой русским народом, 72-летней экономической, социальной и политической дискриминации, беззастенчивого грабежа его природных, трудовых, культурных богатств, наконец — тайной, преступной оптовой продажи его исторических территорий. Положение русского народа в собственном государстве таково, что он достоин, увы, стать предметом первоочередной, чрезвычайной заботы Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности при ней. Ибо лишь слепые или продажные политики могут уповать, что гибель русского народа, иг-

рающего огромную роль в мировой истории нового времени, не отзовется трагически на судьбах всего, прежде всего западного, мира. Лишь параноические маньяки, превзошедшие своих учителей вроде Троцкого или «стратегов» из «третьего рейха», могут, коптя русское небо, твердить в нашей печати катехизис самоубийственной злобы: «Россия должна быть уничтожена... Она вроде бы и уничтожена, но Кощеево яйцо цело».

Стоит помнить меж тем, что народ, доведенный до отчаяния, способен порой опрокинуть все «компьютерные» расчеты на его безропотную смерть.

Циничные ссылки на «плюрализм» мнений, столь модные в средствах массовой информации (движущихся, однако, по монополистическому пути), иллюзии «равноправного диалога», якобы обеспеченного «эпохой гласности», какие навеваются нам с самых высоких трибун, не могут унять нашей тревоги, скорби и гнева.

Не может быть двух, как и «множества», мнений насчет тотального — во всю историческую ретроспективу и перспективу — поношения русской (как и любой иной) нации.

Не может быть равноправного диалога между народом, шельмуемым как нация «рабов», и представителями «высшей», привилегированной, «избранной» для господства и управления силы. Такие исходные принципы «диалога», восторжествовавшие в годы «демократической» перестройки, заведомо не предполагают для русских ни моральной, ни материальной, обеспечивающей реальное равенство базы. В этих условиях «диалог» клонится разве что к смертельному поединку.

Мы требуем положить конец антирусской, антироссийской идеологической кампании в печати, на радио и телевидении. Мы требуем немедленного категорического запрещения всех видов русофобии на всей территории России и других советских социалистических республик.

Современную политическую русофобию (а точней, каннибальскую ненависть к русским), на службу которой поставлено в СССР подавляющее большинство средств массовой информации, которая находит свое практическое воплощение в реальных социально-экономических планах, проектах и решениях относительно РСФСР, в лукавой национальной политике внутри страны, а также во многих аспектах международной внешней политики Советского правительства, — современную политическую русофобию, издавна широко поддерживаемую зарубежными средствами массовой информации, зарубежным радиовещанием на языках народов СССР, МЫ РАСЦЕНИВАЕМ КАК БЕЗУСЛОВНУЮ ФОРМУ РАСИЗМА И РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ и намерены обратиться в Организацию Объединенных Наций с предложением дать оценку этому агрессивному явлению, направленному на уничтожение одного из великих народов мира, внесшего неоценимый вклад в мировую цивилизацию и культуру.

Мы требуем справедливого для России распределения печатных средств массовой информации, которое соответствовало бы материально-экономическому вкладу РСФСР в бумажный фонд страны и действительно бы служило интересам русского народа и других народов, населяющих Российскую Федерацию, будучи сообразованным с численностью каждого из них. МЫ ТРЕБУЕМ РАВНОПРАВИЯ РСФСР С ДРУГИМИ СОЮЗНЫМИ РЕСПУБЛИКАМИ В ОБЪЕМЕ ТЕЛЕ- и РАДИОВЕЩАНИЯ. ЭТИ

МОГУЩЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ИГРАЮЩИЕ МОНОПОЛЬНУЮ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ В РСФСР ВСЕЦЕЛО ПОВЕРНУТЫ К БОЛЯМ, ТРЕВОГАМ, НАДЕЖДАМ, НАЦИОНАЛЬНЫМ ИДЕАЛАМ СОБСТВЕННО РУССКОГО НАРОДА И ДРУГИХ НАРОДОВ НАШЕЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОЧНО СВЯЗАВШИХ С НИМ СВОЮ СУДЬБУ.

СООТНОШЕНИЕ: 1,5 миллиона ОБЩЕГО ТИРАЖА ПАТРИОТИЧЕСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, ВЫХОДЯЩИХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ПРОТИВ 60 миллионов (НЕ СЧИТАЯ МОРЯ НЕФОРМАЛЬНОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ) РУССКОЯЗЫЧНЫХ, НО ПРОПОВЕДУЮЩИХ РУСОФОБИЮ, ОСКОРБЛЯЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО РУССКОГО НАРОДА ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ — БОЛЬШЕ РЕШИТЕЛЬНО НЕТЕРПИМО КАК РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ДЛЯ РОССИИ!

ВМЕСТЕ с тем мы призываем всех русских людей — рабочих, крестьян, национальную интеллигенцию: несмотря на все беды, угнетение, унижение, которые постигли в XX веке наш народ, ВСЕГДА ПОМНИТЕ О НАЦИОНАЛЬНОМ ДОСТОИНСТВЕ ВЕЛИКОРОССОВ, ЗАВЕЩАННОМ НАМ НАШИМИ СЛАВНЫМИ ПРЕДКАМИ, ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИСТОРИЕЙ РОССИИ! НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ВТАПТЫВАТЬ В ГРЯЗЬ РУССКОЕ ИМЯ!

ЕЖЕДНЕВНО помните, что мы, русские,— высокоталантливый, геройски отважный, знающий радость осмысленного, созидательного труда, могучий духом народ. Что «русский характер», русское сердце, бескорыстная русская преданность ИСТИНЕ, русское чувство справедливости, сострадания, правды, наконец — неистребимый, беззаветный русский патриотизм — все это ДРАГОЦЕННЫЙ АЛМАЗ в сокровищнице человеческого духа.

ВОСПРЯНЕМ ЖЕ! ВОЗЬМЕМ В СВОИ РУКИ СУДЬБУ НАШЕЙ РОДИНЫ — РОССИИ! НАПРАВИМ ВСЕ СВОИ ПОМЫСЛЫ И ДЕЛА НА ТО, ЧТОБЫ ОГРАДИТЬ ЕЕ ОТ ВСЕВЛАСТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АВАНТЮРИСТОВ, СПЕШАЩИХ ПРЕВРАТИТЬ РОССИЮ В КОЛОНИАЛЬНУЮ СТРАНУ, В ЦАРСТВО НОВЕЙШЕГО ТОТАЛИТАРИЗМА!

Именно этого подвига патриотического противостояния ждут от нас все народы нашей Федерации. Этого чают все благородные и здравомыслящие люди мира.

РЕЗОЛЮЦИЯ VII ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР

Пленум правления СП РСФСР поддерживает «Письмо писателей России» («Литературная Россия», 2 марта с. г.) и рекомендует всем российским изданиям — газетам, журналам, еженедельникам, альманахам — в ближайших номерах опубликовать это письмо.

Призываем писателей и писательские организации областей, краев и республик провести обсуждение данного письма на своих собраниях и осудить всяческое проявление русофобии, шовинизма, сионизма, антисемитизма и фашизма.

20 марта 1990 г.

От редакции.

В поддержку «Письма писателей России» (которое подписали 74 известных писателя) на момент сдачи № 5 «МГ» в печать поступили телеграммы и письма от имени тысяч рабочих, крестьян, сотен видных деятелей культуры, ученых, военнослужащих. Общественностью высказывалось пожелание адресовать письмо делегатам XXVIII съезда КПСС, что и учтено нами при публикации.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

Виктор ТРОСТНИКОВ

ПЛОДЫ И УРОКИ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

— Кто лучшие солдаты в мире?
— Русские и немцы.
— Так почему же они все время воюют между собой: не лучше ли им дружить?

(Из разговора)

Года за три до войны начались ощутимые изменения наших официальных оценок и предпочтений. Впервые после революции с пиететом зазвучали слова «Россия» и «русский». Интернационализм стал как-то сникать, уступая место разгоравшимся патриотическим чувствам. Наряду с фильмами, воспевающими победу социализма в нашей отдельно взятой стране, на широком экране появились картины совершенно другого рода: «Дмитрий Донской», «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Богдан Хмельницкий», «Петр Первый», «Суворов». Глубинный смысл этого поворота раскрылся позже. Какой-то верной интуицией мы чувствовали, что скоро будем воевать. После заключения между СССР и Германией пакта о ненападении 23 августа 1939 года (пакт Молотова — Риббентропа) это ощущение противоречило политическим раскладкам и дипломатическим прогнозам, но оно нас

не обмануло. Почему — об этом мы еще поразмышляем. Так вот, зная, что будет война, мы начали к ней внутренне готовиться.

Чтобы вести тяжелую войну, нужно возненавидеть противника. А откуда взять ненависть к нему? Просто сделать ее доминантой своего существования нельзя — ненависть губит душу, делает человека не человеком. Тут надо сильно поляризовать то, что имеется в душе: что-то очень сильно полюбить, и за счет этого возненавидеть другое. Вот мы заранее и начали запасаться любовью.

Но почему же на двадцатом году Советской власти в качестве объекта любви понадобилось брать Россию? Ведь революция, собственно говоря, для того только и делалась, чтобы на месте этой «тюрьмы народов» появился более достойный объект любви, чтобы нам было что любить по-настоящему. Именно новой социалистической отчизне должны мы были отдать свои нежные чувства. Пели же мы в нашей известной песне «Как невесту Родину мы любим, бережем как ласковую мать». Что же, на самом деле было не так?

Не совсем так. Нас и сверху убеждали, и мы сами себе внушали, что искренне любим мы наше руководимое великим Сталиным социалистическое государство, но сказать, что все мы прониклись к нему любовью, было все-таки нельзя.

Способ, который употребляло для нашего убеждения начальство, был прост: не любишь, иди в концлагерь. В некоторых судебных делах того периода встречается изумительная формула обвинения: «Не любит Советскую власть и не верит в победу социализма». Ее было достаточно, чтобы присудить хороший срок — скажем, лет десять. А самовнушение шло по-другому: мы страстно выступали на многочисленных собраниях, читали «Капитал», занимались коллективным славословием в адрес мудрого вождя и толпами выходили на первомайские демонстрации. Ах, что это было за зрелище — просто дух захватывало! Нынешней молодежи, которая уже не застала этого, нужно посмотреть концовку кинофильма «Цирк», где, кстати говоря, как раз и звучит песня про Родину-невесту. По Красной площади шагают физкультурники — молодость страны. Стальные мышцы, твердая уверенная поступь, сверкающие мечтой глаза, мягкие развевающиеся на ветру кудри, счастливые лица, и над этим неудержимым потоком плывут знамена, транспаранты, флажки, цветные ленты... И так же ритмично, как шагают юноши и девушки, звучит песня — не та, о которой уже сказано, а другая:

Нам нет преград
Ни в море, ни на суше,
Нам не страшны
Ни льды, ни облака!

И еще:

Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы!

Это гипнотизировало. Какая жизнеутверждающая сила, не правда ли, весна человечества, приблизившееся на расстояние протянутой руки лучезарное будущее всего мира. Но вслушаемся еще раз: всегда мы правы. Всегда! Значит, и тогда, когда «чер-

ные воронки» среди ночи выхватывают людей из постелей и увозят их в неизвестном направлении. И когда комиссары отбирают у зажиточных крестьян пóтом политый хлеб. И когда атеисты громят церкви и жгут святые иконы.

С этим «всегда мы правы» многие все-таки не очень соглашались. И на них гипноз не действовал. Люди с развитым эстетическим чувством улавливали искусственность этого энтузиазма, понимали, что созданное государство плоско, плакатно, фанерно и фальшиво, и оно вызывало в их душах тоску и отчаяние. Особенно хорошо видели эту фальшь те, кто еще застал «мирное время» — родился в Великой России, которую с таким остервенением уничтожали до основания, чтобы построить на этом основании нечто лучшее. Ведь они могли сравнить, и сравнение было не в пользу построенного. А именно это поколение должно было вынести на себе главные тяготы войны. И оно вернуло себе право любить то, что оно более всего способно было любить: не столько социалистическую отчизну, в которой созревает будущая мировая революция, сколько подлинную родину, землю своих предков. Предвидя, какое испытание ему предстоит, это поколение стало собирать всю свою любовь в том месте души, где звучало слово «Россия», освобождая в другой ее части место для ненависти к врагу. Кто станет этим врагом, было не очень существенно — важна была сама решимость воевать.

Этим мы возвращаемся к вопросу, почему инстинкт говорил нам о неизбежности войны. В какой-то мере испытание войной было нам необходимо, и мы его искали. А кто ищет, тот всегда найдет.

Предвижу, как возмутятся в этом месте те, кто привык к поверхностной, шаблонной оценке исторических событий: автор, дескать, клевещет на наш миролюбивый народ. Но для людей, не дающих себе труда подумать о вещах самостоятельно, вообще не имеет смысла ничего писать, и моя статья рассчитана не на них. Говоря о чем-то с е р ь е з н о, всегда рискуешь услышать ругань в свой адрес как «справа», так и «слева», и к этому должен быть готов каждый, кто желает публиковаться. Любишь кататься, люби и саночки возить. Это я усвоил уже давно, поэтому предвижу не только негодование тех, кто упрекнет меня в изображении наших граждан агрессорами, но и радость тех, кто постоянно твердит об их агрессивности, — они увидят в моих словах «подтверждение» их концепции об извечной угрозе миру, исходящей от русских. Но честный автор должен подлаживаться не к читателям, а к истине, а истину в этом вопросе мне не нужно устанавливать «по источникам». Дух тридцатых годов запечатлен в моем сознании лучше, чем все последующее, так как в то время я пребывал в безошибочно чутком детском возрасте, когда на всю жизнь запечатлевается именно настрой общества. И я знаю, что этот настрой состоял в нетерпеливом ожидании войны — не войны с каким-то конкретным врагом, а войны вообще, войны как надежного способа проверить себя и убедиться, что мы еще чего-то стоим.

Это ожидание просто-таки висело в воздухе. Сейчас я что-то не замечаю, чтобы дети играли в войну, а тогда они только этим и занимались. Ни малейшего страха перед войной у них не было, боялись они только одного — что она начнется еще до того, как

они достигнут призывного возраста. Их чувства прекрасно выразило стихотворение Льва Квитко:

Климу Ворошилову письмо я написал:
Товарищ Ворошилов, народный комиссар...
Товарищ Ворошилов, когда начнется бой,
Пускай назначат брата в отряд передовой...
Товарищ Ворошилов, а если на войне
Погибнет брат мой милый, пиши скорее мне.
Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту
И стану вместо брата с винтовкой на посту.

Примерно такой же дух был и у взрослых, хотя он проявлялся в более сдержанных формах. Одной из самых популярных была в те годы песня, которую можно считать символом времени:

Если завтра война, если завтра в поход,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную родину встанет.

В ней поется, правда, всего лишь о готовности воевать, но эта готовность так велика, что больше смахивает на желание. И наивно думать, будто дети механически переняли идеологию подготовки к войне у старших — просто и в тех, и в других проявилось состояние нашей национальной души. На подсознательном уровне мы все тогда т я н у л и с ь к войне, а при таких обстоятельствах не начаться она не могла.

Что же касается причин этого тяготения, то об одной из них было уже сказано: она заключалась в необходимости нашего коллективного самоутверждения в качестве нового общества, претендующего на мировое лидерство. Революция нацелила нас на великие свершения, заставила почувствовать себя народом-избранником, ответственным за судьбы других народов, призванным освободить их от угнетения. Пафос мессианства наполнил до краев наше сознание, но в результате революции не выплеснулся весь, остаток жил в каких-то уголках нашего «Я», так что, когда в 1922 году гражданская война закончилась, он продолжал будоражить воображение. Переход к «мирному строительству социализма» оказался для многих настоящей трагедией: жить стало пресно, скучно и бессмысленно. Это великолепно описал Алексей Толстой в рассказе «Гадюка». Он же спустя год после установления Советской власти на всей нашей территории пишет ностальгический по революции роман «Аэлита», где оказавшийся на земле не у дел красный комиссар, эдакий космический Че Гевара, летит на Марс и, вооружив тамошних трудящихся учением Маркса, делает у них революцию. Тоска по незабываемым грозовым годам постоянно звучит и у Маяковского, удрученного тем, что в послереволюционной действительности вместо ушедших в историю героев отовсюду стало высовываться «мурло мещанина». Вообще, сползание к мещанству становится с середины двадцатых годов главным предметом тревоги писателей и публицистов. Конечно, это не было особенностью их индивидуального характера — в этой тревоге находила выражение неудовлетворенность об-

щественного сознания итогами революции. Разбуженный в народе импульс борьбы и свершений не исчерпался победой над белыми и должен был окончательно израсходоваться в соприкосновении с каким-то более твердым материалом.

Переступив через все договоры и пакты, 22 июня 1941 года Гитлер отдал приказ о вторжении своих войск в СССР. 170 прекрасно подготовленных дивизий устремились на восток.

В чисто военном отношении мы были слабее немцев. Уверения командования, будто «наш бронепоезд стоит на запасном пути», так что можно не беспокоиться, оказались липой. Остро не хватало танков, самолеты П-2 были никудышные, отсутствовала стратегия отступления, поскольку вожди заверяли, что «ни одной пяди советской земли не будет отдано врагу». Беря в расчет только это, можно было бы заключить, что в наших рядах начнется паника и война продлится не больше полугода. Немецкое командование на это и рассчитывало, так как через налаженную сеть шпионов оно было хорошо осведомлено о состоянии нашей армии. Но оно не учло, что у нас уже несколько лет шла более важная подготовка к войне — психологическая. И она оказалась решающим фактором. Всеобщей паники так и не возникло, и с самых первых дней кампании немцы столкнулись с неожиданным для них явлением, которое журналисты назвали потом «массовым героизмом». Предвоенная переориентация патриотического чувства с безликого СССР на живую Россию полностью себя оправдала, и в ходе войны этот новый ориентир становился все более отчетливым и притягательным. Даже Демьян Бедный, сделавший карьеру на высмеивании религиозных и национальных чувств русского народа, опубликовал в «Правде» совершенно нехарактерное для себя стихотворение:

Сгинь, кровавый упырь,
Твой приходит конец:
Встал народ-богатырь,
Поднял меч-кладенец.

А третьего июля, время от времени наливая себе воду, так что десятки миллионов прильнувших к репродукторам слушателей слышали звон графина о стакан, Сталин благословил защитников Родины именами Александра Невского и Димитрия Донского, Кузьмы Минина и Димитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, то есть перечислил всех тех исторических деятелей России, которых все уже хорошо знали по недавно вышедшим кинокартинам. И именно благодаря психологической подготовке у людей появилась твердая внутренняя решимость выдержать тяжкое испытание. Хотя фронт стремительно приближался к центральному району России, подавляющее большинство населения ни на минуту не усомнилось в конечной победе. Дисциплина возросла, все стали относиться к себе строже, все легковесное, надуманное, бумажное, декоративное, ненатуральное и трескучее вмиг осыпалось, как сухие листья с березы при порыве сильного ветра, и началось наше строгое, *настоящее* существование бок о бок со смертью, разлукой и страданием.

Ненависть к противнику, для которой мы заранее освобождали

место, пришла не сразу. У первых беженцев, появившихся в Москве в июле, ее еще не было, хотя они потеряли все. Нам было странно слышать, как они называли немецких солдат «Герман». А когда ненависть разгорелась, его сменило презрительное «Фриц». Конечно, и то и другое прозвище было далеко от передачи реальности. А какими же были на самом деле эти люди, с которыми судьба столкнула нас в смертельной схватке?

Понять состояние немецкого духа в конце двадцатых — начале тридцатых годов невозможно, если не взять во внимание Версальский договор. Его справедливо называют в энциклопедиях «грабительским». У Германии были отняты не только все колонии, но и значительная часть собственной территории, и на страну была наложена контрибуция. Но это лишь материальная сторона дела, а более важно было другое. Державы-победительницы в упоении своим триумфом вышли за рамки справедливого наказания и стали *мстить* немцам. Это выразилось в том, что они их *унизили*. Германии запретили вступать в контакты с родственной Австрией, лишили ее возможности вести какую-либо самостоятельную внешнюю политику, заставили «демилитаризовать» широкую полосу вдоль Рейна, вмешиваясь этим уже и во внутренние дела государства, попрекали немцев самодовольством и тупостью, постоянно напоминали им об их поражении, ожидали от них покаяния и извинений. Патриотические чувства сделались в Германии чем-то подозрительным и неприличным, насаждалась мода посмеиваться над собственными пороками. И этим было, конечно, предопределено то, что через какое-то время они объявят себя *сверхчеловеками*.

Как все это поучительно! Осмысливая уроки войны, нельзя не отнестись к этому с особенным вниманием — ведь здесь раскрываются многие тайны человеческой натуры, становятся видимыми скрытые механизмы зарождения общественных настроений. Суть этих механизмов не понять, если не осознать вначале, что такое нация.

В каком бы современном словаре мы ни прочитали определение нации, при всех второстепенных различиях это определение будет в основе одинаково: оно будет крутиться вокруг одного и того же стержня — «сложившейся в ходе истории экономической, территориальной, этнической, языковой и культурной общности людей». Это верно, но этого далеко не достаточно. Рационального объяснения таинственному соединению граждан в нацию нет, но то, что оно существует, ясно из всего материала истории. Не пытаясь вникнуть в сущность, можно просто сказать о явлении. Оно состоит в том, что при определенных условиях народ, сплоченный общим языком, компактной областью проживания, совместным хозяйством и единым этническим происхождением, превращается в некий сверхорганизм, обретающий как бы собственную душу. Она есть нечто большее, чем простая сумма индивидуальных душ, и ею начинают управлять собственные законы функционирования и развития. Тем, кто скептически относится ко всему, что нельзя пощупать, укажем на то, что в биологии и в физике к таким вещам давно все привыкли и уже не могут обойтись без них при объяснении наблюдаемых фактов. Специалисты по поведению животных знают, что, например, в табуне диких лошадей, в стаях гиеновых собак или в косяках коралловых рыбок отчетливо просматривается действие некоего коллективного «я», как совершен-

но автономной данности, не складывающейся из своих единиц, а управляющей этими единицами. Ярчайшим примером подобного сверхорганизма служит и пчелиная семья. Многие авторы считают, что она представляет собой особый многоклеточный организм, единое живое существо, своеобразие которого состоит в том, что его «клетки», то есть пчелы, не соединены пространственно, как в телах остальных животных, и могут удаляться друг от друга на некоторое расстояние (которое, впрочем, не может быть слишком большим: удалившись далеко от улья, пчела гибнет). Что же касается физики, то одним из фундаментальных положений квантовой теории как раз и является невозможность редуцировать физическую систему к ее частям: при их объединении в систему возникают новые «законы природы». Но если принцип «целое больше суммы частей» верен даже по отношению к относительно простым объектам, то тем более он должен выполняться для такого сложного и таинственного образования, как человеческое общество. Мыслить его сегодня каким-то «общественным договором», как делал это в XVII веке Гоббс, было бы полнейшим анахронизмом: ясно, что все обстоит тут гораздо тоньше и нетривиальнее. Судя по всему, полноценное индивидуальное существование, при котором личность может раскрыться во всем своем объеме, возможно лишь при условии принадлежности к определенной нации, причем принадлежности не формальной, а органичной, не по паспорту, а по сердечному влечению, по добровольному и радостному отождествлению своей частной души с огромной душой нации, по принятию той же, что и эта соборная душа, шкалы ценностей, той же веры, той же надежды, той же любви и той же неприязни. И, конечно, по решимости честно служить своей нации, видя в этом главный смысл своей жизни, а если понадобится, то и отдать ей саму жизнь. Какой уж тут «договор»! Не условное тут соглашение, а реальное обретение высшей формы бытия, которая, по установленным свыше законам, есть национальное бытие. Отменить эти установления люди не могут, как бы они ни пытались это сделать — они действуют независимо от нашего желания по отношению ко всем нациям. Но после первой мировой войны эта форма экзистенции за англичанами и французами была сохранена, а у немцев отнята или ущемлена. И именно то, что ее у них отняли, стало одной из главных причин возникновения нацизма. Пар, которому не дают выхода, в конце концов разрывает котел. Национальное чувство, которое стремятся всеми силами подавить, ведет себя точно так же: оно от этого лишь усиливается, и происходит разрушительный взрыв. Иллюстрацией этого правила служит не только возникновение Третьего рейха, но и множество других примеров — например, недавний иранский взрыв. К сожалению, политиков эти примеры ничему так и не научили. Сейчас, например, предпринимаются попытки заглушить или вообще уничтожить национальное самосознание русского народа: русофобская кампания развернута и у нас, и за границей. Но ее результаты, разумеется, получаются обратными: эта кампания содействует усилению русского национализма. Таким образом, ее организаторы приносят вред и себе, и нам. Очень хотелось бы, чтобы они наконец поняли, как недопустима такая игра с огнем.

Крайней формой национализма является расизм или нацизм. Что это такое? Провозглашение своей нации исключительной, выс-

шей, превосходящей все другие. Он достоин безусловного осуждения, так как приносит ущерб и тому, кто его исповедует, и другим людям. Для его приверженца он опасен тем, что размагничивает его, ослабляет стимулы к самоусовершенствованию, не заставляет работать над собой, поскольку человек чувствует себя хорошим уже по факту своего рождения с такой-то кровью, независимо от приобретенных трудом достоинств и хороших поступков. Для всех же внешних по отношению к данной нации людей он опасен потому, что является причиной оскорбительного, высокомерного к ним отношения и таит в себе угрозу их спокойной жизни. Однако всегда надо помнить о том, что нацизм растет не на голом месте, а из зародыша, имеющегося в душе каждого из нас. Он есть гипертрофированное развитие естественного предпочтения человеком своей нации всякой иной — предпочтения, с которым совершенно нет надобности «бороться», ибо оно никому не несет ущерба. В своем нормальном проявлении оно не имеет ничего общего с шовинизмом, ибо основано не на рассудочном подходе, а на любви. Рассудком вы как раз можете понимать, что ваша нация полна пороков и недостатков, но любовь к ней, в которой вы не вольны, все покрывает и все прощает, поэтому для вас эта нация — лучшая в мире. Это точно так же, как в случае с родителями: другие матери и отцы объективно могут быть гораздо лучше ваших, но субъективно ваши — лучшие на всем свете. И тут не надо быть ханжами, а призывы к интернационализму как официальной идеологии как раз и есть ханжество и демагогия. Надо не насиловать законы духа, а учитывать их и стараться правильно использовать.

Если между собой беседуют двое — скажем, русский и испанец, то какими бы взаимно благожелательными они ни были и как бы ни старался каждый из них выразить уважение к собеседнику, расхваливая достоинства его народа, все равно в глубине сердца каждый из них будет хранить только ему известный секрет: русский — что нет народа, лучше русского, испанец — что нет народа, лучше испанцев. Но это тайное знание никак не скажется на душевности их общения и не помешает их милой и доброй беседе, а если они подружатся, то и дружбе, которая может стать крепкой как сталь. А вот когда за проявление любви к своей нации вас начинают упрекать и подвергать обструкции, требуя, чтобы вы решительно покончили с этим реакционным чувством и предъявили всем убедительные доказательства того, что с ним покончено и что вы полюбили другие нации даже больше, чем свою собственную, — вот тогда вы начнете распаляться гневом и, если потеряете над собой контроль, можете всем назло громко объявить свою нацию первой на земле. Конечно, это будет истерика, непростительная слабость, но психологически она понятна. И, не учитывая этой психологической подоплеки, нельзя до конца понять феномен немецкого нацизма. Да, действовали и другие факторы, но в определенной степени это была уродливая реакция на национальное унижение. Во всяком случае, в этом объяснении гораздо больше правды, чем в том, которое дает наша официальная политология: фашизм, дескать, был выражением интересов наиболее реакционной империалистической буржуазии. Пытаясь втиснуть все многообразие бытия в марксистские схемы, это «объяснение» игнорирует тот факт, что в идеологии немецкого фашизма важную роль играла как раз антиимпериалистическая со-

ставляющая, и название «национал-социализм» было не совсем уж беспочвенным.

Почему Гитлер, вместо того чтобы покончить сначала с Англией и уже потом думать, что делать дальше, вдруг все переиграл и пошел на Россию? Ведь это не вписывалось ни в какую логику. Обеспечив пактом Молотова — Риббентропа спокойный тыл на востоке, естественно было бы довести до завершения борьбу с «западноевропейским империализмом». Кажется, англичане и не сомневались, что вот-вот начнется вторжение к ним немцев, и заранее холодели от страха. И вот, пронесло...

Для этого были, конечно, какие-то вещественные причины, в которых должны разбираться историки. Но у меня иногда возникает мысль, содержащая ту самую «сумасшедшинку», которую Нильс Бор считал непременным признаком правильности: а может, все это не причины, а поводы, а настоящей причиной было то, что только в русских немцы могли обрести достойного противника, который был им необходим? Ведь в том, что они — высшая раса, им требовалось убедить в первую очередь самих себя, а для этого им, как и нам, нужно было основательно проверить себя на прочность. Непосредственно столкнули нас, конечно, сложившиеся обстоятельства: играла роль и чья-то злая воля, стремившаяся натравить нас друг на друга и таким образом взаимно ослабить наши великие народы, но на каком-то подсознательном уровне это столкновение отвечало и нашим собственным побуждениям...

Нам нужна была война, чтобы выйти из мифа «построенного социализма» к подлинной, хотя и жестокой, реальности.

Немцам нужна была война, чтобы убедиться, что тезис об их расовом превосходстве есть не миф, а реальность.

И бой грянул.

На бесстрастной шкале времени пережитая нами война покрывает отрезок менее четырех лет. В народном же сердце она равносильна целой эпохе. Это жирная кровавая черта, подводящая итог довоенному социалистическому строительству, после которой начинается коллективная деятельность уже совсем другого духа и стиля, осуществляемая не таким, как прежде, человеческим материалом.

Стереотипные фразы — обычное явление нашей жизни. Но они звучат особенно часто, когда речь заходит о минувшей войне. В общем-то, это понятно: она была настолько серьезным общим делом, что страшно сказать о ней что-нибудь не то, вот мы и пользуемся обкатанными формулами. А чего, собственно, бояться? Надо осмысливать и переосмысливать войну снова и снова, ибо при отдалении многое становится видней. К тому же обкатанные формулы часто восходят к очень сомнительным источникам.

Один из самых распространенных стереотипов таков: «война подтвердила своевременность проведенных в годы пятилеток преобразований — если бы не была проведена коллективизация, войны бы нам не выиграть». На самом деле эта фраза не что иное, как «в огороде бузина, а в Киеве дядька». В ней нет ни логики, ни смысла. «После» еще не означает «из-за», а здесь делается именно такая подмена. Этим методом можно «доказать» и то, например, что в 1938 году очень своевременно было произведено переименование города Оренбург в город Чкалов: если бы его не переименовали, не видать бы нам победы. Если уж высказываться на этот счет, то нужно было бы сказать так:

несмотря на коллективизацию, разорившую сельское хозяйство, существенно уменьшившую население страны, а значит, и число солдат, и восстановившую против Советской власти миллионы крестьян, часть из которых стала сотрудничать на оккупированных территориях с немцами, а часть ушла в армию генерала Власова, мы все-таки войну выиграли. А вот действительно своевременным было другое: насаждение русского, а не советского патриотизма, осознание того, что мы не Иваны, не помнящие родства, а народ со славным прошлым, с мудрыми традициями и великой национальной культурой. Трудно сказать, было ли это решающим фактором, но то, что это был очень важный фактор, несомненно.

Второй стереотип — фраза «мы выиграли войну», победа, мол, одна на всех. Ее произносят все наши граждане, независимо от возраста; подразумевая, что войны выигрывает народ, а народ, какой был, таким и остается. В действительности же войну эту выиграл не абстрактный «народ», а поколение людей, родившихся в старой России, а это совсем другое племя, чем наше. Они видели то, что нам видеть уже не пришлось, и воспитывались на таких преданиях, которых мы уже не слышали. Они выросли под другим солнышком, дышали другой атмосферой, обдувались другими ветрами. Они были крепче нас, в них было больше знания о натуральном и невыдуманном, больше вызывающих ностальгию воспоминаний, а значит, и больше жизненной силы. Этой их силы хватило, чтобы пересилить немцев, но после этого ее уже не осталось. Потенциал Великой России в ходе грандиозной войны был израсходован весь, и к моменту смерти Сталина наша страна была уже чистым СССР. Сам запах земли стал иным — ничего в душе не шевелящим и не пробуждающим. А вскоре явился Хрущев с его рабфаковским энтузиазмом и начал срочно лепить пятиэтажки и закрывать церкви, чтобы послевоенное поколение стройными рядами вошло в коммунистический рай. Но это поколение уже не умело ни распахивать землю, ни строить, так что затея хотя бы поэтому была обречена на провал. И конечно, это поколение не выиграло бы войну.

Хрущевский период — позорная полоса нашей истории, пустое, выброшенное коту под хвост время. Оно промелькнуло под гул трескучих обещаний и нескончаемого хвастовства по поводу запуска спутников, а однажды в этот гул вплелся громкий стук башмака главы государства по трибуне ООН. Промелькнуло и остановилось в «застое», где как дым, как утренний туман растворились все его обещания. А суть его была проста и банальна: победу над фашизмом добыли одни, а ее плоды присвоили себе другие. Изгнать врага помог нам возрожденный национальный дух, а в освобожденной стране тут же начал командовать дух интернациональный. И началась вторая попытка осуществления утопии.

Она была не такой обнаженно-дерзкой, как первая, предпринятая в двадцатых годах, но именно ее некоторая завуалированность таила в себе коварство, так как из-за нее было труднее разглядеть бредовость замысла. В двадцатых эта бредовость вылезала наружу даже в пресловутой «революционной» эстетике, до сих пор умиляющей искусствоведов, но решительно отвергнутой тогда народом, — во всех этих клубах-комбайнах, витых башнях, супрематизмах и т. п. Теперь она задрапировалась сотканной из намеков поэзии, запрятанным «между строк» фрондированием и разо-

блачением культа личности Сталина. И тем, кто был тогда молод и неопытен, померещилось, что это не утопия, а находящаяся в процессе становления реальность, и они, боясь опоздать, кинулись занимать самые удобные места на отплывающем в светлое будущее корабле. Кто вернет им их зря потраченные лучшие годы, кто возместит ни на что отданные силы обманутых душ? Уж конечно, не вожди наши, которые еще никогда не отвечали ни за одно свое слово...

Но весь народ в целом не мог жить одним лишь ожиданием научно разработанного всеобщего счастья, тем более, что на втором своем витке революционный энтузиазм был уже значительно более слабым, чем на первом. И так же как в тридцатые годы, рядом с коллективным фантазированием у нас хранилось в душах и нечто серьезное. Тогда это было ожидание войны, теперь — воспоминание о ней. От войны остались не только фотографии и награды, но и дивные песни. По своему художественному уровню они встали в один ряд с лучшими песнями революции — такими, как «Полюшко-поле», «От края и до края», «Каховка» или «По долинам и по взгорьям», но те были окрашены романтикой и патетикой и представляли события в идеализированной, а иногда и в мифологизированной форме, а тут имелась потрясающая простота и задушевность. Такой подлинности в наших песнях не было ни до, ни после этого. Можно только изумляться безупречности вкуса, появившегося тогда у композиторов и поэтов: они проходили буквально по лезвию ножа, не уклоняясь ни в формализм, ни в сентиментальность. Впрочем, иногда потерю равновесия выправлял сам народ: некоторые знаменитые военные песни, например, «На позицию девушка провожала бойца» и «Бьется в тесной печурке огонь», были написаны с одной мелодией, а на фронте и в тылу их стали петь с другой, измененной в сторону большей естественности и напевности. О военных песнях можно было бы написать целое исследование, поскольку в них отразилась душа нашей нации, раскрывшей себя в экстремальных условиях, очистившаяся огнем от всего наносного, но о них надо не читать — их надо слушать. А слушать песни мы уже разучились. Много ли вы припомните за последние несколько лет вечеринок, на которых бы участники вдруг уселись и хотя бы в течение получаса все вместе пели? Не горланили, а исполнили старательно и целиком хорошие содержательные песни, пели бы как положено: если медленная, то протяжно, если быстрая — акцентируя ее бодрый ритм? Я лично припоминаю только один случай: это было в семье русских эмигрантов в американском штате Нью-Джерси. Те еще не разучились. А здесь мы давно уже не поем, а то, чем нас потчуют по телевидению и радио, вообще трудно назвать пением. С этой музыкой, кстати, дело обстоит довольно загадочно: во все инстанции идут нескончаемые письма, переполненные жалобами и возмущением по поводу той «музыки», которая нам постоянно преподносится и отравляет души растущего поколения, однако эти инстанции, которые в других случаях (например, когда нужно отменить выходной день) очень любят ссылаться на «просьбы трудящихся», тут просто игнорируют все негодование. А когда их припирают к стенке и вынуждают все-таки что-то сказать (например, на устных вечерах), они заявляют: молодежь этого хочет. Потрясающая логика! Это то же самое, как если бы вы, придя в детский сад и увидев, что все малыши играют со спичками,

услышали бы такое оправдание воспитательницы: «Но дети же этого хотят». Да я что-то и не слышал о масштабно проведенных среди молодежи социологических опросах и серьезном анкетировании. Сдается, что за юное поколение все это решил кто-то постарше и поумнее...

Последние залпы Великой Отечественной войны смолкли сорок пять лет назад. В годовщину принято обсуждать итоги и результаты. Что же мы можем сказать сегодня о результате нашей Победы над немцами?

Один москвич, побывавший недавно в ФРГ, выразил свои чувства такими стихами:

Автобаны на низких склонах
«Мерседесам» периной расстелены.
Победитель на побежденных
Смотрит с завистью и растерянно,
Как и нам бы такой же периною
Враз укрыться от всей тоски?
Может, к немцам прийти с повинною:
Научите жить по-людски...

И вправду, что за парадокс: две страны, разгромленные во второй мировой войне, — Германия и Япония — сейчас самые процветающие на свете, а мы, их разгромившие, — голь перекатная?

Никакого парадокса на самом деле тут нет. Трагедия наша была в том, о чем мы уже говорили: нашей коммунистической утопии удалось укрепиться за счет победы, к которой она не имела никакого отношения, одержанию которой только мешала. Во время войны наружу вышла бытийность и правда, и утопия притихла: никто не обращался к немецкому пролетариату, чтобы он свергнул своих эксплуататоров и братался с нашими рабочими; никто не упоминал краеугольный тезис марксизма, что классовое сродство сильнее национального. А когда война окончилась, она подняла голову, осмотрелась и снова завела свою пластинку: «наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка». А вот германской утопии расизма и японской милитаристской мечте поднять голову уже не удалось, и именно из-за поражения. Поэтому этим народам пришлось переключить свою могучую энергию на другую, более реальную деятельность, что и пошло им на пользу.

Остановить наш социалистический состав в коммуне не удалось и со второго захода, хотя на XXII съезде КПСС было составлено подробное расписание движения. Революционное воодушевление постепенно выветрилось, и вместо воздушных замков люди начали, кто как умеет, устраивать свое скромное земное бытие. Настала «брежневщина» — эпоха кумовства, взяток, приписок и разворовывания государства, девизом которой могла бы служить знаменитая фраза «ты — мне, я — тебе». А когда наверху почувствовали, что так жить больше невозможно, была объявлена перестройка...

В юбилей Победы давайте вспомним: что нам помогло к ней прийти? Ответ однозначен: укрепление национального духа. Эта же сила, и только она поможет нам и сейчас.

●

ПОЭЗИЯ

Игорь ЛЯПИН

ЭТО НАС ОКЛИКАЕТ ВОЙНА...

* * *

На жесткую линию фронта
В немыслимой нашей судьбе
Весна сорок пятого года
Пришла не сама по себе.

Ее через дымные версты
Над Волгою, Бугом, Десной
Страдальные братья и сестры
Несли, заслоняя собой.

Склонялись над ней в лазаретах
И вновь через все «не могу»
Тащили на грузных лафетах
По ступицы в сером снегу.

Дыханьем своим согревали
В окопах, в сырых блиндажах,
И путы на ней разрывали,
На горьких ложась рубежах.

Гремели и лязгали траки,
И облаком черным, тугим
Не только со свастикой танки
Зловеще окутывал дым.

Ломили и темные силы,
И сколько охватывал взгляд —
Могилы, могилы, могилы
Да скорбные списки солдат.

И, может, страшней, чем осколки,
Страшней пулевого свинца
Летели в страну похоронки,
Всегда попадая в сердца.

Травою стелилась пехота,
Наткнувшись на огненный шквал,
Но май сорок пятого года
И в этом огне проступал.

Сквозь кровь проступал и сквозь слезы,
Сквозь стоны, награды, бинты,
Сквозь самые красные звезды
И даже сквозь вражьи кресты.

Изверчена времени призма,
Размыты в ней слава и честь,
Но с фронта пришедшие письма
Читаешь — и все это есть!

Есть злые, есть добрые ветры,
И есть над простором страны
Летящее знамя Победы
Сквозь вечную горечь войны.

ДОМ НА УЛИЦЕ ШУХА

Боль уже отзывается глухо,
Только память сужает круги,
И в Варшаве на улице Шуха
Замедляю невольно шаги.

Будто солнце померкло, и снова
Пол-Европы пылает в огне.
И «гестапо» — зловещее слово —
Проступает на серой стене.

Громыхали ворота — и скидок
Никому не сулил этот дом,

Палачи и орудия пыток
Без простоя работали в нем.

Были жестки наручников звенья,
Над спиртовкой сверкали ножи —
И стонали опять подземелья,
И кричали опять этажи.

И всплывает такая подробность:
Чтобы крик заглушить горевой,
Там приемник на полную мощность
С музыкальной врубали волной.

Надрывались концертные трубы,
И на этом фашистском балу
Выбивали под музыку зубы
И вгоняли под ногти иглу.

Я глаза на минуту прикрою
И увижу сквозь горестный мрак,
Как под музыку харкает кровью
Не предавший подполья поляк.

Принимал он смертельные муки,
И дышать уже не было сил.
А на улице светлые звуки
Человек проходящий ловил.

Палачи сатанели от злости,
От бессилия пыток своих
И ломали под Моцарта кости,
В такт Бетховену — били под дых.

Обер щурился яростно, нагло,
Восходил до высоких страстей,
И под ритмы салонного танго
На расстрел отправляли людей.

Закурю. Да засвищет пичуга —
И былого отхлынет волна...
Я в Варшаве на улице Шуха,
Вновь меня окликает война.

СТАРШИЕ

Словно путники, крайне уставшие,
Собирая морщинки у глаз,
Нашей болью и совестью ставшие,
Наши старшие смотрят на нас.

Ты, земля, не такая просторная,
Чтоб добру разминуться со злом.
Наши старшие — наша история,
И начертана вещим пером.

Ничего не пройдет по касательной.
Вон, вздымая горячую пыль,
Прорывается лавою сабельной
К нашим душам кровавая быль.

Там бесстрашно клинками блиставшие,
На распутьях судьбы горевых,
Сами чуть ли не мальчики, старшие
Поднимались за младших своих.

Сколько пройдено в жизни неправедной —
И окопы, и лесоповал.
От награды до карточки лагерной
Путь у старших недолог бывал.

И с клеймом, без клейма ли, а верили:
Сатанинский окончится бал.
Побеждали, пахали, и сеяли,
И варили державе металл.

Если гордые мы и бесстрашные,
Знаем цену делам и словам,
Нужно помнить, что все это старшие
Передали с надеждою нам.

Их заботы становятся нашими,
Дай же бог, чтоб осилили их.
И чтоб мальчики, ставшие старшими,
Не забыли о младших своих.

ПОЛКОВНИКУ

Современного боя броня.
Даже лес тут угрюмей и строже.
— Вы, полковник, моложе меня, —
Он в ответ: — Ненамного моложе.

На душе у него нелегко
И в грядущем его темновато.
Хмуро водят майоры его,
До чего ж молодые ребята!

Затуманен судьбой горизонт,
Штаб в смятеньи, как обезоружен.
Мир не проще, а их гарнизон
Сокращают, решили — не нужен.

Вон инструкторов целый косяк,
Не о доблести речь, не о славе.
И военные люди никак
Не поймут, что творится в державе.

Люди в кителях знают ясней
Все, что было под Брестом, под Рузой,
Потому у армейских людей
В размышленьях немного иллюзий.

Жизнь всегда испытаньем была
Для решительных и непокорных.
Вот и взвешивай эти дела,
И терзайся, и думай, полковник.

Каждый нерв твой натянут струной.
Я смотрю и надеюсь, что все же
Ты, полковник, в сравненье со мной
Не наивней, а только моложе.

ИВАНОВСКИЕ СИТЦЫ

Ромашковое поле
Да синяя кайма.
Бескрайнее раздолье,
Сводящее с ума.

Свет солнечной криницы,
Свет утренней зари —
Ивановские ситцы,
Куда ни посмотри!

В горошек ли, в цветочки —
Во всех краях страны
Полощутся платочки,
Все машут из войны.

Далекие зарницы
Да слезы на щеках.
Ивановские ситцы
На горестных ветрах.

Родное все до боли,
Взгляни из-под руки,
И видишь лес, да поле,
Да рожь, да васильки.

Березы, как сестрицы,
Прозрачна рощиц грусть.
Ивановские ситцы —
Гляжу, не нагляжусь.

Что мода, что не мода —
Над Волгой, над Окой
Без них ни хоровода,
Ни пляски огневой.

Огнем горят жар-птицы,
И щурятся глаза.
Ивановские ситцы —
Российская краса.

ДОРОГА НА КАВКАЗ

Сколько тропок, сколько трасс —
Вся земля исчерчена.
Но особою для нас
Путь-дорога на Кавказ
Метою отмечена.

Никаких не нужно слов,
Вот они, неброские,
Дышат памятью веков
И станицы казаков,
И селенья горские.

Узнаются без труда
Также сердцу близкие,
Хоть и вышли в города
И стоят вон — хоть куда!
Крепости российские.

Горец дерзким был, лихим,
А кинжалы звонкими.
И под небом неродным
Поднимался гром и дым
Пушкарями бойкими.

Вон у сунженской воды
Разве не представится,
Как горит клинок вражды
Знаком горя и беды.
Как все нас касается!..

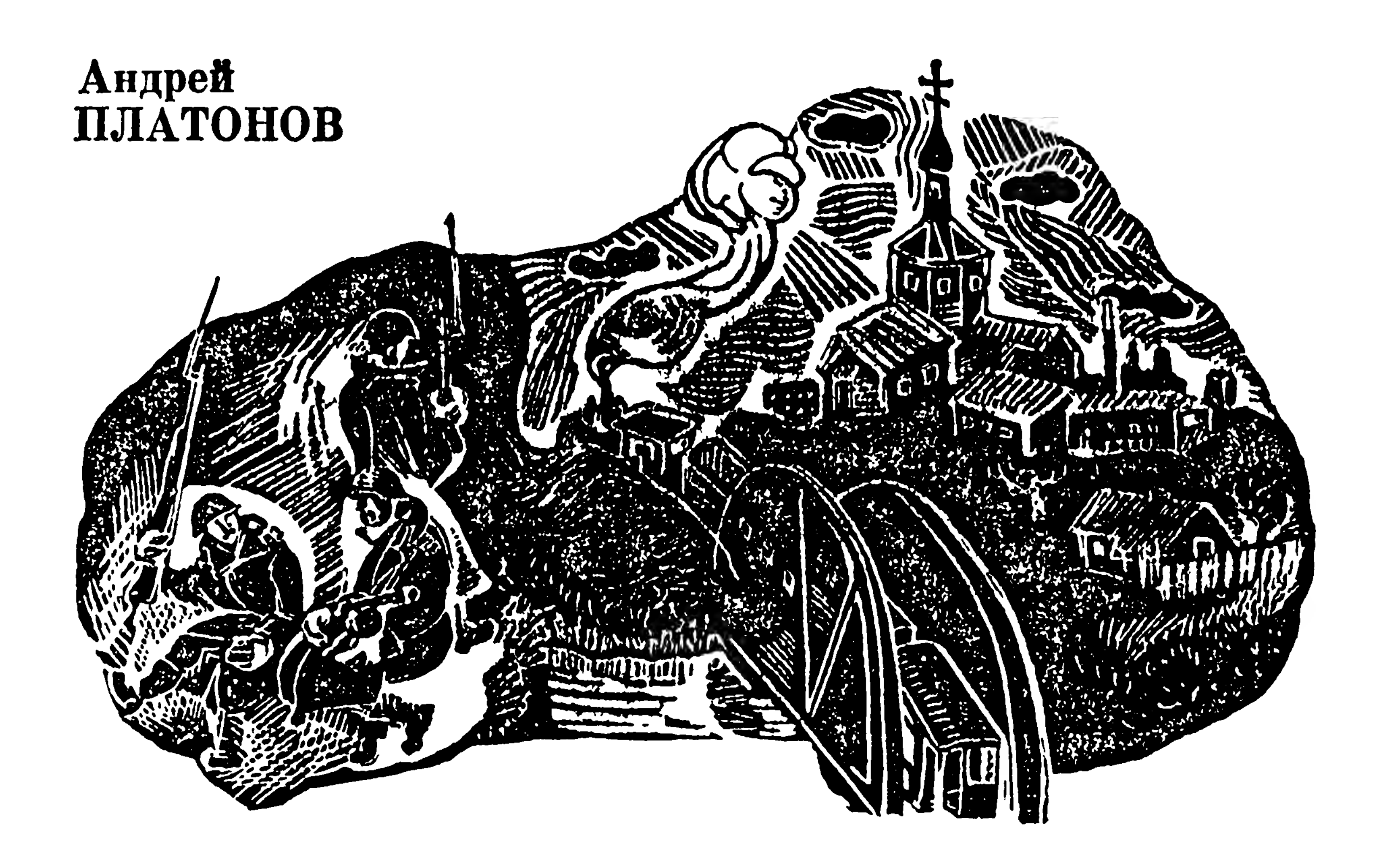
Все же дым пороховой
Отлетает беркутом.
На земле на горевой
Остается Лев Толстой,
Остается Лермонтов.

Остаются те, что здесь
Не пальбою правили,
А, вглядевшись в то, что есть,
Дух достоинства и честь
Выше жизни ставили.

Кто на дерзость отвечал —
Гордый, независимый,
Но в начале всех начал
Лже-Россию отличал
От России истинной.

Москва

Андрей
ПЛАТОНОВ



МЫСЛИ О ВЕЧНОМ

Нельзя рассчитывать на благодарность потомков, не заботясь о прошлом, не оберегая священных могил и камней, безмолвно хранящих память о наших славных учителях, духовное наследство которых питает наши умы, облагораживает наши души и направляет нашу историческую волю.

По народному разумению, память у нас в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце. Отводя памяти надлежащее ей место в темени человека, народ тем самым определяет память как начало — откуда есть пошла его жизнь и судьба, ибо темя буквально означает вырубленную и расчищенную территорию, отвоеванную у леса под посевы злака для поддержания живота человеческого, то есть жизни людей. Именно с расчисток и вырубок начинали и осваивали свою будущую родину наши древние предки, юридически закрепляя за собою границы окультуренного, ухоженного и обжитого ими пространства простой трудовой формулой: наши земли кончаются там, «куда соха, и топор, и коса ходили». Иными словами, память в понимании народа — история его родины, главный источник его материальной и духовной энергии, — то в прошедшем, что, по выражению В. Ключевского, «не проходит как наследство, урок, неоконченный процесс, как вечный закон».

Постижению этого вечного закона и были отданы по существу все творческие силы выдающегося русского писателя Андрея Платоновича Платонова (1899—1951).

Предлагаемая вниманию читателей подборка представляет собою извлечения из его произведений, писем и записных книжек. Публикуемые размышления писателя, независимо от того, ка-

сается ли он национальных свойств русского языка, говорит ли о фольклоре, о народности Пушкина и Лермонтова, исследует ли историческую природу характера русского человека и истоки его патриотизма, раскрывают «высшую ценность нашего главного сокровища — нашей Родины, особенной среди всей земли».

Слово «особенной» не должно нас смущать: для каждого человека в мире его родина — особенная и единственная, исполненная своеобычной прелести, непреходящего очарования и не до конца разгаданной притягательной тайны.

В годы Великой Отечественной войны Россия представала перед художественным взором А. Платонова то в трагическом образе сотрясаемого гневными раскатами грома и ранимого кинжальными ударами молний храма с золотыми куполами, очищающимися от скверны грозовою стихиею ливня... То в кротком образе идущего словно из глубины истории просторного русского серого поля, по которому всупрягу тянут однолемешный плуг малолетние дети и ветхие старухи — символ непобедимости русского народа и духовной связи и прочности его исторических поколений...

Говоря о военной прозе А. Платонова, необходимо заметить, что этой прозе не везет в популярности. Мало того, что она до сих пор не собрана — многие рассказы и очерки писателя 1941—1945 годов все еще не обнародованы и разбросаны по старым газетам и журналам, но даже то, что разыскано и известно, издавалось в полном объеме лишь однажды, двадцать лет назад, тиражом в 30 тысяч экземпляров (сборник «Смерти нет!», М., «Советский писатель», 1970). Обстоятельство, наводящее на грустные размышления и догадки. С одной стороны, все говорят о Платонове как классике, а с другой — явное небрежение и невнимание к отдельным периодам и сторонам его творчества.

Не хотелось бы, однако, думать, будто наше общество окончательно «раскрепостилось», стало свободным от собственной истории и находит, подобно одному из литераторов, что «патриотизм» — чувство несложное. Это чувство биологическое, оно есть и у кошки» *. Вряд ли стоит оскорбляться столь примитивным выпадом против патриотизма, выпадом, рассчитанным на гнев и содержащим в себе изрядную долю злорадства и сладострастия от грубого и бесцеремонного унижения многих людей, в том числе и фронтовиков, в их лучших сердечных порывах. Но проблема здесь есть, и проблема серьезная. Ибо патриотизм, как доказал А. Платонов своею военною и послевоенною прозой, — не биология, а огромная социально-нравственная народная сила, которою измеряется духовное напряжение нации в ее устремлении к идеалу. Патриотизм, по Платонову, — созидательно-строительная, творческая энергия истории, проявляющая себя в трудовом союзе, а не разладе поколений, потому что мы все — должники родной истории и пользуемся той жизнью, какую нам «безмолвно завещали мертвые; и... ради их вечной памяти надо исполнить все их надежды на земле, чтобы их воля осуществилась и сердце их, перестав дышать, не было обмануто. Мертвым некому довериться, кроме живых, — и нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель».

* «Аргументы и факты», № 51, 1989, с. 7. Беседа с Б. Окуджавой.

* * *

...Родина — страна сердечной привязанности... На человеке запечатлелась фигура, флора и фауна его родной местности.

Из заметки «По родимому краю», 1922 г.

...Вульгарное представление о народном поэте вообще, как о поэте упрощенном, широком, но недостаточно глубоко разрабатывающем свои темы ради их общедоступности, — такое представление раз навсегда должно быть осуждено и оставлено, как противоречащее действительности, как оскорбляющее народ. То, что принимается народом, не может быть ни мелким, ни упрощенным, ни пошлым, ибо эти ложные качества противоречат массовому опыту народа, всесторонне охватывающему реальный мир, — поэтому народ, именно благодаря своему фактическому и массовому познанию действительности, находится всегда наиболее близко к реальной и наиболее глубокой, объективной истине жизни. Как же он, народ, мог бы высоко оценить того поэта, творчество которого не соответствовало бы народному чувству и познанию действительности?..

...Мертвые не чувствуют нашей любви к ним. И все же без них — без наших отцов, героев и учителей — наша жизнь была бы невозможна ни в физическом, ни в духовном смысле. Поэтому правильное этическое отношение к нашим предкам и предшественникам, вечная память о них, имеет глубокое прогрессивное значение.

Без связи с ними (в смысле продолжения их исторического дела), без живой памяти о них люди могли бы заблудиться на протяжении одного текущего века и озвереть: человеческий, коммунистический мир может быть построен лишь союзом многих поколений.

Из статьи «Джамбул», 1938.

...Народное творчество вырабатывает действительность, выбирает из нее все целесообразное и драгоценное начисто: в рудниках жизни после него не остается ничего для превращения в искусство, — народное творчество очень редко нуждается в добавочном критике — «соавторе»...

...Критик, какой бы он ни был, имеет лишь ограниченный жизненный опыт, тогда как народное творчество, будучи работой миллионов, имеет жизненный опыт безграничный. Что не вполне удалось одному человеку, другой восполнит, а третий доведет до со-

вершенной простоты и глубины, потому что народ охватывает всю действительность не только в ежедневном труде, в борьбе и в пространстве, но и в памяти своих поколений и во времени — народ бессмертен. Отдельные гениальные художники отлично знали это свойство, присущее лишь народу, — создавать совершенные художественные произведения, — свойство, обусловленное массовым опытом народа и способностью его копить в себе сокровища своей души.

Из статьи «Творчество советских народов», 1938.

...Подобно тому, как в образах Петра, Иоанна Грозного, Кутузова, Суворова, Ломоносова советское искусство создало образцы государственных, военных, научных деятелей; так в лице Пушкина следует создать образ высшего творческого деятеля, образ художника, творящего душу народа, — деятеля, благодаря усилиям которого в значительной степени сложились внутренние качества (так сказать, духовная конституция) русского народа, определившие наряду с другими обстоятельствами его великую историческую судьбу...

..Поэзия и свобода являются одним и тем же, или родными сестрами, как доказал Пушкин, — в этом была особая самобытность творчества Пушкина и его личности, отражавшая своеобразие русского национального характера: страстное влечение к прекрасной вольности — ни своеволию, а к свободе прекрасной души.

Из заявки в дирекцию Центрального детского театра на написание пьесы «Юный Пушкин», 1948.

Чтение для русского народа всегда было особенным занятием, а книга лучшей школой. Наш народ — это читатель по преимуществу; равно есть и другие народы, для которых то же значение, что для русских чтение, представляют музыка, зрелища или живопись. В книгах наши писатели развили, вырастили русский язык, а мы его усвоили от них путем чтения. И это имеет совершенно исключительное значение, потому что наш язык не есть механический набор разнообразных слов: он есть сама мысль и само чувство, создаваемое посредством слов; чувство, мысль и слово — одновременны. Поэтому слов в языке должно быть и достаточно много для осуществления мысли, и они должны быть достаточно податливы, пластичны, для формирования живой,

движущейся мысли, и, наконец, надо уметь пользоваться комплексом всех слов, чтобы наша мысль, зародившаяся вначале, может быть, как смутное ощущение, была исполнена в слове с изобразительной точностью. Все это нужно не только для того, чтобы нас поняли другие, чтобы возможно стало общение людей, — это нужно для происхождения мысли: лишь слово образует мысль, оно есть ее существование; невыразимая или невыраженная мысль не есть мысль, она будет только движением чувства или переживанием, быстро исчезающим без следа, потому что они не стали мыслью и мысль не стала словом; слово же есть плоть мысли, бесплотной же мысли существовать не может, как не может быть на свете ничего невещественного. (Когда мы говорим «слово», мы, понятно, имеем в виду весь язык народа.)

Ясно, какое значение представляет язык для народа: он есть именно тот инструмент, которым образуется сознание народа и его поэтическая сущность; он превращает весь жизненный, деятельный, чувственный опыт народов в мысль, — ради того, чтобы пережитое, открытое и сотворенное народом не утратилось, но чтобы оно стало капиталом, основанием для дальнейшего развития жизни народа. Народ без языка, если можно его себе представить, был бы безумен либо он был бы собранием существ, не отличающихся от животных. <...>

Подобно тому как язык отличил людей от животных, так поэтическое использование языка продолжает наш прогресс далее, совершенствуя и возвышая наше человеческое существо. И тот поэт, который сумел войти в народное сердце как его преображающая сила, тот останется в нем навечно, потому что этот поэт сам стал драгоценной и неотъемлемой частью живого мировоззрения своего народа, именно он, поэт, добавил в это мировоззрение свое творчество, и народ уже не захочет утратить то, что его обогатило.

К таким поэтам, вошедшим в плоть и кровь русского народа, принадлежит Лермонтов. Без него, как и без Пушкина, Гоголя, Толстого, Щедрина, духовная сущность нашего народа обеднела бы, народ потерял бы часть своего самосознания и достоинства.

(Народ, однако, скуп на такие утраты...)

Что же можно сказать о Лермонтове теперь, после его великой всенародной славы, после статей Белинского, после того, как его прочли сотни миллионов людей нескольких русских поколений? Много, бесконечно много, потому что великая поэзия, питающая язык народа, обладает свойством неисчерпаемости. После того как мы знаем уже какое-либо стихотворение или прозу писателя наизусть, нам стоит только произнести его внимательно вновь, и мы почувствуем, что мы обнаружили в нем нечто новое, что-то ускользавшее от нас прежде. Это «что-то», что-то как бы

немногое, всегда остающееся за пределами нашего понимания и осваиваемое нами лишь повторным чтением, но никогда не дающееся нам целиком и без остатка, и есть признак произведения великой силы и глубокой прелести, признак неистощимости такого рода поэзии, — и потому каждому дается возможность снова и снова ощущать питающую силу поэзии и право делиться с ней впечатлением и рассуждением.

Родной язык рисует нам лицо родного народа; язык словно озаряет образ родины и делает родину свойственной нам и любимой. В этом заключается еще одно из драгоценных качеств языка.

Почти все люди, родившиеся и жившие в России, любили родину. Многие в то время не имели оснований ее любить, но они все же любили ее. За что же? «Не победит ее рассудок мой», — эту любовь к родине, — говорил Лермонтов. Сказано точно и для всех людей верно. Смутное, непонятное, но реальное чувство переведено поэтическим словом в ясное сознание: переведено в рассудок именно то, что рассудок не в силах победить; недостаток рассудка возмещен поэзией. Как же превращено в рассудок то, что сильнее его? Лермонтов, не объясняя нам того, совершает само это превращение, что более убедительно, чем объяснение.

Но я люблю — за что, не знаю сам! —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

Это образец патриотического стихотворения, написанного человеком, который знал, что народ его в ярме, что родина беспомощна, что сам он погибнет без защиты, в бессильном сочувствии безмолвствующего народа, — образец для всех будущих русских поэтов (которые уже будут иметь полное и разумное основание для

любви к родине, поскольку она их будет тоже любить и даже вознаграждать знаками своего понимания).

Неистощим великий русский язык, питающий поэзию мощного бессмертного народа, дающий ему сознание своей героической силы и бессмертия.

Из статьи «К столетию со времени смерти Лермонтова», 1941.

...Народная сила рождается в деревенской материнской земле, и войско народа питается от земли, распаханной руками крестьян, согретой солнцем и орошенной дождем.

Из рассказа «Крестьянин Ягафар», 1942.

...Я только что вернулся с материалами в «Красную звезду», был на фронте...

...Я видел грозную, прекрасную картину боя современной войны.

В небе гром наших эскадрилий, под ними гул и свист потоков артиллерийских снарядов, в стороне хриплое тявкание минометов. Я был так поражен зрелищем, что забыл испугаться, а потом уже привык и чувствовал себя хорошо. Наша авиация действует мощно и сокрушительно, она вздымает тучи земли над врагом, а артиллерия перепахивает все в прах! Наши бойцы действуют изумительно. Велик, добр и отважен наш народ!

...Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно. Только позже, если буду жив, я опишу его...

...Помнишь о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага? Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено («Красной звездой») сделать из него достойное памяти этих моряков произведение *.

...Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. У меня получается нечто вроде реквиема в прозе. И это произведение, если оно удастся мне, Мария **, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев... Мне кажется... что мне кое-что удается, потому что мною руководит воодушевление их подвигом...

...Недавно я сказал как бы маленькую речь, где вспомнил такой факт из фронтовой деятельности: один наш командир поднимал своих бойцов в атаку, был сильный огонь противника, у коман-

* Речь идет о будущем рассказе «Одухотворенные люди».
** Имеется в виду М. А. Платонова, жена писателя.

дира оторвало миной левую руку; тогда он взял свою оторванную руку в правую, поднял свою окровавленную руку над своей головой, как меч и как знамя, воскликнул: «Вперед!» — и бойцы яростно пошли за ним в атаку. И первый мой тост был за здоровье, за победу великого русского солдата.

Этот факт с рукой я описал в рассказе «Реквием» (памяти пяти моряков-севастопольцев) *.

...Я видел на фронте храбрейших людей, которые, однако, не могут ни слушать музыку, ни видеть цветы — плакали...

...Она (Красная Армия) приняла на свою грудь, на свое оружие ураганное давление германской армии, затомила на себе силу немцев и затем перешла в сокрушающее упорное наступление, уничтожая вросшую в землю оборону противника...

...После войны, когда на нашей земле будет построен храм вечной славы воинам, то против него... следует соорудить храм вечной памяти мученикам нашего народа. На стенах этого храма мертвых будут начертаны имена ветхих стариков, женщин и грудных детей. Они равно приняли смерть от рук палачей человечества...

...А кладбище убитых на войне! И встанет к жизни то, что должно быть, но не свершено. Творчество, работа, подвиги, любовь — вся картина жизни несбывшейся. И что было бы, если бы она сбылась? Изобразить то, что в сущности убито — не одни тела. Великая картина жизни и погибших душ, возможностей. Дается мир, каков бы он был при деятельности погибших, — лучший мир, чем действительный: вот что погибает на войне — убита возможность прогресса...

Из писем с фронта, 1942—1944.

Назначение литературы нашего времени, времени Отечественной войны, это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода.

В понятие вечной памяти входит и понятие вечной славы. Вероятно, этим назначением литературы она сама полностью не определяется, но сейчас именно в этом направлении лежит ее главная служба.

Слово «вечный» не будет преувеличением, если образы людей нашего времени будут запечатлены в произведениях, полных истины действительности, одухотворенных оживляющим мастерством писателя.

Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из

* Имеется в виду рассказ «Одухотворенные люди».

жизни героям, потому что живые сохранены подвигами тех, кто погиб. Но нельзя от следующих за ними поколений требовать столь многого: человеческому сердцу свойственны не только совесть, долг и память, но также и забвение. Задачей искусства и является создание незабвенного из того, что преходяще, забвенно, что погибло или может погибнуть, но чему мы, живые, обязаны жизнью и спасением, — в такой же мере обязаны, как матери; искусство должно здесь, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость.

Но дело не только в такой эпической необходимости, дело здесь и в практической пользе: если живая и, так сказать, частная конкретность Отечественной войны стушуется когда-либо в будущем силой забвения, то как люди могут увидеть для себя поучение из великого, но уже минувшего события... Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература имеет дело с отдельным человеком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ. Мы должны сберечь в памяти и в образе каждого человека в отдельности, тогда будут сохранены и все во множестве и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию.

Если бы наша литература исполнила эту свою службу, она бы, между прочим, оберегла многих людей, в том числе и тех, которым еще только надлежит жить, от соскальзывания их в подлость. Но эта польза — дополнительная, а не главный результат.

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно. Жизнь на большой скорости означает, что формируется великое множество людей, причем складываются и такие характеры, которые не могли сложиться прежде и которые, возможно, никогда более не повторятся в качестве подобия в другом человеке. Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своем значении и делается еще более незаменимой ничем.

Мне рассказывали о младшем сержанте, который вместе с другим своим товарищем завалил трупом немца огневое сечение немецкого дзота, и никто толком не мог сообщить о человеческих свойствах этого редкого героя.

Однако, зная свойства нашего народа и армии, можно все-таки понять и написать об этом человеке, если иметь к нему сердечную заинтересованность. Писатель должен уметь решать уравнения со многими неизвестными. В этой связи важно знать одну вещь. Всякое искреннее серьезное человеческое чувство всегда

имеет в себе и предчувствие, то есть как бы дальнейшее расширение или увеличение чувства за пределы первоначального ощущения, — и тогда делается ясным то, что не было видимо в характере или судьбе его. Например, распространенное чувство любви между мужчиной и женщиной, по убеждению самих любящих, «вечно», но если эта любовь достаточно глубока, то она же бывает и «грустна», потому что в ней же самой находится предчувствие ее окончания, хотя бы путем смерти любящих.

В нашей литературе еще мало предчувствия, подобного точному знанию. Если вспомнить военные произведения предвоенных лет, то в них верно только убеждение в непобедимости и побеждающей мощи нашего народа, но драмы войны в них нет.

Рождается ребенок лишь однажды, но оберегать его от врага и от смерти нужно постоянно. Поэтому в нашем народе понятие матери и воина родственны; воин несет службу матери, храня ее ребенка от гибели. И сам ребенок, вырастая сбереженным, превращается затем в воина.

Не так давно я видел одно семейство. В опаленном бурьяне была зола от сгоревшего жилища, и там лежало обугленное мертвое дерево. Возле дерева сидела утомленная женщина, с тем лицом, на котором отчаяние от своей долговременности уже выглядело как кротость. Она выкладывала из мешка домашние вещи — все свое добро, без чего нельзя жить. Ее сын, мальчик лет восьми-девяти, ходил по теплой золе сгоревшей избы, в которой он родился и жил. Немцы были здесь еще третьего дня. Мальчик был одет в одну рубашку и босой, живот его вздулся от травяной бесхлебной пищи; он тщательно и усердно рассматривал какие-то предметы в золе, а потом клал их обратно или показывал и дарил их матери. Его хозяйственная озабоченность, серьезность и терпеливая печаль, не уменьшая прелести его детского лица, выражали собою ту простую и откровенную тайну жизни, которую я сам от себя словно скрывал.

Это лицо ребенка возбуждало во мне совесть и страх. Как сознание своей вины за его обездоленную судьбу.

— Мама, а это нам нужно такое? — спросил мальчик.

Мать поглядела, ребенок показал ей гирю от часов-ходиков.

— Такое не нужно — куда оно годится! — сказала мать. — Другое ищи.

Ребенок усиленно разрывал горелую землю, желая поскорее найти знакомые, привычные вещи и обрадовать ими мать; это был маленький строитель Родины и будущий воин ее. Он нашел спекшуюся пуговицу, протянул ее матери и спросил:

— Мама, а какие немцы?

Он уже знал — какие немцы, но спросил для верности или от

удивления, что бывает непонятное. Он посмотрел вокруг себя — на пустырь, на хромого солдата, идущего с войны с вещевым мешком, на скучное поле вдали, безлюдное без коров.

— Немцы, — сказала мать, — они пустодушные, сынок... Ступай, щепок собери, я тебе картошек испеку, потом кипяток будем пить...

— А ты зачем отцовы валенки на картошку сменяла? — спросил сын у матери. — Ты хлеб теперь задаром на пункте получаешь, нам картошек не надо, мы обойдемся... Отца и так немцы убили, ему плохо теперь, а ты рубашку его променяла и валенки...

Мать промолчала, стерпев укоризну сына.

— А мертвые из земли бывают жить?

— Нет, сынок, они не бывают.

Мальчик умолк, неудовлетворенный. Неосуществленная или неосуществимая истина была в словах ребенка. В нем жила еще первоначальная непорочность человечества, унаследованная из родника его предков. Для него непонятны были забвения и его сердцу несвойственная вечная разлука.

Позже я часто вспоминал этого ребенка, временно живущего в земляной щели... Враждебные, смертельно-угрожающие силы сделали его жизнь при немцах похожей на рост слабой ветви, зачавшейся в камне, — где-нибудь на скале над пустым и темным морем. Ее рвал ветер, и ее смывали штормовые волны, но ветвь должна была противостоять гибели и одновременно разрушать камень своими живыми, еще неокрепшими корнями, чтобы питаться из самой его скудости, расти и усиливаться — другого спасения ей нет. Эта слабая ветвь должна вытерпеть и преодолеть и ветер, и волны, и камень; она — единственное живое, а все остальное — мертвое, и когда-нибудь ее обильные, разросшиеся листья наполнят шумом опустошенный войной воздух и буря в них станет песней.

Немцы хотят убить «Синюю птицу» человечества. Пока что они убивают всех нижних воробьев, а птица возвышается и улетает от своего врага.

На войне у людей ландшафт воспринимается иначе, оценивается каждый естественный предмет, потому что война — эта зона между их жизнью и смертью, где жизнь добывается в тяжелом труде через смерть врага, — война вместе с тем место, где надолго решается судьба человечества. Например, русское серое обычное поле является великим многозначительным образом, а супряга, когда тринадцать-четырнадцать детей и старух впря-

жены в общую лямку, тянут однолемешный плуг, символом непобедимой России...

Одно из самых опасных для народа последствий войны — разрушение семьи. Где найти нравственную силу, которая сможет противостоять губительным страстям людей, и где находятся источники их истинной любви, которыми люди обмениваются в знак верности и взаимного чувства на всю жизнь...

Сарай в дер. Малый Тростенец. На месте сожженного сарая — огромное количество пепла, обугленных костей, обугленных трупов. Среди трупов масса немецких зажигательных бомб — для усиления температуры. Люди предварительно расстреляны. Характер некоторых ранений указывает на то, что в отдельных случаях смерть наступила не моментально, а живые еще люди подвергались сожжению вместе с трупами (около 5—6 тысяч).

Еще много могил не вскрыты: Тучинки, Кальварийское кладбище, на Раковой улице, в Парке культуры и др.

По данным комиссии, в местах истребления только в области уничтожено 300 тысяч человек, не считая сотен тысяч, сожженных в кремац. печах. Из них военнослужащих — 150 тысяч.

Драма великой и простой жизни: в бедной квартире вокруг пустого деревянного стола ходит ребенок лет 2—3-х и плачет — он тоскует об отце, а отец его лежит в земле, в траншее, под огнем, и слезы тоски стоят у него в глазах; он скребет землю ногтями от горя по сыну, который далеко от него, который плачет по нем в серый день, босой, полуголодный, брошенный.

Солдат, — тайна солдата в том, что он, в его характере, в его природе и замысле «стушеваться», предоставить высшую волю другим, себе оставить исполнение, существование в тени, в безымянности...

Офицер есть образ Родины для солдат на поле боя. Никого иного нет ближе для солдата в час битвы, в час его возможной смерти.

Деятельность офицера должна доказывать любовь отечества к солдату. В этом залог победы войск.

Из записных книжек военных лет.

...Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и

через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, — тогда для души его открывается тот сокровенный источник, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего деяния и крепость веры в необходимость своей жизни.

Из рассказа «Афродита», 1946.

Размышления, которые я считал полезным записать, не всегда являются лишь интимными настроениями, выраженными в мыслях, — только поэтому я их и записывал. Они могут стать достоянием любого советского... человека, который пожелает ими воспользоваться, как ему нужно, — для себя и для других. <...> Я бы хотел, чтобы некоторые мысли, рожденные войной и долгим опытом жизни и, может быть, имеющие общую важность, не обратились в забвение вместе с моим прахом и послужили, как особого рода оружие, тому же делу, которому служил и я. А я служил и служу делу защиты нашего общего отчего крова, называемого Отчизной, я работаю всем своим духом... на оборону живой целости нашей земли, которую я полюбил еще в детстве наивным чувством, а позже — осмысленно, как солдат, который согласен отдать обратно жизнь за эту землю, потому что солдат понимает: жизнь ему одолжается Родиной лишь временно. Вся честь солдата заключается в этом понимании; жизнь человека есть дар, полученный им от Родины, и при нужде следует уметь возвратить этот дар обратно...

<...>

Во мне живет страстное желание не один раз умереть, не один раз подарить свою жизнь Родине, а несколько раз, и в этом смысле хочется жить дольше, чтобы часто иметь возможности дарить себя Отчизне целиком и каждый раз, поразив врага, спасаться самому непораженным. Я заметил, что и у других наших офицеров и солдат есть это счастливое желание, но говорить о нем никто не любит. И не надо говорить. Самое важное: крепче тыл! Эта идея владеет мною. Что она означает? Что нужно сделать, чтобы крепкая наша Родина утвердилась еще более? Народ, нация, общество устроены сложно. Отдельный человек не может быть соединен сразу, непосредственно со всем своим народом. Человек соединяется с народом через многие звенья. В этих звеньях и содержится сущность дела, в них именно находится духовная и материальная мощь народа, в том числе и военная мощь.

Первое звено — семья; в ней живет среди всех любимых людей народа самое любимое существо каждого человека: его мать, его

ребенок, его жена... Среди дорогих людей это существо самое драгоценное, оно тесно, жестко привязывает человека к жизни, к долгу и обязанностям. Вокруг этого одного или нескольких наиболее любимых людей находится священное место человека: его жилище, его имущество, дерево деда, нажитое добро. Это добро дорого не только как полезная собственность, а как живой след жизни родителей, как материальное продолжение их любви к детям и после смерти. Но смысл семьи — в любви и верности, а без них не бывает ни человека, ни солдата. Ребенок познает в семье любовь и верность сначала инстинктом, позже сознанием. Народ же и его государство ради своего спасения, ради военной мощи должны непрестанно заботиться о семье, как о начальном очаге национальной культуры, первоисточнике военной силы, — о семье и обо всем, что материально скрепляет ее: о жилище семьи, о ее родном материальном месте. Здесь не пустяки, а очень нежное — материальные предметы могут быть священными, и тогда они питают и возбуждают дух человека. Я помню армяк деда, сохранявшийся в нашей семье восемьдесят лет; мой дед был николаевским солдатом, погибшим на войне, и я трогал и даже нюхал его старый армяк, с наслаждением предаваясь своему живому воображению о геройском деде. Возможно, что эта семейная реликвия была одной из причин, по которой я сам стал солдатом. Малыми, незаметными причинами может возбуждаться большой дух.

Второе звено, второй круг более широкий. Человек работает в коллективе людей: на предприятии, в колхозе, в учреждении. Семейная школа любви и верности здесь дополняется школой долга и чести. В труде, в окружении товарищей человек находит исход своей творческой энергии и удовлетворяет в сознании общественной пользы своей деятельности естественное честолюбие. Трудовое же честолюбие при правильном воспитании его легко обращается в воинскую честь. А честь — мать смелости, она и робкого делает отважным. Следовательно, истинная культура труда является также школой чести, школой солдата. У нас в стране это звено воспитания человека было сильным местом, и в том заключается одна из причин отваги и стойкости наших войск.

Третье звено — это общество, то есть все связи человека: семейные, производственные, политические, а главное — прочие, кроме этих первых трех, связи, основанные на симпатиях, дружбе, общем мышлении, на интересе к будущему народа, к науке и искусству, на необходимости отдыха, на случайности, наконец. Через общество человек встречается со своим народом в лице его отдельных представителей, здесь он попадает на скрещение больших дорог, во взаимодействие с разнообразными людьми. Здесь

человек претерпевает великое обучение: он учится сочетанию свободы своей личности со свободою всех, в нем воспитывается мышление и инициатива в соревновании с другими людьми. Искусство взаимодействия и маневра, искусство инициативы и соревнования здесь, в общении, человеком постигается практически.

Дух общественной свободы, высокое чувство личной независимости и одновременно впечатлительное, страстное уважение к личности другого человека есть необходимое условие для успеха общественного воспитания. Тогда оно, такое воспитание, подготовит в человеке тот характер личности, который необходим для квалифицированного воина, разумного солдата своего Отечества.

За обществом простирается океан народа, общее отцовство, понятие которого для нас священно, потому что отсюда начинается наше служение. Солдат служит лишь всему народу, но не части его — ни себе, ни семейству, и солдат умирает за нетленность всего своего народа.

Три эти звена, о которых я столь думаю, и есть точное определение тыла. От них зависит качество нашего человека и воина. В них, в этих звеньях, в их добром действии, скрыта тайна бессмертия народа, то есть сила его непобедимости, его устойчивости против смерти, против зла и разложения.

...Война — проза, а мир и тишина — поэзия. Прозы больше в истории, чем поэзии. Зло еще ни разу не забивалось навеки, безвозвратно. Может быть, лишь в удаленном будущем на место солдата явится великий труженик другого рода оружия, смиряющий врагов не посредством смерти... И еще нужно нам одно — пример офицера. Без любви к своему офицеру солдат — сирота, а сирота плохой солдат. Офицер должен заслужить любовь своих солдат действительным превосходством своих человеческих и воинских качеств; лишь тогда, когда солдат убежден в превосходстве офицера, убежден до сердца, убежден своею любовью, ему легко страдать вместе с офицером и умереть возле него, когда потребует долг. Солдат здраво понимает, что несправедливо допускать гибель лучшего человека и бесчестно жить после него. Есть в нашем русском советском человеке благородное начало, унаследованное от предков, воспитанное на протяжении исторической жизни народа; это начало надо не расточать, а умножить.

<...>

Удельное значение человеческого духа в нашу войну весьма увеличилось. Дух, этот род оружия, вечен. Он действовал при катапультах и переживет танки. В него я постоянно всматриваюсь, — это моя обязанность, а не пристрастие. Прежде я писал о звеньях, посредством которых человек соединен и сращен со своим народом. Но есть еще одно средство, и оно имеет ин-

тегральное значение, оно объединяет каждого человека с его народом напрямую, объединяет с живыми и умершими поколениями его Родины. Это коммунистическое мировоззрение и мироощущение народа — когда мысль человека знает общую задушевную истину, чувство любит ее, а вооруженная рука защищает.

Народ называет свое мировоззрение правдой и смыслом жизни. Традиционное русское историческое правдоискательство соединилось в Октябрьской революции с большевизмом — для реального осуществления народной правды на земле. Тогда наш корабль вышел в открытую бесконечную даль истории, в сияющее пространство. Теперь встречный шторм войны треплет наш корабль. Наша общая вера, правда и смысл жизни из умозрения, из мысли обратились в чувство, в страсть ненависти к враждебной силе, в воинское дело, в подвиг сражения. Я думаю над тем, как нужно еще лучше, во всенародном и всесолдатском измерении, превратить нашу общую мысль, нашу философию, владеющую исторической истиной, превратить в простое, доступное всем, страстное, святое чувство, подобно молитве, чтобы оно постоянно укрепляло воина и подымало на врага его руку. Это великое, нужное нам оружие, которым мы еще не овладели, как следует им владеть, чтобы скорее сдвинуть противника с нашей земли. В этом деле большую силу имеет наше искусство. Ленин думал когда-то об увеличении значения театра, который может стать для народа тем же, чем были храмы. Он говорил о значении радио, кино и о призвании писателей как инженеров, устроителей человеческих душ. В этом вся суть: душа человека должна быть устроена, душа солдата в первую очередь. Мы многое сделали в этом отношении, но вооружать человека духом надо непрерывно, чтобы в боевом действии наш воин имел великое совершенство сердца и ума.

...В солдате есть одна особая тайна. Он, лишенный на войне семьи и привычных любимых людей, невольно, в силу свойства человеческого сердца, желает видеть в офицере замену всех тех, кого он любил, кого оставил на родине. Он хочет, чтоб и на фронте его сердце питалось чувством привязанности, а не оставалось грустным и пустым. Это естественно. Сколь многое может сделать офицер, понимая это обстоятельство, если он способен утвердить в себе высокие качества человека и образованного воина и не обманет своих солдат, готовых верить ему и любить его...

<...>

...Мы должны сдержать смертельный удар врага, направленный на всю нашу Родину, мы должны именно здесь и теперь утомить врага и расточить его силы своей обороной. В нас теперь живет тихая радость от долго длящегося подвига. Мы все пони-

маем, в чем дело. Принять на себя удар смерти, направленный в народ, — этого достаточно, чтобы быть счастливым и в огне.

Из рассказа «Размышления офицера».

Россия обильна людьми, и не числом их, — потому что Китай или Индия еще многолюднее и многосемейнее русского народа, — а разнохарактерностью и своеобразием каждого человека, особенностью его ума и сердца. Фома и Ерема, по сказке, братья, но вся их жизнь занята заботой, чтобы ни в чем не походить один на другого. Русский человек любит разнообразие: даже свои деревни он иногда сознательно строил непрочно и ненавечно, дабы не жалко их было переменить на другие, когда они погорят... Может быть, именно этим своеобразием национального характера объясняется такое странное и словно неразумное явление, как любовь нашего народа к пожарам, бурям, грозам, наводнениям, то есть к стихиям страшным, разрушительным и убыточным. Привлекающая тайна этих явлений для человека заключается в том, что после них он ждет для себя перемены жизни. Сюда же относится исторический процесс, в котором участвовала часть нашего народа, так называемое «землепроходство»: движение за Волгу, за Урал, через таежные дебри Сибири, — не движение, а проход с топором и огнем пожарища, не путешествие, а тяжкий вековой труд, — в сторону Дальнего Востока и Великого океана. Это отнюдь не легче подвига Магеллана, но с тою разницей, что в «землепроходстве» участвовала не маленькая группа людей, а целый крестьянский «мир». Конечно, здесь руководил народом экономический интерес, но экономический интерес, разрешаемый такими средствами, предполагает и зарождает в народе психологическое соответствие его хозяйственной цели, — особый порядок чувств и свое представление о действительности.

Поэтому столь трудно по большому количеству работы бывает описать, создать в словах образ основного героя Отечественной войны, его «главного генерала», — образ советского солдата, если желать описать его истинно, точно, индивидуально, не сберегая своих сил в обобщении, ибо в обобщении всегда скрывается умерщвление образа живого, отдельного человека, родственного каждому существу во всем сонме человеческого, но не подобного, не равного ни одному из них.

К войне, раз уж она случилась, русский человек относится не со страхом, а тоже со страстным чувством заинтересованности, стремясь обратить ее катастрофическую силу в творческую энергию для преобразования своей мучительной судьбы, как было в прошлую войну, или для сокрушения всемирно-исторического зла фашизма, как происходит дело в нынешнюю войну.

Даже наше мирное население в прифронтовой полосе скоро утрачивает всякий страх к войне и обживает ее. Летом нынешнего года часто можно было наблюдать, как старик крестьянин обкашивает траву на зимний корм корове вокруг подбитого «тигра», а его хозяйка вешает рядно для просушки на буксирный крюк «Фердинанда». А другой дед, не стерпев своего сердца при виде осыпающегося хлеба, косит ржаную ниву, с которой еще не убраны мины, действуя спокойно и уверенно, как бессмертный. Так можно «обжить» войну, свыкнуться с нею, пережив на опыте, что гул артиллерии, близкие разрывы снарядов и вопли авиационных бомб — не всегда смерть, а чаще всего лишь устрашение; но непрерывно устрашаться нельзя, — надо жить, а живому надо кормиться и, следовательно, работать.

Изо всех этих свойств натуры и характера русского человека, из особенностей его исторического развития рождается отношение к войне как к творческому труду, создающему судьбу народа. При этом человек не предается восторгу от труда войны, он терпит его лишь как необходимость, но и того бывает достаточно, чтобы испытывать постоянное спокойное счастье от сознания исполняемой необходимости.

Нам приходилось видеть красноармейцев и офицеров нашей армии, в которых это качество — творческое чувство войны — было основной сущностью их натуры и воинского поведения. И по нашим наблюдениям это новое, великое свойство советского солдата и офицера все более распространяется в нашей армии, являя миру образ нового воина. В нем, в этом человеческом свойстве, и содержится конкретное объяснение стойкости наших солдат в обороне и их настойчивость и терпение в наступлении. Ничего не совершается без подготовленности в душе, особенно на войне. По этой внутренней подготовленности нашего воина к битвам можно судить и о силе его органической привязанности к родине и о его мировоззрении, образованном в нем историей его страны.

Из рассказа «О советском солдате».

В лице родины всегда есть новое для чуткого сердца, в ней есть постоянно оживляющее ее своеобразие, как в тайне любви ребенка к матери, для которого мать каждое утро новая и еще более пленяющая, и он прижимается к ней, как впервые.

Из рассказа «Жизнь родного города», 1946.

Вступительное слово и составление Владимира ВАСИЛЬЕВА

Перед вами — последние письма фронтовиков, подпольщиков и партизан, павших на фронтах, в тылу врага, замученных в фашистских застенках во время Великой Отечественной войны. Многие из них погибли, даже не успев поставить своего имени в конце письма или оборвав фразу на полуслове. И все-таки они не ушли в забвение, вновь с нами говорят, даруя нам силы для жизни, заставляя нас вспомнить о долге, чести, о собственной ответственности перед Родиной, родными и близкими.

Министерством обороны СССР, Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского флота создана редакция для подготовки издания пятитомника «Последние письма с фронта». Малая толика этих писем публикуется в «МГ». (Ред.)

* * *

«Поздравляю жену и доченьку с днем 1-го Мая! В свое время, несколько месяцев тому назад, я мечтал в этот день быть вместе с вами. На деле же оказалось совсем далеко до этого. Но ничего, скоро, скоро прийдет этот желанный день. И уж тогда, как никогда, мы отметим нашу встречу.

Пару слов о себе. По-прежнему здоров. Работаю очень много. Головные боли мучительные. Дышать все время приходится тяжело. Мало кислорода. Чувствую, что маленько запаршивел, да это и не удивительно. Полгода своей жизни провел в подземелье без солнечного света и без чистого воздуха, должно же все в какой-то степени сказаться на любом живом организме.

Апрель месяц опять проходит в упорных боях. Опять стали частые налеты на город (4—5—6 раз в день). Артиллерийский обстрел города не прекращается. Севастополь превратился в груду развалин. Вчера был исключительно интенсивный налет на город. В результате масса разрушений и главное много жертв. Знаменитый институт физических методов лечения им. Сеченова вчера разрушен. В нем была масса людей, и все они стали жертвами. Однако никакие налеты и обстрелы не могут сломить боевого духа защитников г. Севастополя. Победа будет за нами. Беспокоюсь за вас, мои родные. Как вам там, далеко в тылу, приходится переносить тяжесть войны? Пишите больше о себе.

Вчера 15 апреля мы успешно закончили реализацию Гос. зай-

ма. Мой завод вышел на 1-е место в городе. Я подписался на 1000 рублей. На днях я получил две твои телеграммы от 13 марта и от 20 марта, а также открытку от 12 марта, которую писала (или диктовала) моя доченька. За открытку я был в восторге. Целуй за меня дочку обратно 2000 раз. Что слышно о твоих стариках? Пиши чаще и больше открытки. Ну а пока всего доброго. Целую вас крепко, крепко, мои родные. Ваш папа.

16 апреля 1942 года».

* * *

«Здравствуйте, дорогие родители, папа и мама, а также дорогие братья и сестры, Таня, Тося, Тася, Коля!

Во-первых и последних сообщаю, что пишу вам последнее письмо, и никто больше вам от меня ничего не напишет, и вы мне больше ничего не напишете, ибо вашему сыну жизнь сочтена в минутах. Ведем ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть. Но приказ т. Сталина выполним, хотя и погибнем на полях сражения достойными сынами своей Родины и за свою же Родину.

И заверяю вас, что погибну только героем, и никто вам не скажет, что ваш сын позорно оставил поле брани. Нет, этому не быть, не такие большевики. Мы смотрим смерти в глаза, для нас она не страшна.

Дорогие родители, передайте брату Васе, если он жив, пусть он отомстит за меня. Я больше вас не увижу, и вы меня тоже. Дорогие родители, прощаясь со своей жизнью, буду знать, что вы остались у меня все живы и здоровы, материально обеспеченные. У меня есть деньги, но переслать невозможно.

Я ранен, но не тяжело, могу ходить и писать.

Дорогие родители, пусть Тося напишет обо мне Мусе в Москву. Москва, гор. Бабушкин, 4-я Медведковская ул. Полевой городок, дом № 3/16, кв. № 4. Зудовой М.

Дорогие родители, вы обо мне ничего не узнаете, но пройдут века, история вспомнит героических защитников Севастополя, орлов, героев Черноморского флота, нашим жизням история уделит почетное место.

Дорогие родители, прошу вас, не волнуйтесь, ибо не одни ваши сыновья воюют и погибают. Я уверен, что враг будет разбит, победа будет за нами.

Прощайте, дорогие родители. Ведем уличные бои. Крепко всех целую навсегда. Ваш сын Валентин.

24 июня 1942 г.».

* * *

«Когда я слушаю последние известия по радио, у меня от злости дрожат все мускулы... Но недолго этим извергам гулять по нашим полям! Не было еще силы, которая могла бы победить такую армию, как наша Красная Армия.

Ты, очевидно, помнишь, дорогая, наш с тобой спор о твердости характера, кто кому должен уступить. И помнишь, очевидно, мои слова: «Я никогда никому не уступлю». Так и вышло, а что именно — потом узнаешь, что произошло 22 июня 1941-го.

Твой Дмитрий».

* * *

«Милая Лида!

...Ты хочешь вызвать меня телеграммой? Нельзя. Не сердись. Полеты в разгаре. И ведь ты же умная, ты понимаешь, что мне доверено самое дорогое — защита Отечества! А чтобы его защищать, надо учиться. Ведь даже тебе я не буду нужен недоучкой. А потом, понимаешь, я же эту даму со звучным именем «Авиация» люблю... Так же сильно, как тебя и Волгу. Так что терпи. Жена летчика — это не так-то просто.

Юрий.
30 июня 1941 г.»

* * *

«Добрый день, Поленька!

Привет моим милым детям, Валере и Сергею. Пока я жив и здоров. Особо серьезного еще не видел. Много паники, есть неорганизованность. Немного все нервничают. Начинаю привыкать к боевым действиям. Народ у нас неплохой. Если удастся свидеться, расскажу все. А в общем — борьба будет длительной, тяжелой, одно помни — крови прольется много, но народ победить нельзя. Мы выполним историческую задачу. Мужайся, крепись, расти ребят. Очень жаль, что мне писать пока некуда и нельзя, полевой почты пока нет, и вся дивизия еще не собралась... Целуй за меня ребят крепко-крепко.

С приветом — любящий вас отец и друг.
4 июля 1941 г.».

* * *

«Здравствуй, моя дорогая, ненаглядная!

Вот хочется мне тебе написать такое хорошее письмо, теплое такое, чувствительное, а вот что писать — и не знаю, кроме того, что жив, здоров и все в порядке.

Не время, миленькая моя, сейчас писать о том, как мы скучаем по своим близким. Ты это и сама знаешь и отлично понимаешь.

Читаю газеты, сердце кровью наливается из-за этих проклятых гадов, которые так зверски уничтожают наших жен, детей, матерей. Руки до зуда чешутся, чтобы отомстить им за все их бесчинства над нашим народом. Скоро и я смогу выполнять свой долг воина перед страной. Обещаю тебе и моим родителям, что все от меня зависящее сделаю, чтобы как можно больше пустить фашистских кораблей на дно. А ты, моя дорогая, воспитывай нашу дочурку, ведь она наша, понимаешь, наша!

Пиши мне, хотя я и не смогу сейчас получать твои письма и получу, наверное, не раньше, чем через месяц. Но все равно пиши. С какой радостью прочту их все, когда приду в Ораниенбаум. Ну, а пока, моя дорогая, крепко-накрепко тебя целую с дорогой Галочкой.

Твой Борис.
г. Таллин, 28.07.41 г.».

ПОЭЗИЯ

Владимир ТОПОРОВ

ПЕРЕКЛИЧКА

ЗОЛОТЫЕ КРЫЛЬЯ

То бранью взорвется,
То песней
Зайдется, как плачем, —
Навзрыд.
Намного мне с ним интересней,
Чем с тем, кто младенчески спит.

Душа —
Хоть в князья, хоть на паперть,
Ей, мудрой, уже все равно!
Он локтем уродует скатерть,
Чугунно глядит и темно.

Уставший от модных ужимок,
Познавший войну и тюрьму,
Мне тычет в лицо фотоснимок,
Не веря,
Что все я пойму.

И, ломаный, битый, клейменый,
Гудит:
«Ты сюда посмотри:
Какой лейтенантик зеленый —
Улыбочка да кубари!

Я здесь не под солнечным диском,
Под нимбом самим!
Через год
Рев танков
Под Наро-Фоминском
Улыбочку эту сметет...
Я тоже был молод когда-то!» —
Ударит меня по плечу.

А я-то зачем виновато
И все ж виновато молчу?

Вот снимок.
Он факт самый веский:
Не зверем глядит,
Не зверьком,
Действительно —
Ангел советский,
Улыбка под козырьком.

Нет места сомнительным думам.
Путь ясен.
Мир — черен и бел...
О как же ты, век, попотел,
Корежа его,
Чтоб угрюмо
В глубины твои он глядел!

Зло шутит:
«Мы люди простые,
Как жить,
Кто повыше, решат...»

А крылья его золотые
Под Наро-Фоминском лежат.

СТИХИ О ПАМЯТИ

Дядя Федя, теперь уж навеки
Твои слезы — Приильменья реки,
Немота — новгородские мхи...
Нынче вас, лет военных калеки,
Помнят лишь райсобесы да жэки,
И все реже — поэтов стихи.

Словно к древним могильникам братским,
Нынче к старым могилам солдатским
Только в праздники дети спешат.
Ты ж лежишь под крестом христианским,
До Берлина дошедший солдат.

Ты уже, фронтовик, неподсуден
Увереньям, что после беды
Никого и ничто не забудем
И горды нашей памятью будем,
Как Победою были горды.

И опять провожает кого-то
В вечный путь поколенье твое.
Вскоре только одно воронье,
Будет, долго живя, воронье
Помнить ад сорок первого года...

Прорастала на поле пехота,
И косили под корень ее.

Федор Павлыч, друзей только ваших,
И убитых, и где-то пропавших,
Скольких просто не помнит страна.
Где уж всех-то их знать, коль она
Помянуть не сумела сполна
Даже смертью геройскою павших
Генералов своих имена!

Ворчуном становился под старость:
— Бога нет. Закрома не полны.
Но зато у Кремлевской стены
Теснота...

Может, нам показалось,
Что, не ведая чувства вины,
Обелисками власть откупалась
От живых ветеранов войны?

Может быть, легче горсточек пыли
Наши души?
И корни легки?
Муки совести — нам не с руки?
Может быть, показалось, что жили
Рядом с нами и фронтовики?..

ЗВЕЗДА БЕДЫ

Из-под могильного креста,
Из трав забвения и мхов
Вставала синяя звезда,
Скликала красных петухов.

С ней подымалась над землей
Не вера в Родину как в мать,
А злобы пламень голубой,
А страсть холодная —
Ломать

Порядок лет,
Приметы дней,
Племен заветы и времен,
Рвать связи крови
И корней,
Вводя предательство в закон.

И цепенящий лился свет.
И ночь была, как век,
Долга.
И люди жаждали побед,
Друг в друге видели
Врага.

Сияла:
— Жалость задуши!
И человека гнев слепил.
И синий свет
Во тьме души,
Казалось, веры светом был.

Она пылает до сих пор
И разрушителей пьянит.
И для людей
С людьми раздор
Страшней, чем яд и динамит.

Но пусть лучи ее сильны,
Свет солнца все-таки
Сильней!

А ей, звезде,
Слепцы нужны,
И ночь нужна ей
Потемней.

ВЬЮГА В МОСКВЕ

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы, что делать нам!
(А. С. Пушкин. «Бесы»)

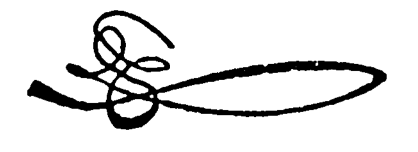
Ветра стоны и ужимки.
Меж домами снег визжит,
Завиваясь на Дзержинке,
На Манежную бежит.

Что там завтра —
Тьма ли, свет ли,
Вера ль, путь ли наугад?..
Снеговые вьются петли,
Змеи белые шипят.

И над их клубком дымится
В электрическом огне
Долгорукого десница —
Князь безмолвен на коне.

Мрачно в рев змеиных оргий
Смотрит,
Гнев святой копя,
Юрий,
Он же и Георгий,
Да вот только —
Без копья!

Москва



* * *

«Здравствуй, Ваня!

Ох и давненько мы не имели сведений друг о друге!.. А получилось вот что. Погрузились на военные корабли и повезли нас в Крым. Малоувлекательным было это морское путешествие. Большинство наших ползало по кораблю на четвереньках... Проклятая эта морская болезнь получается от качки. Но ведь это только все цветики, а ягодки необходимо ожидать впереди. Поздно ночью уже на баркасе подвели к берегу в районе между Керчью и Феодосией. Не со всех кораблей удалось сразу же высадиться десанту, попадали под сильный огонь минометов немцев. С баркаса пришлось прыгать по пояс в ледяную воду, а кругом стремятся дать нам жизни.

Представь же наше положение. Место занято противником, как после выяснилось, он знал о примерных сроках высадки наших десантов, знал и примерные места высадки, а потому был готов, заранее пристреляв всю местность, занять выгодную позицию. А нас не так уж много высадилось. На рассвете немцы открыли по нас огонь, а мы пошли на них в наступление. Спереди строчат пулеметы и автоматы, а сзади посылают одну за другой мины. Да как на грех, выпал снег, все мокрые, продрогли, мало того — перезябли. Только вечером заняли населенный пункт, откуда в спешном порядке отступил немец.

Так было принято мое боевое крещение. Было оно не из веселых. Возле меня, в метрах трех, взорвалась мина, но к... моему счастью, в меня не попал ни один осколок, а только всего обсыпало песком. Не со всеми так получалось. На другой день соединились с другими своими подразделениями и пошли следом за отступающим противником, не давая возможности ему закрепиться. Итак, начиная с 28 декабря, вступил в новую полосу жизни, стал участник Отечественной войны.

Многое пришлось пережить и повидать за это время. Видел, как дорога, по которой отступал немец, была сплошь и рядом завалена брошенными орудиями, автомашинами, тягачами, повозками, ихними же трупами. Не раз глядел смерти в глаза, да ведь она подстерегает на каждом шагу. Видел покалеченные и изуродованные трупы... Видел, как приходится страдать гражданскому населению, как оно с проклятием вспоминает хозяйничание непрошеных гостей. На своей собственной шее испытал, что такое авиация после того, как пришлось быть под ее бомбежкой и обстрелом подряд свыше пяти часов... неприятные воспоминания остаются о ней... Не обязательно нужно видеть эти скелеты с коричневыми полосами и черными крестами на крыльях. По шуму мотора сразу же определишь, чей летит воздушный гость, и на-

чинаешь реагировать на этот шум. Нет страшнее авиации по сравнению с другими родами войск.

Итак, короче говоря, испытал все прелести фронтовой жизни. Жизнь в окопах, холод, иногда голод и долгое время не давали покоя ни день, ни ночь. Фронтовые подруги, которые путешествовали по всему телу, недосыпание, неизвестно, что тебя ждет завтра, а, может быть, даже в эту минуту. Но все это ерунда. Мы знаем, за что переносим все эти лишения, переносим их терпеливо и настойчиво. Это нас еще сильнее заставляет ненавидеть ненавистного врага и с большим остервенением его бить. Сейчас положение иное, чем когда высадились. Таких, как я, достаточно, и надо ожидать, что пока идет до тебя письмо, о многом страна узнает... Приказ Сталина очистить Крым от оккупантов будет выполнен! Не подумай то, что подобные переживания только у нас. Нет, немцам, румынам и итальянцам переживать приходится во много раз больше, чем нам, от нашего огня, оружия, нашей авиации, проще говоря, нашего напора. Но факт тот, что мы люди живые думаем о живом, а поэтому не лишены переживаний.

Здесь много румынских войск. Немцы их посылают впереди себя, т. к. румыны не с охотой воюют... Было у меня когда-то желание побывать в Крыму, вот и довелось. Не представляй, что здесь так же сладко, как ты отдыхал летом 1940 года. Сейчас здесь своеобразный курорт, но не для закалки здоровья, а для закалки воли...

Надо сказать, что в моей службе произошли изменения. Я уже не в батарее, а в минометной роте, и не красноармеец, а заместитель политрука роты... Обо мне много думать не приходится. Ведь нас много, всем известно, что на войне всех не убивают, остаются и живые. Будем надеяться, что к числу последних будем относиться и мы. Да что много говорить, поживем — увидим... Конечно, письмо написал рискованно. Возможно, тебя и нет в Павлове, то пусть Лиза сумеет ознакомить тебя с ним. Пиши о себе. Привет из освобожденных районов Крыма! С приветом,

М. Тресков.

15.02.42 г.».

* * *

«Привет с фронта, дорогие папа и мама! Целую вас, сестер, бабушку, тетю Веру, Соню и всех наших близких. Вы, конечно, не сердитесь на меня за то, что я столько времени не писал. В тех условиях, в которых я нахожусь, сделать это очень трудно. Вот только сегодня выбрал время и то только потому, что наш танк в боях несколько потрепали и нужен мелкий ремонт. А завтра снова в бой бить немцев. Вот пишу письмо, но не знаю, дойдет ли, так как с пересылкой очень трудно...

С эшелона сгрузились благополучно. Правда, нас в пути немного побомбили, но все обошлось благополучно. Через день были на пункте сосредоточения. Еще через день на исходных позициях, а через несколько часов пошли в бой. Война представлялась более страшной в воображении, чем на самом деле. Когда нам поставили задачу и стало ясно, что нам нужно сделать, все сразу как-то легко стало и просто. Не знаю как кто, но я лично всей душой желал поскорей приступить к выполнению задачи. В бой ехали с песнями, смеялись и шутили. Никто и не подумал, оче-

видно, о смерти. Когда попали под обстрел ПТОРов и снаряды стали молотами стучать по броне, взял такой задор и злоба, что о себе совсем забыл думать. Было одно чувство: давить, ломать, стрелять и гнать без конца. Один снаряд выбил мое револьверное отверстие. Внутрь пахнул огонь, залетел осколок...

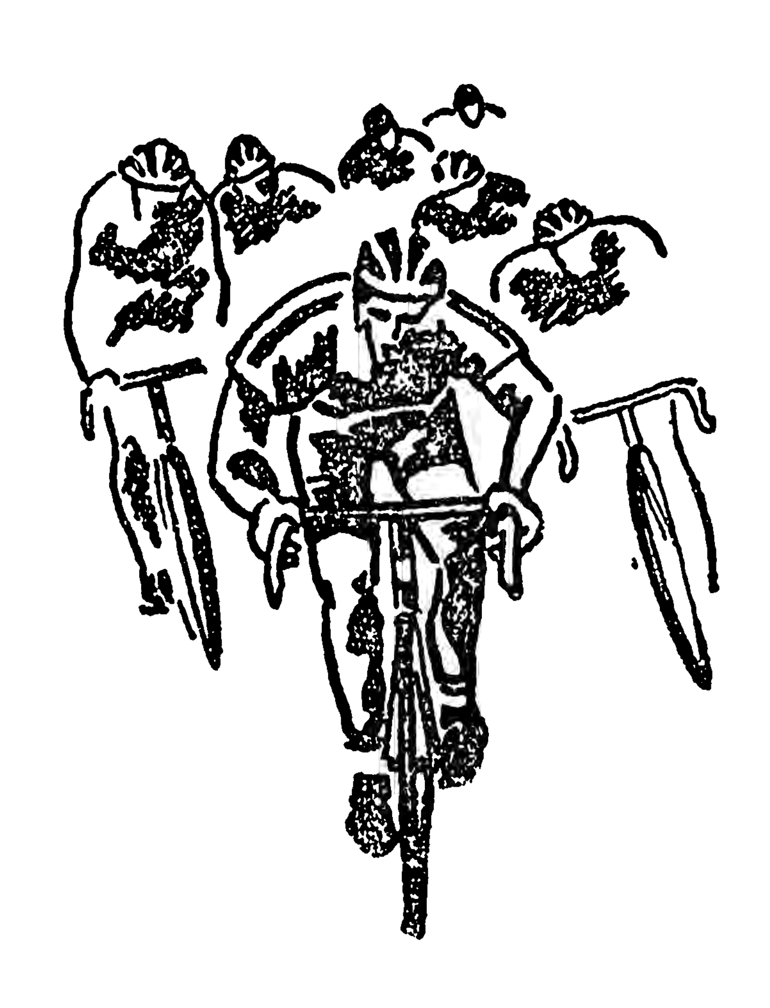
Было наплевать на все, была какая-то уверенность в себе. Когда подавили заграждения и прорвались в тыл, стало легче. Тут мы уже господствовали полностью — сначала разгромили базу, а затем раздавили двигавшуюся колонну. Танков, как ни искали, не нашли. Обратно прорывались с бешеной скоростью. Были почти вне обстрела, когда наш танк налетел на мину. Сбило ленивец, танк встал. Наступила полная тишина. Остальные танки унеслись вперед. Было видно, как немцы со всех сторон пробираются к нам, но вдруг посыпали обратно. Наши танки с пехотой ринулись в атаку. Через час то место, где мы сели, было занято нашими. Нас отбуксировали в лесок, а уже к вечеру поставили новый ленивец и были снова готовы в бой.

Отдыхать не пришлось. Ночью получили новую задачу и с рассветом поехали в атаку. На этот раз было трудней, было всего три танка. Другие танки отсутствовали... В самую горячку борьбы с ПТОРами влипли в болото и ни с места — буксует гусеница... Мы оказались за каким-то холмом, так что были недоступны для орудий. Но немцы были рядом и беспрерывно строчили из автоматов. И что хуже всего, что наша пехота не двигалась вперед, прижатая огнем, и залегла за нами. Тем временем остальные два танка возвратились обратно, не заметив нас.

Мы остались одни. Нужно было что-то подкладывать под гусеницу. Под огнем выскочили из танка и закипела работа. Я... залег оборонять танк, а двое тащили машину. Все было тщетно, танк засел. Положение было незавидное. К тому же нас начали бить из миномета. Тут невольно подумалось о конце. И опять-таки не было страшно, а была какая-то холодная решимость на все. Но пехота все же заметила наше положение...

Когда уже не было никакой надежды на спасение, вдали заревели наши танки и через полчаса нас уже вытянули. Теперь уже пехота дружно поддержала нашу атаку и немцы были отброшены. Теперь мы все уже обстреляны, набрались опыта. И война кажется простым делом... И в бой ходить так, ну как каждый день ходят на работу. Покушаем и в бой. Вернемся, заправим машину, поправишь кое-что, покушаешь, отдохнешь немного и снова в бой. Одним словом, фронт мне нравится, тут все вольно и просто. Жаль только некоторых товарищей. Из нашего классного отделения погибло 5 человек. Но ведь не без этого, ведь все-таки война. Я пока жив и здоров и умирать не думаю. Главное, мама, ты не волнуйся, не может быть, чтобы я погиб. Буду жить до смерти. А если умру, то с честью.

Гладков В. И.
Март 1942 г.».



Александр МАЛЫГИН

НИЧЕГО ЛИШНЕГО...

Рассказ

1

Никак не могу привыкнуть к фотографиям сына в газетах и журналах. На них он выглядит совсем иначе, чем в жизни: каждый раз — крупным планом; выхвачен из гонки; лицо, словно маска. Я уже давно не пытаюсь угадать: о чем он думает, когда соперники без пощады теснят его со всех сторон, жестоко прессингуют на всем пути многокилометровой шоссейной трассы, и, кажется, уже нет ни малейшего шанса вырваться и все-таки уйти из бесчисленных ловушек и капканов, чтобы их обыграть. Но победа ему нужна больше, чем кому бы то ни было. Она ему нужна позарез. Как воздух. Как глоток живительной воды в бескрайней пустыне. Поэтому он и выиграет долю секунды, ту долю секунды, которую и ощутить-то невозможно. В самое последнее мгновение его велосипед уйдет на полколеса вперед.

Вчера по спортивной программе ТВ трижды показывали победный финиш. Далеко не случайно моему сыну уда-

лось вырваться на удобную позицию для завершающей атаки. Перед этим ему пришлось резко уйти вправо. В сторону. Совершить неожиданный рывок. На фотографии в сегодняшнем «Спорте» заснят как раз этот момент. Чемпион, встав на педали, изогнулся дугой. Его лицо превратилось в камень. Он уже шел ва-банк, был уверен, что Анри Леруа спасует, обязательно притормозит (иначе не избежать падения) на вираже — вот тут-то он и уйдет. И лидер вырвался. А затем выиграл полколеса.

Нервы у меня возбуждены, лишают сна и взвинчивают воображение, словно это я, а не мой сын, отчаянным рывком выиграл финиш и сумел победить.

В спортивном обозрении Сергей Ческидов очень кстати вспомнил, как четыре года назад, стартуя во всесоюзной гонке, мой мальчик точно также атаковал, но вылетел за бровку шоссе, сломал ключицу и проиграл. А вчера вновь рискнул и победил. И я рад этому — он ведь мог спокойно финишировать в основной группе. Все равно бы сохранил свое преимущество по сумме этапов. У нас в таком положении асы чаще всего не идут в атаку; уповают на достигнутое, на мудрую тактику, экономят силы и здоровье; а мой мальчик показал, каков лидер и чего он стоит.

Я пишу сыну письмо. Он вернется и обнаружит его среди множества других. Оно не догонит его в разных странах и городах. Для этого письма настанет свое время, как оно уже пришло для тех, что написаны мной полтора месяца назад. Гонщик их взял с собой.

Я стал писать письма, когда понял, что теряю сына. Когда осознал, что он уходит от меня все дальше и дальше. Когда все во мне воспротивилось тому, как самому горькому и тяжелому несчастью — вот тогда я и стал писать письма сыну. Ничего не поделаешь, слишком коротки стали наши встречи, и мы не можем жить так, как совсем недавно, когда вместе с Марией мы составляли единое целое. Наш сын вырос. И вот мы заново себя узнаем и стремимся понять друг друга. Время нас отчаянно торопит, но в письмах мы можем его остановить и подумать над тем, что происходит с нами.

Я встаю из-за стола и подхожу к окну.

Уже поздно Ночь. Влажный после дождя, сверкающий под фонарями асфальт полон обманчивого движения, течет во тьме словно тихая полноводная река. Звезды вспыхивают в ее бесчисленных разломах и зеркалах.

Утром Мария допишет письмо сыну. Вчера вечером она тоже смотрела гонку. Просидела не шелохнувшись с первой и до последней минуты передачи ТВ, затаив дыхание и не проронив ни слова. Шла прямая трансляция, и режиссер спортивной программы показывал гонщиков то с вертолета, то с машин сопровождения — вперемежку с рекламой. В кадрах мелькали живописные сельские усадьбы. Полуобнаженные манекенщицы. Блоки сигарет. Прохладительные напитки и новые марки автомобилей. Велосипедисты шли плотно. Стремительно. Мощно. Настолько сильно, что даже таким дилетантам, как я и Мария, было ясно: просто невозможно на такой скорости кому бы то ни было уйти в отрыв. Однако километров за сорок до финиша наш мальчик начал свою атаку. Нашел в себе силы. Пошел вперед. И эффект был таков, словно, кроме нашего чемпиона, остановилась вся гонка, забуксовала на месте. Его не успели ни обойти, ни оттеснить, ни прижать к бровке шоссе. Лишь спохватившись, бросились в погоню, чтобы достать. Но разрыв увеличивался на глазах. Рос. Лидер в желтой майке уходил все дальше и дальше. И, наконец, исчез, растаял за поворотом. А режиссер нам показывал уже прекрасный, как игрушка, одноместный самолет и молоденькую летчицу. Аэродром. Простор неба. Парашютистов. Давал увидеть ленту шоссе в самых неожиданных ракурсах. И только через несколько минут вернул нас в гонку.

Как все удивительно переменилось. Пелетон уже не был рассечен, вытянут в линию и разорван внезапной атакой лидера. Гонка набирала утраченную мощь и силу. Один за другим гонщики врывались в ее реактивное ядро, каждый раз добавляя тягу в движение пелетона. Будто воды в рот набрал, молчит комментатор. Он, как и мы с Марией, в очередной раз сбит с толку неожиданным видеосюжетом. Вот он, оказывается, каков стадион в Лионе — когда переполнен, забит до отказа и яблоку негде упасть. Фанаты, обнявшись, поют свои гимны, раскачиваясь в такт. Взрываются петарды. Верещат трещотки. Ухают барабаны. Стадион ждет появления гонщиков. Я убавляю звук. И тотчас в левом углу экрана появляется крохотный рой пелетона, а крупным планом — лидер. Наш сын. У него отрешенное и неподвижное лицо. Он прекратил борьбу и скользит по инерции. Скорость его гаснет. Он уменьшается в кадре и тает. Вот-вот должен уйти в левый угол экрана на место пелетона, рой кото-

рого все растет и увеличивается. Все кончено. Его догнали.

В сегодняшнем «Спорте» журналисты уже все объяснили: у нашего чемпиона соскочила цепь. А вчера после неудачи лидера режиссер снова переключил телекамеры на Лион, и пошли заставки рекламы. Поэтому осталось за кадром, каким образом наш мальчик вышел из положения и догнал головную группу. Как перед самым финишем пробил навылет, насквозь протаранил пелетон. Мы с Марией только и увидели, как на финише ему удалось вырвать победных полколеса, выиграть ничтожные доли секунды.

Сегодня вновь будет транслироваться прямой репортаж из Франции. Скоро в Москве начнет светать. Не так уж много времени до этого старта. А каково лидеру? Он еще должен прийти в себя, восстановиться, чтобы и на этот раз финишировать первым. А Мария уже не хочет новых побед и очередного успеха. Они ее измотали, выжали до предела. Ей нужна передышка. Она считает, что сыну пора бы успокоиться и не рваться вперед и уж, во всяком случае, не лезть на рожон, как это было в предыдущей гонке. Надо и Францию в конце концов посмотреть, а не лететь по ней, сломя голову, ничего не видя и не слыша. Выиграй кто-нибудь другой этот злосчастный этап, все равно бы ничего не изменилось в этом мире, говорит она мне. Для нее не существует никакого смысла в бесконечной погоне нашего знаменитого чемпиона за медалями, кубками, призами и многочисленными рекордами. И у нее, и у меня с каждой новой гонкой только прибавляется хлопот, одиночества и бессонных ночей. Мы теряем своего сына. Он стремительно уходит от нас, лишая будущего. И, кажется, нет уже таких сил, что смогли бы его удержать. Я бы не стала брать такой платы за свои победы ни у отца, ни у матери, все чаще говорит мне Мария.

Наш гонщик должен сейчас спать как младенец. Отрешиться от всего на свете — иначе невозможно сражаться до конца, до последней черты, до последнего вздоха, при любых обстоятельствах. Я сам научил своего сына этой несложной премудрости, искренне желая, чтобы он вырос сильнее и лучше, чем я. А он стал гонщиком, чемпионом, знаменитостью, газетно-журнальной звездой. Все остальное для него ушло в какую-то иную и еще не состоявшуюся жизнь. И он не стал сильнее и лучше, чем я.

Я ложусь. Закрываю глаза. Ворочаюсь сбоку на бок.

И никак не могу задремать. Лионские призраки то и дело врываются в мое сознание. В воображении фанаты не столь уж и безобидны, как на телеэкране. Сквозь сон я слышу, как на трибунах стадиона возбужденные фанаты воют, орут, ревут и свистят. Призраки надрывают свои голосовые связки и невероятно надувают щеки. Мой сын тоже кричит. Но он кричит на финише. От немыслимого напряжения. От последнего непомерного усилия. Я знаю: так кричат на соревнованиях атлеты, поднимая чудовищно тяжелые штанги на колючих хромированных грифах.

Я цепенею от этого жуткого крика, стряхиваю с себя дрему и с облегчением понимаю: это всего лишь сон, его ужасы и кошмар. А бунтуют мои собственные нервы, но у моего сына все будет в полном порядке. Он спит как младенец и обязательно справится с волнением. В молодости самые значительные проблемы выглядят удивительно простыми. Только в молодости можно все, что угодно, загнать в преисподнюю своего подсознания. И не реагировать на окружающий мир.

2

Думая об этом утром, я не заметил дороги на завод, словно и не ехал в метро, а вышел из дома и сразу же очутился у проходной. На вахте дежурит Вячеслав Дмитриевич Ходин. Темно-зеленая форма бойца вневедомственной охраны сидит на нем как влитая. У него лицо умного, интеллигентного киноактера. Он — изобретатель.

Вячеслав Дмитриевич прикладывает свою внушительную ладонь к лакированному козырьку фуражки, нажимает на педаль вертушки, и я прохожу на завод. Я невольно прибавляю шаг. Я тороплюсь. Спасаюсь бегством — меня обжигает и мучает спокойный и умиротворенный взгляд бывшего товарища по политехническому институту. Он подавал большие надежды.

Сразу за проходной я сворачиваю на боковую аллею — в заросли акации и сирени, где кроны старых лиственниц в конце июня смыкаются особенно плотно своими ветвями в вышине, закрывая листвой солнце и небо. Воздух здесь настоян дыханием разнотравья, а по весне можно услышать пение соловья. По этой аллее я каждый день выхожу к своим экспериментальным мастерским — к четырехэтажному кирпичному зданию с окнами-витражами, боковыми боксами-стендами для испытания техники; с замеча-

тельными оранжереями под прозрачной стеклянной крышей, венчающей мастерские вместо привычного глухого чердака.

Мой кабинет — на втором этаже. Пока я открываю дверь, телефоны начинают звонить один за другим. Я вхожу и с этой минуты я — администратор. Психолог и политик. Тактик и стратег. Инженер и ученый в одном лице. И мне некогда спрашивать у себя, когда и почему я бываю жестоким и добрым, невеждой и мудрецом, талантливым и бездарным человеком. Я даю жизнь новейшим технологиям для серийного производства. Я переключаю телефоны на своего заместителя по испытаниям Георгия Щеглова. К своим двум ему еще добавятся четыре номера.

Мария говорит, что когда-нибудь эта работа меня попросту раздавит или я надорвусь. Нет ничего ужасней, если она не ладится. В такие мгновения я вспоминаю Ходина.

Я снимаю пиджак, сажусь в кресло и включаю селектор. Я жду разговора с директором нашего объединения, потому что его подготовил и предвосхитил. Но селектор молчит. Генеральный — тоже политик, тактик и стратег. Зато уроки его предшественников я великолепно усвоил, а приемы Василия Васильевича Телехтина обстоятельно проанализировал и изучил. И я беру трубку в тот самый момент, едва раздается первый звонок. Генеральный расспрашивает о здоровье, о семье, как идут дела, и только затем, как бы мимоходом, как бы между прочим приглашает меня зайти вместе с ведущим инженером Зайцевым. Ни слова о его назначении в двадцатый. Но вопрос-то уже практически решен, и я об этом знаю.

Зайцев появляется у меня в кабинете взволнованный и возбужденный: двадцатый цех огромен, как завод, и моему ведущему хочется испытать свои силы по большому счету. Он привык мне верить и уже видит себя начальником двадцатого. Я отыскал его среди талантливых ребят в машиностроительном институте, со студенческой скамьи назначил сразу старшим инженером, а еще через два года он вырос до ведущего. Он удивительно много сделал за последние три года, но талант его так пока и не раскрылся. Зайцев и меня ослепил своей поразительной работоспособностью, и, похоже, сжег свои ресурсы без остатка, прыгнув за счет этого выше головы. Из ведущих ему надо уходить. Я вовремя не заметил о прибли-

жении его катастрофы и поэтому виноват перед ним. Откуда мальчику знать о таких тонкостях? Он даже, как следует не понимает, что с ним произошло. В цехе он восстановится, и, если захочет, сможет вернуться в эксперимент. Пока и в зарплате выиграет.

Но мне неловко перед этим мальчиком. Ходин ведь тоже в свое время вспыхнул и сгорел, а теперь, когда я прихожу на завод, на вахте отдает мне честь, потому что никогда не любил и не умел командовать. Он тоже старался прыгнуть выше головы. И все-таки у меня есть уверенность, что Зайцева я не прозевал. Он обязательно восстановится, если не отравит его власть: уж очень честолюбив.

— Сегодня у меня смотрины в машиностроительном. — говорю я Зайцеву и спрашиваю: — Поедешь?

— Еще бы! Познакомите с новой волной? — У моего ведущего замечательное настроение достигает своего пика.

— Представь себе, очень хорошие ребята и не совсем еще понимают, зачем учатся.

— Такие нам и нужны позарез, — смеется Зайцев.

Он стремительно продвигается по служебной лестнице, и ему кажется, что возможности его беспредельны, а силы поистине неисчерпаемы. А я стараюсь заглушить в своей душе предательское чувство вины. Мария права: я сам работаю часто на износ, и мне не до сантиментов. Но именно потому, что на собственном опыте я знаю, как это может отозваться на других, я никогда не сумею к ним быть беспощадным; особенно к тем, кто верит мне и надеется, как на себя самого.

Я запираю свой кабинет, и мы уходим в дирекцию. Мой ведущий не в состоянии сдержать своего ликования. Ему невдомек, как все зыбко у него под ногами и в одну минуту может перемениться. А дома Зайцева считают баловнем судьбы, счастливчиком, которому самые невероятные вещи удаются с первой попытки — талантом блестящим, уникальным и удивительным.

Мария мне нередко говорит о том, что я тороплюсь, вечно спешу сделать из своих ребят гениев намного раньше, чем они окрепнут и могут ими стать. Поэтому и мучаюсь угрызениями совести.

3

На директорской «Чайке» мы едем с Зайцевым в машиностроительный. Шесть лет назад он был всего лишь

желторотым пятикурсником. Теперь новый взлет, от которого может закружиться голова.

На душе у меня смутно и тяжело. Только Мария знает, чего мне стоят всякий раз смотрины. Малейшая ошибка с моей стороны, и человеческая судьба оказывается трагической с самого начала.

Зайцев курит вторую сигарету подряд. Двадцатый занимает без малого четыре этажа огромного современного корпуса. Трехсменка. Одних рабочих около тысячи человек.

Машина подкатывает к главному подъезду института, и мы выходим. Зайцев осторожно закрывает за собой дверь. Лицо его немного осунулось и побледнело за дорогу. Поправив узел галстука, он достает из пачки новую сигарету.

Я оглядываюсь по сторонам. Студенты проходят мимо и пока на нас не обращают внимания. Новости здесь не доходят до всех сразу. Обсуждать наш визит они начнут с завтрашнего утра. Найдутся и смельчаки, которые оборвут все звонки у Георгия Щеглова, выключат его из работы на несколько дней, предлагая пройти самые свирепые испытания. Мой заместитель сам пробился через такое же сито в эксперимент, поэтому ими будет заниматься всерьез.

— Никогда не думал, что попаду на смотрины в свой институт, — говорит Зайцев. К нему вернулась уверенность. С ним уже все в порядке. И он будет неотразим. Лучше не придумать рекламы для моей извечной охоты за талантами.

Сегодня его день. Он высок, строен, на нем великолепный темно-синий костюм в полоску, белоснежная рубашка с длинными манжетами. Он прекрасен еще и от того, что очень молод, полон сил и надежд, а удача не покидала и ни разу не отворачивалась от него. Все это производит впечатление. Наверное, в таком же ореоле предстает и мой сын для фанатов, возбуждая восторг и восхищение.

— Это тот самый Шаров...

— И с ним наверняка кто-то из наших.

— Если к нему попал, считай, что встал на ноги.

— А в прошлом году из десяти практикантов никого себе не взял.

Это правда, о чем говорят студенты. И Зайцев об этом великолепно знает. Двое из практикантов достались ему.

Замечательные ребята, всю институтскую программу превзошли, но инженеров среди них еще не было.

— Никогда не думал, что вы так популярны в институте, — говорит мне Зайцев. А я думаю о том, что ему было значительно проще говорить в моем кабинете о рутине в машиностроительном и о совершенно бездарных его выпускниках.

Мы поднимаемся на второй этаж.

— Шаров.

— Это Шаров в вельвете.

— Как свободный художник с гвоздикой в петлице.

— Говорят, страшный оригинал.

— Бреется только на ночь. Как французы.

Чего только здесь не услышишь. Даже Зайцев начинает меня искоса разглядывать. Но мои щеки утром отполированы до блеска опасной бритвой. Потому и выгляжу значительно моложе своих сорока пяти лет.

А вот уже и Зайцев старается стушеваться: кто-то в нем признал очень известного члена-корреспондента.

— Феноменальная память.

— Замечательный талант.

— Теоретик. Работает исключительно по ночам.

После таких реплик уже как-то неловко и себе признаваться в том, что ты не тот, за кого тебя принимают.

Секретарша открывает дверь ректорского кабинета, и Петр Петрович Коломиец уже идет нам навстречу. Он приветливо улыбается хорошо отрепетированной улыбкой, но в глазах — жесткая настороженность и внимание. Он так и не простил мне своих практикантов. Ко мне в эксперимент он посылал лучших из лучших, а мы взяли двух третьекурсников из физтеха.

Зайцева Коломиец по-отечески обнимает. Он искренне любит своих выпускников в зависимости от их успехов. А мне дипломатично пожимает руку. И просит секретаршу принести чай.

Разговор будет долгим.

Окна ректорского кабинета распахнуты настежь. Включен кондиционер. Хозяин любит сквозняки. Лечит сквозняками даже воспаление легких. И я на всякий случай упакован Марией в броню вельвета. Чай освежает и бодрит, пока мы знакомимся с отзывами кафедр об интересующих нас выпускниках.

В который раз за сегодняшний день Зайцев с удивлением поглядывает на меня. Все правильно. Выдержке и

хорошим манерам надо учиться, чтобы быть отменным дипломатом. Но когда-нибудь мой ведущий все-таки поймет, что проявлять тактичность и понимание, снисходительность к людям — более высокое искусство, и любая прямолинейность неизбежно ведет к жестокости, самоуверенной ограниченности и нравственной глухоте.

4

Вечером я возвращаюсь домой, а Мария уже смотрит телевизор. Прямая трансляция по ТВ сегодня начинается значительно раньше, и, если ничего не случится, наш сын непременно победит в Тур де Франс. Для этого ему нужно только доехать до финиша. Важно не проиграть больше десяти минут Анри Леруа.

Ведет репортаж Сергей Ческидов и тотчас сообщает об этом. В записи нам показывают, как началась гонка, как после тридцатого километра вперед ушел бельгиец Шифо, как его догнали и затем попытался вырваться Анри Леруа. На трассе дует сильный боковой ветер, и ему не удалось уйти. Скорость пелетона невелика.

На восьмидесятом километре вновь атакует Шифо. Временами отрыв достигает трех минут, но запас уже тает: в одиночку не выстоять на такой трассе. У Шифо уже было падение. Аэродинамический костюм у него порван на плече. Он идет без шлема, работает из последних сил и еще надеется обыграть Анри Леруа.

В глазах у Марии — страдание. Она сочувствует бельгийцу. Шифо не выстоять в одиночку. Он обречен. Ческидов надолго умолкает. И комментатору тяжело говорить, стоит лишь взглянуть на экран монитора, где разворачивается трагедия. Оператор ни на секунду не выпускает из-под своего прицела Шифо. Зритель должен увидеть, как сломается бельгиец, со всеми мельчайшими подробностями — во всех красках закат великого бельгийца.

Оператор превратился в охотника.

— Невозможно смотреть, — говорит Мария и уходит на кухню варить кофе. Она тоже думает, что на месте Шифо мог быть наш мальчик.

Сын мне однажды рассказывал, как два года назад перед финишем он потерял контроль над своим сознанием, работал в состоянии грогги. Все нормализовалось, когда выехал на стадион. Но около пяти минут у него начисто выпало из жизни, как будто их не было.

Шифо, похоже, идет на свой предел. И я болею за него. Я вместе с ним. Я благодарен ему за то, что он борется до конца. Если бы так боролся Ходин, он бы не отдавал мне честь на вахте.

Сергей Ческидов говорит, что Шифо тридцать четыре года, главные его победы уже позади и он сражается с самим собой. Случится чудо, если русский проиграет, сказал Шифо.

Теперь бельгиец плывет в грогги. Он провалился во времени. Оно для него остановилось. И он не хочет сдаться и отступить.

Мария садится рядом со мной, забывая разлить в чашки кофе. Информации о том, как идет наш чемпион, пока еще не поступало. Сергей Ческидов знает цену неосторожному слову. В спорте всякое бывает. В любое мгновение ситуация может измениться.

Шифо еще выигрывает, но уже меньше полутора минут. Его догоняют. И остается еще пройти около тридцати километров.

А вот и последний крутой подъем.

И вновь наш мальчик начинает свой знаменитый рывок. Мария качает головой. Она не в состоянии понять собственного сына: ему для победы просто надо доехать до финиша, а он выжимает все на что способен. И теперь оператор охотится за лидером. Тот идет мощно и стремительно, а гонка, как и позавчера, словно забуксовала и остановилась.

5

Из аэропорта мы с сыном отправляемся домой на такси. Сегодня выходной. Мария с утра занялась пирогами. А чемпион рассказывает, как его дважды привез к победе Шифо. Я не разубеждаю. Слушаю. За двадцать лет работы в эксперименте я помогал стольким талантливым ребятам. Из них многие добились значительных постов, но раскрылись единицы, кому удалось сказать свое слово. Нет, Шифо не привез моего мальчика к победе. Во Франции он потерял больше семи килограммов. В глазах появился нехороший сухой блеск. На щеках проступил лихорадочный румянец. В последние дни нарушился сон. Хотя бы на месяц ему нужна передышка. А у него на отдых только десять дней. Потом Рим. Чемпионат мира на треке. Он хочет его выиграть в третий раз, пока есть

силы, пока нет равных, пока во всех газетах мира не сходят со страниц его фотографии и печатаются пространные отчеты спортивных обозревателей о его феноменальных победах.

Об этом он сегодня не говорит. Зато об этом написано почти во всех сегодняшних газетах. В интервью он заявил, что намерен стать трехкратным чемпионом мира. А чемпионат в Италии стартует ровно через десять дней. И я молчу. Ничего не говорю. Он поедет в Рим, потому что эта победа ему тоже нужна как воздух. Во что бы то ни стало. Несмотря ни на что.

Из-за этих побед мы с Марией страдаем в первую очередь. Так будет продолжаться до тех пор, пока чемпион не закончит свою спортивную карьеру. Тогда он снова будет никому не нужен, кроме нас с Марией. Сейчас ничего нельзя ни поправить, ни изменить. Против нас — баснословные контракты, средства массовой информации, спортивные функционеры и фанаты, традиции большого спорта. Против нас — целый мир. Сын обязательно к нам вернется. Но он может опоздать, как опоздал и я в свое время, когда не стало отца и вдруг открылось, что я его, по сути, за свою жизнь так и не узнал. И толком не понимал. Мне пришлось открывать для себя его жизнь уже по письмам и дневникам, рассказам моей матери и родных, близких его товарищей, хотя я был его родной сын и большую часть жизни прожил с ним рядом.

Мы подъезжаем к Москве, и сын начинает дремать. У него нет сил даже смотреть по сторонам. Таксист снижает скорость и ведет машину предельно осторожно. Он отлично знает, кого везет. Чего доброго, еще откажется взять деньги за проезд. Такие случаи уже бывали. Люди из самых лучших побуждений оказывают моему сыну знаки внимания и тем самым заставляют его напрягать все силы для победы. И он их ни разу пока не подвел, не обманул.

Человеческая сентиментальность — тоже против нас с Марией.

Мы заезжаем на центральный рынок, и я выбираю букет чайных роз для того, чтобы сын подарил матери свой букет. Он спит в машине, неловко привалившись к боковому стеклу, и он очень похож на мать. Как все-таки нам с ним было легко еще несколько лет назад, и Мария всерьез считала меня замечательным педагогом. И я по-

купаю для Марии свой букет. Больше всего на свете она любит полевые цветы. Для нее красота и богатство не в тонких полутонах и оттенках, а в их стремительной короткой жизни, которая нас возвращает к первозданной природе.

Такси заезжает во двор и останавливается у подъезда. Пора будить чемпиона. Он победил в Тур де Франс, вернулся из Парижа и заработал кучу валюты.

Шофер выключил счетчик, а наш мальчик спит; спит крепко как младенец. Он, как и Мария, ни за что не позволит себе расслабиться, если меня нет рядом.

Мария уже открыла окно и машет мне рукой.

— Я могу подождать, — говорит шофер. Ему за пятьдесят. Виски уже посеребрила седина. Но он, похоже, любит спорт ничуть не меньше, чем наш чемпион.

А мне сын как-то сказал: «Спорт не дает гаснуть надеждам. Каждый, испытав поражения в жизни, хочет взять реванш. И делает на меня ставку».

У меня в руках фотография Шифо. Великий бельгиец сидит на диване в гостиной рядом с юной женой. В тридцать четыре ему приходится начинать все с начала.

Время у него уже стучит у виска.

Мой сын гордится тем, что подружился с Шифо. А я вспоминаю Вячеслава Дмитриевича Ходина. Его ладонь, вскинутую к лакированному козырьку форменной фуражки. Вспоминаю своих товарищей из эксперимента, Георгия Щеглова и Зайцева, новый набор в машиностроительном институте и твердо знаю, что спорить в одиночку с собственной судьбой не каждому по плечу. И удача в этом случае чаще всего предшествует оглушительному поражению.

6

Мы рассматриваем открытки.

Лувр. Эйфелева башня. Елисейские поля. Нелепая архитектура культурного центра Помпиду. Стена коммунаров в Пер-Лашез. Сена. Кафе и бистро в Латинском квартале. Как колода карт, рассыпаются фотографии нашего чемпиона, отпечатанные в сувенирном исполнении. Аэропорт Орли за его спиной.

А я думаю о том, как месяц назад моя мать мне привезла письма отца. Самые дорогие для нее — письма с

фронта. Бумага на треугольниках местами пожелтела и покрылась ржавыми пятнами, словно со временем на ней проступила кровь медсанбатов и госпиталей. Их надо восстановить, многие фразы и слова едва различимы.

Мать не жаловалась на здоровье, но привезла ордена и медали отца, его полевую сумку-планшет, золотые полковничьи погоны с двумя зелеными просветами, нашивки о ранениях и кисет с махоркой, который он хранил, вернувшись с войны.

В полевой сумке я нашел и свои письма. Он сохранил их все до единого. Он мне писал в армию замечательные письма, когда я служил срочную, а у меня ничего не осталось. Ни одной его строки.

Чемпион достает из своей сумки все новые и новые сувениры. Он привез немало забавных и интересных вещиц. Не забыл, разумеется, о парижских духах и косметике. А я все жду, что вот-вот появятся мои письма, и сын их отложит в сторону как драгоценный дар. Но беспрерывно звонит телефон, победитель принимает поздравления, сумка уже пуста; почти вывернута наизнанку, но я, как и Мария, все надеюсь — надеюсь до последнего — что сын все-таки сохранил наши письма. А он с треском застегивает многочисленные «молнии» на импортных брюках и, перехватив мой взгляд, говорит спокойно; и мне невероятно больно слышать: «Ничего лишнего, отец».

●

* * *

«Милый Шуренок, шлю тебе боевой привет, боевой он потому, что рожден в звуках выстрелов в местах защиты нашей Родины. Я здоров, чувствую себя хорошо. Мои боевые товарищи хорошие люди, смелые, и мы живем дружной семьей. Погода стоит последние дни скверная, моросит дождь. Но весна чувствуется во всем: деревья набрали почки, скоро распустятся, расцвели первые цветы, желтые вроде колокольчиков, в перерыве между выстрелами слышится щебетание птичек. Скоро мы пойдем в баню и, возможно, на отдых, так как наше подразделение находится уже два месяца в окопах. Шуренка, милая, как мне хочется получить от тебя весточку. Как ты живешь? Я почему-то с первого числа ежедневно вижу вас всех во сне, и ты почему-то со мной не разговариваешь, все как будто сердишься. Последний раз Костенька бросился мне сзади на шею, я чувствовал его, но он куда-то быстро убежал. Я беспокоюсь о вас, мои милые, родные мои, любимые. Не случилось ли что у вас? Буду ждать с нетерпением письма. Мой адрес: Действующая армия, полевая почтовая станция 1447, с/п 772, 1-й батальон, 1-я рота. Привет маме. Пусть она не беспокоится обо мне. Целуй ребят. ...Целую тебя, мой друг. Твой Коська. 3 марта 1942 г.».

* * *

«Здравствуйте, дорогие родители, папа, мама, братья Иван Осипович и Василий Осипович и племянники Шура и Галя!

Шлю я вам свой боевой горячий привет и массу наилучших пожеланий в вашей будущей счастливой жизни. Сообщаю вам, что я жив и здоров, чувствую себя хорошо. Моя семья — Мария и дочь Люся переехали в Пензенскую область к теще, доехали они хорошо. Не так давно получил письмо от брата Михаила, он жив и здоров... Георгий погиб, известий нет, где...

Теперь мне неизвестно, где Владимир и Александр. Если вы знаете, где они, то прошу сообщить их адреса...

В настоящее время я работаю заместителем командира роты, нахожусь на переднем крае, то есть в обороне. Часто приходится стрелять по фашистам: днем и ночью, и результаты неплохие. Наша задача состоит в том на сегодняшний день — как можно быстрей уничтожить пробравшихся на нашу территорию немецких оккупантов и освободить наш город от их зверств.

Папаша, ты воевал за нашу свободу, теперь я буду сам ее защищать вместе со всем нашим многомиллионным народом. Мне сейчас хочется жить и глядеть в будущее. Я знаю, насколько бу-

дет богата наша история, в особенности эти годы — 1941 и 1942. Я буду мстить за вас, за брата, и если я погибну на поле боя, то можете меня считать героем, который боролся за честь и свободу нашего русского народа.

Дорогие родители, я вас никогда не забуду. 20.03.42 послал вам 400 р. денег, вы должны в этом месяце получить. Все недостатки, которые являются следствием войны, навязанной Гитлером, надо пережить, духом падать не надо. Сейчас вам пока трудно, я понимаю, но дальше будет легче. Пишите, как вы живете, чем занимаетесь, что нового у вас. Кто вам пишет, как живут наши колхозники. Вот пока и все. Привет всем родным, знакомым.

Затем до свидания. Остаюсь жив и здоров. Целую вас всех.

Ваш сын Алексей.

Мой адрес: Действующая Кр. Армия, ППС № 937, 2 сп. 1 сб. 1-я рота...

4.04.1942 г.».

* * *

«С боевым приветом!

Здравствуйте, дорогие Маруся, дочка Маечка и дочка Люсенька!

Шлю я вам свой боевой привет и желаю всего наилучшего в вашей мирной жизни. Здоровье у меня сейчас хорошее, ничего не беспокоит. Беспокоит только то, что и вас, — скорейший разгром немчуры...

Маруся, поздравляю с пролетарским праздником Первое мая, который в нынешнем году празднуется в обстановке Отечественной войны. Вы там, в далеком тылу, выходите на площадь отмечать те достижения, которых добились на трудовом фронте. Но и мы, в действующей армии, отмечаем наши достижения: сколько уничтожено и истреблено немецких оккупантов. В развернувшемся предпервомайском боевом соревновании силами снайперов уничтожено 239 фашистов за короткое время — они нашли себе могилу и заработали «за храбрость» деревянный крест на советской земле.

Маруся, я от вас давно не получаю писем и считаю, что это только по причине того, что наш № ПМС не зарегистрирован на Большой Земле, а вы, наверное, писали...

Писать прервал на 20 минут из-за некоторых обстоятельств...

Остаюсь жив и здоров. Посылаю открытку Маечке и Люсе.

До свидания, Маруся, целую. Передай привет папе и маме.

Н. Шаронов.
30 апреля 1942 года».

* * *

«Милая, родная моя мамусенька!

Сегодня получила от тебя письмо. Такое милое, нежное, родное письмишко. Как хорошо и легко на душе становится от каждой строчки. Любимая моя матя, живем мы с Машенькой по-прежнему хорошо, все время вместе. Живем в землянке, топим печурку, вспоминаем про всех вас, родных и близких, ходим на охоту за фрицами и за черникой, когда выберется свободное время.

Последний раз мы с Машенькой ходили на охоту на рубеж, который от нас находится за 10 км. Вышли мы с ней из нашей земляночки на горке, из так называемого «березового домика» (вся внутренность землянки была выложена беленькими стволами березок), вышли часов в 11 вечера, уже темнело. Идти нужно было через большой лес и поле ржи, а нас только двое. Мы с ней вооружились, «как большие»: винтовки, гранаты за поясом, а у меня даже револьвер ТТ (это мне один политрук дал на время охоты), и отправились.

Ночь темная-темная, все тропинки такие, кажется, знакомые. Встали мы с ней посреди поля. Кругом рожь выше головы, ничего не видно. Я говорю, направо, а Маша — налево. Спорили, спорили, решили немного вернуться. Идем — тропинка вроде знакомая, свернули, и, оказалось, правильно. А то мы уже было решили, что зашли к фрицам. Вот был бы номер. Но нам везет.

На охоте были два дня. За два дня вдвоем с Машенькой сбили 11 фрицев. Пришли домой поздно ночью 13 июля. У Машеньки температура 39,4. Я всю ночь не спала. Наутро вызвала доктора — воспаление легких. Вот так поохотились! Ну, ничего. Болезнь удалось быстро прервать сульфидином. Это замечательное средство. На третий день температура была уже нормальная. Зато у меня 38, и правая щека как кулак раздулась — флюс! Вот беда! Все не как у людей! Ну а теперь снова все в порядке.

Моя замечательнейшая Машенька шлет тебе привет и крепко целует. Для меня большое счастье, что она везде со мной... Посылаю тебе нашу фотографию. Мы только собрались идти, я пилотку поправляла, Машенька ко мне повернулась, а нас и запечатлели. Посылаем и надеемся, что она до тебя дойдет.

Ну, мамуленька, до свидания. Целуем тебя крепко, крепко. Твои снайперята Маша и Наташа.

Северо-Западный фронт. 25 июля 1942 г.».

* * *

«Здравствуйте, мои родные и любимые Валюша, Юрочка, мама, сестры и все родные. Через час срочно отправляется на фронт одна группа, и я спешу воспользоваться случаем: авось это письмецо попадет к вам. Недели две назад я послал первое большое письмо, в котором написал, что со мной произошло за это время, там же я вам сообщал, что сейчас нахожусь в одном из районов Белоруссии и сражаюсь с немецкими фашистами. Я вам писал, что я — комиссар партизанского отряда. И также просил некоторых товарищей бойцов, которые отправлялись через фронт, написать вам обо мне, что они меня видели, что я жив и здоров и, не жалея сил, воюю с фашистской сволочью. Я пишу вам сейчас письмо, и сердце сжимается: не знаю, живы ли вы, здоровы ли, где вы — в Москве или далеко? Мало надежды получить от вас письмо, но все же прошу вас и особенно тебя, моя любимая Валюша, и тебя, мой хороший, мой дорогой сынок, напишите мне...

О себе писать вам я и не знаю как. Жизнь трудная, чего и говорить. Но война есть война, и, пока хватает сил, пока теплится во мне жизнь, я буду биться и убивать их. Так хорошо я за это время узнал всю бесконечную подлость и жестокую беспощадность этой сволочи.

Мои дорогие, я вынужден прервать свое письмо. Меня несколько раз отрывали, а сейчас письмо надо передать.

Целую вас много-много раз. Ваш Семен.

20 августа 1942 г.».

* * *

«Дорогая, здравствуй!

Со стороны Кака Аррыкова приветствую Байрак, Курбаннепеса, Алланепеса и других, кто меня спрашивает. Со мной тут все хорошо. Байрак, с тех пор, как я приехал в Москву, от тебя получил два письма. Первое письмо 24 августа, а второе 3 сентября. Получив твои письма, я очень обрадовался сообщению о том, что у меня родился сын и еще тому, что Курбаннепес выздоровел. Это очень хорошо...

Байрак-хан, ни о чем не волнуйся, Советская власть вас не обидит. Затем ты говорила, нельзя ли поговорить по телефону. Байрак, разве ты не знаешь, что между нами дальняя дорога? Ты пишешь, что можешь приехать ко мне. Дорога очень дальняя. Байрак-хан, не торопись, я сам скоро приеду, только не позволяй, чтобы сыновья дрались, они, если подерутся, поранят друг друга, поэтому будь внимательней. Я им привезу конфет. Они ведь знают об этом?

Байрак, когда я получил от тебя последнее письмо, в этот день я также получил письмо от Сапардурды и очень обрадовался. Он пишет, что Байрак часто приезжает в аул, ты о ней не волнуйся... Ты написала, что наш дом в плохом состоянии, и Агаев, председатель горсовета, не дает дом. Хорошо, я ему напишу, ты успокойся. Не может быть, чтобы нам не дали дом... Денег много не трать. Меня там нет. Ребят не обижай. Если будут заходить Тойчи, Сапердурды или Чары, ты не стесняйся, спрашивай у них продукты и дров. Сейчас это не стыдно. Когда будет стыдно, я сам тебе скажу. Хорошо?

Байрак, как ты сама писала, если сидеть и писать, то есть много, о чем писать. Когда ты писала письмо, ты сообщала, что Алленпес-джан плакал. Может, он спать хотел. Байрак, иногда у меня так сильно звенит в ушах, ты, наверное, или бьешь Курбаннепеса, или ворчишь. Я тебя прошу, моих сыновей не бей, не ругай, не обижай. Понимаешь, Байрак-газель?

Ну хорошо, до свидания, до скорой встречи.

Письмо написал Аррыков Кака...

Это письмо не раскрывать, передать Байрак.

4 октября 1942 г.».

СТИХИ МОЛОДЫХ

Геннадий ЧАЛОВ

БОЛЬШАК

МАТЕРИ

Закат врезался в небо раной
кровной.
Багровы тучи за твоим окном.
Кругом:
От Криволучья до Мяснова
Сердцам пылать с землей в огне
одном.

Ты говорила, что рвались снаряды,
Подруги день и ночь копали рвы.
Не до нарядов было,
Если рядом
Друзей все меньше, а земля в
крови.

Бомбежки и пожары
В тульских парках
Дубы валили на опавший лист.
Бывало от пожаров небу жарко —
Враги не на морозе обожглись!

Постигну ль то,
О чем ты рассказала?
Был город ослеплен и оглушен...
Жаль, красоты в закате видишь
мало —
Тебе войну напоминает он.

БОЛЬШАК

Клинок зари рассек ночную тьму.
Муравский шлях
Мощен в степи костями;
Хрипя, прошли столетья по нему,
В крови, огне, шальными табунами.

Дорога неблизка да широка...
«Сойдемся, брате...

Съставим слово к слову...»

В груди Руси осталось на века
Победной раной поле Куликово.

Как наши муки, долог склон холма,
Поло́н терзали плети, сталь и голод,
Но тлела и турецкая чалма,
Не раз бывал и ханский шлем расколот.

Бессильны поле наше полонить
Степные орды, рать Наполеона;
Вслед самозванцам давним,
Шлях, как нить,
Увел в бесславье пруссака-тевтона.

Рубеж святой —
Лесных засек черта!
Набегов смерчи гасли в пепелищах.
Издревле нравом Русь моя крута,
Но и добра
К тому, кто дружбы ищет.

Рассвет поверг на раны пашен тьму.
И боль Руси,
Пылая алым жаром,
Огнем прошла по сердцу моему —
Наш хлеб впитал Отчизны кровь недаром.

Москва

* * *

«Привет всем родным и знакомым.

Здравствуйте, дорогие мамочка, Лиза, Оля и Павлик.

Привет Аве, Рудочке, Галочке. Привет Нине, Андрюше, Вовочке, Юрочке, Герочке.

Письмо сегодня получила от Оли, вчера от Лизы, за которые очень и очень благодарю. Я очень довольна, что вы меня не забываете. Как вы живете, как здоровье? Как, мама, ты себя чувствуешь? Береги свое здоровье.

Пару слов о себе. Живу я хорошо, обычной красноармейской жизнью. Иногда хочется повидать всех родных и знакомых. Но это, очевидно, будет только в 1943 году. Живем, не скучаем. Весело. Я добилась еще кое-каких успехов. Вчера у меня был особенный день в моей жизни. Инна будет бить танки. Ездили на стрельбище. Я стреляла из карабина на «отлично». Из нагана — на «отлично». Скоро будете читать в газетах обо мне.

На фронт пойду не только оказывать помощь бойцам, но, если понадобится, возьму в руки грозное противотанковое ружье. И не один танк вспыхнет от моей руки, это говорит вам не только дочь и сестра, но и достойный боец. Передайте Юре, что за Гришу отомщу. Было бы очень хорошо встретиться с нашим А. Я давно ничего не знаю о нем, где он и что с ним? Сейчас он едет на фронт. Увидимся ли мы с ним? Но думаю, что да. Молодость победит. Лиза, почему ты ничего не пишешь?..

Оля, я очень довольна твоим письмом. Узнай адрес Вали М. и пошли мне. Передай всем девчатам по привету, пусть пишут... К нам сегодня или завтра приедут гости из Ижевска, Воткинска, что-то привезут, подарки. Сейчас готовимся к празднику, Октябрьским торжествам. Я пою песенку «Иди, любимый мой, иди, родной». Этой песни слова мне напоминают Игоря.

Там, где кипит жестокий бой,
Где разыгралась смерти вьюга,
Всем сердцем буду я, мой друг, с тобой,
Твой путь я разделю, как верная подруга.
Иди, любимый мой, иди, родной.

Все-таки я люблю его. Люблю как близкого, дорогого человека. Если все будет в порядке, мы вернемся с ним домой, и тогда, тогда... в общем, вам понятно. Хотя сейчас об этом не время говорить. Пишите. Буду ждать...

Еще раз поцелуйте за меня Галочку, Рудочку и всех детишек. Настроение прекрасное, окружена вниманием и заботой.

Ваш красноармеец, теперь младший командир — Инна.

4.11.42 г.».

* * *

«Дорогая Ксения! Милые мои детки Рая и Вячик!

Вчера в бою с карателями меня тяжело ранило в горло, трудно дышать. Думаю, жить осталось недолго, но я не падаю духом. Завтра идем на прорыв блокады, и, если потребуется, буду сражаться, пока хватит сил. Я делал все, как и мои товарищи по оружию, чтобы приблизить победу. Но не всем суждено дожить до нее.

Прощайте, милые мои. Помните меня, я вас так всех любил.

Привет маме и всем нашим. Не переживайте — война без жертв не бывает.

Ваш Нил и папа.
Вадинский лес. 3.02.43 г.».

* * *

«Здравствуйте, милые Клавочка, мама, Лидочка и Галочка!

Клава, что-то ты молчишь. Ты себе представить не можешь, как я беспокоюсь о вас. Месяца два тому назад получил от тебя записку с несколькими словами, и ты знаешь, как я был рад, что вы живы. Ведь я от вас до той записки не получал никаких известий ровно восемь месяцев, в результате чего мне в голову лезли разные нехорошие мысли, а какие — сама знаешь.

Обо мне не беспокойтесь, я жив и здоров, таким надеюсь быть и в дальнейшем. На днях пришел с моря с очередной победой — уже на моем счету 9 штук утопленных немецких кораблей. Все это за гибель Котина, страдания твои и моих милых детей, за гибель друзей и за все переживаемое нашими советскими людьми. Мы и в дальнейшем с еще большей силой будем бить врага.

Клава, в предыдущем письме я тебе писал, что сейчас я плаваю на одной лодке с Федей Видляевым.

Пиши, дорогая, быстрее о себе. Привет от друзей.

Целую крепко своих милых дочурок Лидочку и Галочку и милую тещу.

Ваш Андрей.
27.04.43 г.».

* * *

«Здравствуйте, дорогие папа и мама!

Шлю вам привет и самые наилучшие пожелания. Сообщаю вам, что я жив, здоров, того и вам от души желаю.

Дорогая мама, получил я твое письмо, которое ты писала 6 июня, которому я был безмерно рад... Письма я получаю часто, от всех родных, так что скучать не приходится.

Один я остался, кто поехал со мной на передовую. И пробыли в наступлении с 14 марта по 24 марта, и с тех пор я больше никого не видел. Может, они в госпитале, то они бы написали.

В наступлении я много чего видел, а раньше это я в кино только видел. Был я и под бомбежкой, и под артналетом, и под пулями и минами. В наступлении с немцами встречался вплотную. Когда мы выгнали их из траншей, то здесь началась сильная минометная стрельба. Я забрался в ячейку, а там был немецкий унтер-офицер. Он хотел бросить в меня гранату, в это

время я спрятался, и граната пролетела. Тогда он решил бежать, но был ранен в ногу, и я его убил очередью из автомата. А потом сидел на нем, пока не прекратилась минометная стрельба. И это все произошло в тот день, когда я прибыл на передовую. Сперва, конечно, жутко было, а потом сразу все прошло. В момент наступления хорошо действовали наши «катюши». Теперь опишу о своей жизни. Живу я хорошо, так что лучше некуда, кушаю сколько влезет, получаю сухой паек, и это мне вполне хватает... Только я прошу, мои дорогие, за меня не беспокойтесь.

Ну, пока до свидания. Остаюсь крепко любящий ваш сын Владимир.

Передавайте привет всем своим родным, знакомым и соседям.

27.06.43 г.».

* * *

«Добрый день! Здравствуйте, дорогие родители! Шлю вам свой красноармейский привет и желаю всего хорошего, а главное — здоровья. Еще здравствуйте, мои дорогие сестрички: Маруся, Люся и Катя! Отдельный привет крестнику Васе.

Сейчас нахожусь на фронте— от передовой 20 км, в лесу. Ничего абсолютно не делаем. Спим целые дни в кустах и ждем приказа для наступления.

Как только выйдем на формирование, надеюсь, приеду к вам дней на десять. Это будет приблизительно в сентябре. Да и война скоро кончится. Все условия для перехода в наступление по всему фронту у нас есть, хотя, конечно, враг еще силен...

Наверное, немецкие самолеты вас больше не тревожат. Они даже здесь не летают, а наши каждый день сотнями пролетают над нашими головами. Даже сердце радуется, уже не то, что было в 41-м и 42-м. Уже нет у него преимущества в самолетах, танках.

Теперь прошу вас сообщить мне: как у вас полевые дела, посадили ли картошку? Какие у вас там новости?

Вот и все. До свидания.

Ваш сын Мологский М. П.
10.06.43 г.».

* * *

«Здравствуйте, дорогая мамаша, Сергей и Вова! Шлю вам свой боевой офицерский привет с фронта. Сообщаю, что я пока жив, здоров, чего и вам желаю. Мама, вы пишете, что у вас сейчас идет заготовка дров и сена. Хорошо, но вы пишете, что трудно с вывозкой. Обратитесь в з/зерно, должны же дать лошадь хоть ненадолго, несколько раз съездить. Пишите заявление или действуйте через штаб помощи семьям военнослужащих, который должен быть в поселке. Насчет хлебного пайка то же самое — постарайтесь, я ведь писал в райвоенкомат, и об этом должна знать партийная организация, то есть райком партии должен содействовать в снабжении семей фронтовиков. Не должно же быть так, что мы здесь проливаем кровь за Родину, а мои родители голодают и не обеспечены необходимыми средствами для существования. Если это так или какая-нибудь сволочь пытается сде-

лать так — ей несдобровать, закон на нее найдется, и быстро она окажется здесь же и вот тогда узнает, что такое война и фронт.

Я, мама, просто за вас переживаю. Я нервный человек и только подумаю, что ты нас вырастила, мы воюем на пользу Родины, а какая-то пузатая скотина, быть может, живет за ваш счет.

Я не говорю, что кругом так, но такие люди есть и их надо выводить на чистую воду и искоренять, чтоб не мешали нам быстрее закончить с гадом.

Мама, за меня прошу не беспокоиться. Обстановка усложнилась очень крепко. Вот-вот иду биться с врагом в рукопашной схватке по-настоящему, так чтобы всех их до последнего уничтожить на нашей земле.

На этом заканчиваю. До свидания.

Ваш сын и брат Михаил Татаринцев.
12.09.43 г.».

* * *

«Здравствуй, милый Рыжик!

Жив. Здоров. Находимся на прежнем месте. Живу в землянке, правда, очень большой. Федьков живет со мной... Сегодня у меня большое несчастье. Янков (знаешь, такой с усами, который ездил провожать тебя вместе с Шофетом Паненковым) погиб. Война, конечно, не без этого. В остальном все по-прежнему.

Милый Рыжик, пиши срочно, когда будет то, что мы с тобой ждем...

В остальном все на прежнем месте, хотя было «жарко». Сейчас у нас сильная метель...

Ну, будь здорова. Привет мамаше. Крепко целую.

17 января 1945 года».

* * *

«Дорогая моя, после твоего отъезда 22 сентября со всей остротой почувствовал одиночество... Безумно скучаю по тебе, но дело защиты Родины столь серьезно, что у коммуниста не должно быть на сей счет никаких колебаний.

Тебе приходится несладко далеко от родных мест... Но ничего, голубка моя, ты все же в родной Советской стране, и никто не даст тебе погибнуть от нужды... Чувствую безмерность твоего одиночества. Но Родина страдает бесконечно больше, чем отдельные люди, и потому я стараюсь заглушить сердечную боль и беспокойство о тебе... Хочется верить, что еще встретимся и будем жить вместе. Но если случаю будет угодно нас разлучить навеки, сохрани, дорогая Клава, обо мне воспоминание как о человеке абсолютно честном по отношению к своему долгу перед Родиной, перед народом. Всегда и неизменно я был правдив и честен также и по отношению к тебе...»

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Роман *

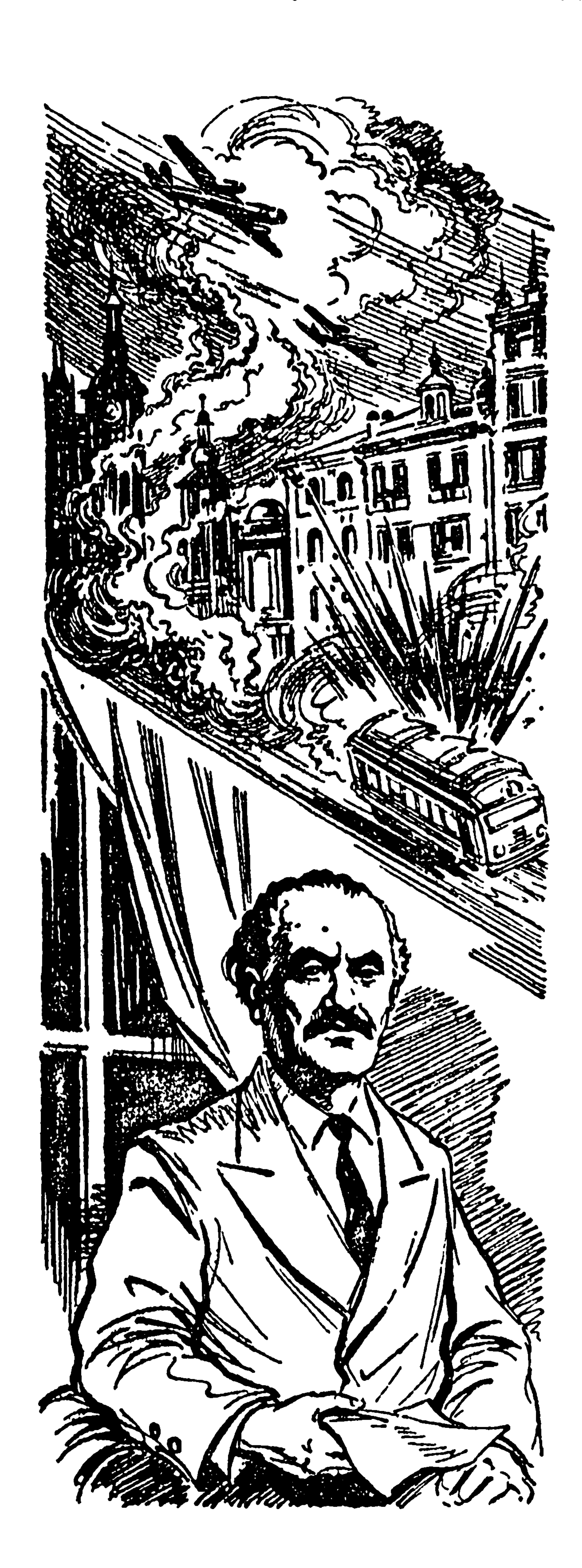


Рис. Ю. Макарова

ЧАСТЬ II

Быть нам или не быть

«Быть или не быть — вот как история поставила сейчас вопрос перед болгарским народом и его руководителями. Время не ждет. Решение этого вопроса нельзя затягивать, если Болгария хочет жить и развиваться как самостоятельное государство в обществе свободолюбивых наций».

Георгий Димитров.
«Кризис в Болгарии»

«23 июля 1944 г. Воскресенье. В 10 ч. встреча с министром - председателем. Докладывал по вопросу о шумкарях **. Войска снова приступают к операциям... На сей раз Багрянов мне очень понравился...

---

* Окончание. Начало в № 4

** Шумкари, или шумцы, — от «шума» — лиственный лес (болг.). Так называли партизан 40-х годов, скрывавшихся в лесах.

...После полудня г. Станишев откровенно говорил с г. Филовым. Очень обеспокоен ростом подполья...»

Из дневника регента генерала Михова.

«27 июля 1944 г. Четверг. В 9 ч. мы, трое регентов, встретились с министром-председателем Иваном Багряновым...

...Решили после полудня созвать совещание: ген. Русев, д-р Станишев, ген. Трифонов, ген. Попов, ген. Димитров. Жандармерию подчинить Военному министерству для борьбы с подпольщиками. До конца августа покончить с нелегальным движением...»

Из дневника регента генерала Михова.

«За немедленные и смелые повсеместные действия, на решительную борьбу за свободную, независимую и демократическую Болгарию! Немцев — вон из Болгарии!»

Август 1944. Из документов ЦК Болгарской рабочей партии.

1

После бомбежки десятого января София опустела. Тот, кто мог уехать, спешил убраться подальше от неприятностей, пожаров, смерти. Развигоров долго думал, куда вывезти семью. В Чамкории у него была скромная дачка, но власти отвели ее для нужд немецкого посольства. Хорошо еще, что Бекерле она не понравилась. Решение властей Развигорова очень задело. Когда потребовалось отдать один из принадлежащих Бурову домов регенту Михову, к банкиру ходила целая делегация, а его, Развигорова, даже спросить не соблаговолили. Но гнев — плохой советчик. Константин Развигоров часто говорил это своим детям, а сейчас повторял сам себе. Поначалу, обиженный и злой, он решил не показываться в Чамкории, но раздумал — туда хотели ехать его жена и дочери. Он-то сгоряча собирался отправить их на север: там у него размещались мельница и довольно сносный дом, правда, несколько запущенный, но Константин знал, что Александра не захочет ехать, ведь ее привлекала Чамкория. Не желая усугублять и без того неважные отношения с дочерью, Развигоров приказал готовиться к отъезду в Рилу *. К его удивлению, Елена, бледная, подавленная, пришла к нему в кабинет.

— Что случилось? — поднялся Развигоров.

— Плохо, Косьо, — пожаловалась она.

Развигоров подумал, что Борис или Михаил погибли при вчерашней бомбежке.

* Рила — горный край на юго-западе Болгарии.

— Ну говори же!
— Александра...
— Что Александра?..
— Там... У них с Эриком... Они с Эриком... в общем... попались.
— Так... Хорошенькое дельце... — сказал он и сел. Собравшись с мыслями, добавил: — Впрочем, другого я от этой любви и не ждал... Чего, кроме глупости, можно ждать от двух идиотов. — Побарабанил пальцами по столу. — Ладно, слезами горю не поможешь...
— Что же делать?
— Что делать? Она — родит, я буду качать коляску, ты петь песенки... Самое время для песен!..
Елена молчала. Она знала нрав своего мужа: если перебивать, он станет еще язвительнее. Молча смахнула слезы.
— А этот, фон-Олух, о чем думает? — спросил муж.
— Уже получил приказ отбыть на Восточный фронт. Но сначала он хотел бы жениться...
— Никакой женитьбы! — вскочил Развигоров. — С Восточного фронта никто не возвращается. А раз его отозвали из миссии, значит, немцы все пронюхали и посылают его в наказание. Прощения не будет...
Пройдясь по кабинету, приказал:
— Позови ее!..
Ожидая дочь, искал выход из положения. Гинекологов в городе достаточно, но хороших специалистов мало. До сих пор он имел с ними дело только при рождении детей, но знал, что доктор Балчев, например, почтенный человек и ему можно доверять. Нужно только спешить, пока он не уехал куда-нибудь. Когда Александра вошла, он уже переговорил с доктором. Тот может принять их сегодня вечером. Балчев не знал его дочери, а Развигоров не сказал, что речь идет о ней — якобы его приятель нуждается в помощи. Срочный случай. Врач тут же понял, о чем идет речь.
Шоферу велели поторопиться. В Чамкорию отправлялись Елена и младшая дочь. Развигоров постарался, чтобы Диана не узнала о случившемся. Он сказал, что Александре нужно встретиться с Эриком перед отправкой на фронт. Это была святая ложь. Когда машина тронулась, Развигоров обхватил голову руками, ему все осточертело. Сколько же можно! Дети доставляли ему одни заботы, и все большие и большие. И этот немец — как он влез в их дом?! И где его только нашел Борис?! Как случилось, что он принес им такую беду! Собственно, в глубине души Развигоров ждал подобного. Эта фальшивая немецкая бравада, эта бранниче-

ская* демагогия, все эти глупые восторги кружили головы даже сформировавшимся людям, чего же ожидать от девчонки! Наверное, он пел ей о печальном солдате, о француженке Лили Марлен, о свиданиях под фонарем, а этой курице много ли надо...

Александра сидела в большом кресле, непохожая на себя. Черные волосы спадали на глаза, бледные руки с пожелтевшими от табака пальцами лежали на темной коже подлокотников. Посмотрев на дочь долгим тяжелым взглядом, вдруг ощутил ком, застрявший в груди — непрошеная жалость, о которой он и не подозревал, настигла его и заполнила собой все его существо. Он видел себя в каком-то водовороте, где все страшно и незнакомо. Его куда-то со свистом несло во времени и пространстве, темный мрак сползал с гор и укутывал поля, но Константин должен бороться за себя и за своих детей. Подойдя к дочери, положил ей руку на голову. Неожиданная ласка заставила Александру сжаться как от внезапного удара. Она ожидала тяжелых, как молот, слов, брани, чего угодно, и вдруг — мягкая и теплая отцовская рука... Девушка схватила руку, прижалась к ней и зарыдала.

— Ничего страшного, — глухо сказал отец, — ничего-ничего... Хорошо, что доктор Балчев согласился...

Через две недели Константин Развигоров решил отвезти Александру в Чамкорию. Все обошлось без осложнений. Доктор Балчев хорошо сделал свое дело, и Развигоров не поскупился, обеспечив ему три месяца спокойной жизни в провинции. Доктор собрался поехать в деревню к родным — жизнь там дешевле. Ему, конечно, нашлось бы место в Чамкории, но крестьяне превратились там в настоящих спекулянтов. Все сильно подорожало. К тому же иностранцы со своими швейцарскими франками совсем обесценили лев.

Доктор заверил, что Александра уже может ехать в провинцию. Прежде чем тронуться в путь, Развигоров отнес в машину несколько одеял. В горах было холодно и снега навалило больше метра. По дороге оба молчали. Наконец, собравшись с духом, она спросила, уехал ли Эрик.

— На следующий же день, — сказал Развигоров. — В ящике я нашел письмо для тебя...

Александра притронулась к конверту, словно к раскаленному утюгу. Эта нелепая случайность, конечно, нанесла ей непоправимую травму...

Развигоров был настроен на раздумья, на философствование. Отказавшись от министерского поста, он открыл в себе другого

* Бранники — молодежная полувоенная фашистская организация.

человека и часто поверял ему свои мысли. Никогда не стремившийся стать политиком, Константин считал, что человек, занимающийся чем-либо, должен знать свое дело в совершенстве. Политики же, вроде известных Развигорову, ничего за душой не имели и ничего не умели. Уходит дорогое время. Красная Армия приближается, а правительство в столбняке. Погнали войска воевать с лесовиками *. О таких людях, которые взобрались наверх, старый чорбаджи Косьо Развигоров говорил: «Когда с... сверху, не думай, что никто тебя не видит». Поговорка деда запомнилась. Не забыл Константин Развигоров и его хитрую усмешку под роскошными белыми усами. Чорбаджи Косьо из Габрова был русофилом. И, когда заходила речь про дядо Ивана **, глаза его торжествующе округлялись, рука поднималась, словно для благословения, и он густо басил: «С Россией шутки плохи. Она как большое колесо под уклон — все подомнет... Наполеон, хоть и увидел Москву, но жизнь проглядел». И Константин, его внук, все больше убеждался в правоте деда. Каждый, кто затевал войну с Россией, терпел неудачу. После революции Антанта против России выступила — в море оказалась, эти сейчас до Сталинграда дошли — в мешок попали, да еще в какой мешок! А если одна гигантская армия попадает в мешок, значит, есть другая, большая, которая может ее туда запихнуть... Константин Развигоров боится того, что происходит на Восточном фронте, но нельзя закрывать на это глаза, как делают многие... Упорно ходят слухи о новом германском оружии. Одни говорят, что это какие-то самолеты-невидимки, другие, что это — жидкость, которая замораживает атмосферу, ничто живое не сможет остаться там, где применят новое оружие.

Поживем — увидим. Развигоров не очень-то доверчив, но если получится так, как Гитлер обещал Филову, то неплохо... Вот тогда пусть предлагают пост министра — он не откажется.

Развигоров велел шоферу остановиться у моста перед Самоковом: впереди лежал глубокий снег, машине не пройти. Свернув на обочину, шофер пошел искать сани...

2

В последнее время германская военная миссия не спешила осведомлять полномочного министра о своих делах. Адольф Беккерле чувствовал, что регулярная связь с военными нарушается. Либо они не желали его информировать, либо сообщать было нечего. Одно точно: дела у них шли неважно. Всюду большая напряженность. После жестоких бомбардировок Софии англофилы

* Лесовики — шумкари.

** Дядо Иван (дед Иван) — так в Болгарии называли русских еще со времен русско-турецких войн.

уже готовились встречать американцев и англичан. Открыто говорили, что в ближайшее время ожидается десант либо в Беломорье *, либо в центральной Греции. Бекерле не верил этим слухам. Доходили сведения и об усиленной подготовке к открытию второго фронта. Вся германская военная машина готовилась дать сокрушительный отпор коварному Альбиону. И в этой связи разговоры о новом оружии поддерживали дух, вселяли надежду.

Правда, Адольфу Бекерле многое тут неясно. О новом оружии говорили шепотом, никто не знал, есть ли оно, видимо, еще в производстве, но вскоре должно появиться, иначе спасение рейха под вопросом. А пока шло отступление по всему Восточному фронту. Войска большевиков уже приближались к границам Румынии. Бекерле почувствовал, как военная форма сдавливает его, как откуда-то изнутри вырываются ругательства.

В сущности, у кого сейчас, при нынешнем положении вещей, нервы в порядке. Шенебек вымотан полностью, и болгары настоятельно требуют отозвать его. Шенебек долго успокаивал их своими сказками, но когда англо-американцы свободно разгуливают в болгарском небе, у болгар есть все основания протестовать и требовать его отзыва. В интересах истины следует заметить, что к болгарскому протесту приложил руку и сам Бекерле, ведь Шенебек совершенно забылся. Из своего знакомства с фельдмаршалом Герингом сделал защитный зонт против всех и всего. Чем раньше он уедет, тем лучше для дела. Может быть, его заместитель окажется понятливей и исполнительней...

Следует сохранять уверенность и спокойствие. Неплохо, если здесь, в Чамкории, Бекерле увидят в кафе в военной форме — это вдохнет в них немного бодрости. Русский полномочный министр ** часто посещал Чамкорию, а недавно почти два часа беседовал с Атанасом Буровым, этим отъявленным англо-франкофилом. Бекерле приказал шоферу подготовить «Штейер» в дорогу и пригласил с собой жену и Мормана, старого знакомого.

Посещение Чамкории его взбодрило. Снег еще лежал, но и солнце било ослепительно. Лишь в душных кафе угнетала атмосфера подозрительности, слухов и сплетен. Бекерле не остался неузнанным. Не успел появиться в дверях, как хозяин кафе бросился ему навстречу. Вытерев передником один из столиков, накрыл его чистой скатертью и чинно вытянулся в ожидании заказа. Посол был удивлен его ловкостью и заученной любезностью — мало оставалось собственников, которые дорожили клиентами, особенно сейчас, когда карточная система все расшаты-

* Беломорье — земли на побережье Эгейского моря (болгары назвают его Белым), потерянные Болгарией в балканских войнах и возвращенные ей Германией в 40-е годы.
** Полномочный министр — посол.

вает, накладывая дурной отпечаток и на взаимоотношения людей. Заказали кофе, воду и варенье. Для таких гостей у хозяина нашелся чистый греческий коньяк. Был ли он настоящим или настоящей была только бутылка с этикеткой «Метакса», знает один господь бог, но Бекерле почувствовал себя польщенным.

Фрау Бекерле, развеселившись, объясняла Морману особенности психологии болгарина. По ее мнению, болгарин — это человек с недостаточной уверенностью в себе, но с ощущением, что он умнее всех остальных.

— Взгляните на хозяина: униженно кланяется, но подаст вам счет — ахнете, ведь он считает себя умнее вас.

Морман громко расхохотался.

Его смех привлек внимание сидящих за соседним столиком. Там расположились Цанков, его зять и еще несколько пар. Бекерле заметил их сразу, но не подал виду, желая выяснить, как они прореагируют на его появление. Как только Морман расхохотался, профессор Цанков встал и подошел поздороваться с мадам Бекерле и ее спутниками. Несмотря на то, что услужливый хозяин поднес ему стул, он не соблаговолил присесть к столику Бекерле. Посол прекрасно понимал, почему Цанков соблюдает дистанцию. Как ни старались его люди найти Цанкову подходящее место в правительстве, ничего из этого не вышло. Но сам Цанков видел причину неудач в позиции немецкого полномочного министра, и поэтому демонстрировал некоторое недовольство. Эти игры были знакомы Бекерле, они тоже входили в понятие болгарского характера, о котором только что рассуждала его жена. Он достаточно долго жил среди болгар, чтобы разбираться в некоторых присущих им чертах. В ближайшее время Адольф Бекерле думал пригласить профессора на разговор, чтобы открыть ему глаза: Филов не хочет Цанкова, боится, как бы он его не сместил.

— Если потребуется, — сказал Филов, — Цанков будет резать свой народ, как даже турки не резали болгар...

Достаточно красноречиво.

Цанков поговорил о погоде, о людях, о скуке, спросил, долго ли они тут пробудут, и поспешил вернуться к своему столику.

3

Столица была сильно разрушена, но жизнь шла своим чередом. На дворе стоял февраль, снег начал таять, налетел даже короткий дождь, чтобы помочь таянию снега. Тут и там торчали грязные сугробы. Трудовая армия старалась очистить главные

улицы от разрушений, и мусорщики давно уже не обращали внимания на снег.

Константин Развигоров часто наезжал в столицу по своим делам. На чулочной фабрике все шло хорошо; мельницы, несмотря на обнищание крестьян, по-прежнему приносили ему доход. Адвокатская контора работала без передышки. Люди продолжали судиться, убивать друг друга, клеветать. Несчастья никого не сделали умней и человечней. Двое служащих Развигорова — стажеры — без устали бегали по судам, стараясь привести в порядок то, что время и люди непрестанно запутывали. Банкир Буров в последнее время настоятельно предлагал вложить часть капиталов в беломорский табак. Развигоров, боясь риска, поговорил с Михаилом, и сын посоветовал не спешить. Времена ненадежные, лучше иметь деньги, чем подверженный порче товар. Конечно, беломорский табак имеет рынок сбыта, но там конкурируют старые, поднаторевшие в деле фирмы, и не стоит приниматься за то, чего не знаешь в тонкостях. Правота Развигоровых подтвердилась, когда Буров в панике бросился спасать свои беломорские склады, забитые табаком, а всем транспортом для вывоза завладели немецкие торговые фирмы. Буров не смог достать даже железнодорожных вагонов. Это заставило Развигорова увеличить вклады в швейцарские банки. В Болгарии он оставил лишь оборотные средства и те капиталы, которые приносили ему высокий процент. В последнее время он начал скупать золото: оно никогда не потеряет своей ценности.

Пришло время открывать все новые и новые истины. Теперь Константин Развигоров смотрел на жизнь сквозь черные очки и поэтому очень удивился, узнав, что его племянник, художник Василий Развигоров задумал жениться. Перечитывая приглашение на свадьбу, Константин решил, что в эти трудные годы не следует порывать со своим родом. Фамилия невесты небезызвестна. Ее отец — один из главных редакторов газеты прогерманской ориентации. Он нажил большое состояние шантажом незначительных банкиров, угрожая им публикацией сообщений о банкротстве иностранных банков, креатурой которых в Болгарии являлись эти мелкие собственники.

Такое сватовство — не бог весть какая честь для Развигоровых, но пусть об этом думают другие.

Свадьба племянника навела Константина Развигорова на мысли о Михаиле. В последнее время до него дошли слухи, что он, Константин, якобы отказался от министерского кресла под влиянием профессора Михаила Развигорова, два шурина которого были завзятыми коммунистами. Сначала весть рассмешила, потом заставила задуматься, а сейчас он усматривал в этих слухах не-

что перспективное. Кто знает, как развернутся события: того и гляди, коммунисты придут к власти, а тогда такое родство, возможно, сыграет свою роль: все же оно будет котироваться выше, чем родство с этой газетной крысой.

Повертев в руках приглашение, Константин задумался о подарке. Недавно рекламировали новейшую и, следовательно, наилучшую пишущую машинку «Эрика». Надо сейчас же заказать, чтобы потом не тратить времени.

Не успел пообедать, как машинка уже стояла па письменном столе. Его люди все устроили. Развигоров не стал ее осматривать, знал — плохого ему не принесут. Только провел рукой по черному футляру и с иронией подумал: Развигоров-художник да вдруг возьмется за перо, пойдет по стопам отца. Из писателей Константин признавал только Вазова. С ним он встречался когда-то в кафе «Болгария», однако не считал его занятие серьезным делом. Когда медлительный слуга вошел в кабинет, дал ему достаточно крупную сумму:

— Поезжайте с шофером на базар, купите все, что надо из еды, не скупитесь...

Дороговизна была страшная. Шопы* умели выколачивать из горожан деньги. Позавчера на самоковском базаре служанка купила килограмм масла за тысячу триста левов, а когда стали его разрезать, оказалось, что внутрь вложили половину очищенной репы. Девушка не могла показать продавца, не запомнила, но утверждала, что это был мужчина. Лоточницы же уверяли. что в ту пятницу мужчин, продававших масло, на базаре не было. Разобраться тут могла лишь полиция, но уже не существовало крепкой власти для борьбы со спекулянтами и мошенниками. Сами господа, жившие в набитых до отказа пригородных дачах, закрывали глаза на обман: если их посадят на нормированные продукты — они умрут с голоду.

Шофер и слуга возвратились. Машина пахла рыбой и еще какой-то снедью. Хорошо, что купили свиное сало, Константин очень его любил. А когда сало есть, хочется и вина. С салом и вином на столе он чувствовал себя как истинный потомок караванщиков, идущих завоевывать великую турецкую империю.

— А масло нашли? — спросил Развигоров.

— Даже венгерскую колбасу достали, — сказал шофер, но Павел, более трезво смотрящий на вещи, добавил:

— Насколько она венгерская, не знаю, но вкусная...

В общем, едой на какое-то время семья обеспечена. Уделяя в последние дни много времени семье. он обнаружил у Александры

* Шопы — крестьяне, живущие в окружности Софии.

немалый порок: она любила выпить. Еще в прошлый раз, когда сидели за столом по случаю дня его рождения, на отца произвело впечатление, с какой легкостью дочь опустошила два бокала вина, сейчас наблюдения подтвердились. Из его ночного шкафчика исчезла бутылка коньяка. Найдя ее под кроватью Александры наполовину пустой, он успокоил себя тем, что склонность дочери — временное явление, вызванное ее душевным состоянием. Эрик не давал о себе знать, но, по мнению матери, письмо, которое он оставил Александре, — это письмо достойного человека, до безумия влюбленного в их дочь. Эрик надеялся привезти ее к своим родителям и жениться на ней. Константин Развигоров молчал. Да и что можно возразить в ответ на женские домыслы!..

В сущности, речь шла о надеждах на будущее...

4

Уборщица в первый раз открыла окно кабинета. Сюда едва доносилось дуновение ветерка со стороны оттаивающей реки. Георгий Димитров сидел за столом и сосредоточенно просматривал утреннюю сводку: на фронте наступали, вера в победу крепла, в тылу Красной Армии оставались все новые и новые территории и города. В кратких, сдержанных сообщениях чувствовался напор миллионов разгневанных людей, жаждущих отомстить за свою поруганную землю, за разрушенные дома, сожженные города и села. Нечто великое двигалось, сминало немецкие заграждения, сравнивало с землей их окопы, сметало все на своем пути. А там, вдалеке, светилась родная Болгария, его родина, страна, хранившая следы его детства и юности, давшая ему закалку в бесчисленных стычках в мятежном сентябре. Тогда они не смогли победить, сейчас победа была предрешена. Димитров убрал сводку в ящик стола и поднялся. Вошла секретарша. Девушка работала здесь недавно — тоненькая, совсем юная, но исполнительная и тактичная: никогда не отрывала его от дел, терпеливо ждала, когда он освободится. Сейчас она стояла у дверей с записной книжкой в руках, бледная до прозрачности, с округлившимися глазами. В первое мгновение Димитрову даже показалось, что она опирается о стену, чтобы не упасть. Уловив его мысль, девушка выпрямилась.

— Что с вами?..

— Ничего, Георгий Михайлович...

— Как это ничего? Я же вижу, вы едва держитесь на ногах.

Девушка мучительно сглотнула, и слезы покатились по бледным щекам...

— У меня украли карточки...

— Когда?

— Еще на той неделе.

— И вы молчите!.. Вот тут у меня есть кое-что, — отворив боковой шкаф, достал немного хлеба, сыр, сахар и завернул продукты в газету. — Чай сейчас принесет Ивасюк... А до вечера мы что-нибудь придумаем.

Девушка прижала сверток к груди и поблагодарила сквозь слезы. Перед тем как затворить за собой дверь, предупредила:

— Георгий Михайлович, товарищ Коларов хочет вас видеть...

— Пусть войдет.

Коларов и секретарша разминулись в дверях. Она не успела смахнуть слезы, и Коларов подумал, что у нее погиб кто-то из близких. Какое-то несчастье...

— Да, да, несчастье, — сказал Димитров и разъяснил ситуацию.

— Но мы же воюем за победу человечности, — как-то приглушенно сказал Коларов.

— Воюем, но у нас не остается времени посмотреть вокруг себя, мы ищем героизм лишь там, в огне, и забываем, что он и в этом молчаливом недоедании, в этом голоде... Но какие еще есть: крадут последний кусок хлеба... Долго нам идти к идеалу человечности, долго...

Васил Коларов не знал, как перевести разговор на то, что привело его сюда. В последнее время в газетах и по радио участились сообщения о бомбардировках Софии. Была какая-то упорная, планомерная жестокость в этих нападениях английских и американских военно-воздушных сил на беззащитный город. Трагедия войны не миновала и болгарский народ, иллюзорная война превратилась в жестокую, реальную действительность. В нападениях чувствовалось издевательство сильного над слабым. В эти дни в руки Коларова попал американский еженедельник со снимками разрушенной Софии. Те, кто не смел открыть второй фронт, спешили разрушить этот город только потому, что не они войдут в него первыми. Коларов подозревал их в нелояльности по отношению к советскому союзнику. Эта мысль и привела его к Георгию Димитрову, но с чего начать? В общем-то, разговор о человечности — подходящий повод... Тяжело вздохнув, Васил Коларов сказал:

— Новости из Болгарии не очень-то радостные...

— Почему? Что там?

— Они разрушают нашу столицу...

— Они разрушают ее по вине тех, кто с таким легкомыслием ухватил Гитлера за фалды, — заключил Димитров и, опершись локтями о стол, долго молчал.

Глядя на его пышные волосы, сильные руки с короткими пальцами, как бы ощупывая взглядом темный поношенный костюм, Коларов невольно восхищался этим человеком. Пик славы Димитрова пришелся на времена Лейпцигского процесса, когда он стал символом борьбы с фашизмом, но Георгий никогда не принимал позы мудрого вождя, ступившего на пьедестал бессмертия. Он был слишком земным, чтобы оторваться от людей, да и смерть Мити сделала его мягче и созерцательней. С рождением сына в Георгии Димитрове появилась тонкая трещина, называемая отцовской любовью, о которой и сам он, наверное, не подозревал. Правда, люди, окружавшие его, давно могли ее обнаружить, зная, как он любит детей, сколько времени отдает встречам с пионерами, с «будущим человечества», по его словам. Тот факт, что Димитров усыновил дочь прославленного китайского революционера и сына болгарского коммуниста, показал всем человечность несгибаемого борца. Словно уловив ход мыслей Коларова, Димитров прошептал:

— Бомбят... Убивают... Но почему же дети должны гибнуть под бомбами?..

— А нельзя ли что-то сделать?..

Через приоткрытое окно донесся звон кремлевских курантов. От Москвы-реки слабо повеяло пробуждающейся весной... Надо что-то делать... Коларов имел право так говорить. Димитров поднял телефонную трубку...

5

Развигоров не ошибся. Он породнился с главным редактором той самой безответственной газеты. Девушка была ничего, но красавицей не назовешь. Такие встречаются везде и всюду. Зато приданое богатое. Отец объявил на свадьбе, что дает за дочерью доходный дом, переписывает на молодых квартиру и весьма крупную сумму денег. Жених сидел возле невесты, уставившись в стол мрачным взглядом пьяницы. Какая-то холостяцкая богема орала в углу ресторана, на все лады восхваляя художника. Гатю Развигоров, гордившийся талантом сына, не скрывал своего восхищения его друзьями. После каждого тоста он одобрительно кивал. Для Константина оказалось неожиданностью, что на свадебное приглашение отозвались весьма высокопоставленные лица. Гатю Развигоров, сильно раздавшийся, с глубокими морщинами, часто обращался к Константину, по-родственному называя его Косьо, показывая на литературные светила с подчеркнутой интимностью, представляя его некоторым из них как человека, пренебрегшего министерским креслом. Выходило, что отказ Констан-

тина войти в кабинет Божилова расценивался как большой подвиг. Развигоров с женой ушли рано. Елена подарка не одобрила, она бы предпочла подарить молодой какое-нибудь золотое украшение: драгоценности всегда ценятся больше, чем пишущие машинки, пусть даже самой известной фирмы.

От автомобиля пришлось отказаться — выпал снег, красивый, как в сказке. Наняли сани до Чамкории. Ехали молча. Развигоров отошел от земных забот. Белая зимняя картина так очаровала его, что он вздрогнул, когда жена прервала молчание:

— Люди знают, на ком жениться... А наш...

— Что наш?

— Сглупил, вот что.

— А по-моему, он оказался умнее всех.

— Что же тут умного? И тебя подвел...

— Меня? Каким образом?

— Будь ты сейчас министром, Божилова не проходила бы мимо меня, как мимо турецкого кладбища...

— Я думал, ты выше этого, — произнес Развигоров и замолчал до тех пор, пока они не вошли в теплый, протопленный холл.

Дочери уже разожгли камин. Служанка приняла пальто, сначала у мадам, потом у хозяина и предупредила их, что в доме — посторонний человек. Развигоров не удивился. Управляющий мельницей, бай Тотю, часто приходил рассказать хозяину, как идут дела. Обычно это происходило в конторе, но сейчас телефонная связь была ненадежной, и управляющий решил прийти прямо сюда. Развигоров пригласил его в боковую комнату, служившую и кабинетом, и столовой.

— Ну как? — спросил он, отодвигая подушку, чтобы сесть.

— Плохо, господин Развигоров...

— Что-нибудь случилось? Уж не сгорела ли мельница?

— Да нет, — виновато улыбнулся управляющий. — Моторист муку ворует. Я давно за ним следил. Оказалось, помогает партизанам.

— И что ты сделал? — поднял брови Развигоров.

— Что сделал? Решил доложить вам...

— А полиции? Властям?

— Ничего не говорил, — заверил бай Тотю.

— Тогда слушай меня. И впредь — никому ни слова. Если еще будет брать — дай, но скажи, что даешь с моего согласия. А поймают их — ты ничего не давал, и я ничего не знаю. Понял? И со мной у тебя никакого разговора об этом не было. Понял?

— Понял.

Развигоров подождал, пока управляющий выйдет, поудобнее

устроился на узком диванчике и задумался. Собственно, что он выиграет, если выдаст моториста? Мельница встанет, а это убытки. И партизаны отплатить могут — чиркнут спичкой, и иди разбирайся... Только бы Тотю не сболтнул лишнего. Не должен, давно служит честно. Когда он пришел наниматься, Константин сказал: «Работать будешь, как на себя. Решишь, что плачу мало, сразу скажи, и я увеличу жалованье. Не хочу, чтобы ты стал обманщиком, а я обманутым».

С тех пор он уже трижды повышал управляющему жалованье. Непредвиденная тревога затихла, и Развигоров вернулся мыслями к свадьбе: он слышал, что его дядя Гатю был масоном. Сколько в этом правды, Константин не брался утверждать, но там, среди гостей, видел человека, о котором точно знал, что тот масон. Ничего удивительного, если в своем стремлении наверх Гатю с ними сблизился. Пока Развигоровы сидели рядом за трапезой, Константин спросил Гатю о другом сыне и дочери. Оказалось, Лазар закончил духовную академию, а Мария уже второй год изучает в Швейцарии медицину. Это понравилось Константину Развигорову — и выбор профессии понравился, и выбор страны для ее изучения. Но в такой стране нелегко прожить, если не имеешь денег. Гатю навряд ли мог содержать детей одним сочинительством. Наверное, он достаточно умно распорядился наследством, полученным от старого богатея Косю из Габрова...

Константин Развигоров прикрыл глаза. Да, трудные времена, а чем кончатся — один бог знает.

Русский полномочный министр целых два часа разговаривал с Буровым в Чамкории. Это была сенсация!..

Жена вошла в кабинет-столовую.

— Я думала, ты спишь.

— Не сплю — думаю...

— Когда человек выпускает из рук жар-птицу, что еще ему остается...

Опять попрекает. У нее для всего свои мерки. В прошлый раз мадам Божилова прошла мимо нее не поздоровавшись, сейчас в Чамкории обсуждают женитьбу Василия Развигорова, а если бы Елена слышала, что Константин сказал управляющему мельницей, то сочла бы его сумасшедшим. Пусть... Порой за сумасшедшего принимают того, кто видит дальше, чем другие...

6

После каждого визита в ставку Гитлера разговоры шли одни и те же. Пространный монолог фюрера о решительном победном ударе повторялся в разных вариантах. Филов понимал, что эти

слова — ложь, но желание верить в окончательную победу Германии заставляло его принимать любой вымысел за чистую монету. Новое оружие, о котором говорили по секрету, с недомолвками, помогало сохранению внутреннего равновесия. Однако дела в его собственной стране шли плохо. Правительство Добри Божилова оказалось никуда не годным. Мартовская бомбардировка столицы явилась демонстрацией сил союзников и обнаружила полную неспособность правительства Божилова и военных навести порядок в столице. Все министры разбежались, а те, которые еще заходили в свои кабинеты, бездействовали или занимались махинациями. Сам Божилов ныл вместо того, чтобы приструнить подчиненных и взяться за дело. И Филов зажегся мыслью снова получить пост министра-председателя. Опасался он только Михова и князя Кирилла. Не знал, согласятся ли они на это. А согласятся, как бы не выгнали его из регентского совета. В последнее время распространялись слухи, что другие регенты ничего не понимают в управлении государством, что без него дела совершенно бы запутались. Слухи эти и радовали и пугали Богдана Филова. По его убеждению, два других регента действительно ничего не смыслили в делах, но он боялся испортить с ними отношения. Князю, очень чувствительному к разным намекам, хотелось быть первой скрипкой. Филов ни в чем ему не возражал, выдавая свои соображения за его собственные. Генерал Михов, совершенно беспомощный, когда требовалось принимать решения, выходящие за пределы военной сферы, пытался чрезмерной болтовней скрыть отсутствие собственного мнения.

С некоторого времени министр-председатель Божилов чаще обращался к князю и генералу, чем к Филову. Последнего это сильно задевало. Копившаяся злость лишь ждала подходящего случая, чтобы выплеснуться наружу. И такой случай представился. Хаос после бомбардировки тридцатого марта переполнил чашу. Административная машина развалилась. Князь Кирилл начал убеждаться в непригодности правительства. Чутьем тонкого интригана уловив момент, Филов постарался расставить нужные акценты и всю вину за разруху ловко возложил на правительство Божилова. Поначалу генерал Михов был не согласен с Филовым, но, видя колебания князя Кирилла, от мысли о необходимости частичных изменений в составе кабинета пришел к выводу о полной его замене. Новый кабинет должен принять наследство от старого, но не должен нести ответственности за разруху.

Первый разговор с Божиловым состоялся в Чамкории. Для начала речь пошла об изменениях в кабинете. Божилов был к этому готов. В последнее время он чувствовал, что все его покинули. В конце концов на Добри Божилова стали действовать даже

женские сплетни. Слухи об отставке премьер-министра уже распространились, и его жена весьма драматично воспринимала первые признаки грядущих перемен: госпожа Филова с ней не поздоровалась, щеголиха Развигорова ехидно осведомилась, оставят ли им государственную дачу. У Божилова было ощущение, что язык у регента раздвоен, из одного кончика сочится елей, из другого — яд, в зависимости от случая.

Поддавшись панике, премьер-министр рано покинул совещание у регентов. Чем больше он думал, тем мрачнее становилось его настроение. Ему ничего не сказали о смене кабинета, хотя, видимо, говорили об этом между собой. Надеясь, что князь Кирилл и генерал Михов за него заступятся, Божилов даже не подозревал, что его уже списали в тираж все трое...

Уход Божилова послужил началом разговора не в его пользу. По мнению регентов, Божилова погубило малодушие. Стали думать о возможных кандидатурах на пост министра-председателя — вспоминали фамилии, но все вроде бы подходящие люди успели себя чем-то скомпрометировать. Князь, явно уставший от долгих разговоров, в конце концов не выдержал и встал. Встали и остальные.

На улице поздняя зима продолжала выказывать свой характер, высокие сосны и ели отяжелели от мягкого, мокрого снега. Горы нависали над домами гордо и величественно. Белые лбы вершин сияли. Скатав плотный снежок, Филов запустил в генерала...

— Впадаешь в детство... — улыбнулся Михов.

— Это — выстрел! — пошутил Филов.

— В кого?

— В вас, военных... Пора растолкать Генеральный штаб. Кое-кто там засиделся, а борьба с партизанами — ни с места...

7

Для генерал-лейтенанта Константина Лукаша решение министра освободить его от должности начальника штаба явилось полной неожиданностью. Он смотрел невидящим взглядом на стол, заваленный бумагами, и чувствовал, что окружающий мир приобретает огромные, ужасающие размеры. Всю свою сознательную жизнь Лукаш носил погоны и шел от одной должности к другой без особых забот, и вдруг приходится сворачивать в сторону, переустраивать свое благополучное существование. Освободив, его еще унизили должностью «главного инспектора войск». И кем же заменили? Генералом Трифоновым, этим старательным человеконенавистником. Чем он, Трифонов, лучше его, испытанного, проверенного солдата?

Генерал-лейтенант Лукаш понимал, что обстоятельства изменились не в его пользу. Смерть царя, хотя и с некоторым опозданием, отразилась и на военной среде. Регент, генерал Михов, сделал ставку на генерала Русева, нового военного министра. Русев, однако, никак не поддержал Лукаша. У них была старая вражда, и, кроме того, немцы проявляли недовольство их действиями по уничтожению нелегальных групп и партизан: утверждали, что армия не помогает в достаточной степени полиции и жандармерии. Став жертвой этого недовольства, Лукаш оскорбился, несмотря на то, что его повысили и назначили главным инспектором войск.

В дверях вырос адъютант, доложивший о приходе генерала Трифонова.

— Просите.

Генерал Трифонов не замедлил явиться. Он был, как всегда, вылощен, подтянут. Пришел принять документацию, сейф. Лукаш уже подготовился к этому последнему унижению. Список бумаг составлен, все приведено в порядок, личные вещи убраны. Со сверхсекретных донесений и приказов давно уже сняты копии, хранившиеся для большей безопасности дома. Много сведений успел он собрать за годы старательно исполняемого долга и много людей держал в своих руках. Так, в свое время генерал-лейтенант Константин Лукаш пытался ознакомить министра Михова с тайной финансовой деятельностью Русева, по-видимому, они были компаньонами в бесчестных сделках, — министр пригрозил Лукашу увольнением. Его спасла дерзость — он ответил министру, что вынужден будет сообщить об этом его царскому величеству. Угроза возымела действие. Его не только не уволили, на следующий день сам генерал Русев явился к нему с визитом и при прощании «забыл» на столе пакет с солидной суммой. По содержанию пакета Лукаш мог судить, как эти люди наживались на военных поставках.

Генерал Трифонов сухо поздоровался. Учтивость требовала сказать друг другу нечто приятное, но подходящих слов у них не нашлось. Один не хотел подслащать пилюлю, другой — желать преемнику новых успехов. Первое слово все-таки за хозяином: ничего не оставалось, как сыронизировать над своим положением:

— Генерал Трифонов, уступая вам это кресло, желаю завершить свою карьеру удачнее, чем я...

Трифонов, едва сдерживая радость, вызванную повышением, проявил осторожность:

— Господин генерал-лейтенант, мы солдаты долга и отечества, притом вы сейчас — мой прямой начальник...

— Долг существует для каждого болгарина, генерал, что же

до начальства... — Попытавшись улыбнуться, Лукаш быстро ввел его в курс дела и, козырнув, вышел из кабинета.

Генерал Трифонов подошел к столу, нажал кнопку звонка. В дверях появился адъютант генерал-лейтенанта:

— Что прикажете, господин генерал?

— Приберите на столе, приведите в порядок сейф, очистите пепельницы.

Пока адъютант выполнял приказание, генерал стоял у окна и терпеливо ждал. Он, командир второго корпуса, стал начальником Генерального штаба. Выше были только министр и этот новоиспеченный инспектор. Военного министра, генерала Русева, Трифонов знал давно, они оба ориентировались на Германию. Генерал Трифонов поднял руку, чтобы скрыть улыбку.

За спиной был слышен шум задвигаемых ящиков, легкое постукивание пепельниц о стол, скрежет ключей в дверце сейфа, и наконец:

— Готово, господин генерал!

— Спасибо, капитан. Вы свободны.

Весь во власти радости и забот в связи с новым назначением, генерал Трифонов, однако, был готов к серьезной работе. Он обладал способностью сосредоточиться до такой степени, что мог не слышать, как вокруг него падают бомбы. Это результат многолетней тренировки. В молодости ему попалась книжка об индийских йогах, и он увлекся описанными в ней упражнениями. Тогда он служил поручиком в захолустном гарнизоне еще более захолустного городка: деваться было некуда, заняться нечем, хорошо, что подвернулась эта книжка — помогла выработать волю. Да и обстоятельства благоприятствовали ему. Женитьба, например, принесла Трифонову важные знакомства. Остального он достиг служебным рвением, убежденностью в своем деле и преклонением перед немецким военным гением. Трифонов не поддавался унынию: его немецкие друзья справятся каким-то образом с большевиками — нельзя не победить, обладая ресурсами всей Европы.

8

В последнее время Тилю что-то нездоровилось, и фрау Бекерле не находила себе места. Большую собаку с лоснящейся шерстью ей подарили за год до назначения мужа в Болгарию, и Бебеле так привязалась к ней, что не могла без нее прожить и дня. И сейчас взяла Тиля с собой в Банкля, но его печальный вид пугал: Тиль лежал, уткнув голову в лапы, глаза покраснели и погрустнели.

Хотя наступил май, погода была холодная и противная. Закутавшись в пестрое верблюжье одеяло, Бебеле думала, чем накормить Тиля, чтобы поднять его настроение. Наверное, и на него подействовали эти необычные для мая холода. Низко нависшее небо, пустынный сад, неприбранный двор напротив — все угнетало Бебеле, и она решила вернуться в Софию.

Всю дорогу ее не покидало плохое настроение. Квартира поразила своим нежилым видом. Мужа не было. Фрау Бекерле велела служанке затопить камин, легла на диван. Огонь в камине вернул ее к жизни, что-то вспыхнуло в ней самой — какое-то далекое воспоминание, но она поспешила его отогнать. Тогда она, совсем молодая, работала в весьма низкопробном заведении в Гамбурге. Их труппу предоставили в распоряжение национал-социалистской партии... Гамбург! Этот период жизни хотелось бы забыть навсегда, но воспоминания против воли преследовали Бебеле... Во Франкфурте все было иначе. Там она появилась как актриса с именем, актриса, которую ценили в высшем обществе, кумир национал-социалистской молодежи. Во Франкфурте познакомилась с Бекерле и связала с ним свою жизнь. К добру ли? Трудно ответить. Детей у них нет. Это ее вина. Хотя ее идеал — фюрер, призывавший арийских женщин рожать солдат, она уже не помнит, сколько сделала абортов. Бебеле натянула одеяло и забылась легким сном.

Такой застал ее Бекерле. Он вернулся недовольным, утомленным разговором с министром иностранных дел Шишмановым. В последнее время у Адольфа Бекерле было много споров с правительством по поводу советской ноты об открытии консульства в Болгарии.

Регенты пребывали в растерянности, кабинет Божилова не решался предложить ничего существенного. Министр-председатель боялся большевиков и не скрывал своей боязни. Хорошо, что Шишманов поддерживал с ним, Бекерле, регулярную связь, держал его в курсе дел, касающихся этой ноты. Следует ли сейчас на нее отвечать?.. Заметив, что Бебеле на него смотрит, Адольф подошел к жене и легонько поцеловал ее в лоб.

— Как провела время?

— Ужасно, не с кем было слова сказать.

Бекерле и сам знал, как мучается жена, когда у нее нет собеседника, а точнее, слушателя, и улыбнулся в ответ на лавину ее жалоб.

— Ну что тут смешного? — воскликнула Бебеле.

— Я подумал: как это я мог провести целых два дня, не слыша твоего милого голоска?

— Дурачок, — она поднялась и села. — Что новенького на фронте?

— Новое — это старое. Отступаем. Когда я смотрю, как сокращается фронт, то начинаю понимать тревогу этих...

Бебеле округлила глаза и прижала пальцы к губам.

— ...Паникеров! — закончил Бекерле. — Дрожат за свою шкуру, забыв о тайном оружии возмездия. Это оружие сметет русских!.. — заключил Адольф и умолк, вновь углубившись в прерванные мысли: все вместе один несчастный ответ сочинить не могут, беспрестанно его дергают. Послал ему несколько телеграмм, Берлин молчит, а ему надоело редактировать проекты ответа перепуганных регентов. Сообщил в центр, что делает все возможное, чтобы задержать ответ на ноту и спровоцировать возмущение русских.

Бекерле заехал к Шишманову. То, что он узнал в министерстве, до некоторой степени успокаивало. Обсуждение вопроса в регентстве проходило очень остро. Некоторые настаивали на разрешении открыть консульство в Варне, чтобы умилостивить русских. Тогда, если Советы объявят войну, народ не сможет обвинить правительство в том, что оно ничего не предпринимало. Вмешался Шишманов, напомнив: неизвестно еще мнение германской стороны, вопрос слишком серьезный, самостоятельное его решение может привести к оккупации страны союзниками. В конце концов регенты поручили Шишманову встретиться с полномочным министром Германии Адольфом Бекерле...

Даже в деталях министр Шишманов хотел подчеркнуть свою верность интересам Германии, напомнить послу, что до сего времени уведомлял Бекерле о ходе обсуждения ноты без разрешения правительства.

Адольф Бекерле не мог не выразить ему признательности за сделанное. Они расстались со взаимными уверениями в искренности своих чувств.

Друзья ждали супругов Бекерле в Чамкории.

Во всяком случае, Адольфу и Бебеле так казалось.

9

Еще день-два, и уцелевшим партизанам надо покинуть свое убежище и пуститься в путь по крутым горным дорогам. Недавно здесь произошла решительная схватка с многочисленным войском и полицией. Хорошо, что это было под вечер — наступившая темнота скрыла следы партизан, а утренний снегопад спас их от преследования. И сейчас, обдумывая происшедшее, Дамян убедился, что был прав, разделив отряд на две части. Это реше-

ние приняли на совещании штаба после долгого затишья. Дамян с заместителем комиссара Карата оставался здесь, а комиссар с заместителем командира Бекрията и частью отряда направились в лагерь Медвежьи уши. Когда прощались, никто и не думал об укрытии на равнине, каждый надеялся, что все уйдут в горы и продержатся там до весны... Ушло больше, чем осталось, — ведь в горах много запасов и просторных землянок.

Дамян долго смотрел вслед уходящим. С ними была Бойка, хорошая, миловидная девушка, только что закончившая гимназию. Она пришла в отряд с мобилизованными, которых привел уполномоченный. Дамяну она понравилась сразу. Женщин вместе с ней стало семь, но другие имели уже по нескольку месяцев партизанского стажа, а Бойка появилась в начале зимы, когда люди мерзли в землянках, заваленных снегом, охваченные тревогой перед неизвестностью. Вместе с девушкой в отряде появился и паренек, довольно хилый и невзрачный на вид, но, похоже, ее избранник. Считая, что сейчас не время для чувств, ведь борьба требует полной самоотдачи, Дамян приказал девушке идти с комиссаром, а юношу оставил с собой. Никто не мог отменить приказ командира, и он специально вышел из землянки пораньше, чтобы проследить за уходом партизан. Паренек, который выбрал себе героическое имя Боримечка *, вертелся возле собравшихся в дорогу людей. Перед тем как колонна тронулась в путь, он стащил с себя толстый шерстяной шарф и протянул его девушке, но Бойка не взяла. Под взглядом провожающих парню стало неловко. Увидев все это, Дамян чуть было не отменил решение, но переборол себя, не проявив своих чувств. Колонна ушла...

Боримечка долго стоял, глядя вслед ушедшим. Когда последний уже скрылся из виду, он сел на пень от старого бука и застыл, отрешившись от окружающего. Командир несколько раз выходил посмотреть, что делает паренек, и каждый раз заставал темнеющую на снегу фигурку на одном и том же месте... Вызвав одного из товарищей Боримечки, Дамян велел не спускать с него глаз, разрешил даже намекнуть, что при первой возможности отправит влюбленного туда, к Бойке... Похоже, слова передали, потому что Боримечка отвлекся от мрачных мыслей и стал все чаще попадаться командиру на глаза. Дамян решил воспользоваться обильным снегопадом и послал Боримечку вместе с Архитектором для установления связи с товарищами. Ничего из этого, правда, не вышло — они вернулись, не сумев дойти до лагеря.

---

* Боримечка — герой романа Ивана Вазова «Под игом», имя которого в переводе обозначает «побори медведя».

С того дня Боримечка замкнулся в себе, стал искать уединения, избегал товарищей.

У командира не было времени заниматься им. Напряженно работали группы обучения, опытные партизаны натаскивали молодых, единственный пулемет и два автомата переходили из землянки в землянку. Более способные ребята проходили даже курс для артиллеристов. Карата разыскал учителя, который владел французским и русским языками, и организовал, как в шутку говорили партизаны, «церковное училище». Желающих изучать французский язык нашлось не слишком много, но на уроках русского землянка становилась тесной. Был кружок и по истории партии. Все это радовало Дамяна. На одном из занятий командир увидел и Боримечку. После разлуки с Бойкой юноша стал писать стихи, хорошие, но очень грустные. Это огорчало командира, но после неудавшейся попытки наладить связь с лагерем Дамян не хотел рисковать. Ему даже стало казаться, что увлечение стихами притупило у юноши чувство разлуки. Но тут произошло неожиданное. Боримечка сбежал, покинув пост у скалы. Командир приказал лыжникам догнать его и расстрелять. Боримечку настигли в десяти километрах от лагеря, но стрелять было нельзя — вдали чернели цепи солдат и полицейских. Вернуться в лагерь означало привести за собой преследователей. Решили залечь под скалой и открыть по врагу огонь. Боримечка выпросил разрешение сражаться вместе с товарищами, умолял вернуть оружие. Ему дали винтовку, и он дрался вместе со всеми.

Все это Дамян узнал от Архитектора, который один остался в живых и с невероятным трудом добрался до нижнего, резервного лагеря. Выстрелы, услышанные партизанами, мобилизовали всех к бою. Вначале Дамян подумал, что поймали и ведут Боримечку, но стрельба вскоре прекратилась. Лишь после полудня показались вражеские цепи. Заняв круговую оборону, партизаны ждали противника. Ударная группа во главе с Карата расположилась на ближней вершине с тем, чтобы обеспечить отступление, если солдаты и полицейские попытаются их окружить.

Первая стычка произошла возле источника. Каратели шли по следам беглеца. Подпустив их совсем близко, группа Архитектора, заблаговременно занявшая позицию у скалы, завязала бой и отвлекла на себя главные силы. Дальний хребет почернел от подошедших туда солдат. Столкновение было неизбежным. Дамян с автоматом подполз к первой цепи. Командиры отделений заняли свои места. Со стороны старого бука врагов не было видно, и пост, выполняя приказ командира, ничем не выдавал своего присутствия. Дамян часто поглядывал в ту сторону: если полицей-

ским удастся стянуть обруч вокруг базового лагеря, пост поможет разорвать окружение.

Мысли Дамяна прервал Стамо, командир отделения, охранявшего штаб. Стамо показал на молодого офицера в расстегнутой шинели, который вел большую собаку.

— Возьми ее на мушку...

Это были последние слова перед боем. Ободренные появлением солдат, полицейские двинулись прямо на лагерь. Занявшие опушку леса партизаны подпустили их на десять шагов и открыли огонь. В первой шеренге уцелело всего несколько человек, которые бросились по снежному склону к источнику. Теперь надо спешить. Дамян приказал взять оружие убитых полицейских, пока остальные не пришли в себя и не перегруппировались для новой атаки. Оружие было весьма кстати: два автомата, десять новеньких винтовок и столько же пистолетов. Все это тут же разошлось по партизанской цепочке и обрадовало плохо вооруженных людей.

Со стороны хребта стучал тяжелый пулемет. Дамян хорошо изучил местность, окружавшую лагерь. Отход к старому буку невозможен. Остается дорога к скале. Однако, если враг успеет захватить Острый верх, и этот путь будет перекрыт. Для охраны дороги туда двинулся Карата с отделением самых опытных партизан. Они нарочно якобы пошли к источнику, чтобы запутать преследователей, а на Острый верх свернули с северной стороны. Эта хитрость позволила Карата выиграть время. Дамян верил в то, что его пулемет уже на позиции.

Пулеметов в отряде было два: второй пулемет, прозванный «партизанкой», дали комиссару, ушедшему в лагерь Медвежьи уши. Сейчас Дамян лежал, ожидая вот-вот услышать голос «партизанки» сверху, от Балю. А солдаты приближались. Стамен взял собаку на мушку. Крупная, серая, с ушами торчком, готовая влететь по отвесному скату в лес, от пули она завертелась, словно хотела поймать свой хвост, и грохнулась на землю. Офицер бросился на снег и зарылся головой в тело собаки.

Подумав, что командир убит, солдаты замерли на месте.

— По солдатам только в крайнем случае, — прошептал Дамян.

Приказ командира обошел лежащих полукругом партизан. Смерть собаки заставила врагов быть осторожнее. Офицер подал им знак следовать за ним. Двигаясь короткими перебежками, солдаты устремились к редкому подлеску, довольно слабому прикрытию. Партизаны дождались, пока они приблизятся, и тогда прозвучало в напряженной тишине:

— Солдаты! Против кого вы идете? Не стреляйте в своих братьев! Солдаты...

Залп заглушил его слова. Разорвалось несколько мин. Далекое прерывистое «ура» разлилось окрест и захлебнулось в раскатистой пулеметной очереди. Это объявилась «партизанка», бившая во фланг. Дамян понял, что Карата обеспечил партизанам путь к отступлению. Ждали ночи. Нападающие соблюдали осторожность: открыли частую стрельбу из-за укрытия. Когда начали ухать минометы, Дамян решил отступать: у него уже несколько убитых и двое раненых. Первое и четвертое отделения получили приказ занять позиции возле самого лагеря. Когда стемнело, отступили и остальные. Только Стамен с пятью товарищами был оставлен для прикрытия.

Следя за тем, чтобы не попасть под огонь полицейских, командир вел людей за собой, не переставая их поторапливать. Такое начало не предвещало ничего хорошего. Самым страшным врагом по-прежнему оставался снег. Никак не избежать его предательства. Нужно быстрее добраться до равнины, где снег, вероятно, уже сошел. Дамяна не покидало ощущение, что вокруг полно солдат и полицейских. Раз уж они притащили сюда миномет, дела предстоят нешуточные...

10

Набирая скорость, поезд преодолел возвышенность и устремился в долину. Зеленые горы вдруг стали отступать, уменьшаться и, словно чем-то напуганные, исчезли совсем. Капитан Борис Развигоров сидел у окна и вяло провожал взглядом изрезанные межами поля. Перезрелая дама напротив бросала на него красноречивые взгляды, но он притворился, что не замечает их.

Борис курил, а мысли его, как назло, возвращались к недавним событиям. Замена Константина Лукаша генералом Трифоновым плохо сказалась на его карьере. Поначалу он принял штабные перемещения, посмеиваясь в душе. С тех пор как его отец отказался от министерского портфеля, начальник штаба стал относиться к своему личному помощнику капитану Развигорову подозрительно. Отправил его к генералу Янчулеву. И тот принял посланца неохотно: смотрел на Бориса как на маменькиного сынка, лишившегося протекции. Однажды и вовсе не сумел скрыть пренебрежения, назвав неудачливым карьеристом. И тогда Борис не выдержал: стиснув зубы, капитан по всем правилам устава, высосавшего всю его молодость, отрапортовал:

— Господин генерал-майор, прошу освободить меня от занимаемой должности и направить в одну из действующих частей. Я солдат его величества и Болгарии, а не карьерист!

— Капитан Развигоров, считайте, ваша просьба удовлетворена.

И вот Борис ехал к месту своего назначения. Приказ лежал в кармане вместе с пачкой папирос, и уязвленное честолюбие делало капитана мрачным и беспардонным. Утешало только смещение с постов Лукаша и Янчулева. Дома он ничего не сказал о переводе в часть, опасаясь, как бы отец не стал искать какие-нибудь пути к новому начальнику штаба, генералу Трифонову, что подтвердило бы слова генерала Янчулева о карьеризме. Борис Развигоров покидал столицу со страхом и в то же время с некоторым облегчением. В последние месяцы он действительно работал спустя рукава. Вечера, проведенные за игрой в бридж в веселой, пьяной компании, сделали его ленивым и раздражительным. Кроме того, он проиграл в карты довольно большую сумму, и как должника его не оставляли в покое.

Взволнованный воспоминаниями, Борис вышел в коридор, остановился у окна.

И все же, если бы отец не отказался от министерского кресла, они б не посмели к нему придираться. Сколько сыновей разных высокопоставленных лиц болтаются в штабе, и никто не осмеливается укорять их... Старик, старик во всем виноват. Не думал о последствиях. Да и брат Михаил своими страхами за будущее сбил отца с толку. Ну что такого случилось? Немцы отступают? Отступят, подготовятся и ударят снова. Это война, а не детская игра в сыщика и вора. Немцы в конце концов победят. Вся Европа на них вкалывает. А разные ворчуны вроде его брата выдают себя за пророков и морочат голову наивным людям.

Борис снова закурил. Дама вышла в коридор и остановилась у окна. Ему не хотелось говорить ни с кем. Его направили на новые земли *. О городе Кавале он слышал много, но ни разу там не был.

Он закрыл глаза. Начиналась новая жизнь, жизнь без необходимых удобств, без друзей и знакомых.

11

Богдан Филов вернулся домой поздно. Ужинать отказался. Кита уже легла. В спальне было душно, и только дыхание жены нарушало тишину. Филов попытался заснуть, но сон не приходил. В последнее время так бывало с ним часто. Началось это в дни большого национального траура в связи с поражением немцев под Сталинградом и продолжалось до сих пор... Дела на фронте касались Богдана Филова очень близко и не давали ни минуты покоя. Перемены в Генеральном штабе армии проведены для

* Новые земли — здесь речь идет о части побережья Эгейского моря.

успокоения немцев. Генерал Трифонов вышел на передний план. У Филова сложилось о нем хорошее мнение, но он не спешил его высказывать, предоставив все князю Кириллу и генералу Михову, ведь они представляли военные круги, ревниво относясь ко всему, что касалось людей с погонами.

Филов хорошо знал корни этой ревности. Почти все крупные военные поставки проходили через руки царского брата, за что он получал высокие проценты. Нечто подобное происходило и в более низких этажах, там, где все направлялось генералом Миховым и его приятелем генералом Русевым. Дела свои они вершили тайно, но как бы с благословения князя. На первый взгляд расчеты казались ясными, поставки — налицо, но выплачиваемые суммы были завышены, хотя никто не смог бы этого доказать. О таких вещах никто нигде не писал, не докладывал — только шептались по углам. Разносили эти слухи мелкие участники сделок, перебивавшиеся незначительными кушами. Вот почему и Богдан Филов не имел полного представления об источниках баснословных доходов военного руководства и предпочитал молчать, тем более что и сам был кое в чем замешан.

Да, у него свои грехи и свои тайны. Пока был жив царь, Филов следил, чтобы к нему, Филову, не подобрались, а сейчас расслабился, но уже пора подтянуться, привести в порядок денежные дела. Человек никогда не знает, откуда может нагрянуть беда. А с военными не шутят. Даже царь вел себя с ними достаточно осторожно, пытался лавировать и ждал подходящего случая для расправы. И такие случаи время от времени возникали.

Так был разоблачен, например, столичный адвокат, бывший офицер Александр Пеев. Дока в юриспруденции, он находился вне подозрений, а оказался матерым резидентом, чьи многочисленные связи в самых различных сферах приносили большую пользу и болгарской, и немецкой разведкам. Сеть свою плел годами, она охватывала людей как в стране, так и за ее пределами, проникая в различные слои населения, от интеллигенции до высшего офицерства. В поле зрения оказался и генерал Никифоров, человек, призванный охранять армию от большевистской заразы. Генерал был включен в список лиц, подозреваемых в сотрудничестве с Александром Пеевым. Список этот ужасал. Если придать ему гласность, в историю попадет немало высокопоставленных лиц. Пришлось обсуждать этот вопрос с его величеством, но царь поостерегся принимать решение. Все откладывал. Хорошо зная царя, Филов был уверен, что тот боялся и своих военных, и немецких союзников.

Филов только сейчас начал понимать, как легкомысленно относился к колебаниям царя, когда настаивал на быстром заверше-

нии дела Пеева. После смерти царя он потребовал скорейшего вынесения приговора — хотел засвидетельствовать этим свою верность фюреру и отмести все сомнения, которые мешали ему занять место регента.

Со времени исполнения смертного приговора Александру Пееву и его единомышленникам прошло несколько месяцев, генерал Никифоров вышел в отставку, но Филов ни на миг не забывал, что нужно заняться Генеральным штабом, чьи последние промахи стали хорошим поводом для перемен. На места Лукаша и Янчулева тут же поставили генерала Трифонова и генерала Попова, прежнего заместителя Янчулева.

Богдан Филов одержал верх и на этот раз... В душе он торжествовал, что сумел так хитро отстранить Лукаша и Янчулева, людей, прежде неуязвимых. В свое время царь очень дорожил ими. А за ними стоял и этот опасный архитектор Севов. Теперь все они оказались вне игры... Филова всегда раздражала их самоуверенность, но тогда он не смел открыто выступить против них...

Недавно его посетил Любомир Лулчев, знаменитый прорицатель, личный друг покойного царя. Богдан Филов понял намерения Лулчева — тот нащупывал возможности стать приближенным нового правителя. Прорицатель произвел впечатление своим мягким и любезным тоном в сочетании с дерзкой самоуверенностью. Этот тон и эта самоуверенность могли смутить человека малодушного, но не регента Богдана Филова, которого все считали первой скрипкой в оркестре власти. Советы Лулчева были советами ярого англофила.

В сущности, эти подсказки могли бы помочь Филову, если бы прорицатель явился к нему в самом начале его карьеры государственного деятеля и предрек дальнейшее. А сейчас события так спешат к трагической развязке и сам Филов так завяз на этом пути, что о возвращении обратно не может быть и речи...

Он, Богдан Филов, взял на себя ответственность за множество смертей. И он не заблуждается насчет того, будто их никто не регистрирует. Для всего есть свои люди. И враги, и бывшие друзья и завистники. И все же это отдельные лица. А когда целые государства вроде Советской России, США или Англии внесут его в список своих врагов, когда организованная сила, которая скрывается сейчас в лесах, уже отметила его знаком неминуемого возмездия, — это уже совсем другое. И пути назад нет... Путь выбирают однажды, и Богдан Филов свой выбор сделал, плохой ли, хороший, но сделал... И ему ничего другого не остается, как уничтожить тех, кто находится в лесах, всех до единого...

Филов сел на кровати, глядя на спавшую Киту. В последнее время жена стала очень нервной. Упрекала его во многом. Женские капризы бесконечны. Да и долгое заточение в Чамкории всем уже осточертело. Поначалу он радовался, что князь Кирилл зачастил к ним, — у жены не оставалось времени для ссор и дрязг, но вскоре радостное чувство испарилось. В присутствии князя Кита становилась мягкой, томной, а когда Кирилл уходил, начинала говорить о его одиночестве, о том, какую печаль читает она в его глазах. Такое сочувствие начинало беспокоить Филова. Того и гляди они преподнесут ему сюрприз. От князя всего можно ожидать, да и в ней он не очень-то уверен. Детей у них нет. Кроме того, Кита честолюбива: ничего удивительного, если она бросится на шею князю Кириллу. В эти напряженные времена только рогов ему и не хватает. Филов обернулся и посмотрел в окно. Темнота уже прокралась во двор, притаилась под деревьями за оградой. Темнота и неизвестность, и мысли о завтрашнем дне, которые давят, как проклятие...

12

Машина генерала Попова остановилась перед штабом германской военной миссии. По сравнению с разрушенным центром столицы Красное село напоминало волшебный оазис, утопающий в буйной пестроте мая. На фоне чистого неба виднелись очертания синевато-фиолетовой, эфирной и заманчиво близкой Витоши. Но не зеленый океан привлек немцев, а скрытность этих мест, близость к столице и возможность контроля над главными дорогами. Двор, окруженный крепкой оградой, был посыпан крупнозернистым песком, смешанным с толченой черепицей, и походил на немецкий плац. Всякая растительность была уничтожена, и только перед самым штабом в двух раскрашенных бочках из-под бензина красными язычками цвели олеандры. Перед лестницей стояли часовые. Встречал Попова сам генерал Геде, встречал скорее как своего человека, чем как заместителя начальника штаба болгарской армии. Поздоровались по-приятельски. Приветствие «хайль Гитлер» оставили для встречи с офицерами миссии.

В зале для заседаний собрались командиры всех сухопутных немецких войск, подполковник Дарье, новый руководитель военно-воздушной миссии, и капитан-лейтенант Просинаг из южной группы военно-морских сил. Генерал Попов сел на указанное ему место и почувствовал себя, как на экзамене: место генерал-майора Янчулева он занял с помощью немцев, и теперь они, по-видимому, хотели убедиться в его послушании и преданности...

Вопросы уже заполнили лежащий перед Поповым листок. По-

следним выступил генерал Геде. И сейчас немцы ожидали ответов. Генерал Попов оглядел сосредоточенные, серьезные лица присутствующих офицеров, перенес взгляд на огромную карту, которая занимала противоположную стену, и, чеканя слова, начал говорить:

— Господин генерал, господа офицеры. Вы задали мне столько вопросов, что вряд ли я сумею удовлетворить своими ответами всех присутствующих. Остановлюсь на самом важном, на том, что было суммировано в выступлении генерала Геде, вашего начальника и моего друга. Я глубоко уважаю вашу рыцарскую доблесть и храбрость солдат немецкой армии. Мы верим в окончательную победу немецкого оружия, здесь у нас нет никаких сомнений... — Генерал Попов специально упомянул о сомнениях, чтобы подчеркнуть коварство итальянцев, подозрительную возню румын и нестабильность в некоторых кругах Венгрии. — Мы стоим на своем посту и будем верны союзу с нашим большим другом, германским народом, и его великим вождем Адольфом Гитлером. — При упоминании имени фюрера руки взметнулись вверх, и единый «хайль» потряс стены зала. — Насколько я помню, — продолжал генерал, — вы встревожены слухами о кризисе нашего кабинета и волнениях в связи с советской нотой. Упоминалось и о перемещениях наших войсковых частей. По вопросу о правительственном кризисе могу чистосердечно вас заверить, что я не в курсе дела, знаю лишь одно — при любых переменах в нашем правительстве советская нота будет отвергнута. Клянусь своей воинской честью. Что же касается передвижения наших частей, то это — подразделения мобилизованной первой пехотной дивизии, которая должна сосредоточиться вдоль железнодорожной линии для возможной отправки на границу...

Немцев как будто удовлетворили разъяснения генерала Попова. Некоторые кивали головами в знак одобрения, слышалось: гут... гут... Но это одобрение было поколеблено дополнительным вопросом генерала Геде: как объяснить, что ни один самолет союзников не тронул аэродромов? Не связано ли это с намерениями высадки десанта?..

Генерала Попова и самого интересовал данный вопрос. Во время стольких массированных налетов на столицу и другие города ни одной бомбы не сбросили на аэродромы. Почему?

— Это серьезный вопрос. Я приказал усилить охрану аэродромов...

— Господа офицеры, — обратился генерал Геде, — кто желает высказаться?

Офицеры молчали.

— Тогда я благодарю генерала Попова за визит и за представленную нам информацию.

Проводив гостя, генерал Геде вернулся в зал. Офицеры продолжали стоять.

— Распоряжения остаются в силе, — сказал Геде и отпустил подчиненных.

Двадцать первого мая генерал Геде получил личную информацию от одного из членов правительства, поэтому вчера собрал расширенное совещание представителей всех родов войск, а сегодня устроил их встречу с генералом Поповым.

Передвижение войсковых частей немцы связывали с переменами в правительстве, которое якобы сдвигалось влево в связи с получением русской ноты. Советы настаивали на открытии консульства в Варне, Бургасе и Русе. Нужно было принять меры против наступления коммунистов и англофилов, с этой целью генерал приказал усилить наблюдение за всеми важными дорогами, ведущими в Софию, усилить охрану немецких служб, установить их прямую телефонную связь со штабом германской военной миссии. Несмотря на уверения генерала Попова, Геде решил сам разобраться в том, что происходит в правительственном кабинете...

13

День был веселый, полный запахов оттаявшей земли, сосновой хвои и зелени. Несмотря на темноту землянки, чувствовалась всепроникающая весенняя свежесть. Близость немцев заставляла партизан соблюдать осторожность. В течение дня никто, кроме часовых, не имел права выходить наружу. Дамян лежал на спине, и мысль его бежала по следам воспоминаний: отступали рывками, ползком, под пулями солдат и жандармов. Если бы здесь была только полиция, едва ли дошло бы до отступления. До сих пор полицейские — самоуверенные, но трусливые, — уходили с наступлением сумерек, но сейчас, по-видимому, осуществлялась блокада целого района. Солдаты были хорошо экипированы, да и жандармы с полицейскими ни в чем им не уступали. В темноте зажглись огни, отблески которых показали партизанам, что круг замкнут, и, если они не сумеют выскользнуть из него ночью, днем уже никто не уйдет живым. Они осторожно продвигались к вершине, где их должен ждать Карата. Огни доходили лишь до подножия горы, Карата не допустил врагов на гребень — Дамян видел единственное спасение там.

Перед уходом из лагеря он долго колебался, снимать ли людей с поста у векового бука, но решил не выдавать их присутствия

следами. Благодаря случайности пост может уцелеть. Через сугробы пройти невозможно, а голая поляна не вызовет у врага подозрений. Все это время, полное напряжения, они не давали о себе знать, выполняя его приказ не обнаруживать себя. Командир осматривал небо в надежде увидеть признаки спасительного снегопада — хороший снегопад замел бы их следы.

Всю ночь партизаны шли к вершине горы. Шли молча, осторожно, с дозором впереди. Недалеко от цели пути остановились, чтобы оглядеться, подождать отставших. Не считая раненых и убитых, не хватало человек десять. Ждали с полчаса. Промедление могло погубить оставшихся. Гребень горы охранялся солдатами, которые побежали при первых же выстрелах, — наверное, просто не ожидали нападения с этой стороны, ведь вторую половину дня вели перестрелку с партизанами на вершине. Отступали они в панике. Плотная винтовочная стрельба сотрясала зимнюю ночь. Застучал и пулемет Балю. Суматоха была на руку партизанам. Быстрыми перебежками достигли первых постов Карата, которые залегли в Китке. Так называли старый крупноствольный лес на самой вершине, откуда партизаны много часов подряд отбивали атаки солдат и полицейских. Туда еще не доставили минометы, и партизаны справлялись довольно легко: лишь двое были ранены.

Карата расположился в трещине скалы. Эта своего рода каменная пещера была хорошо защищена со всех сторон. Здесь спокойно горел огонь. Дамян собрал взводных на совет. Заместитель комиссара предложил этим же вечером попытаться прорвать кольцо, уйти из зоны снегов в долину. К сожалению, они не знали, где заканчивается снежный покров. С тех пор как выпал снег, не выходили из лагеря, и никто не мог с уверенностью сказать, что внизу снег уже растаял.

Не знали партизаны и расположения врага. В горах много войск и полиции, но где их главные силы, где штаб — неизвестно. Нужен хотя бы один «язык». Дамян знал эту местность как свои пять пальцев — все складки, впадинки, высотки, все овраги и реки, тропинки и броды, но сейчас все лежало под толстым слоем снега, и сугробы таили в себе много неожиданностей.

Нужно было учитывать, что и враг явился в горы подготовленным. Он тоже знал, где устроить засаду, куда выслать дозор, где закрепиться, чтобы вынудить партизан идти не туда, куда им хочется, а туда, где их ждут...

Предложение Карата было разумным — вырваться из окружения и шагать к полю. Риск есть, но есть и надежда. Оставаться тут — риск без всякой надежды: запас продуктов и патронов

истощится, а стужа их добьет. Прорыв! Прорыв, пока каратели не перегруппировались. В сущности, Дамян пытался предвидеть и самое страшное. И вот оно наступило. Теперь командир думал лишь о тайном лагере в низине. О нем знали всего несколько человек. Если придется отступать с боем, уцелевшие должны двигаться ночью. Явкой им послужит старая чешма запущенного лесного хозяйства, откуда верный человек проведет их в землянку за старой могилой. Это и было сказано взводным командирам. Те, кто оторвется от основных сил, должны встретиться там. Пароль «Семь».

В три часа приказ об отходе был передан всем. Началось бесшумное передвижение по гребню горы. Впереди шли партизаны, переодетые в военную форму. Три полицейских мундира тоже пригодились — помогли обмануть первый пост. Солдаты поздно сообразили, что перед ними партизаны, и сдались. Первые пленные рассказали, что в поле снег сошел. Новость заставила партизан ускорить шаг. Когда рассвело, вершины остались далеко позади. Люди радовались, что спасены, и только Дамян еще не верил, что они так легко оторвались от врага. Собрав волю, подгонял непривычных к ходьбе, истощенных, ослабленных людей. И они шли, превозмогая себя, стараясь не отставать. И каждый раз, оборачиваясь назад, Дамян видел, как за цепочкой партизан тянется предательский след. Достигли какой-то горной речки. Помощник комиссара предложил идти по течению, чтобы скрыть следы, но Дамян не согласился. Поток, расположенный высоко, мог снова вывести в снега.

Они продолжали спускаться все ниже и ниже. Слой снега под ногами становился все тоньше, кроны деревьев кивали им покрасневшими верхушками — скоро уже скинут свои белые шали. И вдруг партизаны заметили преследователей. Они шли огромной дугой. Крылья этой дуги вытягивались далеко в стороны, готовые заключить беглецов в свой черный обруч. Хорошо, что партизаны двигались по гребню горы. Дамян читал в воспоминаниях одного сторого воеводы рекомендацию никогда не вести бойцов по низине, несмотря на то, что тропы там лучше. И сейчас он подсознательно выполнил этот гайдуцкий закон. Внизу снег был глубже, с гребня же его сдувал ветер, делая слой тоньше. Поэтому и казалось, будто бесснежная зона близко. Дамян приказал ускорить шаг, но люди выбились из сил. Передвижение замедляли раненые. Двое попросили оставить их у отвесной скалы, в трещину которой намело буковой листвы. Взяли по одной гранате. Попрощались. Дамян поцеловал их в лоб, предупредив, где искать остальных. Отступление продолжалось. К вечеру, когда расстояние между преследователями и партизанами резко

сократилось, командир приказал устроить засаду. Вскоре прозвучали первые выстрелы, завязался бой.

С этого момента нить воспоминаний то обрывалась, то вспыхивала, как разрыв гранаты. Семь дней и семь ночей непрерывных боев, окружений и прорывов. Люди постепенно терялись из виду, как в дурном сне. Одни погибали, другие исчезали, третьи находили Дамяна, веря, что рядом с ним останутся в живых. На пятый день созрело решение разделиться на группы. Так легче спастись. Карата двинулся с одной группой, Дамян — с другой, Балю с пятью бойцами остался их прикрывать. В группу Дамяна вошло лишь несколько ветеранов и мальчишки последнего набора. Жалея юных, он не отпустил их с помощниками. На место явки, к чешме, прибыло тридцать пять человек из ста десяти. Их приютила землянка под старой фракийской гробницей, где партизаны стали ждать зелени, песен иволги, сумасшествия весны. В эти дни отдыха и раздумий в сознании Дамяна постепенно всплывали смерти товарищей, словно мутный водоворот выносил их на поверхность памяти. В его душе росла ненависть.

Через несколько дней он выведет из землянки своих друзей, пополнит отряд — тогда и посмотрим!..

Окончание на стр. 163

* * *

«Добрый день, мама, Лида, Шура, Витя! Я пока жив и здоров. Письмо получил сегодня утром, за которое я очень благодарю, но оно мне причинило такую грусть, что мне пришлось поплакать.

Я уже форсировал Донец и уже скоро, наверное, придется форсировать (замарано цензором. — Ред.). Сейчас нахожусь на подступах к городу Запорожье.

По правде сказать, мама, немец что тут творит, что просто не описать никак.

Нахожусь на передовой. До этого у меня было настроение — все вперед и вперед, но сейчас какая-то нашла скука, как будто я потерял что-то...

Наверное, придется покупаться в Днепре.

Погода у нас хорошая. Я живу ничего. Вы пока обо мне не беспокойтесь.

Недавно ходил в полк, где был Подгачев, но его ранило, так что я его не видел.

1.10.43 г.».

* * *

«Здравствуй, Катя! Сообщаю, что от тебя открытку и письмо, написанное 22 февраля, получил 24 апреля. Сейчас тороплюсь писать ответ. Пишу под томным настроением, потому что узнал о вашей жизни, о своих маленьких миленьких детках. Я их крошками называю, хотя Гера в валенках больше Левы. Хочется больше узнать о Борисе, которого я увижу только после войны. Он, вероятно, уже ходит и о чем-нибудь с тобой и братишками «толкует». Катя, всех за меня поцелуй крепко-крепко...

Очень доволен твоим поступком, которым ты изменила свою специальность. Ну как не назвать тебя «Звездочкой»?! Как мне приятно, что ты реально смотришь на жизнь. Кончится война, я приеду домой, и, конечно, жизнь, любовь наша потечет по руслу мирной обстановки.

Находясь за тысячу километров от тебя, я все-таки весел и радостен, потому что я воодушевляем нашей победой. Враг бежит в панике от наших артиллерийских выстрелов, но мы врагу не дадим бежать: уничтожим как бешеную собаку.

Аттестат с мая должен (быть) новый, то есть на 450 руб. 27.3.43 выслал 700 руб. О получении всего сообщи... Как бы хорошо было, если б мамаша приехала к тебе...

Катя, пиши обо всем: о жизни, о знакомых. Как в школе? До свидания. Целую.

Твой муж Д. Муравьев».
(Без даты.)

* * *

«Привет с фронта!!

Здравствуйте, мама, Тамара и Гена! Примите мой пламенный красноармейский привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Сообщаю, что письмо ваше получил. Да, жизнь незавидная, но что поделаешь, война. Узнал, что померла бабуня. Жалко. Но здесь кончают жизнь нестарые люди. А она уже пожила.

О себе. Несколько дней назад кончилась моя спокойная оборонная жизнь. Нас перекинули на другой участок, и... должны принять бой. Каким мне удастся выйти из него, не знаю. Может быть, больше не увидимся, тогда прощайте и не забывайте сына. Да, надоела эта... походная жизнь, жизнь трудная и горькая. Насчет питания. Питаемся сухим пайком. Да, сижу вот и вспоминаю прошлую мою жизнь...

18.1.44 года».

* * *

«Пущено письмо 7 марта 44 года.

Добрый день или вечер, мама. Я вам передаю свой горячий привет и низкий поклон. Еще посылаю сестре Любе, Коле, Тае и Вите передаю братский привет и по низкому поклону. И желаю всего хорошего в вашей жизни и быть всем здоровыми. Я вам сообщаю, что я пока жив и здоров. Я вам сообщаю, что я праздновал 26-ю годовщину Красной Армии хорошо, ездили в полк как лучшие командиры. Я за свою службу не имею ни одного взыскания, только имею благодарности от командования — от командира батальона, также имею от командира полка. Мне дали премию 200 рублей за хорошую подготовку курсантов по автоделу. Я вам, мама, хочу сообщить, что я в 1942 году был два раза ранен от немецких зверей, но не отходил ни шагу назад, отражал все контратаки ненавистного врага. И в 1943 году, когда погнали этих вшивых фрицев, мы их гнали немало, то пришлось еще рану получить от вражеской пули в жестоком бою. Но я на это не смотрел. Старался побыстрее залечить свои раны и снова громить врага, отомстить за свою кровь, за свой народ, за наши город и завод. Я вас, мама, прошу, чтоб не журились обо мне, раны зажили без вреда для меня.

С приветом. Ваш сын Ваня».

* * *

«Катя, дорогая, вчера, 13 июля, перевел почтовым переводом 400 руб., и если жив буду, то в августе вышлю аттестат денежный. Я пошел, *так что если долго не будет от меня ответа, то наводи справки обо мне по адресу: полевая почта — 14894«С».*

Пишу 14 июля с. г. Дорогая моя Катя, береги ребят, они тебе будут нужны. Правда, будет трудновато, но что поделаешь. Катя, ты должна понять слово «пошел». Мы с тобой договорились,

когда я был в отпуску. Итак, моя дорогая, целую тебя с ребятками. Жив буду, вернусь.

Твой всегда Юрка.
14.7.44 года».

* * *

«Здравствуйте, родные мои, милые стариканы! И ты, Катя, здравствуй! Надо вам будет написать немножечко о своей жизни, а жизнь у меня, как известно, фронтовая, а теперь лучше даже сказать кочевая. Жизнь нелегкая, но она мне, по правде сказать, нравится. В детстве я мечтал путешествовать по своей стране. Теперь это путешествие совершается, правда, не совсем так, как мечталось. Здесь, в Белоруссии, замечательная курортная природа. Деревеньки обрамлены узористой березой, ивой с хрупкими веточками с длинной свинцеватой листвой и прочими культурными и бескультурными деревцами. Все расцвело и благоухает под порядочным печением белорусского солнца. Птахи поют свою нескончаемую песню как над пахнущими нектаром цветущими лугами, так и над каждым кустиком, облюбованным и выбранным каждой парой этих пернатых поселян.

Мы движемся по проселочным и грунтовым дорогам, нас встречают мирные жители с недолгим приютом своих простеньких хат. И после недолгого отдыха мы опять идем или едем вперед. Боев нет никаких, особенно в последние $^1/_2$ дня. Немец где-то за 60—70 км от нас, и только оставшиеся в лесах немцы продолжают вылавливаться как дикий вредный зверь.

Несмотря на то, что немец угнал много коров, молока можно достать в любой почти хате, и с удовольствием наслаждаться этой незатейливой, но приятной влагой. В общем, хорошо в Белоруссии, пышной и дородной. Даже в небе парят... аисты, чтобы, налетавшись вдосталь, сесть в свое прежнее гнездо, примощенное где-нибудь между толстыми рогатками березы.

Здесь много болотистых лесов, по которым бредут наши печенеги или славяне, точно такие, как шло у Горького племя, ведомое смелым человеком Данко и правдой горящего сердца. И теперь такие же непроходимые топи и болота, только сердце горит у каждого человека, и от этого огня в нем нет неуверенности. Он со страстью, с насупленными бровями и ноздрями, раздувающимися от напряжения, прет вперед! Простой печенег — великий труженик войны! Он говорит: «Настал и для немца 41-й год!» Мы обходим и окружаем, уничтожаем и берем в плен. Бьем и бьем эту поганую.

Народ трудно разжечь, разъярить, но уже если начнет действовать эта сила — бить направо и налево своей справедливой палицей, то уж не остановить его, пока не истребится враг, противодействующий и мешающий ему жить! Велик и грозен русский народ! А мы его дети. Так вот и живем помаленьку. Ничего, кроме надоевших комаров, у меня нет. Пишите, как вы живете. До свидания, дорогие. Передавайте привет родным и знакомым, а всей Москве крепкий поцелуй. Целую тебя, Москва моя, целую вас, родные мои.

П. Жалнин.
1. 7. 44 г.».

* * *

«Здравствуйте, папа и мама!

Долго я вам не отвечал, но ничего не поделаешь — обстановка... А сегодня, хотя она и совсем неблагоприятная, но долг перед товарищем и его матерью все время требует и терзает душу — ответь, напиши, что один из лучших друзей короткой моей жизни погиб на большом столе. Это — Мешков Иван. Случилось это 7 ноября. Мы форсировали Дунай. Иван на катере. Мертвого его не пришлось посмотреть и похоронить, так как такая обстановка, что день и ночь ведешь огонь. Крепко Иван бил врага, но не вовремя ему пришлось сложить свою голову. Вспомнишь, как он поднимал своих в атаку, так душа радовалась. Это мой товарищ. Про награды буду молчать, ибо скоро мамаша Ивана их должна получить.

Что еще написать? Вот хожу словно побитый, но чем поможешь? Слезы — это лишнее. Они не помогут. Остается только мстить и только мстить.

Теперь не волнуйся, что редко буду писать. Все связано с обстановкой.

Борис (Родионов) жив, но я его давно не видел. Вот такая она, наша жизнь...

До свидания. До хорошего будущего, мои родные, знакомые, друзья и подруги...

С подходом умным расскажите об Иване тете Наташе (мать Ивана Мешкова)... Скажите всем, что Виктор далеко от Ельца, он бьется в первых рядах мстителей за матерей, отцов, сестер и товарищей.

9 ноября 1944 года».

45 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

45

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Случилось это в начале сорок пятого года, в дни штурма почти двухсоттысячной фашистской группировки, засевшей в Будапеште.

Командующий Дунайской флотилией контр-адмирал Г. Н. Холостяков и начальник штаба капитан первого ранга А. В. Свердлов неожиданно прибыли в отряд морских разведчиков.

— Вы точно выявили огневые позиции врага, поэтому их быстро уничтожила наша артиллерия,— говорил собравшимся контр-адмирал.— Благодарю и за карты минирования Дуная, которые вы добыли в осажденном Будапеште. Они помогли экипажам тральщиков очистить фарватер реки, по которому бронекатера подошли ближе к городу и — слышите? — уже стреляют! Помогают армейцам продвигаться вперед. От имени Советского правительства отличившимся вручаю высокие награды.

Крайним в строю стоял молодой черноволосый матрос. Вручая ему медаль, командующий спросил:

— Откуда такой молодец? И сколько же тебе лет, матрос?

— Я сын Советской Грузии, товарищ адмирал, Алексей Чхеидзе! А лет мне уже семнадцать! — охотно ответил тот.

Холостяков от души рассмеялся и, шутя, поправил юношу:

— Не «уже», а «только» семнадцать!

После освобождения левобережной части города — Пешта — остатки окруженной группировки противника укрылись на другом берегу, в Буде. Фашистский штаб обосновался в Королевском дворце, что на Крепостной горе.

— Вот оттуда и надо доставить «языков»,— твердо заявил командующий флотилией разведчикам.— Давайте вместе подумаем, как можно пробраться на ту сторону. Ведь все мосты взорваны, да и в Буде много войск, все кварталы заняты гитлеровцами. Сидевший рядом командир разведчиков Калганов достал из кармана карту Будапешта, разгладил ее на столе.

— Мы познакомились с венгерским инженером, ведавшим канализационной системой города,— начал выкладывать особый «секрет» Калганов, по привычке поглаживая окладистую черную бородку.— И выяснили, что по подземным трубам можно проникнуть в любой район столицы, в том числе из Пешта в Буду — под Дунаем!

Присутствующие оживились: еще бы — открывается такая возможность для разведки! Между тем старший лейтенант продолжал:

— Венгерский патриот с профессиональной точностью помог нам все изобразить на карте. Синие линии — это система труб большого диаметра, красные кружочки — люки выходных колодцев. Видите, несколько из них находятся возле самого дворца, где штаб гитлеровцев. Вот матрос Чхеидзе уже лазил по этим трубам. Говорит, что там уютно, никто не стреляет, правда... запах!

— Уж не собираетесь ли вы дворец штурмовать из-под земли? — пошутил командующий.

— Пока нет, товарищ адмирал,— серьезно ответил вожак разведчиков,— для этого в нашем отряде сил маловато. А заполучить «языка» через этот люк, пожалуй, сможем,— ткнул он пальцем в один из красных кружочков в районе дворца в Буде.

Через два дня разведчики доложили о готовности. Прошлись, поползали по трубам, удостоверились — до Буды можно дойти! У Калганова раненая рука еще не зажила, но он твердо настоял на том, что сам поведет подчиненных в опасный подземный рейд.

Подошел назначенный час: двадцать ноль-ноль. Смельчаки поочередно нырнули в каменный колодец. Идти в полной темноте, в полусогнутом состоянии было трудно, еще труднее в некоторых местах ползти, погружаясь в холодную, зловонную сточную воду. Даже противогазы мало спасали от неприятного запаха. Калганов время от времени включал электрический фонарик, поглядывая на карту и проверяя время. Замыкающим шел связист. Он тащил телефонный аппарат и катушку с проводом: ведь в штабе с нетерпением ждали известий.

У одного из подземных перекрестков отряд разделился на две группы. Через четыре часа изнурительного пути группа Венедикта Андреева достигла пункта севернее Королевского дворца, недалеко от церкви Магдалины. Подошли к нужному колодцу.

Чхеидзе подставил могучие плечи под тяжелую крышку люка, с трудом приподнял ее. После непроглядной подземной темени ночь показалась очень светлой. Осмотрелись в незнакомой обстановке, с жадностью глотнули свежего воздуха. Переулок, где они оказались, выходил на площадь. Здесь длинным рядом выстроились крупнокалиберные орудия.

— Вот из них и палят немцы по Пешту,— прошептал Андреев и приказал одному из своих спутников, Глобе: — Пересчитай, запиши в блокнот и передай связисту, чтобы доложил в штаб. И будем искать «языка».

Засаду устроили в темном подъезде. Спина и ноги ныли от усталости. Но усталость как рукой сняло, когда моряки увидели: по улице шагают два гитлеровских офицера. Один из них среднего роста, полный, в черном кожаном пальто, второй — высокий, в шинели. Кивком головы старший подал команду, и разведчики прикладами автоматов быстро свалили обоих. Втащили в люк, навели луч фонарика на лица. В глазах очнувшегося фашиста в кожанке застыл ужас. Он оказался майором из штаба бригады штурмовых орудий. Как раз то, что нужно! Другой офицер — эсэсовец.

Обратный путь оказался еще более трудным. Пленный толстяк еле плелся, тяжело дышал. Последние метров сто морякам пришлось тащить его на себе. Все основательно вымотались. У некоторых от перенапряжения носом шла кровь. Физически закаленные, зани-

мавшиеся спортом в школе, никогда не унывающие Андреев и Чхеидзе подбадривали отстающих, помогали им. Алексей взял у сильно уставшего телефониста катушку с проводом и тащил ее почти весь обратный путь. Под землей, у знакомой развилки, встретились с группой Калганова, которая тоже вела «языка» — обер-лейтенанта. Добытые с таким трудом разведывательные данные и полученные от пленных офицеров сведения сыграли важную роль в подготовке штурма Буды, в том числе Королевского дворца.

В тот же день контр-адмирал вручил героям подземного рейда ордена и медали. Чхеидзе был рад вдвойне — вдобавок он получил от командования

трофейный мотоцикл. Сразу же квалифицированно оседлал его и стал не только катать по Пешту друзей, но и использовать для разведки.

Бои за освобождение Будапешта длились сто девять дней. Поредел за это время разведотдел флотилии. Но и в дальнейшем он так же активно обеспечивал продвижение войск и боевых кораблей на север, в направлении Эстергома. Затем были Братиславская и Венская операции. Вернувшись после Победы в Будапешт, многие разведчики стали хорошими помощниками моряков и лоцманов — проводили корабли и караваны грузовых судов между фермами разрушенных мостов, в обход минных полей. И вот на одной из мин подорвался катер, и Алексей Чхеидзе стал инвалидом...

Вначале чуть-чуть слышал с помощью слухового аппарата, начал искать однополчан, по крупицам собирать материал о дунайцах. Ведь все дневники, документы, фотографии утонули в Дунае. В сотни адресов пошли из Данковского лечебного интерната, близ Серпухова, письма, тексты которых он диктовал своим милым и дорогим помощникам — тимуровцам местной школы. Ответы приходили из Одессы и Измаила, Севастополя и Ленинграда, Москвы и Кургана... Откликнулись адресаты из Румынии и Болгарии, Югославии и Венгрии. Шли воспоминания о боях на Дунае, о взаимодействии моряков с нашими наступающими войсками, с местными партизанами. Ведь это надо было осмыслить, обобщить, систематизировать.

Одна из первых помощниц автора была Лена Янушкина. С ней он разработал подробный план будущей книги и начал диктовать первые главы. Трудились вместе не менее двух часов в день, хотя это давалось ему нелегко. Так продолжалось два года. Когда Лена поступила в институт, ее сменила Наташа Калинина. А та, в свою очередь, передала эстафету Гале Рязанцевой и Ире Грибовой. С их помощью рукопись продвигалась вперед. Добрым тимуровцем была и ленинградская школьница-комсомолка Инна Иванова, занимавшаяся проверкой фактов и фамилий моряков по подшивкам газет военных лет «Дунаец» и «Черноморец», которые хранятся в Центральной военно-морской библиотеке.

На рукопись ушло более пяти лет. Когда же герой полностью лишился слуха, работа усложнилась: общаться с ним пришлось путем написания букв и слов пальцем на лбу. Тимуровцы Данковской школы хорошо освоили эту «грамоту», так же как и его друзья в Тбилиси, где он бывает иногда в гостеприимном доме своей тети Тамары.

А книга получилась! «Записки дунайского разведчика» выдержали три издания в издательстве «Молодая гвардия», четыре раза выпущены в Тбилиси и один раз — в Болгарии! Книга отмечена поощрительным дипломом конкурса имени Н. Островского. Что и говорить, знаменательная награда.

Л. ЧЕРНОУСЬКО,
капитан первого ранга,
участник Великой Отечественной войны

На снимках: старший матрос Алексей Чхеидзе; вот так, освоив специальную азбуку, комсомолки Л. Маркова (слева) и С. Исаева помогают работать ветерану.

БУДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

ВЕТЕРАНЫ ИЛИ ОТВЕРЖЕННЫЕ?

В КОНЦЕ октября минувшего года по первой программе Центрального телевидения транслировался документальный фильм ГДР «Камерад Крюгер». Основная его идея — прошлое и настоящее ветерана дивизий СС «Гитлерюгенд» и «Мертвая голова». Перед нами — неунывающий, точнее, преуспевающий бюргер, для которого прошлое — служба в СС, концлагерях, рейхсканцелярии — овеяно ореолом эпической борьбы за «чистоту» немецкой расы, за «здравие» гитлеровского рейха.

Как и прежде, Крюгер и ему подобные либо напрочь отрицают злодеяния нацизма, либо «просто не могут представить себе» (со слов К. Крюгера и его коллег по СС), что совершались массовые убийства ни в чем не повинных людей. Да, коротка память у тех, на чьей совести не одно преступление, причем преступления осознанные. Крюгеровцы не хотят или не могут понять, что их служба фашизму — сплошное преступление, которому нет срока давности.

Как явствует из фильма, а также публикаций в советской и зарубежной прессе, ветераны вермахта, СС, гитлеровской партии мало в чем нуждаются (если вообще нуждаются), пишут и издают массовыми тиражами мемуары, раздают интервью, имеют акции во многих компаниях, торгуют недвижимостью и т. д. Известно, что «крестными отцами» бундесвера (армии ФРГ) являются солдаты и офицеры, верой и правдой служившие рейху и различными путями избежавшие заслуженной кары народов. Не последнюю роль в «благоденствии» бывших палачей сыграли разведки США и Великобритании, стремившиеся сохранить гвардию рейха в качестве основы для западногерманской армии и разведки. Не случайно, и об этом с упоением говорит Крюгер, что в преддверии капитуляции фашистской Германии и после мая 1945 года воинские части рейха прорывались в расположение англо-американских армий, чтобы избежать пленения советскими войсками. Заветной мечтой многих офицеров и солдат немецко-фашистских войск была (да и остается по сей день) совместная борьба с большевизмом под руководством США.

В Западной Германии прошлое Германии времен кайзера, Гитлера, Аденауэра, времен «новой восточной политики» (Брандта — Шееля — Шмидта) не является предметом всевозможных насмешек и инсинуаций. Поколение, жившее в те времена, не противопоставляется нынешнему. То, что было в прошлом, не подлежит забвению. Но это прошлое — история нации, история ее трагедий, ошибок и достижений, ее веры и безверия. Это прошлое помогает лучше, объ-

ективнее понять сегодняшний день ФРГ, суть внутренней и внешней политики Бонна, источники успехов и причины проблем социально-экономического развития ФРГ. Высмеивать, оплевывать великих мертвецов и миллионы тех, кто им верил, издеваться над собственной историей, наживать на этом благосостояние — все это несвойственно немцам, и не только им.

Конечно, тот факт, что сотни бывших эсэсовцев презирают «суд совести» и ничем не ущемлены в правах, имеют в ФРГ и за ее пределами материальный достаток, пропагандируют свою «активную жизненную позицию», не может не покоробить тех, кто воевал с фашизмом во имя свободы народов. Благоденствие официально побежденных и заочно осужденных — это оскорбление памяти миллионов жертв фашистского варварства.

Но как резко контрастирует благоденствие избежавших возмездия с незавидным положением ветеранов, инвалидов Великой Отечественной войны. «Благосостояние» подавляющего большинства из них известно, а помпезные речи в их честь и многочисленные постановления о «дальнейшем повышении...», «развитии...», «совершенствовании...» вызывают ныне лишь улыбки или анекдоты, морально ободряющее воздействие которых — «бальзам на раны»...

Больно смотреть, когда люди, отдавшие столько сил победе над фашизмом и ныне инвалиды, в дни праздников заполоняют подземные переходы, паперти церквей, сосредоточиваются у парков, метро, кладбищ и... просят милостыню у прохожих.

Не менее больно и горько видеть, как порою поносят ветеранов и инвалидов в наших горе-магазинах и иных конторах.

Ветераны стали не только притчей во языцех, но и едва ли не «первейшим» объектом псевдолитературного глумления и злословия. Фактически всему поколению 20—40-х годов и особенно ветеранам войны вменяется в вину «слепая», «рабская» вера Сталину, служба «сталинизму» и т. д. и т. п. Сейчас, когда многие ветераны, инвалиды войны и труда пытаются противостоять целенаправленной кампании по дискредитации истории страны, народа и партии, не меняют своих принципов в зависимости от политической конъюнктуры и публикаций «Огонька» и К^0, нападки на них становятся все изощреннее. Дескать, это они мешают гласности и перестройке! Они — провозвестники новой «варфоломеевской ночи», антисемиты и штрейкбрехеры «обновления» умов! Если они защищают Сталина, значит, они — враги!

Враги? А чьи, собственно? Видимо, тех, кто сознательно и мето-

дично разжигает вражду между нациями и народностями, между молодежью и старшим поколением, кто стремится под предлогом гласности облить грязью и оболгать не только и не столько Сталина, сколько наш строй, историю государства. Гласность оказалась удобной ширмой, за которой сосредоточиваются не просто антисталинисты, а самые отъявленные политиканы и властолюбцы, патологически непримиримые противники марксизма-ленинизма и интернационализма. Для них Сталин — это популярный жупел, разменная монета в борьбе за власть, в стремлении оболванить людей и особенно молодежь. Благо за антисталинизм сегодня хорошо платят многие издательства, и не только за рубежом.

Сегодняшняя гласность распространяется только на период 20—70-х годов и прежде всего на эпоху «Краткого курса истории ВКП(б)». Вероятно, то, что происходит сегодня в экономике, внутриполитической жизни, общественном сознании, будет соответствующим образом препарировано для гласности на завтра? А почему на завтра? Неужели нынешняя кризисная ситуация в стране — не актуальная тема для публикаций, исследований, популярных эссе? Хотя нет, тема-то актуальная. Виноваты, видите ли, в нынешнем всесоюзном хаосе, по мнению авторитетных монополистов на истину, опять-таки Сталин, сталинисты, Н. Андреева, И. Шеховцов и им подобные. Т. Заславская в сборнике «Иного не дано» приравнивает ветеранов войны и их единомышленников чуть ли не к уголовным преступникам.

Сколько грязи выливается на головы тех, кто защищал страну от интервентов и помогал освобождению народов Европы и Азии от фашистского порабощения. Нынешние политиканы шельмуют их за веру, которая вдохновляла миллионы людей и в труде, и в защите Отечества. Может, потому и шельмуют, что сами новоявленные «борцы за истину» ни во что и никому не верят? Или не хотят верить, созидать, а желают лишь политиканствовать любой ценой? Неужели фарисеи от гласности не понимают, что своими навязчивыми «антисталинизмами» вызывают обратную реакцию, особенно у молодежи — желание защитить умерших и тех, кто, не поступаясь принципами, стремится понять суть нынешней игры в правду? Вот что сказал один из лидеров никарагуанской революции, Т. Борхе: «Посмотрите, что произошло в Советском Союзе: история страны столько раз подвергалась переоценке, что уже неизвестно, кто хороший, а кто плохой. Так нельзя поступать. Это попытки исказить историю в чьих-то политических интересах» («Куба», 1989, № 8, с. 35).

Да, на невеселые размышления наводит фильм «Камерад Крюгер». Во всяком случае, термин «поколение бывших» (или «отверженных») больше применим к нашей стране, чем к ФРГ. Ибо по своему социальному положению, по «нарицательной популярности» среди многих авторов и редакций это поколение мало с кем может поспорить. Но где гарантия, что сегодняшние «передовики» гласности не окажутся в той трясине, которую они уготовили своим нынешним и «бывшим» оппонентам?

А. ЛИТВИНОВ,
А. ЧИЧКИН

На снимке: «Только люди, ненавидящие Россию, могут хулить ее защитников»,— считает А. Н. Каморов, ветеран Великой Отечественной войны, житель с. Птахино Почаевского района Смоленской области.
Фото В. НИСТРАТОВА

45

Николай РОДИЧЕВ,
бывший танковый десантник 4-го гвардейского Сталинградского корпуса 15-й мехбригады 2-го взвода, именовавшегося еще «Девятым «Б», по составу бойцов взвода, одноклассников

МИШКА-МИНЕР

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Пареньку шел тринадцатый, когда в их орловскую деревню ворвались оккупанты. В километре за буграми проходила передовая линия окопов. Скоро от Тереховки остались печные трубы да кучки пепла. Жители, кому некуда было загодя уйти, обитали в ожидании лучших перемен в погребах и наспех вырытых землянках.

Мишка Марзуев осиротел еще до войны. Его пригласила на жительство родная тетка, Евдокия Ивановна. У нее же нашла приют и еще одна девочка, оказавшаяся ничейной среди военных громов. Когда-то у тетки был свой дом, теперь жилищем стал просторный погреб.

Попробуй высунься, когда через деревню снаряды летят с той и с другой стороны. Однако Мишка—большак в их сборной семье. Когда за водой сбегает, а в другой раз из любопытства голову из прибежища высунет: что за машина так близко прошла, чуть не по крышке подвала колесами прогремела? Рад бы мальчонка и побольше на поверхности порезвиться, да тетка не велит, за них, несмышленышей, переживает.

А на дворе — жаркое лето. Идет Орловско-Курское сражение. Бухают совсем рядом взрывы. Сражаются поблизости наши, а к Тереховке никак не подойдут!

Однажды высунувшегося, будто сурок из норы, Мишку подозвал к себе жестом долговязый солдат, возившийся возле грузовика, накрытого тентом. Сунул в руки пустое ведро, махнул в сторону пруда. Чего тут и понимать? Воды немцу надо. Понесся знакомой тропкой паренек с тем ведром вниз к поблескивающему ручью. Старался, лишь бы не гнали обратно в землянку, где все обрыдло до чертиков. Не всем пришельцам нравился конопатый водонос. Как-то рыжий верзила с угреватым лицом и раскоряченными, будто у всадника, ногами сердито произнес что-то на своем наречии. Не дождавшись, пока мальчик догадается о смысле очередного повеления, шагнул к Мишке и, захватив часть сорочки, а заодно и кожи между выткнувшимися ребрами, крутнул рукой в сторону. Мишка аж присел от боли. А немец заржал от удовольствия. Между ребер на

теле мальчика тут же взыграл огромный синяк. Оказывается, его испытывали на выносливость. Затем сунули в руки лопату и повезли в машине за околицу, где проходила дорога к ближнему селению. Немцы стаскивали с машины большие деревянные ящики с минами. Совсем отдельно от них хранились взрыватели. Оккупанты обмерили при помощи рулетки широкую полоску земли вдоль дороги и принялись закапывать мины. А Мишке приказали срезать лопатой дерн, где трава погуще, и подносить его для маскировки от постороннего глаза металлических коробок со взрывчаткой. Пока оккупанты готовили к погружению в неглубокую ямку очередную круглую или шестигранную коробку, мальчик равнодушно наблюдал за ними. Солдаты по той дороге больше не ездили. Они готовились к отступлению.

Мишка между тем запоминал проплешины на поверхности поля, где были поставлены адские машины. Видел он, как ввинчивается в отверстие жестяной коробки и откручивается запал.

Немцы к сумеркам свертывали свое хозяйство и уезжали ночевать в более безопасное место. Окольцованная минами деревенька превратилась в заложницу смерти!

Ночью в деревне уже не оставалось оккупантов. И тогда наступало Мишкино время. Он осторожно нырял рукой под земляную подушку и еще более осторожно снимал с пружины опасный стержень, больше похожий на кнопку, на которую только наступи — и раздастся взрыв. Только к рассвету возвращался в землянку, слушая горестные причитания приемной матери. Однажды он принес целую коробочку снятых запалов, и приемная мать чуть с ума не сошла от страха, носясь с этим опасным добытком сына.

В одно утро он проснулся от громкого говора мужчин над распахнутым лазом в их убогое пристанище. Разговаривали свои! Как раз по той дороге, которую разминировал Мишка, входила колонна красноармейцев. Ни одного взрыва! Наши воины удивлялись: кто это так чисто сработал, подготавливая им путь? Миша Марзуев стал им на несколько дней проводником по окрестным полям. Теперь уже его обучали своему непростому делу наши саперы. И не зря!

После ухода воинской части на запад в подлеске раздалось несколько взрывов: погибли две коровы, ранило одного мальчика. А вскоре пережившие лихолетье однополчане хоронили старика Якова Тришина, погибшего от коварного снаряда, спрятанного в лозняке тем рыжим фашистом-минером, что оставил синий след на исхудавшем от бесхлебья теле русского мальчонки.

Михаил Марзуев объявил войну всякой подозрительной железке поблизости от села. Безо всякого зова он мчался к месту взрыва. Тут же принимался обшаривать местность. Впереди себя он пускал вместо щупа вытянутую босую ногу. Теперь вслед за ним шли добровольные помощники. Среди них еще один Михаил и мать пятерых детей Екатерина Андреевна Тришина, готовая своей жизнью поплатиться, лишь бы уберечь от потаенной смерти ребятню.

На этом помощь тереховских подростков своим мамам и бабушкам не заканчивалась. В кустах и болотинах они обнаруживали трупы павших бойцов. Сдавали документы в контору колхоза, а затем свозили останки героев в соседнее сельцо Бородино, где была братская могила. Много дум породила у Мишки Марзуева и его ровесников эта скорбная работа. Они могли оценить теперь жертвы старшего поколения за их нынешнюю ребячью вольницу.

Поле за полем возвращали под пашню. Самому же Мишке и пришлось после водить трактор по этим полям. А до совершеннолетия ему было еще ох как далеко!

Через полгода после освобождения деревни Евдокия Ивановна получила конверт со штемпелем полевой почты. В нем оказалась свернутая вчетверо газетка в две ладошки размером, с грифом «Прочти и передай товарищу». Писал один из воинов, освобождавших Дмитровский район.

Заметка называлась «Не одни мы воюем». Она рассказывала о подвиге деревенского подростка, истреблявшего немецкие мины. В тот голодный для всего окрестья год, чтобы поощрить юного минера, правление колхоза выписало полусиротской семье Марзуевых два мешка ржи. Можно понять ценность такого дара, если зерно старики и дети носили на себе за пятнадцать километров со станции Комаричи! Нечем было засеять поля. Евдокия Ивановна брала себе на плечи пуд, детвора по половине этого груза!

А годы незаметно подвигали Мишку Марзуева и его ровесников к взрослой жизни. Как-то незаметно и больше скорбно вошла в Тереховку весть о Победе. Из сорока двух мужчин, призванных на войну, вернулись лишь двое. Мишка стал комсомольцем. Несколько лет работал в родном селе механизатором. Потом деревеньку ту объявили неперспективной, и он уехал по вербовке на торфопредприятие в приволжский городок. Там по вечерам продолжал учение. Позже окончил техникум в Рубцовске и стал сельским строителем. Сейчас — прораб в льноводческом хозяйстве на Алтае. Живет с семьей в селе Большой Колтай близ Барнаула. Недавно я получил от него письмо. Предводитель деревенских минеров в годы войны сообщил о себе:

«В детстве рано остался сиротой. Сдавали в детский дом, но в первую ночь, при «крещении», стукнул по башке своего обидчика и выпрыгнул в окно со второго этажа. Убежал домой к тетке, Евдокии Ивановне. За связь с парашютистами во время оккупации тетю арестовали, а меня чуть не убили до смерти, все требовали сказать, где находится командир группы... К минам приобщился по своей охоте. Малость подучили саперы, когда пришла Красная Армия. Одна все же взорвалась, чуть не в руках, успел отбросить. Контузия давала себя знать во время учебы в рубцовском техникуме. Когда погиб от взрыва наш кузнец, Яков Иванович, которого я очень любил, дал зарок: выбрать все до единого вражеские снаряды на полях, не допустить больше ничьей смерти. Набралось что-то около 3500 штук, а противопехотных я и не считал. Снимал всякие, и натяжного, и нажимного действия, «шпринг-мины». Не знал страха, будто выполнял обычную полевую работу. Помощницы относили весь этот хлам в сторонку, потом взрывал... При выходе на пенсию — теперь уже скоро — собираюсь вернуться на родину».

Современные ораторы, желая показаться умнее своих предков, объявляют людей старшего поколения чуть ли не бездумными исполнителями чужой воли, послушными манекенами, солдатиками с оловянными глазами, не ведавшими, куда и зачем идут. Но спросите у Михаила Васильевича Марзуева, посылал ли его кто на минное поле? Заставлял ли рисковать собственной жизнью уже после победы? Разве нельзя было подождать, пока доберутся в ту глухомань профессиональные минеры? Но ожидание стоило бы жизни еще нескольким односельчанам. Миша это понимал, чувствовал близкую беду недетски зрелым сердцем.

Многие земляки и те, кто освобождал Дмитровщину от нашествия, отличились в боях. В Тереховке помнят о подвиге Федора Князькова, командира катера, погибшего при защите Ленинграда. И сейчас ездит на телеге, уставленной бидонами, вдоль единственной улицы села на собственной коняге, собирая по утрам молоко, инвалид Николай Игнатьевич Лученков, награжденный в войну тринадцать раз. По обезлюдевшей деревеньке осторожно переступает, опираясь на трость, престарелый учитель Иван Максимович Редин, обучавший Мишу Марзуева первым буквам. И, наверное, не только буквам... Этот воин отмечен тремя орденами и медалью «За отвагу». Летом прошлого года мне встретилась приехавшая из Москвы на могилу двух погребенных здесь сыновей своих Любовь Павловна Овинникова. Один из них, Сергей Михайлович, получил Звезду Героя при освобождении описываемых мест.

Молва людская, однако, при дележе славы между именитыми гражданами распорядилась таким образом, что, едва зайдет речь о патриотах края, прежде всего вспоминают имя мальчика, разминировавшего родное село...

ДВА ТАРАНА В ОДНОМ БОЮ

В разгар тяжелейших боев начального периода Великой Отечественной войны в передовой статье «Правды» 8 июля 1941 года рассказывалось о подвиге старшего лейтенанта Н. Терехина.

Известный военный журналист Славский поместил в «Известиях» большую статью «Сын крылатого народа», Константин Симонов посвятил истребителю Николаю Терехину балладу «Секрет победы», опубликованную в «Красной звезде» 5 августа 1941 года. Писали об этом подвиге Н. Асеев, Е. Долматовский и другие поэты.

Вот какие подробности памятного боя зафиксированы в записной книжке К. Симонова: «Старший лейтенант Терехин. Сначала сбил одного. Вышли все патроны. Таранил второго плоскостью по хвосту. Поломал только консоль. Третьего ударил мотором в хвост. У него, когда он выбрасывался с парашютом,— рваная рана на ноге, сильно разбил лицо... Ему не давали летать. Семь дней отдохнул и в первый же день после болезни, отлежавшись на аэродроме, сбил еще бомбардировщик».

...Впервые Колю Терехина я увидел в августе 1933 года на аттестационной комиссии, проводившей спецнабор коммунистов в военную школу летчиков города Энгельса. Терехин был

направлен в ВШЛ из Саратовского автодорожного техникума, где он был секретарем комсомольской организации, а я из автодорожного института. Мы быстро нашли общий язык и подружились.

Нас назначили старшинами двух соседних классных отделений. Мы сразу же втянулись в бескомпромиссное социалистическое соревнование. И хотя наши отделения попеременно занимали первое место по школе, личное первенство, надо признать, всегда оставалось за Николаем. Учился он самозабвенно, вкладывал всю душу в работу над овладением нелегкого ремесла летчика-истребителя.

Особенно отличился Терехин, когда курсанты ВШЛ приступили к практическим полетам. Николай не совершил еще и половины запланированного числа «вывозных» полетов, то есть вместе с инструктором, когда его руководитель доложил командиру звена о готовности курсанта Терехина к самостоятельному вождению самолета. Командир звена не поверил и сам вылетел с Терехиным на «спарке». Убедившись в полной подготовленности курсанта к самостоятельным полетам, он послал соответствующий рапорт командиру отряда. Но и тот усомнился в возможности столь быстрого и успешного освоения курса практического самолетовождения и полетел с Терехиным сам. Наконец этот процесс проверки дошел до самого начальника школы, и курсант Терехин первым был допущен к самостоятельным полетам.

Успехи Николая Терехина в освоении профессии военного летчика нельзя объяснить только его упорством и азартом соревнования. Он отдавал все силы учебе с ясным сознанием необходимости защиты страны от фашизма, который в то время подымал голову в Германии, угрожая всему миру, и прежде всего нашей социалистической Родине. Но Николай не был бездушным, механически действу-

ющим и произносящим «правильные» слова функционером. Он был тонкой, одаренной и легкоранимой натурой. Коля много читал, любил поэзию Пушкина, Тютчева, Лермонтова, часто декламировал Маяковского. Сам писал стихи и пробовал даже работать над повестью о жизни военных летчиков. Меня в свое время поразило, насколько точно и подробно предвосхитил мой друг в своих набросках многие реальные ситуации, с которыми мы столкнулись во время войны.

После окончания ВШЛ мы с Терехиным были оставлены при школе для освоения новейшего по тем временам истребителя И-16, а затем распределены в Бобруйскую истребительную авиационную бригаду. И здесь Николай достигает выдающихся результатов: он первым освоил полеты в ночных условиях, стал первым летчиком-высотником.

Судьба разлучила нас — я был направлен на учебу в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Но мы с интересом следили за успехами друг друга, обмениваясь письмами. Переписка прервалась только на время пребывания Терехина на Халхин-Голе. Последний раз виделись в Москве за пять дней до начала войны. Время было тревожное. Много говорили о предстоящих военных испытаниях. С тяжелым чувством провожал я на вокзале своего друга. А через три недели прочитал в «Правде» о его героическом подвиге...

Недавно я проезжал из Москвы в Ленинград мимо станции Бологое, в окрестностях которой погиб Терехин. Как жаль, подумал я, что об этом замечательном человеке у нас так мало известно. А ведь его жизнь — это яркий и типичный пример жизни всего поколения, построившего и отстоявшего в боях великую державу.

В. ХОВАНОВ,
полковник в отставке

г. Подольск Московской области

НА СНИМКЕ: В. Хованов и Н. Терехин за несколько месяцев до начала войны.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ПЯТАЯ КОЛОННА

Так называли диверсантов и контрреволюционеров мятежного генерала Франко, которые в 1936—1939 годах воевали против Испанской республики. Франкисты наступали на Мадрид четырьмя колоннами, которыми командовал генерал Э. Мола. Когда его спросили иностранные журналисты, какая из колонн первой войдет в Мадрид, он заявил, что этот город будет взят пятой колонной, имея в виду, что в нем есть фашистское подполье. С тех пор понятие «пятая колонна» вошло во все языки мира как синоним коллективного или массового предательства и шпионажа.

ПЕРЕСТРОИЛСЯ...

Аль-Балладм Бассам Фатхи (Иерусалим):

— У меня вопрос к союзам писателей СССР и РСФСР. Почему советская пресса ничего не говорила о том, что Евгений Евтушенко надевал военную израильскую форму в городе Иерусалиме и выступал перед израильскими войсками, которые ежедневно стреляют и уничтожают палестинских женщин, детей и стариков!

(Из стенограммы пресс-конференции в секретариате правления Союза писателей РСФСР 12 февраля 1990 года)

Имя Евгения Евтушенко — выдающегося плюралиста современности, не раз менявшего собственные взгляды, широко известно нашему читателю. Его суждения сопоставимы разве что с капризами моды — неуловимыми и причудливыми. Вдохновенный певец «вождя народов» и яростный критик культа личности; певец России и автор русофобских виршей «Русские коалы», борец с национализмом, с национальной исключительностью и демонстратор украинского национального костюма на Съезде народных депутатов СССР. Борец с антисемитизмом, и ...впрочем, не будем торопиться с противоположным понятием. Предоставим слово писателю А. Салуцкому, который недавно побывал в Израиле и разговаривал с людьми, присутствовавшими на встречах с Евтушенко: «Евтушенко много там читал стихотворений о еврейских погромах, непонятно зачем, потому что это было воспринято как нагнетание страстей. ...Мнение такое, что борьба с антисемитизмом, которую ведет Евтушенко и некоторые другие так называемые либералы, преследует в первую очередь цель нажить политический капитал» *.

Да, на что только не идет Евтушенко, чтобы показать себя истинным борцом с антисемитизмом. Даже стихотворение «Бабий Яр», наделавшее в свое время много шума, отредактировал в «перестроечном» духе. Строчку «лабазник избивает мать мою» заменяет на более экспрессивную «насилует лабазник мать мою». Строка «я знаю доброту моей земли» в новой редакции звучит так: «я знаю доброту твоей земли» **. А это качественно новый взгляд, свойственный, кстати сказать, нашим доморощенным сионистам. На участившихся съездах, пресс-конференциях они говорят о нашей Родине исключительно в третьем лице. Впрочем, на то они и сионисты, но как быть с Евтушенко, который себя сионистом не называет? Хотя, зная его мировоззренческие трюки, можно допустить что угодно. И, наверное, не стоит удивляться, если в «Огоньке» — журнале, расписывающем каждый шаг поэта, появится его фотография в форме израильского карателя, кричащего об угрозе русского фашизма...

«ТОВАРИЩ»

---

* Стенограмма пресс-конференции в СП РСФСР 12 февраля 1990 года.

** Издательство «Современник», 1988 г.

ГРАНИЦА, ГОД 1990-й ...

— От кого мы охраняем границу! — иронично спросил меня недавно знакомый.— Басмачи за кордон не рвутся, копыта к сапогам, чтоб бойца-следопыта перехитрить, не привязывают. Шпион сегодня другой, он пользуется легальным каналом: берет тур по Союзу или едет с диппаспортом.

Кое в чем мой собеседник был прав, но далеко не во всем. Однако разубеждать его «в лобовую» не хотелось, слишком часто прибегали мы в последние годы к декларативным заявлениям типа «Враг не дремлет», «Империализм обнажает звериную сущность» и тому подобным, рождая в противовес звучный призыв: «Пограничник, будь бдителен! Держи границу на замке!»

Но были доводы иного порядка. Почему-то вспомнилась одна из последних командировок на далекую сахалинскую заставу, встречающую и провожающую корабли, проходящие пред ее недремлющим радиотехническим «оком».

Ночь, которую я коротал с нарядом на посту наблюдения, была пропитана безмятежным покоем. Мерно дышал прибоем распластанный у ног залив Анива, всхлипывали во сне прибившиеся к берегу бакланы, и казалось, нет в мире силы, способной разорвать эту вселенскую тишину. И так же по-домашнему обыденно шелестел газетой склонившийся у стола прапорщик Рашид Валиев, позевывая и прикрывая ладошкой рот, что-то говорил оператору радиолокационной станции начальник «пэтээна» старшина Сергей Осипов. Не знай я некоторых эпизодов из жизни этого маленького коллектива, может, и поддался бы минутно-благостному умиротворению: «солдат спит, служба идет...»

Но разве не тот же прапорщик летел в кювет, уворачиваясь от нацеленного в него бампера «Москвича», за рулем которого сидел преступник? И разве не тот же старшина настиг нарушителя? А позже — разве не оба они, Осипов и Валиев, встали на пути у вооруженных браконьеров, пытавшихся перегнать из пограничной зоны груженный бочками с икрой грузовик?

Да, и такие испытания выпадают на долю пограничников. И оказываются они без промедления там, где требуется их содействие: помогают в розыске преступников, эвакуируют больных, тушат пожары, спасают скот, ликвидируют последствия стихийных бедствий... Потому что они — первые.

Во мне говорит не местечковый патриотизм, не желание выпятить родные войска. Память о Борисе Калькове, закрывшем собой командира от пуль нарушителей, о Валерии Варянице, погибшем при спасении

людей в Ленинакане, о Петре Немынове, сгоревшем при тушении пожара сельскохозяйственных угодий в Таджикистане, о десятках и сотнях моих современников, рисковавших жизнью во имя продолжения жизни других,— только она не дает молчать.

...И все-таки кое в чем мой собеседник был прав. Другим нынче стал нарушитель границы. И дети офицеров застав не рисуют, как делали это их сверстники пятнадцать-двадцать лет назад, страшенного дядьку в телогрейке и шапке-ушанке, прижимающего к груди кривой нож. Рисуют собак с добрыми умными глазами, машины и прожекторы, вышки и катера, а вот таких нарушителей — нет. Потому что такой образ врага все реже воссоздается в разговорах взрослых.

Другими становятся на границе и отношения между сопредельными государствами. Ширятся политические и экономические контакты, активизируются приграничная торговля, культурный обмен. Неоспоримой приметой демократизации стали мероприятия по сокращению пограничной зоны, установлению на ряде участков порядка упрощенного пропуска лиц через границу. Вместе с ведомственным официозом «Не пущать!» и «Не велено!» уходит в прошлое и годами создаваемый плакатно-гротесковый образ пограничника, очень и очень далекий от того живого человека, который ежедневно заступает в наряд или на вахту, бежит по тревоге к вертолетной стоянке или садится за пульт радиолокационной станции.

Но далеко не все так хорошо и спокойно, как хотелось бы. И, бывает, гремят еще на границе выстрелы, обрывая жизни восемнадцатилетних парней, как случилось это весной 87-го у берегов своенравного Пянджа. И не ослабевают попытки протащить, провезти, переправить через границу наркотики, оружие, валюту, ценности. Вот свежий пример в ответ на возможные улыбки скептиков: «Какая нынче контрабанда...» В конце прошлого года пограннарядом ОКПП «Брест» в тайнике поезда, прибывшего из-за границы, был обнаружен контрабандный жемчуг на сумму 1 миллион 747 тысяч рублей.

Эти заметки были бы неполными, не скажи я еще об одном — возможно, до конца не осмысленном, тревожащем своей безответностью.

На днях увидел у приятеля — московского журналиста, в числе первых побывавшего в Нахичевани в начале этого года,— необычный сувенир. Потеснив на полке высушенные морские звезды и бамовский костыль, жалил глаз моток добротной колючей проволоки. «Та самая, с азербайджанской границы,— хмыкнул приятель.— Скоро будет спрос, как на кусок берлинской стены. Ты не взял?»

Нет, я не брал. Потому что все происшедшее на закавказской границе

для меня, как и для сотен, тысяч пограничников, стало отнюдь не «актом революционного преобразования», а свидетельством ущербности нашей национальной политики, вновь поставившей в положение крайних армию и погранвойска.

Я не брал сувенира на память и потому, что видел глаза немолодого полковника, возводившего эту самую пресловутую «колючку» и всю свою 25-летнюю службу считавшего ее символом неприкосновенности государственного рубежа, а в те дни вынужденного лишь констатировать ее разрушение. И слышал разговоры — горькие, отрешенно-равнодушные — восемнадцатилетних мальчиков, курсантов пограничных училищ, бредивших границей и получивших в те дни первый, столь жестокий урок.

И потому, что вспоминал восьмидесятилетнего Карацупу, каждое утро идущего на работу в Центральный музей погранвойск — мимо реклам «Кока-колы», митингующих дээсовцев, мимо нескончаемой очереди соотечественников в котлетную «Макдональдс»,— идущего в уверенности, что его рассказ все еще нужен нынешнему поколению молодых...

А. ПАРАМОНОВ,
майор

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

НЕОБЫЧНЫЙ ТРОФЕЙ

Участник парада на Красной площади 7 Ноября 1941 года механик-водитель танка КВ 32-й танковой бригады младший сержант В. А. Григорьев в тот же день вступил в бой. Но тут его танк постигла неудача — что-то случилось с подачей топлива в двигатель, и машина встала. Гитлеровцы решили, пользуясь случаем, захватить советскую машину. Два их танка взяли КВ на буксир. Но механик-водитель сумел подключить запасные баки, дал задний ход, и его могучая машина потащила оба чужих танка в свое расположение.

Механик-водитель блестяще себя зарекомендовал в боевых действиях. Так, он отличился в бою у деревни Крюково под Ленинградом в декабре 1941 года: обморозив лицо и руки, остался в строю. В атаке у деревни Барыбинка, когда башня его танка была повреждена вражеским снарядом, протаранил своей машиной средний вражеский танк, уничтожил два противотанковых орудия и несколько автомашин. Его танк получил еще одно повреждение, но Григорьев сумел привести машину в свое расположение. В марте 1942 года храбрый танкист Виктор Антонович Григорьев был удостоен звания Героя Советского Союза.

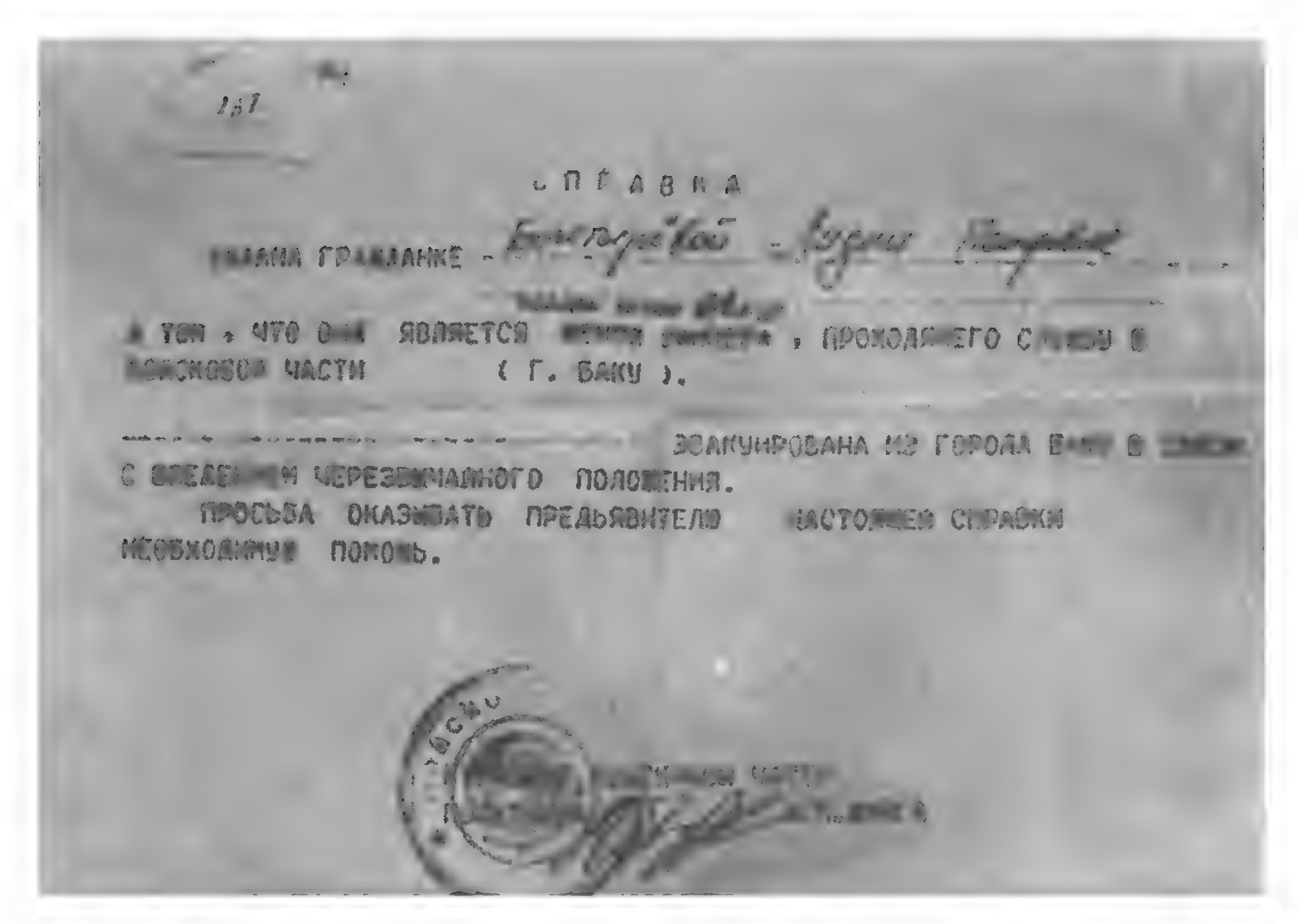
БЕЗ СТАТУСА БЕЖЕНЦА

Эта маленькая девочка — беженка из Баку. Ее мама успела собрать лишь сумку самых необходимых вещей, а сама она взяла только любимую куклу. 12 февраля они появились в Москве и зарегистрировались в приемной Совмина РСФСР как граждане, вынужденно покинувшие Азербайджанскую ССР.

Что ждет их на новом месте и от кого они бежали, покидая родной Баку, бросив квартиры, мебель, работу, друзей?

Может, от зверств солдат Советской Армии, введенной в столицу АзССР и другие места по решению Президиума Верховного Совета СССР 19 января 1990 года? Именно об этих зверствах говорят представители азербайджанского Народного фронта, проживающие в Москве. Свои слова они подтверждают фотографиями убитых солдатами бакинцев. На этих трагических снимках трупы молодых мужчин и двух женщин. Я видел эти фотографии на Пушкинской площади в Москве. И подпись: «Русские оккупанты — убийцы мирных жителей Баку!»

Но, странное дело — те же



СПРАВКА

ВЫДАНА ГРАЖДАНКЕ – [illegible]

В ТОМ, ЧТО ОНА ЯВЛЯЕТСЯ [illegible], ПРОХОДЯЩЕГО СЛУЖБУ В ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ (Г. БАКУ).

[illegible] ЭВАКУИРОВАНА ИЗ ГОРОДА БАКУ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

ПРОСЬБА ОКАЗЫВАТЬ ПРЕДЪЯВИТЕЛЮ НАСТОЯЩЕЙ СПРАВКИ НЕОБХОДИМУЮ ПОМОЩЬ.

русские женщины, дети, пожилые люди все прибывают и прибывают из Баку. Бегут — от кого? От солдат? От русских? Что-то не вяжется. И я поехал в расположение Кантемировской дивизии, где в солдатских казармах временно расположились беженцы из Баку. Их рассказы во многом прояснили картину бакинской трагедии. Рассказывает Иван Михайлович Г., служащий одной из в/ч Баку: «Сальянские казармы еще до ввода войск были блокированы азербайджанскими боевиками, которые захватили много оружия в милиции, в военкоматах. У солдат тогда не было приказа стрелять — вот и сидели, не имея возможности пресечь погромы».

Сережа К., 13 лет: «Подполковник, охранявший нас с солдатами, ночью пустил осветительную ракету и на крыше соседнего здания увидел пулеметчика, целившегося в нас».

Ира Л., 17 лет: «Знаете, уже давно нас, русских, запугивали, не давали прохода, задевали: «Уезжайте в свою Россию. Вы едите наш хлеб, наши продукты... Однажды, когда я шла с занятий, у меня на глазах сбросили армянина с седьмого этажа. Сначала мебель выкинули, а вслед за ней мужчину».

Сережа К.: «Мы с другом вышли на улицу и смотрим, на улице толпа. Они грабили армян, живших выше нас. Потом они подрались, споря, кто вселится в эту квартиру. Затем они ворвались в другую квартиру, где жили русские».

Мама Иры Л.: «Мы были под таким страхом в Баку, и как можно возвращаться, даже не представляю!»

Екатерина Н.: «Воинские части были полностью блокированы. Угрозы отовсюду: «Русские свиньи — всех перережем». Наши солдаты нас приютили, обогрели, накормили. От себя кусок хлеба отрывали, давали нам. Мы видели, что у них с едой очень плохо, так как мосты блокировал НФ и к продскладам нельзя было проехать. Ночами солдаты и офицеры стояли на посту, охраняя нас. Под конвоем водили в туалет. В часовых постоянно стреляли. Спасибо военным, если бы не они — мы бы не были живы».

Иван Михайлович Г.: «В этой обстановке русские вынуждены были покидать Баку. Днем обстановка спокойная, а ночью возобновлялись грабежи и убийства».

Поток беженцев растет. Пламя межнационального пожара перекидывается на новые регионы. И прогнозы специалистов неутешительны... В этих условиях нужна четкая правительственная программа. В первую очередь — закон о беженцах.

Одна из сложнейших задач — размещение беженцев, их трудоустройство. Административные меры здесь не помогут. Нужно вначале посоветоваться с людьми, узнать их интересы, нужды. В среде беженцев об этом много говорят, но сходятся в принципе в одном: нужно добиваться компактного поселения. Взять, к примеру, малый российский город, разработать программу его возрождения с учетом размещения беженцев. Силы для этого есть. Ведь из Азербайджанской ССР приехало немало квалифицированных специалистов. Помочь им финансами, материалами, позаботиться об их семьях — вот чем необходимо заняться новому российскому правительству, которое будет избрано на Съезде народных депутатов РСФСР.

С. ГРИГОРЬЕВ
Фото автора

В наше скептическое время, когда все подвергается сомнению, трудно общественному деятелю заслужить «осанну»! Но кому-то, глядишь, и воздается проникновенная, прочувствованная хвала. В 50-м номере «Огонька» за прошлый год — четыре листа славословий в адрес одного из руководителей литовского движения «Саюдис» Р. Озоласа. Внимание к нему, разумеется, не случайное.

КОГО ВОЗВОДЯТ НА ПЬЕДЕСТАЛ

Читателям в России имя Озоласа, по-видимому, мало что говорит. Но в Литве его знают как человека крайне националистических взглядов, проповедующего идеи национального превосходства, высокомерия, нетерпимости к другим течениям мысли, отрицающим саму возможность достижения компромиссов в сложной политической жизни республики. В одном из своих выступлений он выразился, что в нашей республике литовский народ — гегемон по отношению к людям других национальностей. И этой линии «гегемонизма» исправно держится.

В январе пленум ЦК Компартии Литвы обсуждал итоги визита М. С. Горбачева в республику. Как известно, в своих выступлениях в Литве Михаил Сергеевич призывал к диалогу, к терпимости, к совместному поиску путей решения существующих проблем, в частности, просил подождать разработки законодательных актов, регламентирующих процесс возможного выхода республик из Союза. «Создание механизма выхода из СССР — личная проблема М. С. Горбачева,— сказал на пленуме Р. Озолас.— Наше дело простое: подсчитать, сколько Советский Союз должен Литве, и предъявить этот счет Москве. Чем быстрее, тем лучше». Вот так-то: просто, энергично, без мудрствований. И далее: «Должен быть немедленно подготовлен механизм не только самоуправления, но и самообороны, вплоть до провозглашения независимости сегодня ночью, завтра, если нас на это спровоцируют». «Пусть КПСС живет в Литве по своим законам, это ее дело. Однако никто не имеет права создать условия этой партии действовать как антигосударственной по отношению к Литовскому государству».

Особенная страсть Озоласа — поглумиться над русским народом. В эссе «Понятия», опубликованном в пятом и шестом номерах литовского литературного журнала «Пяргале», Озолас делает такие открытия: «Русскому работать хуже смерти», «Русский всегда любил жить не по средствам», «Русский всегда был почитателем силы, кулак ему всегда был лучшим аргументом», «Русским искусством интересуются на Западе как экзотикой, вроде пения горилл» и т. д.

Как видите, это уже не критика сталинизма или «сильного центра», здесь нечто зоологическое.

Недавно журналист из газеты «Советская Литва» задал Р. Озоласу вопрос: «Читатели знают вас как человека, позволившего себе немало резких высказываний, отдающих, по меньшей мере, русофобством. Не сожалеете ли вы об этом, не считаете ли, что, не будь такой резкости, консолидация и взаимопонимание в межнациональных отношениях в республике могли быть лучше?» Вот как отвечает Р. Озолас: «Шокирующее впечатление произвела возможность сравнения русского народного танца с танцем гориллы. Есть замечательная книга Д. Лавик-Тудол о жизни шимпанзе. В ней показано, что эти животные хорошо чувствуют прекрасное и делают попытки это выразить... Примитивное необязательно является отрицательным» («Советская Литва», 1990, 14 января).

Вот образчик мышления Озоласа! Может быть, и в самом деле нам не стоит обижаться на него, памятуя, что «примитивное необязательно является отрицательным»? Да только очень уж агрессивно это «примитивное»! В том же интервью Р. Озолас вновь пускается в рассуждения о том, что интеллектуальный уровень в России «сведен практически до примитивизма», что «мысли самосознания в России я пока не обнаружил» и т. д. Отсюда делаются практические выводы — «с такими понятиями, как взаимопонимание, я бы не спешил».

Что ж, игра на противопоставлении одних народов другим пока в Литве приносит неплохие дивиденды. На XX съезде Компартии Литвы, принявшем решение о выходе из КПСС, Озолас избран членом бюро ЦК. Впрочем, сам он о принадлежности к литовским коммунистам говорит в том же интервью достаточно откровенно: «Когда Литва станет независимой, я сразу же от политической деятельности отойду. А из партии уйду, надеюсь, еще раньше. Я, в сущности, беспартийный и не хочу быть другим».*

В России получил широкое хождение миф о демократичности здешних неформалов, о широком плюрализме политической жизни в Литве. Опасное заблуждение! Да, сейчас вполне можно критиковать Компартию Литвы (еще безопаснее — КПСС). Но попробуйте хоть одним словом задеть «Саюдис»! Со всех сторон посыплются брань, отлучение, анафемствование, неприкрытые угрозы. Такое испытали на себе многие писатели, депутаты, деятели любых рангов, журналисты. Почти вся печать, радио, телевидение республики находятся под прямым контролем «Саюдиса». Нет сейчас силы более нетерпимой к инакомыслию, организационно более сплоченной, с четкой иерархией и дисциплиной. На осенней сессии Верховного Совета республики старейший писатель Литвы, старейший депутат Юозас Балтушис просто кричал от отчаяния деятелям «Саюдиса»: «Почему вы никому не даете слова сказать? Почему затыкаете рты каждому, кто хоть в чем-то не согласен с вами? Или вы думаете, что вы одни только любите Литву?» В ответ из стана «Саюдиса» раздались призывы жечь книги писателя...

В редактируемых Р. Озоласом газетах «Атгимимас» и «Согласие» все материалы подбираются по одному, строго соблюдаемому принципу: только против «центра», против связей с Союзом, против рус-

---

* В начаре марта Озолас подал заявление с просьбой о прекращении его полномочий в бюро и Центральном Комитете Компартии Литвы.

ских... Все, что выбивается из этой установки, не подпускается на пушечный выстрел. Вот такой плюрализм! Агитацию, которую ведет сейчас «Саюдис» в Литве против России и русских, можно сравнить разве что с пропагандистской перестрелкой каких-нибудь друг с другом воюющих стран. И если в Литве проповеди Озоласа и других не дают кровавой жатвы, то это отнюдь не их заслуга, а следствие мудрости и сдержанности самого литовского народа, не ослепленного еще «озарениями» новых вождей.

Возвышение Р. Озоласа, его стремительная карьера на гребне событий — плохой признак. В Литве это понимают не только русские, но и многие литовцы. «В ситуации, которую нет нужды описывать, он говорит: «А ведь я сам из тех, кто стреляет». Он уверен, что выразился предельно точно, а главное — ясно. Это снова из очерка в «Огоньке». «Он выбежал из дому, бежал на работу (узнав о вторжении советских войск в Прагу в 1968 году.—**Ред.**). Прохожий, русский, что-то спросил его. Он бросился, чуть не избил его, очнулся, оставил его».

Тогда у служащего Озоласа хватило сил «очнуться». Хватит ли здравого смысла сейчас? Этим вопросом задаются в Литве многие. Спрашивают и о том, знают ли в «Огоньке», кому раздают нимбы? А если знают, зачем это делают?

Г. ИЛЬИН,
г. Вильнюс

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

ВЗВОД ГЕРОЕВ

В районе юго-западнее Харькова с целью остановить наступление советских войск немецко-гитлеровское командование создало сильную группировку, которая 4 марта 1943 года перешла в контрнаступление против войск левого крыла Воронежского фронта.

Особенно ожесточенные бои развернулись в районе села Тарановка, которое оборонял 78-й гвардейский полк. Шесть суток вели гвардейцы бои с фашистской пехотой, танками и самоходками. При этом отличился взвод гвардии лейтенанта П. Н. Широнина, оборонявший железнодорожный переезд. Противник рассчитывал при помощи танков захватить переезд и тем самым дать возможность своим бронепоездам подойти ближе к Харькову. Но этим планам не суждено было осуществиться. Три танка были уничтожены из орудия гвардии старшиной С. В. Нечипуренко и красноармейцем А. Н. Тюриным. Когда орудие вышло из строя, гвардейцы не отступили. Коммунист А. А. Скворцов, комсомольцы Н. И. Субботин, И. В. Седых, В. Д. Танцуренко, обвязавшись гранатами, бросились под гусеницы вражеских танков...

П. Н. Шаронин, получив пять ран, сумел выжить. Его взвод не только удержал позиции, но и сумел уничтожить 16 вражеских машин и до 100 гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза было присвоено не только Петру Николаевичу Шаронину, но и всем его бойцам.

ПУСТЬ НЕДРУГИ ПОМНЯТ ...

Непростым оказался поиск ракурса лица Георгия Константиновича Жукова. Увы, архив сохранил не так уж много фотографий полководца, отличавшегося, как известно, жестким характером и нелюбовью к шумихе вокруг собственной личности. Единственно нужный для художника, не во всем совпадающий со сложившимися стереотипами кадр мелькнул после многих просмотров в кинохронике, снятой в Берлине, в час капитуляции нацистской Германии.

Картина, на которой знаменитейшие полководцы Великой Отечественной войны запечатлены рядом с символами былых побед России — Покровским собором и памятником Минину и Пожарскому, написана Сергеем Присекиным к 40-летию Победы. Полотно впечатляет одухотворенностью, внятной каждому передачей смысла свершившегося события всемирно-исторической значимости. Соответствуют замыслу и размеры холста (2,7×3,3 м), и высокопрофессиональное качество решения композиционных и цветовых задач.

Автор картины Сергей Присекин родился в 1958 году в Москве, в семье художников. Он рос в атмосфере, весьма отличной от той, которая окружала большинство из нас, его сверстников из поколения, оказавшегося в значительной степени изолированным от истинного культурного наследия. «Равняться надо на лучшее» — такая мысль приходила в залах Третьяковской галереи С. Присекину, ученику средней художественной школы. Чтобы приблизиться к тому уровню, который достигнут уже в юношеских академических рисунках Сурикова и Серова, Лосенко и Врубеля, мало одной природной одаренности — нужны постоянные штудии, что, в общем-то, известно каждому. Не у всех, однако, хватает упорства и после дневных занятий идти вечером к освещенным гипсам; фантазии, чтобы даже из стандартного школьного урока на тему, скажем, «Спорт» делать навеянную полотнами Брейгеля многофигурную композицию о рыбаках.

«Нам нужны ученики, а не сформировавшиеся художники»,— довольно парадоксальным выводом встретили в Суриковском институте абитуриента, с отличием закончивше-

«Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет».

го среднюю школу и по общеобразовательным и по специальным предметам. Что ж, конкурс держать на общих основаниях... Интернациональной по составу была мастерская, занятия в которой вел народный художник СССР Таир Салахов. Здесь учились азербайджанец и казах, узбек и киргиз, сириец и голландец, монгол и вьетнамец... Естественным было и поддержанное опытным наставником стремление Сергея развивать собственные темы, основанные на традициях своего народа.

«Кто с мечом к нам придет— от меча и погибнет» — название дипломной работы С. Присекина (1983 г.), огромного (4×7 м), потребовавшего около четырех лет труда полотна. На нем около 200 фигур воинов, сошедшихся в битве, в очередной раз решающей судьбу Руси. Эта борьба отражена контрастом темного и светлого. Русскому воинству, осененному священными ликами, противостоит мощная боевая машина тевтонов. Некоторые из них с головы до ног облачены в суперсовременные для XIII века доспехи, что делает из них как бы бездушных роботов с запрограммированной злой волей.

В нынешнем году мы празднуем не только 45-летие Победы в Великой Отечественной войне, но и 750-летие битвы на Неве. После десятилетий беспамятства осознаем мы наконец, что лишь в сохранении связи времен — единственный залог нашей силы.

Положение меняется. Будем надеяться, что это окажется благоприятным и для судьбы картины «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет» С. Присекина. Ведь она так до сих пор и не нашла постоянного пристанища. С 1987 года картина временно экспонируется в советском посольстве в Париже. Когда же сбудется мечта автора о возвращении картины, удостоенной, кстати говоря, премии Ленинского комсомола и Большой серебряной медали Академии художеств СССР, широкому отечественному зрителю? Неужели это столь уж сложно осуществить?

Диапазон творчества художника Сергея Присекина достаточно велик. Традиции русской живописи сохранены и в портретах людей века нынешнего: хоккеиста В. Третьяка, актера А. Миронова, короля Бельгии Бодоуина... Ряд интересных работ создан после поездки в Никарагуа. Во время визита М. С. Горбачева в ноябре прошлого года в Италию в дар итальянскому народу была передана и работа «Н. Пирогов и Дж. Гарибальди. 1862 г.».

Наверно, русские коллекционеры прошлого века не пропустили бы работ художника такого уровня, как Сергей Присекин. Лучшие произведения этого мастера позволяют говорить о нем как о достойном наследнике классической традиции русской живописи.

А. ТИМОФЕЕВ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ «ТОВАРИЩА»: картина С. Присекина «Парад Победы».

Усадьба, называющаяся сейчас Ленинские Горки, до октября 1917 года принадлежала бывшему градоначальнику Москвы Рейнботу, женатому на вдове русского промышленника Саввы Морозова, который известен как один из спонсоров РСДРП. После прихода большевиков к власти достояние Рейнбота было национализировано и через некоторое время предоставлено вождю мирового пролетариата в качестве служебной дачи. По наследству от «старого режима» Владимиру Ильичу досталось, наряду с прочим, богатейшее собрание отечественных и зарубежных изданий. Поскольку часть литературы носила верноподданнический характер, содержала в себе явно вредные делу революции самодержавные книги, по личному указанию нового владельца секретари отсортировали идеологически не выдержанные измышления и отправили их в фонды Кремлевской библиотеки. В распоряжении Ильича осталась только необходимая для работы литература. И среди этих книг оказалось исследование А. Селянинова «Тайная сила масонства» и еще одна книга, раскрывающая секреты работы интернационального братства каменщиков — «Великие арканы Таро». По рассказам сотрудников Дома-музея, как-то к ним приехала на экскурсию одна леди, которая увидела эти две книги в библиотеке вождя и, придя в неописуемый восторг, в порыве радости поведала одной из сотрудниц, что сама она — из бывших масонов, но по возрасту и состоянию здоровья сейчас не у дел и «в эти игры не играет».

Но если эти книги читал Ленин, то почему их утаивают от современного читателя, прячут в спецхранах! Уж не потому ли, что они могут пролить свет на события прошлого, да и сегодняшнего дня!

А. СОБОЛЕВ,
Москва

Дорогая редакция! Я никогда вам не писала, так как неграмотная. Пишет мой внук Иосиф. Он мне читает вслух «Молодую гвардию». А так послушать по радио, посмотреть по телевизору нечего. Все только ругают Сталина. Смутные наступили времена. В этом году у нас в Тамбове посадили в психушку одно-

го человека. Он по болезни был Сталиным. Как только над ним не издевались врачи и больные. Такие вот они перестройщики.

Сейчас только и разговоры про события в Румынии, а также про так называемые перемены в Болгарии, Германии, Чехословакии. Я не верю ничему, и прошу вас рассказать, что там в действительности происходит. Мне страшно сейчас. Народ у нас плохой стал, озлобленный. Можно ожидать всего теперь. Уже и поговорить по душам не с кем, чтобы высказать свое негодование и облегчить душу. Наверное, так думают и другие.

С. БОБРОВА,
г. Тамбов

ДОВЕРИЯ НЕТ

В своем выступлении на втором Съезде народных депутатов Борис Ельцин сказал: «Вспомните реформы 1956, 1966, 1979, 1983 годов. К чему они привели! Наша пятая попытка буксует уже пятый год... Где гарантия, что и настоящая попытка не закончится так же плачевно!»

Я не разделяю позиции Ельцина, но у меня тоже есть повод для тревоги за судьбу очередного пятилетнего плана. Сегодня очевидно, что межрегиональщики и прочие ревнители реставрации капитализма, занимающие ключевые посты в министерствах, ведомствах, научных учреждениях и т. д., явно приложат все усилия, чтобы покончить с социализмом.

И они не хотят допустить мысли, что предшествующие реформы не имели подлинного успеха лишь потому, что сознательно искажались здоровые тенденции социалистического строительства, что безграмотному аппарату подавались всякие научные идейки, прожекты, заведомо ведущие экономику страны в тупик.

Не потому ли господа не хотят допустить подобной мысли, что сами в оное время были причастны к этому сознательному ухудшению социалистического развития экономики!

Видимо, этот путь был помехой для жаждущих мирового политико-хозяйственного порядка. Капиталистический способ для осуществления их целей — более подходящая форма. Вот и решено было покончить с социализмом. Тем более русская и другие нации были генетически подрубленными и не подготовлены как следует для контроля за политико-хозяйственным механизмом страны...

Вот и встрепенулись контрреформаторы, воры-миллиардеры почувствовали запах возможной победы. И вводят народ в заблуждение, пугают денежной реформой, которой сами боятся пуще ада, ибо, случись такая реформа, и прощай тогда великие замыслы воров-контрреформаторов. Наворованные миллиарды вернулись бы рабочему люду, всем тем, кому они по праву принадлежат.

Пора, очевидно, в полный голос сказать правительству:«Даешь денежную реформу!» Научные, плановые, хозяйственные органы — под контроль народа и его подлинных представителей. Тогда 13-я пятилетка состоится. Время еще есть.

И. МЕХЕЕВ,
механизатор-наладчик совхоза «Прогресс» Гродненской области

«ГРАНИЦА, 1990-Й ГОД...» (Материал читайте на стр. 146).

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

* * *

«Боевой привет с фронта!

Здравствуй, Витя! Получил от тебя письмо, за которое большое спасибо. Из письма я узнал, кто и какие ребята где находятся. Ты писал про Вовку Неяглова, что он попал в Казань веселый. Пусть веселятся, а мы пока будем бить поганую нечисть до полного разгрома. Витя, как ты устроился в филиал, хорошо или плохо, напиши. Мне мама пишет, что ты мамочку плохо слушаешь. Смотри, Витя, стыдно будет тебе, если папа или я приедем, а приехать я скоро должен, мне дают отпуск. Так вот что, учти, Витя. Витя, я вот когда был дома и плохо слушал маму и папу, а они говорили, смотри, сынок! А сейчас обижаюсь, что они так нежно обращались со мною.

Витя, учти, что слово мать — это для тебя, как для нас приказ командира. Мать — это четыре буквы, а сколько здесь согревающей любви и нежности в этом слове. Люби мать, это она нас растила. Есть еще Родина-мать, мы тоже ее любим как мать родную, поэтому и гоним врага. А если бы я ее не любил, как ты маму, то очень трудно было нам с гадами. Все. Твой брат.

А. Бобров.

20.9.44 года».

* * *

«Письмо от вашего известного сына Николая П. Добрый день, здравствуйте дорогие родные мама и сестра Шура, дедушка Филипп и бабушка Лукерья. Посылаю я всем вам свой боевой фронтовой привет и желаю самых наилучших успехов в вашей жизни. Во-первых, сообщаю, что от вас получил уже четыре письма, за которые сердечно благодарю, и письмо, которое вы писали на командира части, тоже дошло. Сейчас мы уже ведем бои в центре фашистского логова Берлине и скоро должны закончить и навсегда отучить немцев ходить на Россию. Но письма писать некогда, особенно в настоящее время, так как последние решающие бои. Пишите, как вы живете. Я пока жив и здоров, но писать пока такого нечего. А пока до свидания. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю.

Николай.

24 апреля 1945 года».

* * *

«Привет, дорогие родители, из Германии!

Во-первых, желаю здоровья! Я пока здоров, нахожусь на фронте близ Берлина на левом берегу р. Одер. В эту зиму мне пришлось пережить большой бой, с боем прошли всю Польшу и уже давно находимся на территории Германии. В эти дни после больших боев взяли Кюстрин на реке Одер, который считается древней крепостью Германии. В этом письме высылаю благодарность, объявленную Сталиным...

Здесь хорошие погоды. Уже весна. Письмо от вас и от Шалико давно не получал. Почему Гогола и Тамара не пишут? Часто пишите о Шалико. Как его дела? Уже четыре зимы провел на фронте, слава богу, пока жив, здоров.

Еще немного, и война кончится. Меня представили к награде...

С большой любовью своей. Пишите письма.

Сосо».

* * *

«С краснофлотским приветом!

Здравствуй, горячо любимая мама!

Мама, послал тебе письмо с фотокарточкой, не знаю, дойдет или нет.

Мама, ты знаешь, началась война с Японией — будь она проклята, и я, как сын Родины, иду ее защищать.

Мама, я иду в бой комсомольцем-тихоокеанцем, и будь за меня спокойна — не посрамлю свою честь моряка-тихоокеанца. А если погибну в бою за Родину, то я знаю, за что погибну. Я иду защищать от самураев тебя, моя горячо любимая мамочка.

Ну, до свидания. Крепко тебя целую. Твой горячо любящий тебя сын Володя, краснофлотец.

11 августа 1945 года».

Слав Хр. КАРАСЛАВОВ

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ

Роман

Окончание. Начало на стр. 92

14

Большие дети — большие заботы!..

Константин Развигоров вернулся в столицу и узнал, что Борис уже не служит в штабе армии. Его отправили в часть. Куда точно, выяснить не смог. В сущности, никто не интересовался его сыном, потому что в штабе всех, начиная с генералов и кончая адъютантами, мучили собственные заботы. Генерал Лукаш стал главным инспектором армии, а на его место назначили какого-то генерала Трифонова. Развигоров всегда старался держаться подальше от военных, но жизнь так раскладывала карты, что его интересы постоянно перекрещивались с интересами военных. Когда построил мельницу, она долгое время работала и на армию. Всем нужен хлеб. Убедившись в прибыльности дела, Развигоров начал строить склады для зерна и постепенно набирал силу. По какой-то случайности, как раз в день немецкого нападения на Россию, он прекратил армейские поставки и перешел к свободным договорам с хлебопекарями и мелкими торговцами. Некоторых сделал непосредственными компаньонами, других заставил отказаться от торговли мукой и предоставить ему свои склады. Различными окольными путями приобрел дружбу с представителями столичной общины, к удивлению многих, заполучил большую долю в поставках зерна на помол для снабжения жителей столицы. Сколько сил и средств это ему стоило, знает он один. Главное, что сумел. Врожденная жилка практичного габровца подсказала ему множество хитроумных способов крепко врасти в мукомольное дело. С большой выгодой для себя Константин Развигоров купил совершенно новую мельницу недалеко от Софии. Ее хозяева не взвесили своих возможностей, не учли государственных ограничений и поспешили с продажей. Сейчас она

приносила ему значительный доход, но основные прибыли, как и плату за помол натурой, он получал из Северной Болгарии. Человек может обойтись без вина, может прожить без мяса, но без хлеба — никогда.

Дела свои Константин Развигоров вел расчетливо, но все равно заслужил большую неприязнь военных. Это были люди ловкие, хитрые, поднаторевшие в искусстве снабжения армии. Доставляя на мельницу плохое зерно, они выдавали его за высококачественное. Солдатский хлеб был полон примесей, отрубей, да и просто трухи — налицо явное жульничество. Их беззастенчивая алчность вынудила Развигорова порвать с ними всякие отношения, и не столько по патриотическим мотивам, сколько из-за досады: ведь они оказались хитрее его. Развигоров догадывался, что доходы высших чинов от различных махинаций строго распределялись. Регенты Кирилл и Михов получали проценты от поставок оружия, начальники меньшего ранга этой «привилегией», естественно, не пользовались. Но аппетиты в штабе войск от этого не уменьшались. Если учесть данные обстоятельства, то повышение Константина Лукаша в должности выглядело простым устранением. До сих пор главного инспектора в армии не было. Стало ясно: кто-то поспешил свести счеты с царским любимцем.

Пользуясь близостью к военным, Константин Развигоров уже выяснил все подробности, связанные с новым назначением сына, на которого был сердит: как это так — уехать, ничего о себе не сообщив!.. Упрямый, дерзкий, Борис не считался с отцовским мнением. Военное училище вместо того, чтобы приструнить сына, разбаловало его еще больше. Тревожили отца и постоянные долги Бориса. Не проходило месяца, чтобы Константину Развигорову не приносили расписки сына о получении им определенных сумм. Чтобы не компрометировать Бориса, отец, стиснув зубы от возмущения, платил за него. Константин Развигоров узнал, что Борис находится теперь в городе Кавале. Точный адрес офицер назвать не мог, но и скупого указания было достаточно, чтобы успокоить жену Развигорова.

Здесь, в столице, Константин Развигоров погрузился в счета. В непрестанных заботах, связанных с торговыми делами, он как бы очищался. Отсюда Чамкория казалась настоящей клоакой, полной дрязг. Каждый раз, когда он приезжал к жене и дочерям, на него обрушивался поток сплетен. С тех пор как Развигоров отказался войти в состав кабинета, он с нетерпением ожидал его падения, чтобы доказать правильность своего решения, и не столько собственной жене, которая пилила его непрестанно. Ко-

гда все внутри закипало, он, глядя на жену в упор, зло спрашивал:

— Ну, чего тебе не хватает?

— А чего мне должно не хватать? — пожала плечами Елена.

— Тогда о чем ты все время хнычешь?

Но у жены тут же находился ответ:

— О детях!..

— О детях? Вот пусть они и становятся министрами, а меня оставь в покое.

С этим Развигоров выходил из дома. Обычно в ресторанчике Гюро Радева собирались самые известные здесь люди, и он спешил пройти мимо. Заглядывал сюда лишь изредка. Лысое темя и острая бородка профессора Цанкова вызывали у него неприязнь, неприятны были и окружавшие Цанкова самодовольные политиканы. На сей раз перед отъездом в Софию он, движимый праздным любопытством, решил на минутку заглянуть в ресторанчик. В дверях стоял хозяин и улыбался.

— Чему это ты улыбаешься, бай Гюро? В заведении пусто, торговлишки никакой, а ты словно свадьбу празднуешь.

— Свадьба и есть, господин Развигоров. Господин Божилов разводится...

— Как это? — удивленно поднял брови Развигоров.

— Жена его очень ревновала и попросила господина Филова развести его с Властью...

— Скажите пожалуйста. — Развигоров никак не мог собраться с мыслями. Потом спросил: — А ты откуда знаешь?

— Да тут все знают. Люди господина Цанкова уже суетятся вовсю, да и другие забегали...

Развигоров не стал спрашивать, кто эти другие. Он знал их. Пока ехал в Софию, новость не выходила из головы. Ее вытеснила лишь тревога за Бориса...

15

Несчастье не приходит одно. Борис Развигоров надеялся, что его неприятности закончатся с приездом в Кавалу, но ошибся. Судьба, как он выражался, была последовательной. Пребывание в Кавале, этом чудесном городе, оказалась непродолжительным. Та перезрелая дама, с которой он так нагло вел себя в поезде, была женой его нового начальника и сделала все для того, чтобы капитана отправили в Макри, в тяжелую береговую артиллерию — там якобы требовались преданные офицеры, способные навести порядок среди солдат и нижних чинов. Бориса Развигорова разместили в селе, вдали от его батареи, расположенной

в горах. Это было единственным преимуществом его нынешнего положения. Он решил держаться в стороне от других офицеров, вживаясь в роль оскорбленного изгнанника, но это продолжалось лишь неделю-другую. Он не мог жить без людей своего круга и постепенно вошел в общество осевших в этих краях любителей легких заработков и праздной жизни. Ввел его в общество бывший сокурсник Димитр Филчев, у которого везде и всюду находились друзья. Его уволили из армии за расхищение государственных средств. В штабе долго думали, отдать его под суд или нет, потом решили не компрометировать офицерство в глазах общества, потихоньку разжаловали и послали сюда, где он быстро стал первым человеком в общине города Кавалы. Встреча с Филчевым была для Бориса большой удачей, он тут же ухватился за прежнюю дружбу, как утопающий за соломинку. Соломинка, в сущности, оказалась бревном, бревно — плотом, плот — лодлой, лодка — прекрасной яхтой, принадлежавшей Димитру Филчеву. Скандальная слава яхты, служившей для шумных увеселительных прогулок, привлекала всю городскую верхушку, поэтому жены и дочери новоявленных парвеню сгорали от желания побывать на ней. Там блестящий капитан Развигоров и был принят в общество, члены которого признавали только деньги. В кругу этих людей Борис Развигоров чувствовал себя как рыба в воде.

Первая женщина, с которой он познакомился в Кавале, была женой одного из владельцев верфи. На яхте госпожа Чапакчиева вела себя как хозяйка. Своей властью эта женщина, вероятно, была обязана близким отношениям с Филчевым. Госпожа Чапакчиева и ее муж, тщедушный, щуплый человек с крысиной мордочкой, встречались с Развигоровым на палубе. Был дан великолепный ужин, и мужчины состязались в том, кто кого перепьет. Прежде чем подойти к Развигорову, госпожа Чапакчиева уложила мужа спать. Поговаривали, что в одну из ночных оргий на яхте Чапакчиева вместо своей каюты попала в каюту князя Кирилла. Это не было тайной для Димитра Филчева, а возможно, и для господина Чапакчиева.

Из краткого разговора с владельцем верфи капитан Развигоров вынес впечатление, что тот не интересуется ничем, кроме своих барышей. Впервые капитан встречал человека из верхних слоев общества, который утверждал, что война немцами проиграна. С мрачной суровостью, доходящей до отчаяния, он бичевал себя за согласие взять у немцев заказ на постройку двух судов, которые сейчас находились на стапелях. Немцы капитулируют прежде, чем он сдаст им работу и получит деньги. Охи и ахи господина Чапакчиева заставили жену отвести его в каюту.

Борис медленно двинулся к краю палубы. Бескрайнее море спо-

койно дышало внизу, лунная дорожка терялась вдали, под ногами плескались, словно вспыхивая, волны, а на горизонте виднелись очертания горы. Зачарованный красотой южной ночи и опьяненный запахами моря, Борис не заметил, как к нему подошла Чанакчиева. Из кают яхты до них долетала музыка, слышались голоса, и в эту необыкновенную ночь рядом с ним стояла молчаливая женщина.

— Жизнь многому нас учит, Борис, — словно проследив ход его мыслей, сказала она.

— Так легче всего оправдывать наши поступки, — как-то по-солдатски ответил он.

— Для вас, мужчин, все легко...

— А какие у вас трудности?

— Трудно быть рабыней и при этом оставаться свободной.

— Как это понять?

— Как хотите...

— Даже если речь идет о Филчеве?

— О Филчеве!.. — Женщина усмехнулась. — Филчев... — И в том, как она это сказала, было столько пренебрежения, что других слов уже не требовалось...

— Не понимаю...

— Тут нечего понимать, все очень просто. В жизни надо, чтобы ты выбирал сам, а не тебя выбирали...

— Но это зависит не только от тебя самого...

— Нужно, чтобы зависело от тебя самого.

Ее уверенность смутила Бориса. Сбитый с толку, он, упрекнув себя в малодушии, вдруг попытался обнять ее. Она отстранилась:

— Разве вы не поняли, что выбираю я...

Последние слова заставили его криво улыбнуться, но он промолчал. «Выбираю»... Выбрала этого старикашку Чанакчиева! Выбрала этого спекулянта Филчева... И все же, чтобы не выглядеть окончательным идиотом, он сказал:

— Да, конечно... Женщина с вашей красотой и вашими данными может позволить себе такую прихоть...

— Прихоть? Это не прихоть, а личная свобода...

Помолчали, глядя на очертания далекой горы на горизонте.

— Это Тасос? — спросил он.

— Тасос, — ответила она, и голос ее был глух и полон тайны.

16

В последнее время Константин Развигоров стал чаще бывать на своей мельнице за Старой Планиной*. Лето вступило в силу.

* Старая Планина — горный хребет, рассекающий Болгарию на северную и южную половины.

Арбузы уже лежали в тележках со скошенным сеном. Развигоров предпочитал шум реки, песню мельничных колес, окрестные холмы с дубовыми рощами безжизненной строгости сосновых лесов. В свое время, когда строилась его механическая мельница, он не позволил разрушить две маленькие водяные мельнички, а, напротив, привел их в порядок и заставил служить. Константин Развигоров любил сидеть на деревянной терраске над самой водой и вести разговоры с возчиками. В эту пору их было мало — старое жито уже перемолото, а новое для помола еще не годилось. В прошлые годы в это время он давал рабочим отпуск, но сейчас они не захотели уходить, а Константин не настаивал. Рабочие часто ловили рыбу, пекли ее в черепице и не забывали пригласить хозяина. С тех пор как они узнали от управляющего о случае с украденной пшеницей и о том, что хозяин не вызвал полицию, уважение к нему, по-видимому, возросло. Раньше люди ждали, пока он сам начнет разговор, теперь начинали первыми.

Развигоров искал подходящий случай для беседы с мотористом, желая сказать ему, что знает о пропаже муки. Если им нужны деньги, может дать и денег. Эти мысли созрели в нем в часы глубоких раздумий, в бессонные ночи: какой-то внутренний голос наталкивал его на поступки, призванные обеспечить ему завтрашний день. Немцы отступали. С боями, но отступали. Песенка правительства Божилова уже спета. Регенты метались, как рыбы на сковородке. Искали людей, чтобы сформировать новое правительство, пока не нашли наконец грандомана Багрянова. Константин Развигоров знал его еще в те годы, когда Багрянов служил адъютантом царя Бориса. Это было время переворота Девятого июня * и последующего экономического кризиса. Тогда Развигоров отчаянно боролся за будущее, сейчас старался удержаться в водовороте текущих событий...

Достав из речушки бутылку ракии, Развигоров налил в рюмку и пригубил. Прислушался. Колесо не работало, только вода билась о плотину глухо и монотонно. Ему показалось, что кто-то хлопнул дверью: видимо, Тотю, управляющий мельницей — утром Развигоров поручил ему привести моториста для разговора.

Моторист Рангелов был невысокого роста, крепкий, плотно сбитый; в свое время он закончил Варненское морское механическое училище, но моряком не стал. По политическим причинам, как объяснил Константину, нанимаясь на работу.

Тогда Развигоров сказал ему:

---

* Переворот 9 июня 1923 года, в результате которого к власти пришло фашистское правительство Александра Цанкова.

— Политика — дело твое, а мое — чтобы мельница работала. Ничего другого от тебя не требуется.

С тех пор они встречались несколько раз, но говорили лишь о деле — о замене изношенных деталей, о низком качестве ремней, о дополнительной оплате в сезон перегрузки. Говорили спокойно, не впадая в разногласия. А сейчас обоих вдобавок ко всему связала тайна. Один думал о том, как расположить к себе другого, другой — как не попасться на какую-нибудь удочку.

— Садитесь, — кивнул Развигоров на стул. — Тотю, принеси еще две рюмки...

— Да мне не надо, не пью, — сказал моторист.

— Ну уж, одну-то... — улыбнулся Развигоров.

— Так и быть, господин Развигоров. — Моторист вытер ладонью пот со лба. — Тут жить можно...

Чтобы разом отмести все сомнения, Развигоров с ходу взял быка за рога:

— Слушай, господин Рангелов. То, что сказал тебе Тотю насчет муки, хочу подтвердить лично. Если нужно, дам еще столько, сколько потребуется. Пусть тебя не удивляют эти слова. Могу даже сказать больше с глазу на глаз. Не думай, что я не сочувствую вашей борьбе. Я бы не откровенничал с тобой, но хочу, чтобы ты мне верил: оба шурина моего старшего сына — коммунисты, они сейчас в лесах. Если я даю муку, то это и для них, и для их товарищей. Понимаешь? И если твоим друзьям нужны деньги, я помогу... Шурины — это одна причина. Другая — у меня есть основания держаться подальше от властей... Ты, может быть, слышал, что я отказался от министерского кресла...

Моторист слушал внимательно, медленно взвешивая слова. Константин Развигоров — неплохой хозяин, но как разберешь, когда эти богатеи врут, а когда говорят правду. Потому Рангелов и не спешил, да и не мог ответить. Вошел управляющий, принес рюмки. Чокнулись, выпили. Только уходя, моторист сказал:

— Спасибо, господин Развигоров...

— За что?

— За ракию... — И, помолчав, добавил: — И за то, что не вызвали полицию...

— Остерегайся других, господин Рангелов, но не меня...

Спустя два дня Константин Развигоров вернулся в Софию. Одной заботой о завтрашнем дне стало меньше...

17

Ночь, проведенная на яхте, вывела Бориса Развигорова из равновесия. Впервые им пренебрегла женщина. Все его прошлые успе-

хи — легкие победы над женами начальников и дочерьми разных софийских выскочек — льстили его самолюбию, и он считал себя неотразимым покорителем женских сердец. А тут он встретил женщину, которой управлял холодный и трезвый рассудок, женщину, лишенную сентиментальности, движимую лишь правом на личную свободу. Свобода!.. Борис Развигоров искал слово, которое могло бы уязвить Чанакчиеву, но, представив себе ее гибкую фигуру, мягкость рук, чувственные губы, вспомнив о ее остром уме, понял, что может попасть в лапы расчетливой хищницы. В сущности, общество всегда выращивает хищников по своему подобию. Почему бы и ей не быть хищницей в своих джунглях в это смутное время... Мрачные мысли возникали в голове капитана и по другой причине... Безденежье..

Вечер он провел за маленьким круглым столом для игры в бридж. Ставки были велики, его проигрыш — чувствительным. Он должен был отдать свои золотые часы. Чтобы спасти его честь, Чанакчиева предварительно купила их за тройную цену, но и эти деньги были проиграны. Безденежье вынудило Бориса написать отцу первое письмо. Он сообщил ему о своем решении добровольно покинуть штаб армии для военной службы на передовой. Время требует, чтобы каждый показал все, на что он способен ради отечества, которому угрожает опасность.

Письмо вышло подробное, умное, убедительное. Не может старый Развигоров не раскошелиться для столь толкового и рассудительного сына. И, между прочим, если бы отец не сглупил, отказавшись от министерского поста, он, Борис, не оказался бы сейчас в этом каменистом краю, утыканном дальнобойными орудиями. Единственное утешение — она. Приятно вспомнить, вновь ощутить прикосновение мягкой женской руки, это волнующее «Борис», произнесенное полным ласки, столь многообещающим голосом... Если он когда-нибудь сумеет ее покорить, это будет его самой значительной мужской победой. И тогда-то уж он напомнит ей, кто кого выбирал! Таких женщин обязательно надо хотя бы однажды унизить, чтобы они тебя любили. Когда он добьется своего, он рассмеется ей в глаза и оставит с ее личной свободой. Пусть наслаждается ею сколько хочет! Купив его часы, Чанакчиева унизила его. Ослепленный жаждой реванша, Борис сделал вид, что не понял смысла ее поступка. Возвратив ей деньги, он вернет себе чувство собственного достоинства. А до тех пор не появится на яхте «Розовое будущее». Без денег никакого розового будущего для себя он не видит.

Все время он проводил теперь на позиции. Солдаты старались не попадаться ему на глаза, офицеры боялись каждого вызова.

Однажды за мелкий недосмотр он приказал поставить солдата из артиллерийского расчета лицом к солнцу, с набитым камнями ранцем, предварительно вымазав ему щеки медом, чтобы их искусали южные мухи. Нечто садистское было в этих сумасбродных наказаниях. Это сознавал и сам капитан, но в гневе терял над собой контроль. Его угнетало ожидание отцовского письма. А госпожа Чанакчиева то и дело посылала ему приглашения на ужин, или на чай, или на кофе с греческим коньяком и белым вином. Уже четыре такие записки доставил ему слуга Чанакчиевых. Отсутствие Бориса на этих вечерах становилось необъяснимым, а деньги от отца все не приходили. Ничего удивительного, если она, при свойственном ей своенравии, вообще перестанет его приглашать, выкинет из круга своих друзей и совсем забудет.

Но все эти тревоги разом отступили перед непредвиденным несчастьем. Два его солдата бежали в неизвестном направлении. Одним из них был тот, наказанный. Осведомитель из артиллерийского расчета предупредил фельдфебеля, что они собираются бежать, но тот не принял необходимых мер. Капитан Борис Развигоров потребовал объяснений от фельдфебеля. Дознание показало, что в подразделении существует группка коммунистов, давно занимающихся подстрекательством. Трое из них были задержаны прежде, чем успели покинуть казарму. Борис Развигоров присутствовал на допросе.

Чем больше упорствовали арестованные, не желая ни в чем признаваться, тем больше это бесило капитана. Дважды он сам спускался в подвал, пробуя на них силу своих кулаков. В гимназии он увлекался боксом, и сейчас полученные навыки пригодились. Двое не выдержали расправы, молчал только третий. И Борис Развигоров приказал отправить арестованного в город с тем, чтобы по дороге конвоиры застрелили его «при попытке к бегству».

Приказ был выполнен. Сейчас протоколы допросов лежали перед капитаном на столе, рядом с ними — чек от отца. Тот все же усомнился в деловых качествах сына и уменьшил запрашиваемую сумму. Капитан приказал послать протоколы высшему начальству и, насвистывая «Лили Марлен», оглядел свои лакированные сапоги. Он хотел явиться в дом госпожи Чанакчиевой в полном блеске офицера царской армии, владеющего всеми манерами обхождения, принятыми в софийских салонах.

18

Князь Кирилл вглядывался в темноту соснового леса и думал о времени и о себе: лето радовало плодами людского труда, но

крестьяне смотрели не на поле, а в сторону гор. Полицейские отряды, карательные роты непрестанно уходили в синюю даль. Не стало беззаботности, не стало уверенности, едкий страх разъедал их души, наполняя сердца решимостью отчаяния. Божилов, покинувший недавно коридоры власти, снова вернулся к финансовой деятельности. На его место назначили бывшего царского адъютанта Багрянова. Князь Кирилл первым предложил его кандидатуру, убедив и генерала Михова. Сделал он это, потому что знал о желании Филова воспользоваться случаем и заявить свои претензии на вакантное место.

Тем не менее князь был недоволен собой. Ни на кого не надеясь, ко всем кандидатурам относился с мрачным недоверием, стал мнительным, начал прислушиваться к советам своей сестры Евдокии. Поначалу при упоминании кандидатуры Багрянова князь не выразил особого восторга, но его подстегнула Евдокия, сказав, что князь стал тенью Филова, что пришло время Багрянова, что он — единственный человек, способный вывести страну из тупика. Послушав сестру, князь убедил других регентов. Добравшись до власти, Багрянов постарался, чтобы ему верили и ягнята, и волки, и предложил объявить амнистию, призванную, по сути, стать ловушкой для наивных людей.

Результатов, однако, не последовало, и князь активизировал войска и карательные роты, несмотря на басни премьер-министра. Князь Кирилл хотел как можно скорее подавить партизанское движение, обезвредить ятаков, добиться стабильности положения, но все больше убеждался в том, что одного желания тут мало. Все это лучше сделать зимой, когда снега скуют действия партизан и сквозь голые деревья откроется хороший обзор. Нужно вселить страх во врагов государства — вот позиция князя. Амнистия же не решила этого вопроса. Багрянов, начавший с хитрости, вскоре проявил решительность в своем намерении ликвидировать врагов государства, опираясь на армию, ведь полиции и жандармерии не под силу справиться с внутренней опасностью. Эти вопросы не давали князю покоя.

Все опасались разрыва отношений с Советским Союзом и в то же время продолжали мудрить с ответом на ноту. Решили открыть консульство только в Варне. Русский полномочный министр Кирсанов был поставлен в известность, но это мало кого успокоило. Напротив, страх перед будущим в правящей верхушке все нарастал...

Подойдя к дереву, Кирилл оперся о ствол, оторвал сосновую веточку и стал жевать иглы. Горьковатый вкус напомнил ему женщину, которая любила заваривать чай из сосновых иголок...

Это была единственная женщина, которую он старался избегать, — ненасытная, истеричная. В конце концов он стал бояться ее. Снова встретился с ней во время своего пребывания в Беломорье. Кирилл близко познакомился с ней в последних классах гимназии, а когда она уехала учиться за границу, с облегчением вздохнул. После ее возвращения между ними установились дружеские отношения, несмотря на то, что ее красота на каждого производила немалое впечатление. Застав ее в Кавале госпожой Чанакчиевой, Кирилл обнаружил, что ему по-прежнему приятно ее общество. Слушая ее остроумную, ироничную речь, он все же не решался принять Чинакчиеву у себя. Однажды, правда, поддался слабости, но больше себе этого не позволял — пугало хищное, бесконтрольное начало в ее поведении.

Выплюнув отдающие горечью иголки, князь обернулся. Два регента, а также Драганов и Багрянов стояли на лестнице, продолжая азартный разговор. Министра Драганова возмущало, что Бекерле остался недоволен ответом на советскую ноту. Драганов долгие годы был полномочным министром в Берлине, хорошо знал положение вещей в Германии и весьма скептически относился к уверениям немцев о своей победе. Говорящие подошли к Кириллу, Драганов начал первым:

— Ваше высочество, положение осложнилось. Турция уже разорвала дипломатические отношения с рейхом... С нами — еще нет, но это может произойти... Немецкая армия с каждым днем все больше сокращает фронт, и нам следует проявить определенную самостоятельность в действиях...

— И что вы предлагаете, господин Драганов?

— Начать откровенные переговоры с Лондоном и Вашингтоном, — поспешил пояснить Филов.

— Господин Филов несколько утрирует, ваше высочество. Я предлагаю обратиться с просьбой к фюреру, чтобы он разрешил нам принять ряд мер для защиты нашей страны. Или мы будем и дальше сидеть сложа руки?

— Он хочет, ваше высочество, чтобы нас постигла судьба Италии, — снова попытался вмешаться Филов.

— Нет, нет... Лояльное письмо вовсе не означает отказ от союзнических обязательств, — это хороший повод обратить на себя внимание... До сих пор наша страна сумела сохранить дипломатические отношения с Москвой, и глупо по вине немцев разрывать их...

— Мы должны связывать порванное, а не разрывать существующее, — вставил Багрянов.

Князь Кирилл вяло кивнул:

— Об этом следует подумать, господа... У господина Драганова есть основания для беспокойства...

19

Сейчас, думая о своих глупых тревогах, порожденных безденежьем и приглашениями госпожи Чанакчиевой, капитан Борис Развигоров еле удерживался от смеха. Она завоевала право выбора — чушь. Капитан уже отнял у нее это право. Сейчас он диктовал условия. Она открыла в нем настоящего мужчину. Она стала послушной до такой степени, что окружающие ее не узнавали. Его желания стали ее желаниями. Когда он попросил ее вернуть часы, Чанакчиева пошутила, что со временем их цена возросла вдвое. В этой шутке не было никакого умысла, но Борис вспыхнул и, швырнув ей под ноги пачку банкнот, вышел, хлопнув дверью. Избалованная всеобщим вниманием, привыкшая к салонным любезностям, Чанакчиева оторопела...

Утром послала ему записку, но Борис не счел нужным ответить. И так продолжалось всю неделю, пока наконец она не решилась отправиться к нему сама. Хозяйка поразилась, увидев у себя на пороге изысканно одетую гостью, — господин капитан уехал на позиции, в таких случаях он возвращается под вечер. Ничего, гостья подождет, нельзя ли отдохнуть у него в комнате.

Капитан вернулся, когда уже стемнело. Зажег керосиновую лампу и только тогда заметил Чанакчиеву. Во взгляде женщины он прочел такое, что поспешил задуть фитиль...

Они долго лежали рядом, не произнося ни слова.

— Я хочу, чтобы ты был со мной на яхте.

— Когда?

— Завтра вечером.

— Не пойму, что тебя связывает с этим разжалованным...

— С кем? — не поняла она.

— С моим бывшим коллегой Филчевым...

— Все, что хочешь, кроме того, о чем ты думаешь...

— И что именно?

— Деньги, карты, яхта... Она принадлежит мне, а не Филчеву. Но все думают, что ему.

— А зачем тебе это?

— Потому что мы живем среди людей, у нас — общественное положение, репутация...

— Ну хорошо, а деньги? Какое отношение он имеет к твоим деньгам?

— Это длинная история.

— Может быть, расскажешь? — сказал он равнодушным тоном. Она кивнула.

Димитр Филчев был ее двоюродным братом. Ее девичья фамилия — Филчева. Борис вспомнил об известном судье Филчеве. Он умер при весьма загадочных обстоятельствах, умер во сне на собственной вилле. После смерти отца лишь вмешательство князя Кирилла спасло ее от разорения. По ее просьбе князь Кирилл устроил разжалованного из армии Димитра Филчева на службу в общину города Кавалы. Брат нанял квартиру в доме самого богатого в городе человека, еврея по национальности — владельца небольшой верфи, двух магазинов, нескольких земельных участков и золота в слитках. Сыновья его уехали в Америку перед тем, как начались гонения. И тогда Филчев пообещал ему, что спасет его от выселения и даже переправит в Турцию со всем его золотом, если тот завещает Филчеву недвижимость. У еврея не было выбора, и он согласился на условия, поставленные квартирантом. Однако решил сделать последнюю попытку спасти свое имущество, обратившись с жалобой к властям города. На свою беду, попал на Чанакчиева, сотрудничавшего с тайной полицией. Чанакчиев тут же смекнул, что это сулит большие барыши, и обратился за советом к Димитру Филчеву. Так они стали компаньонами. Фиктивная покупка недвижимости была совершена немедленно, а бывшего ее владельца отправили с первым же эшелоном выселяемых, и, разумеется, не в Турцию, а в сельские районы. Когда двоюродная сестра Филчева приехала в Кавалу, ее брат и господин Чанакчиев, новоявленные богачи, были уже законными наследниками солидного капитала. Женитьба Чанакчиева на сестре Филчева оказалась выгодной всем — имущество осталось в руках одной семьи.

Рассказ госпожи Чанакчиевой не произвел особого впечатления на капитана. Он знал жизнь, знал и более трагические случаи с еврейской недвижимостью. Сам Борис не испытывал никаких добрых чувств к сыновьям израилевым, удивила его только находчивость Филчева. Важно было другое — эта женщина теперь целиком принадлежала Борису, следовательно, и деньги ее поступят в его распоряжение...

20

Полевые работы продолжались, и связь партизан с командованием зоны стала трудной задачей. Среди крестьян было немало переодетых полицаев, несколько партизан уже попали им в ру-

ки. Двое-трое спаслись, остальные погибли. И все же вести о положении в стране доходили до отрядов, разбросанных по горным районам Болгарии.

Дамян стал уже командиром бригады, и его партизаны участвовали в ряде операций. Одной из них был поджог немецкого склада, находившегося неподалеку от землянки. Весенним вечером несколько партизан отправились к чешме у складских ворот, остальные, перерезав проволочную ограду, вошли в редкий лесочек. Постовой на вышке ждал смены, а потому потерял бдительность. Выстрелы у ворот заставили его зарядить автомат, большего он не успел. Настигнутый партизанской пулей, он схватился рукой за железные перила, пытаясь удержаться, и сполз на настил. Когда с него стаскивали автомат, огонь уже охватил караульное помещение. Помощник комиссара в кабине тупорылого грузовика ждал тех, кто клал взрывчатку под цистерны. Все произошло так быстро и так толково, что сами партизаны не могли поверить своей удаче. Немцы, по-видимому, не допускали и мысли о подобной операции на равнине, вдали от гор. Грузовик с вооруженными партизанами тронулся в путь, а небо еще долго озарялось пламенем от взорванных цистерн, феерическими отблесками. Это было только началом расплаты за погибших партизан, знаком того, что живые их не забыли.

Дамян понимал, что бессмертие — не в разговорах, а в делах. Весь народ с надеждой смотрел на горы, ожидая прихода партизан. И поскольку враг становился все более коварным и жестоким, постольку народ стремился разорвать сковывающие его путы страха. Ятаки теперь сами искали партизан, и даже более умные буржуа старались оказывать партизанам услуги. Брат Дамяна как-то рассказывал при встрече, что отец их зятя, Михаила Развигорова, спас в эту зиму от голода партизанский отряд, разрешив снабжать мукой со своих мельниц. Если бы не Развигоров, они бы умерли от недоедания.

Каждому здравомыслящему человеку обстановка была ясна. Советская Армия громила немцев. Дамяна радовала мобилизация, беспокоила только нехватка оружия. Партизаны его бригады уже слышали о подвигах трынских, краснобережных, рило-пиринских партизан, бригады имени Чавдары, Шопского отряда, партизан Сливенского края. Средногорье вернуло себе старую гайдуцкую славу. Стало известно о захвате Копривштицы. Жандармерия и войска озлобились еще больше. Облавы теперь проводились не от случая к случаю, а систематически. Убивали всех, заподозренных в связях с партизанами. Повсюду шли ужасные расправы, и Дамян вспомнил старую истину — умирающий зверь свирепствует перед смертью. Однажды, спустившись с гор, он узнал о

гибели Бялко. Много неясного было в его смерти. Бялко, его товарищ, часто посещал партизанские отряды, чтобы устранять дрязги, утихомиривать амбициозных командиров, проводить в жизнь решения верхов. Партизаны любили его, ценили за бесстрашие. И этот отважный человек и умелый руководитель вдруг погиб при странных обстоятельствах. Его вызвали с докладом в штаб запиской. Бялко явился. Затем, воспользовавшись случаем, решил навестить жену. Не могли полицаи случайно оказаться на его пути. И почему сопровождающий его человек бежал и оставил Бялко одного на улице? Почему полицейские кинулись только за Бялко? Если Дамян останется в живых — разберется во всем и разыщет виновных в смерти друга.

Хотя Дамяну все казалось, будто весть о его смерти ошибочна, — командира не покидало ощущение, что Бялко может в любую минуту появиться в бригаде. Снимет свой старенький вещмешок, сядет с друзьями в кружок и подхватит ту песню о юноше, который просил своего коня не оставлять его в поле одного, вдали от товарищей... Товарищи... Многих уже не осталось в живых. Но те, кто еще жив, должны помнить о павших и пробиваться к истине об их смерти. Жизнь и смерть встретились, и смерть одержала верх. А теперь надо беречь живых.

Дамян встал, сбил огонь, мелкие искры брызнули в небо и погасли. Лесистая гора баюкала тишину в своих объятьях. Пестрая поляна приютила партизан, которых сморила дневная усталость и усыпили запахи трав. С каждым днем людей становилось все больше и больше, оружия не хватало. То, которым партизаны владели, было завоевано кровью, за то, которое они добудут, тоже будет заплачено кровью. Жестокая правда, но — правда. Дамян смотрел на спящих бойцов, на летнее горное небо, но думал не о его красотах. Думал он об оружии.

21

«Ах ты, паршивая собака! Сейчас... Сейчас ты у меня получишь!»

Бекерле крался как тень. Солнечный свет мешал, ослепляя. Адольф Бекерле остановился на лестнице виллы и прицелился в тощую собачонку, лежавшую под забором. В момент выстрела рука дрогнула, и пуля, срикошетив, со свистом вонзилась в ствол дерева. Испуганная собака вскочила, поджала хвост и, заскулив, скрылась в кустарнике. Жаль, что он не попал: от нескольких кур, которых они разводили на вилле, остались только две самые молоденькие.

Бекерле был человек практичный. Поселившись на вилле, сразу

же завел небольшое хозяйство. Кроме кур, купил хорошего поросенка на откорм. Слуга Тодор ходил выбирать его вместе с Бебеле — всегда деятельная и активная, она давала слугам указания в подсобном хозяйстве.

События, происходившие в мире, не давали людям жить спокойно. Главной новостью недели было покушение на фюрера. Все чамкорийское общество вставало и ложилось с этой новостью. Многие воспользовались случаем выразить свою радость по поводу удачного спасения Гитлера. И каждый приходил в надежде узнать какие-нибудь подробности. Сначала Бекерле отвечал на вопросы посетителей, потом перестал. За их интересом чувствовался либо страх за себя, либо плохо скрываемое любопытство.

Боятся даже те, кто до вчерашнего дня слепо верил в гений фюрера и несокрушимость немецкой машины. Сейчас сам факт покушения на Гитлера побуждает их думать, что дело идет к финалу.

В последние дни Бебеле была так агрессивна, что муж вообще предпочитал ее избегать. Ее бесконечные филиппики, направленные против высших офицеров, совершивших покушение на фюрера, надоели. Долдонила о том, что в свое время Гитлер щедро одарил выходцев из старых аристократических фамилий почестями, должностями и званиями, а они отплатили ему таким коварством! Бебеле не могла найти себе места от возмущения. В сущности, этим она выражала свое отношение ко всем высокопоставленным дамам, которые когда-то смотрели на нее с пренебрежением, не желая простить ей плебейского происхождения и дурацкой артистической карьеры.

Солнце расслабляло Адольфа, отсутствие Бебеле успокаивало. Она с утра отправилась пить чай на дачу к Филовым. Не хотелось надевать официальный костюм в столь чудесный день. Когда он еще сможет наслаждаться свободой и такой глубокой тишиной... Дни, подобные этому, будут в дальнейшем выпадать все реже и реже. Надо пользоваться солнцем, пока это возможно.

22

Столичные заведения не пустовали. Посетители, однако, были сейчас другого сорта: мелкие торговцы, ученые сомнительной репутации, тайные агенты, забулдыги, спекулянты с черной биржи, ломовики и извозчики... Заглядывала сюда и богема, в которой теперь прочное место занял художник Василий Развигоров. В результате неожиданной встречи с Гатю Константин Развигоров узнал, что Василий, сын Гатю, устраивал свою первую персональную выставку, и отец очень этим гордился.

Разговор был интересным, так как Гатю наряду с похвалами сыну упомянул и об Отечественном фронте, а о нем приходилось теперь слышать все чаще и чаще. Но с того намека Бурова и до сего времени Константин не сумел постичь сущности этого нового для него понятия. Гатю объяснил ему наконец, что такое Отечественный фронт. Это объединение здоровых демократических сил для спасения государства от нынешних правителей и их политики. Гатю Развигоров даже удивился, что его племянник, который своим отказом участвовать в одном из предыдущих правительств заслужил право быть членом нового общенационального объединения, остался в стороне от его деятельности. Дядя обещал включить племянника в состав одного из комитетов, которые уже существовали в столице.

Предложение дяди заставило Константина Развигорова насторожиться. Впрочем, он ничего не потеряет, если согласится войти в один из комитетов Отечественного фронта — раз это предлагает Гатю, обстоятельства наверняка благоприятствуют. Эта лиса никогда не подойдет к капкану, если не знает, как через это перепрыгнуть.

Вино смыло нелепые барьеры, и оба вдруг почувствовали себя так, как и полагается близким родственникам. И впервые за много лет Константин Развигоров понял, что мир состоит не только из параграфов и цифр, что есть в нем и свои исключения из правил, и одно из них — философ Гатю Развигоров, который блуждал в лабиринтах множества религий, пока наконец не дошел до полного отрицания бога. Сейчас писатель Гатю Развигоров — сам себе пророк, мыслитель и теоретик. На мизинце он носит кольцо с изображением Будды, учение йогов не сходит у него с языка. Магомета он считает сексуальным маньяком, цитирует Коран и строки о женщине, которая должна перенести мужчину через пустыню жизни. Незаконнорожденного Христа считает творением индийских факиров и убежден, что лишь творческий дух человека может породить абсолютную истину. Константин Развигоров, слушая своего вновь обретенного родственника, глядя на его морщинистое лицо, наконец понял, что объединяло разнородную публику, встреченную на свадьбе художника, — Братство Каменщиков *. Явившись свидетелем такой солидарности, Развигоров уже не сомневался в принадлежности своего дяди к этому братству.

Взяв рюмку, Константин спросил:

— А сын как живет?

— Пьет больше моего, — вырвалось у писателя. — Талантли-

---

* Масонская ложа в Болгарии.

вый парень, но... Богема его засосала... Ночами по кладбищам шатаются, свечи кому-то ставят... А твои как?

Вопрос застал Развигорова врасплох, и он решил не вдаваться в детали:

— И мои — жертва времени... Не все, конечно... С Михаилом и девочками все в порядке. А за Бориса беспокоюсь... Офицер, упрям, характер трудный, неустойчивый...

— Или, наоборот, слишком устойчивый, — прервал его дядя.

— Это как?.. Ты что-нибудь слышал о нем?

— Нет, но генерал Лукаш мне жаловался как-то...

— Да, с генералом он не поладил, — примирительно согласился Константин Развигоров, соображая, откуда Гатю знает Лукаша, и снова подумал о масонах.

Выйдя из ресторана, они долго прохаживались по площади Народного собрания. Разговор постепенно перешел на политику. Гатю Развигоров рассказывал о тайных переговорах с американцами в Стамбуле и Каире, называл имена, перечислял встречи. На прощание снова заговорили об Отечественном фронте, но и эта тема не отвлекла Константина Развигорова от мыслей о Борисе. Если генерал до сих пор говорит о его сыне, значит, дело нешуточное...

23

Прием на яхте «Розовое будущее» закончился. На этот раз были приглашены не только видные игроки, но и городские тузы, однако, несмотря на это, веселья не получилось: сильно озабоченные тузы говорили о продолжающемся сокращении фронта. Русские уже достигли Дуная. Бориса Развигорова не покидало чувство, что все эти господа спали с уложенными чемоданами, готовые к бегству в староболгарские земли. Некоторые, зная свои прегрешения, смотрели и дальше: подумывали, например, о Турции. В течение вечера на яхте то тут то там вспыхивали приглушенные споры о втором фронте союзников, о новом немецком оружии. Играли неохотно, пили мало. Первым поднялся начальник гарнизона, за ним последовали остальные. Господин Чапакчиев захмелел и отправился спать.

За круглым столиком остались только госпожа Чапакчиева, Борис и Димитр Филчев. Сейчас он уже перестал играть роль преуспевающего парвеню — не до того. Многое из недвижимости Филчев уже продал и обратил в золото, то же сделала и его двоюродная сестра. Несколько раз Чапакчиева ездила в столицу и скупала земельные участки в Бояне. Какая бы власть ни пришла, она сможет встать на ноги.

Утро встретило их новостью: Муравиев сформировал новое пра-

вительство. Если уж обратились к нему, значит, дела совсем плохи. В правительство вошли люди, многие из которых не имели четкой позиции. Наверху начали метаться. Позже город облетела весть о переходе румынской границы русскими. Борис не знал, что делать. Солдаты смотрели на него косо. Едва ли они так скоро забудут допросы и расправы над своими товарищами. Оставшись в городе, Борис пошел обедать к госпоже Чанакчиевой. Пили в большой гостиной, потом допоздна пробыли в ее спальне. Открыто демонстрируя свою связь с капитаном, она надеялась, что муж потребует развода. Но Чанакчиев, поглощенный своими заботами и тревогами, не обращал на них никакого внимания. Борис, с присущей ему грубостью, решил вызвать его на скандал, спросив, не сердится ли он на них, на что Чанакчиев театрально поднял брови:

— За что же на вас сердиться, вы ведь молодые люди!

Ясно: старик имел свои планы и не собирался никого в них посвящать. Это вывело из терпения госпожу Чанакчиеву.

Встав в дверях, весомо сказала:

— Кстати, молодые люди не откажутся и от краденого золота.

Чанакчиева не шокировали манеры жены. Бросив неуверенный взгляд на Бориса, он пожал плечами:

— Но ведь ты уже получила свою долю.

— Я получила долю от своего супруга, но долю от еврейского золота я не получала.

Чанакчиева испугала решительность жены, ведь они остались в доме втроем. Капитан тоже встал.

— Сколько? — спросил Чанакчиев.

— Два слитка.

— Хорошо.

Они проводили его до сейфа, но внутрь не заглянули. Два слитка были брошены на широкое кресло. Она забрала их. Капитан шел следом, словно хотел прикрыть ее сзади. Двое ничего не боялись. Никто не посмеет жаловаться — сразу же возникнут тысячи вопросов. Да и кто знает, сколько еще таких слитков в сейфе. Пусть подавится. Им хватит. Чанакчиева заперла дверь спальни. Они сели на кровать. Слитки золота отсвечивали мягким блеском. Первой опомнилась она и, глядя ему в глаза, спросила:

— Ну, не хочешь ли меня прикончить?..

— Во имя чего?

— Чтобы взять все...

— Неужели мы пали так низко?..

— Значит, все-таки любишь?

— Не знаю, люблю ли, но ты мне подходишь как женщина... Ты незаменима...

— Спасибо. Этого мне еще никто не говорил, даже князь, все были пентюхи... — И она подтолкнула к нему один слиток. — Бери...

Борис пожал плечами.

— Бери, бери... Сейчас такие времена... Может пригодиться...

За два дня, проведенные вместе, все продумав, решили ехать в Софию.

Путешествовали, как влюбленная пара, которая тратит деньги без счета и берет от жизни все. Капитан впервые проявлял внимание к своей спутнице. «Уж не влюбился ли я?» — спрашивал себя этот эгоист и честолюбец. Избранница сидела сейчас за рулем, и он вдыхал тонкий аромат ее духов с истинным наслаждением, словно видел ее рядом впервые в жизни. Борису всегда казалось, что жизнь его обошла, что его не оценили, как он того заслуживает. Он всегда и во всем ставил себя выше других, но, к сожалению, другие не разделяли этого его мнения. Воп какие недотепы, маменькины сыночки, и сейчас разгуливают по штабу, а его выперли... Но, с другой стороны, кто еще может похвастать такой любовницей, богатой и ни от кого не зависящей?

В Софии Борис показал ей свою квартиру... Они расстались, договорившись встретиться вечером...

24

Обстановка прояснялась. Советские войска перегруппировались на добруджанской границе, и, как сообщалось, вчера вечером СССР объявил войну Болгарии. Только Константин Развигоров собрался подняться наверх, как кто-то позвонил. Открыв дверь, Развигоров застыл па месте от изумления. В новенькой капитанской форме перед ним стоял Борис и как-то особенно улыбался. В руках у него был кожаный портфель с блестящими металлическими застежками — непременный атрибут разных выскочек. Константин Развигоров медленно посторонился, чтобы впустить сына, и вслед за ним вошел в кабинет. Жена и дочери еще не вернулись в Софию. Им казалось, что в Чамкории безопаснее.

Столица постепенно оживала, жизнь входила в свои берега. В этот день Развигоров без конца перечитывал письмо от Михаила о рождении внука, которого в честь деда окрестили Константином, и не мог нарадоваться. Он и сам не ожидал от себя подобной реакции. Вечером решил заняться своими финансами, проверить счета и торговые книги на всякий случай.

Борис помешал его намерениям, но, по крайней мере, они смогут сейчас откровенно и о многом поговорить. Долгое время отец щадил его, но далее не намерен молчать. Борис получает хоро-

шее содержание, холост, ни жены, ни детей — что у него за расходы! Это просто расточительство.

— Ну, добро пожаловать, — сказал отец: с чего-то надо было начать.

— Спасибо, — ответил Борис. — Ты один?..

— Один... Мать и девочки еще в Чамкории... А что ты намерен делать?

— Это будет зависеть от многого...

— Например? — насторожился отец.

— ...Если придут русские, надо будет бежать в Турцию.

— Ловко ты придумал, ничего не скажешь... — вздохнул отец. — Ну а матери что передать, сестрам?

— А что захочешь, то и передай...

— Не сумел я научить тебя думать о других, — вздохнул старик. — Вырос законченным эгоистом...

— Не всем же быть такими гуманистами, как ты...

— Хочешь сказать, глупцами... Глупцами, которые всю жизнь пекутся о детях! Стараются сделать их людьми! А те считают их дойными коровами...

— Ты мне дал только то, что должен... И то не все...

— Что-о? Я тебе должен?! — вспыхнул отец. — И когда же прикажешь расплатиться?..

— Сейчас! — усмехнулся сын.

— А почему не завтра?

— Потому что завтра меня, возможно, уже не будет в живых...

Константин Развигоров молча повернулся в кресле и щелкнул ключом. Дверца тяжелого сейфа бесшумно раскрылась. Достав из сейфа несколько продолговатых свертков с золотыми монетами,

— Очень сожалею, что не сдержался и нам пришлось вести такой разговор... Может быть, ты когда-нибудь поумнеешь и вспомнишь об этом...

— Может быть, — бесцеремонно заметил Борис, укладывая свертки в красивый портфель, и, словно спохватившись, сказал:

— И все же давай помиримся...

— Я тебя прощаю, — ответил отец.

Показная наглость стоила Борису немалых усилий. Его самого вывело из равновесия решение бежать, именно поэтому он так бесцеремонно держался с отцом. В эти минуты Борис вспомнил и бесконечные предупреждения отца, и последний разговор в этом самом кабинете, и с внезапно нахлынувшей злостью констатировал, что они оказались правы... Германия погибала... Погибали и его надежды, его вера, его уверенность в себе, самомнение и честолюбие...

Впереди была неизвестность...

25

Сообщение лежало перед ним. И всего-то листок бумаги, а повеяло холодом, сделавшим кабинет мрачным и неуютным. Георгий Димитров отодвинул радиограмму, не желая верить тому, что случилось. Самолет, доставлявший группу Станке Димитрова-Марека, потерпел катастрофу, и людей, которые отправлялись в Болгарию с такими радостными надеждами, не стало. Почему лучшие мгновения сменяются трагическими, лучшие намерения остаются неосуществленными, самые нужные люди исчезают навеки?.. Георгий Димитров не мог найти себе места от скорби, от боли, от чувства невосполнимой утраты. И почему это случилось именно сейчас, когда события в Болгарии шли к логическому концу, когда люди с опытом борьбы, с революционной закалкой так необходимы?..

Васил Коларов, пришедший разделить их общее горе, сидел, беспомощно опустив руки, сокрушенный неожиданной вестью.

Станке Димитров-Марек вошел в жизнь Георгия Димитрова просто и естественно, как сама идея, которой они служили. Когда Димитров посылал группу Марека в Болгарию, то долго напутствовал их, советовал, как сориентироваться в обстановке на месте. Дело первейшей важности — помощь в создании правительства Отечественного фронта, которое должно порвать с Германией, взять судьбу страны в свои руки и незамедлительно объявить войну рейху. Участие Болгарии в войне против гитлеровцев помогло бы победителям по-иному отнестись к ней. Вот что поручалось осуществить группе Марека, которая должна была способствовать объединению всех демократических сил страны в этот решительный для Болгарии момент... Разговор шел спокойный, дружеский. А сейчас сердце Димитрова сжимала боль.

— Да, теряем людей... — Эта мысль не оставляла его. Многих уже не было в живых. И с каждой смертью Димитров чувствовал, что на его плечи ложится еще больший груз. Отчаяние давно уже пыталось завладеть им. Еще со времен Моабита. Но мрачный пессимизм не мог найти лазейки в его душу. Помолчав, продолжил: — Столько смертей мы видим... Казалось бы, можно и привыкнуть, но человек с этим никогда не примирится...

Волны войны плескались теперь где-то у границ Болгарии, но для боли расстояний нет. Самолет сгорел вместе с большой надеждой, но как жизнь человечества не прерывается со смертью одного человека, так и борьбу не перечеркнуть одной смертью. И Георгий Димитров уже думал о человеке, который заменит Марека...

Болгария ждала его...

26

Из штаб-квартиры фюрера непрерывно летели шифротелеграммы. Там боялись за положение в Болгарии. Чувствовали, что правительство действует недостаточно серьезно, что партизанское движение угрожающе растет, что пора ввести в кабинет таких людей, как Александр Цанков и Кантарджиев. Достаточно долго они были в стороне от решения важных вопросов. Бекерле уже несколько раз говорил с Цанковым, но не видел для него иного пути к власти, кроме переворота.

Иван Багрянов своей программной речью уже смутил немцев. Сегодняшний день требовал ясной позиции, твердой руки, а он говорил о какой-то абстрактной правде. Правда, по мнению Бекерле, многолика. Все зависит от того, кому она служит. Сторонникам «нового порядка» она виделась в надежности рейха. Для тех же, кто прятался в лесах, она заключалась в необходимости смести нынешних правителей и создать коммунистическое государство. Своя правда была и у англофилов. Их правдой были деньги. Чем больше английских и французских капиталов хлынет в Болгарию, тем скорее развяжут им руки для различных сделок. Понятно, что такая правда ни в коей мере не исключает захвата власти. Так или иначе, всякая правда опирается на власть, иначе она останется неосуществленной фикцией.

День и ночь Бекерле работал, отвечал на вопросы, доказывал абсурдность сведений, доходивших до ставки и министерства иностранных дел рейха, минуя посольство. Фронт угрожающе приблизился к Румынии. Напряженность нарастала. Разгромленные части вермахта должны перевооружаться на болгарской территории. Правительство Багрянова упорно пыталось лавировать. За словами скрывались тысячи недомолвок. Единственно, что устраивало Бекерле, — это непрекращающиеся карательные операции болгарских войск и полиции против партизан.

И доктор Гелиус, и генерал Геде, и Бекерле давно уже были в курсе тайных попыток правительства начать переговоры с американцами и англичанами, хотя эти поползновения ничего серьезного не представляли, напоминая плутания слепых. Вести о поражении немецких войск нагнетали страх, который сковывал и немцев, и болгар. Болгарская армия была сильной, единственной армией на Балканах, которая представляла реальную боевую мощь. Любой неразумный шаг со стороны Германии мог ускорить разрыв союзнических отношений. Что принесет переворот в случае успеха? Новая линия фронта пройдет по территории Болгарии, сюда легко перебросить войска из Македонии и Греции, чтобы какое-то время удерживать положение в стране, но все

это — паллиативы, не имеющие реальной перспективы, ибо советские войска уже подошли к границам Болгарии. В общем хаосе неожиданный переворот может привести к противоположным результатам. Многие солдаты и офицеры болгарской армии наверняка выступят против немцев и тем самым облегчат работу Советской Армии.

Сейчас уже никто не верил ни речам Гитлера, ни уверениям Геббельса. Великая армия погибала, фронт приближался к старым границам Германии. Союзники один за другим отказывались от своих обязательств.

Его возвращение в Софию было ошибкой, так он это теперь расценивал. Бекерле смущала противоречивость действий правительства и регентства. Фюрер не прощал тем, кто позволял себе усомниться в его могуществе. Да и чего могли ожидать от него болгарские правители? Все в Болгарии идет к своему закономерному концу. Несмотря на указания, которые Бекерле получил в ставке, на приказы, которые сыпались ему на голову, он не мог предотвратить творившийся здесь хаос. Положение менялось с каждым часом. Бекерле с трудом находил регентов и министров. Прежняя учтивость исчезла. Начались забастовки трамвайных служащих. Уже имели место столкновения между болгарскими и немецкими солдатами: столь долго и тщательно скрываемая взаимная неприязнь, даже ненависть, вышла наружу. Правительство Муравиева официально объявило о разрыве с рейхом. Бекерле не смел выйти на улицу, соблюдал крайнюю осторожность, потеряв уверенность в себе. Бессилие угнетало Бекерле больше всего, лишало его присутствия духа. Сейчас главной его заботой стала эвакуация солдат, военной миссии, персонала. Заваленный непрерывно поступавшими бумагами, он все время надеялся получить приказ о собственном спасении, но тщетно.

27

Чугуна не оставляла мысль о причинах гибели Бялко. С тех пор как весть о его смерти пришла к партизанам, Чугун думал о предательстве. По всему выходило, что в их ряды проник провокатор. И хотя прямых доказательств не было, руководство полагало, что кто-то где-то оступился, попался на удочку полиции, и теперь ему не оставалось ничего другого, как выполнять ее задания. А возможно, он и раньше был ее агентом, и сейчас ему приказали действовать. Об этом говорили и другие провалы. Требовалось срочно обезопасить окружной комитет партии, мобилизовать силы для решительных боев, которые становились близ-

кой реальностью. Группы вырастали в отряды, отряды — в бригады. Центральное руководство готовилось к решающему удару. Плод многолетней борьбы созрел.

Туманные речи регентов и министров уже никого не могли ввести в заблуждение. И Божилов, и Багрянов, и нынешний Муравиев тащили одну и ту же телегу, а теперь она без чьей-либо помощи сама катилась к пропасти. Со временем Чугун расследует обстоятельства гибели Бялко, но не сейчас, события развивались в бешеном темпе. Приказы из Центра становились все более категоричными: занимать села, расширять освобожденную территорию, сосредоточивать силы для решительного наступления. Советские войска перешли границу, ход событий ускорялся. Центральный комитет Болгарской рабочей партии и Главный штаб НОВА * решили нанести главный удар в столице.

Чугун получил приказ явиться в столицу как раз тогда, когда терпение его иссякло. Рано утром прибыв в Софию, решил прокатиться по улицам, изображая глубокого провинциала, чтобы ощутить пульс города. Людское море было бурным и мутным. Полиция испарилась. Придя к Старику, застал там своего земляка, Димо Велева. Они давно не виделись, хотя в свое время вместе покинули родной город в надежде устроиться где-нибудь получше. Чугун слышал, что Димо закончил почтово-телеграфное училище, дружил с людьми левого толка, позже стал офицером, сейчас служил в прожекторной роте. Зачем он пришел к старому революционеру, Чугун не знал, понял только, что подпоручик не стоял в стороне от борьбы за дело народа.

Старик долго прощался с Велевым, давая ему какие-то советы. Тот выглядел усталым, видно, недосыпа́л.

— Зачем он к тебе приходил? — спросил Чугун, когда подпольщик ушел.

— А ты как думаешь? — ответил тот вопросом на вопрос.

Больше об офицере не говорили. Обсуждали положение в городе. София приходила в себя после долгого террора, люди взбудоражились. Нужно использовать активность масс. Старик утверждал, что правительство разбежалось, только военные еще держались. В Военном министерстве собрались самые отъявленные реакционеры, сторонники прежних режимов, там была настоящая Бастилия, которую предстояло брать. Если она падет, остальные учреждения сдадутся сами. По всему было видно, что Старик в курсе замыслов центрального руководства. Когда Чугун собрался уходить, Старик проводил его до дверей и со значением сказал:

— Думаю, скоро свидимся...

* НОВА — Народно-освободительная повстанческая армия.

И они действительно увиделись. Оказалось, что Старик тоже участвовал в подготовке главного удара. На совещании обдумывали, как проводить операцию. Вспоминали о каком-то Янко, о его организаторском таланте. Чугун Янко не знал, но много о нем слышал. Чугуна долго расспрашивали о положении вещей в его районе. Отвечал подробно, ничего не приукрашивая и не утаивая. Спросили и о сражении между войсками, жандармерией и партизанским отрядом в Родопах. Чугун не имел четкого представления об этом сражении, потому что встретился с бойцами отряда уже по пути в Софию. Отряд неожиданно окружили рано утром в невыгодном для боя месте. Убитыми потеряли пятнадцать человек, нескольких взяли в плен. У Чугуна сложилось впечатление, что и тут действовала рука предателя. Окружение было неожиданным, но тщательно подготовленным.

Сейчас Чугуну предстояло участвовать в координации действий вновь созданных ударных групп в связи с подготовкой штурма. То, о чем намеками говорил Старик, было, как выяснилось, глубоко продуманной военной операцией, в которой должны принять участие и некоторые армейские подразделения во главе со своими офицерами. В задачу Чугуна входило найти Янко, связаться с Шопским отрядом и постараться разместить его как можно ближе к Военному министерству и царскому дворцу.

В сумерки Чугун покинул дом, где заседало центральное руководство, и вместе с товарищем, которого дали ему в помощь, отправился выполнять задание...

28

Архитектор Йордан Севов хорошо знал свои прегрешения и поэтому долго думал, где искать защиты — во дворце или в Военном министерстве. В свое время он считал, что его всегда будет осенять царское благоволение, но после смерти его величества стал чувствовать себя менее уверенно. Германия терпела поражение в войне, и солнце славы «нужного человека» закатывалось. Царица его не переносила. Оставался, правда, князь Кирилл, к которому Севов был близок. Рядом с князем легче дышать, но в эти напряженные дни он потерял след князя. В последнее время у Севова даже возникло ощущение, что Кирилл умышленно его избегает, словно желает провести между ними какую-то невидимую черту. Возможно, он прав. Сейчас каждый думает только о себе. Утешало Севова лишь одно — удалось заменить генерала Трифонова Янчулевым.

Сейчас, видя толпы на улицах города, зная о страхе полицейских перед завтрашним днем, Севов решил пойти к генералу Янчулеву в Военное министерство. Янчулев теперь ночевал в каби-

нете, так же, как и другие высшие чины, — для большей безопасности.

Янчулев принял его очень радушно. Чувствовалось, что ему несладко одному со своими мыслями. Все трещало, рушилось, гибло на глазах... И все пытались найти какую-нибудь опору: одни надеялись на англичан, другие — на американцев, с которыми велись тайные переговоры в Каире, третьи считали, что им поможет недавний разрыв отношений с Германией*, четвертые кляли себя за слепую веру в силу немецкого оружия и думали о бегстве из страны.

Исчезновение князя Кирилла беспокоило Севова. Ничего удивительного, если его другу придет в голову удрать в Германию или в Швейцарию... Впрочем, он не настолько глуп, чтобы бежать в Германию. Нет, Севов не станет спешить... Посмотрит, что предпримет князь Кирилл... Наверное, уединился сейчас с какой-нибудь красоткой в Царской Бистрице... Чтобы проверить свои предположения, Севов спросил:

— О князе что-нибудь слышал?

— Князь в Царской Бистрице... Уехал туда после подписания указа о военном положении...

— Выжидает?..

— Как и мы...

Генерал Янчулев предложил ему свою походную койку, но Севов предпочел пойти в зал заседаний. В углах зала стояли массивные кожаные кресла. Три из них были заняты: одно — новоиспеченным министром, два — людьми из прежнего правительства. У всех богатые биографии политиков. Все могли бы спать в министерских кабинетах, а не в зале заседаний...

Министры, засыпая, думали, вероятно, то же самое о нем...

29

Князь Кирилл жил в состоянии тревожного ожидания. Часто вспоминался последний разговор с Иваном Багряновым:

— Общими словами власть не удержишь, — отрезал тогда князь.

Он и сейчас рассказывал всем, что регенты помешали ему совершить великий переворот в политике, благодаря чему Кирилл избежал бы конфронтации с Советским Союзом. А конфронтация уже произошла. Советский Союз объявил войну Болгарии. Его войска перешли границу. И это был конец всему. Князь Кирилл уже не искал выхода из положения — только ждал и надеялся. Надеялся на Лондон. Англичане не позволят и волосу упасть с

* Болгария объявила войну Германии 10 сентября 1944 года.

его головы. Люди из его личной разведки восстановили прерванные связи с бывшим английским военным атташе в Болгарии Россом. Это самый надежный шанс на спасение.

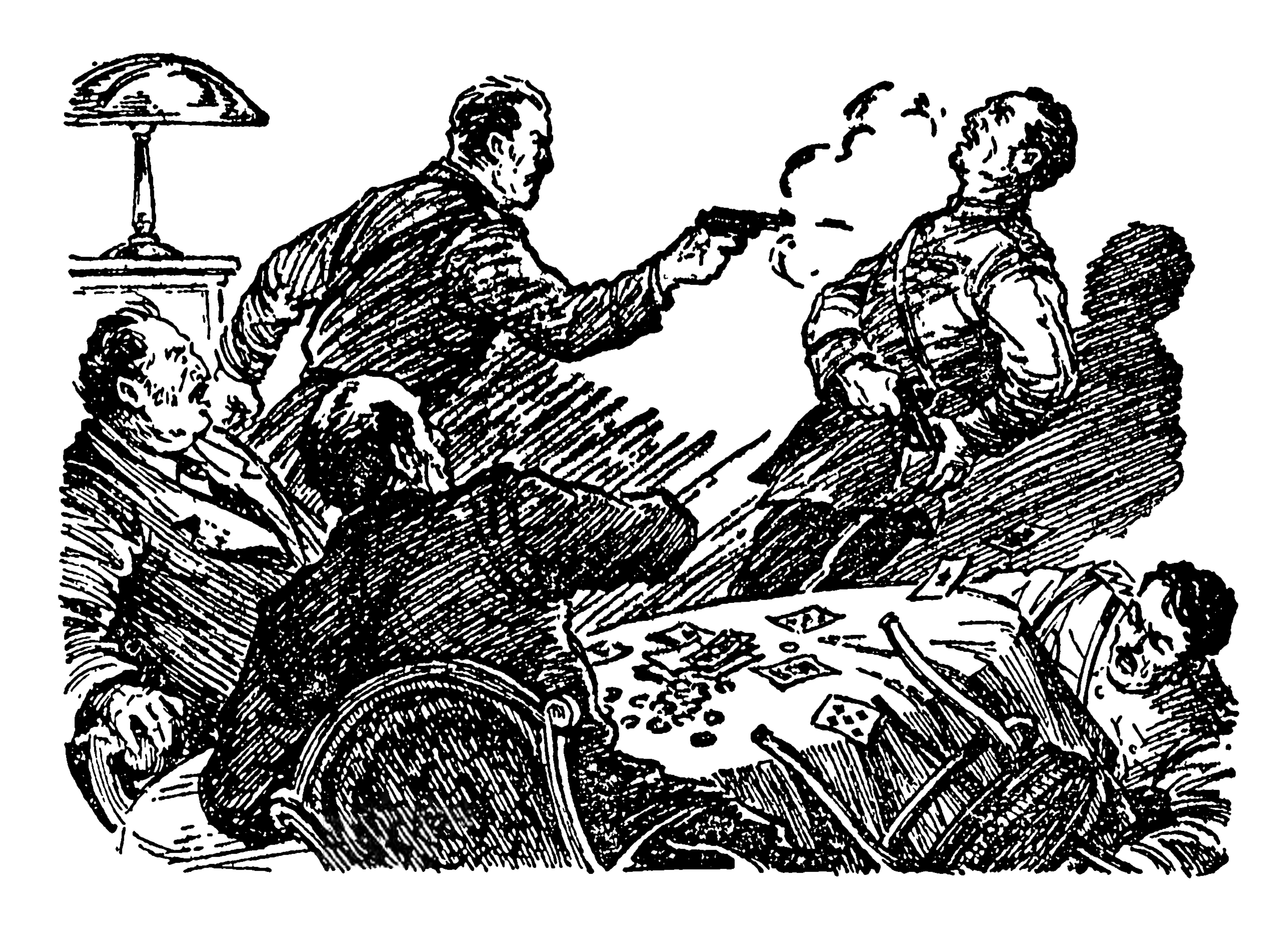
30

Вышитая занавеска отбрасывала пеструю тень на лицо Бориса Развигорова. Он открыл глаза, потянулся и медленно поднялся с кровати. Голова была тяжелой, не столько от выпитого, сколько от напряжения игры, бессонной ночи и табачного дыма. Играли допоздна. Сколько он проиграл? Этот вопрос молнией пронзил сознание. Подтянув одежду, начал шарить в карманах. Денег не было. От пачки осталось несколько мятых банкнот. Значит, бумажные деньги кончились, ему не везло. Лихорадочно оглядел комнату. Окна закрыты, двери тоже, но щеколда не спущена. Спал все равно что на улице. С тех пор, как Борис держал свое богатство при себе в маленьком чемоданчике, он не позволял себе подобной неосторожности... Развигоров был не из трусливых, но слиток золота заставлял все время оставаться начеку. Вот почему остановился не в гостинице и не у знакомых офицеров местного гарнизона, а нашел одного из старых компаньонов отца, торговца зерном Холилулчева. Правда, у него Борис практически лишь ночевал, все остальное время проводя за игрой — где придется.

Игра была в разгаре. Капитану Развигорову везло. Как всякий игрок, он был фаталистом и думал, что своей удачей обязан хорошему дню. Время шло быстро, но Борис не спешил уходить, желая вернуть все, проигранное накануне. Играл у незнакомого ему человека, служившего в полиции. Остальные были офицерами местного гарнизона, которых он знал. Начали после обеда, сейчас наступал вечер. Капитан отыграл вчерашнее и уже искал повод закончить игру, но мрачные физиономии партнеров пока что удерживали его. Занятый мыслями, как улизнуть, Борис играл рассеянно и, машинально поставив довольно крупную сумму, проиграл. Когда захотел подняться, две тяжелые руки опустились ему на плечи.

— У меня дела, — сказал он, сделав попытку освободиться, но руки крепко держали его.

Пришлось подчиниться. Борис продолжал играть, но теперь счастье покинуло его. Он проигрывал. Проигрывал отчаянно. К полуночи все выигранное было спущено. В запале Борис неосторожно открыл свой портфель, чтобы взять сверток. Золото сверкнуло на глазах у его партнеров... Когда сверток наполовину рас-



таял, Борис положил оставшиеся золотые в верхний карман кителя и посмотрел на часы. Шесть утра. Радио за спиной сообщало о каком-то новом правительстве Отечественного фронта. Кимон Георгиев, политический деятель, о котором ходили самые противоречивые слухи, возглавил кабинет. Борис Развигоров поднялся, но вдруг кто-то схватил его сзади за горло. Невероятным напряжением ему удалось вырваться. Ударив кого-то локтем в живот, ногой опрокинул стол. Борис уже вытаскивал из кобуры пистолет, когда один за другим прогремели два выстрела. Борис зашатался, попытался ухватиться за стол и, как подкошенный, свалился на пол. Все произошло так быстро, что новый министр-председатель не успел произнести и двух слов. Стрелявший сказал:

— Значит, так: человек застрелился... Слабые нервы... Услышал о новом правительстве — и...

— Да, но пули-то две...

— Бывает, человек не может убить себя сразу... А этот вон какой здоровый... Он мог и три пули в себя всадить... А теперь посмотрим, что в портфеле...

Золото заставило их забыть об убитом. Молча поделив содержимое портфеля, офицеры собрались уходить, но хозяин квартиры их остановил:

— Прежде чем разойдемся, надо составить протокол о случившемся. Знакомый врач у меня есть. Происшедшее подтвердим

своими подписями... Ясно?.. Если кто-нибудь из вас раскиснет, разделит участь этого... — Он указал на капитана.

Возле убитого каждый думал о своем. Офицерам не хотелось верить, что и они — участники этого преступления. Да и кто знал, что так получится. Сейчас надо подтвердить, что он застрелился, другого выхода нет. Вся надежда на людей, которых приведет с собой полицейский... Их шаги послышались на лестнице, и офицеры побелели от напряжения... Вошедший чиновник сдержанно поздоровался, бросил беглый взгляд на убитого и сказал:

— Сейчас я составлю протокол, и вы его подпишете... Вот как люди доставляют непредвиденные хлопоты...

Пока чиновник занимался своим делом, пришел и врач, сопровождаемый хозяином. Врач даже не подошел к убитому. Акт был составлен, подписан присутствующими... Теперь оставалось самое трудное — отвезти труп капитана его родным...

31

По мере развития событий Константин Развигоров испытывал все большее нетерпение. Политические сделки недальновидных, сменяющих друг друга государственных деятелей терпели крах. Эти торговцы политикой не видели перспективы, и вся их деятельность обречена на неудачу. Сейчас это стало совершенно очевидно. Хотя формально и существовало очередное правительство Муравиева, фактически его не было. Настало время митингов, массы пришли в движение. Народ вышел на улицы. Представители Отечественного фронта вступили в контакт с правительством. Константин Развигоров чувствовал, что назревают большие события, но не мог этому радоваться, ощущая только злость. Злость на тех, кто считал себя несменяемыми, кто в свое время позвал его, чтобы унизить, а теперь думал лишь о собственном спасении. Филов уже не был регентом, двое остальных прятались где-то в Царской Бистрице или Чамкории, а может, и на министерских дачах в Панчарове. Тут они оставили этого простофилю Муравиева, чтобы он вылакал до дна ту грязную воду, в которой они мыли ноги.

Константин Развигоров целыми днями сидел в кабинете, ожидая звонка. Несколько дней тому назад Гатю просил его не покидать дома, потому что он может им понадобиться. Создавалась группа из членов Отечественного фронта, которая должна посетить регентов. С восьмого на девятое сентября вместо ожидаемого вызова он услышал декларацию нового правительства. Выступил с ней Кимон Георгиев. Для Развигорова это явилось неожиданностью. Значит, обошлись без него...

Но ожидаемый звонок у парадной двери все-таки раздался. Какой-то молодой человек передал ему приказание явиться в судебную палату. Товарищи с красными лентами встретят его на лестнице. И пусть не забудет спросить у них документ о том, что он член Отечественного фронта. Ему поручено заняться политическими делами в архивном отделе. Это уже настоящая работа. И Развигоров почувствовал себя польщенным...

Вернулся он домой поздним вечером, испытывая удовлетворение и ощущение своей полезности новому правительству. Он попробовал связаться с Чамкорией, где оставались жена и дочь, но телефон не работал. Развигоров устроился в широком кресле и заснул.

Утром он вышел на террасу и поглядел вниз, на бульвар. Люди, вооруженные чем попало, заполнили улицы, площади и скверы. Час расплаты пришел. Константин Развигоров задумался. Жизнь состояла из приливов и отливов. Пришел девятый вал, пришел в девятый день девятого месяца. Подойдя к краю террасы, наклонился над перилами. То, что он увидел, было непонятным и тревожным. Перед домом остановился крытый грузовик. Из кабины вышел старик Холилулчев, из-под брезента вылезли двое военных, один из них направился к входной двери, и Развигоров пошел открывать. В доме он оставался один. Служащие его конторы бегали по митингам, а Павел отпросился на несколько дней в деревню и еще не вернулся. Холилулчев первым переступил порог. По его лицу и глазам Развигоров понял, что старик приехал с плохой вестью.

Прямо с этого Холилулчев и начал: «Плохи дела, господин Развигоров...» И махнул рукой в сторону грузовика, крытого брезентом. Двое военных с помощью шофера уже снимали темный гроб. Он был тяжелым, люди с трудом подтащили его к краю кузова, чтобы принять на руки.

— Борис, наш Борис! — дрожащим голосом сказал Холилулчев.

Гроб внесли в кабинет и опустили на пол. Холилулчев продолжал причитать. Пожав Развигорову руку, мужчины выразили соболезнование и остались в кабинете.

— Борис? Как же так? — Отец все еще не мог поверить случившемуся. Шофер грузовика протянул Развигорову сложенный вчетверо лист бумаги — свидетельство о смерти Бориса. Константин Развигоров машинально нащупал в кармане очки, надел их дрожащей рукой и стал читать. Слова прыгали у него перед глазами. В документе говорилось о самоубийстве сына. Развигоров нагнулся, попытался открыть заколоченный гроб, но шофер отодвинул только верхнюю доску. Да, это Борис.

— Это случилось при вас, господа?..

— Да, господин Развигоров...

— Значит, вы не смогли этому помешать?

— Все произошло слишком быстро и неожиданно, господин Развигоров.

Помолчали. Каждый погрузился в свои мысли. Отец долго смотрел на мертвого сына. Обманчивый мир, полный неизвестности! Зачем человек рождается, зачем живет на свете? Едва ли кто знает... Живешь как во мгле, и во мглу уходишь, а думаешь, что ты на земле самый нужный человек. Развигоров жестом попросил всех выйти и оставить его наедине с покойным. Провел рукой по лицу...

— Застрелился!.. — Он поднял голову и увидел, что шофер не вышел из комнаты, а стоял возле дверей, как бы на страже.

— А можно взглянуть на рану?..

— Не советую, господин Развигоров...

— Почему?

— Гроб крепко заколочен...

— Только по этой причине? — Развигоров посмотрел на шофера.

— Это создаст нам ненужные осложнения с новыми властями...

— А если я буду настаивать?..

— Это плохо для вас кончится.

— Так, значит... — Развигоров был в нерешительности. Мужчина молчал, опустив руки в карман куртки.

— Но, по крайней мере, истину я могу знать?

— Истина — в свидетельстве о смерти, господин Развигоров.

— Понятно, — вздохнул отец.

— Теперь, раз вам все ясно, нужно поторопиться...

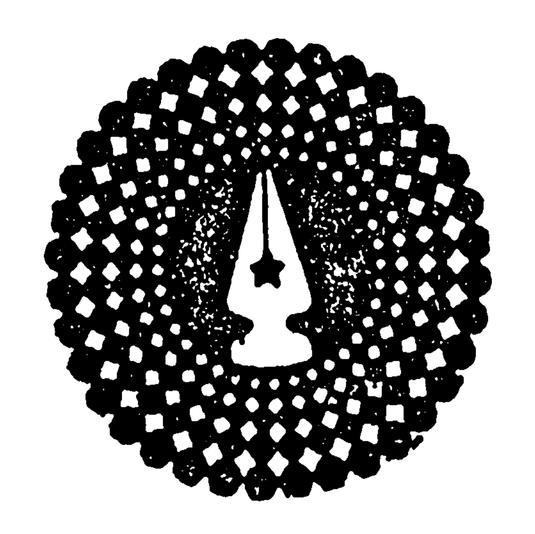
— С чем?

— С погребением. Мы уже все устроили...

— Уже? — как-то устало отозвался Константин Развигоров и больше ни о чем не спрашивал. Он не заметил даже, как доехали до военного кладбища. Что-то оборвалось в нем, заставило закрыть глаза на все происходящее вокруг, замкнуло все его мысли в темном клубке боли.

Грузовик скрылся из вида, а Развигоров долго стоял, глядя на свежезасыпанную могилу сына, вслушиваясь в жестокое неверие человеческой души, думая о лжи, которую нужно принять за истину, чтобы не оплатить эту истину собственной жизнью. Он предпочел жизнь, почувствовав к себе презрение.

Перевод с болгарского второй части романа В. ВИКТОРОВА



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав КРУГЛОВ,
кандидат военных наук

ЦЕНА БЕСЦЕННОЙ ПОБЕДЫ

В прошлом году, когда исполнилось 50 лет с начала второй мировой войны, особенно остро обсуждался вопрос об ответственности за ее развязывание. Подавляющее большинство не только советских и зарубежных историков, но и руководителей государств, в том числе ФРГ, еще раз подтвердили, что главным виновником развязывания войны была фашистская Германия во главе с Гитлером.

Но, как часто случается в переломные моменты, не обошлось и без «троянских коней». Вот, например, статья в «Московских новостях» (№ 34, 20.08.89) «За неделю до начала второй мировой войны», написанная, как с горделивым упоением сообщается, на основе материалов, составленных молодым исследователем Ю. Фельштинским, живущим и работающим в США. Читаем: «Договор (о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. — **В. К.**) подписан, через неделю началась вторая мировая война — трагедия для десятков народов и обществ. П о с л е д у ю щ и е с о б ы т и я т р у д н о о т д е л и т ь о т п р е д ы д у щ и х (разрядка моя. — **В. К.**)». Очарованные выводами заокеан-

ского исследователя, профессионально тонко и ненавязчиво «Московские новости» внушают это же читателю: война началась потому, что был этот Договор, следовательно, в развязывании войны виновны Германия и СССР (или — СССР и Германия).

Еще дальше пошел (точнее, «поскакал») профессор В. Дашичев. Он считает, что не СССР и Германия развязали войну, а только СССР. В этом он усердно убеждал историков мира в Западном Берлине на конференции, посвященной 50-й годовщине развязывания второй мировой войны *, а когда устно не удалось, принялся делать это «в письменном виде». Ну а «Московские новости», естественно, тут как тут **. Оказывается, учит непосвященного читателя уму-разуму профессор, именно Советский Союз был заинтересован в развязывании второй мировой войны, так как она нужна была Сталину для того, чтобы «раздуть мировой революционный пожар в Европе». Основанием для такого вывода профессор посчитал высказывание Л. З. Мехлиса на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года: «Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то придется перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик». Вы, читатель, увидели здесь желание СССР начать войну? Увидеть это может только незрячий, как, впрочем, и пропустить главную цель внешней политики, выраженную на съезде: «не давать провокаторам войны втянуть СССР в конфликт» ***.

Агентство печати «Новости», как издатель «Московских новостей», в своем Заявлении **** отмежевалось от этой публикации и отметило, что «подобные домыслы не позволяют даже недоброжелатели Советского Союза». Но для профессора это не «домыслы», это — плюрализм, а чего — взглядов или совести — дело десятое.

Выступая еще раньше за одним из «круглых столов», он лихо объявил неверными тезисы, которые «господствовали в нашей историографии все эти годы».

«Во-первых, — утверждает В. Дашичев, — Мюнхен якобы был чисто антисоветской акцией, предназначенной направить гитлеровскую агрессию на Восток. Второй тезис: «После разгрома Польши фашистская Германия могла напасть на Советский Союз, а пакт (от 23 августа 1939 г. — **В. К.**) предотвратил такое развитие событий. К этому тезису примыкает третий. Суть его в том, что одновременно на Дальнем Востоке мог образоваться второй фронт против СССР в лице Японии. Четвертый тезис: Англия и Франция не хотели заключать союз с СССР в августе 1939 г. ...Пятый тезис: этот пакт дал нам передышку и позволил укрепить обороноспособность нашей страны...» *****

И хотя все эти факторы были реальностью, В. Дашичев объявляет их неверными, потому что... «Сталин изобрел эту теорию». Налицо прямо-таки фанатичное стремление к показной конъюнктурной «перестройке» взглядов, и неважно, что ложь выдается за правду,

* См.: Кто развязал войну. — «Советская Россия»,1989, 30 августа.

** См.: Сталин в начале 39-го. — «Московские новости», № 35, 1989, 27 августа.

*** КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). — Т. 7. 1938—1945. — 9-е изд., доп. и испр. М., Политиздат, 1985, с. 49.

**** «Правда», 1989, 28 августа.

***** «Комсомольская правда», 1989, 8 августа.

а белое названо черным. Если же изъясняться более точно, это не что иное, как прямая дискредитация нашей великой Победы и предательство всех тех, кто за нее боролся на фронте и в тылу, кто отдал за Победу свои жизни.

Стремление разного рода политологов, идеологов и политиков приуменьшить наши заслуги в войне известны с того момента, когда наша Победа только стала обозначаться. А когда она свершилась и стала по своей значимости одним из самых великих событий XX века, то идеологическое наступление вылилось в «холодную войну». Цель этого наступления заключалась в том, чтобы «доказать» народам Советского Союза, объединившимся вокруг русского народа, их «неспособность» творить великие дела, сделать правильный выбор в истории, идти по своему, тем более социалистическому (!) пути.

Одним из главных аргументов «ненужности», «нецелесообразности» нашей Победы являются, по мнению специалистов этого идеологического шабаша, чрезмерно большие потери Советского Союза в войне: дескать, Победа не стоила той цены, которая была за нее заплачена.

Вопрос потерь действительно «больной», сложный, который к тому же в силу известной щекотливости нашей историографией замалчивается. Теперь этот вопрос стал предметом исследований и обсуждений. Так, Б. В. Соколов на основе известных советских и германских источников получил следующие данные*: потери СССР в Великой Отечественной войне — 21,3 миллиона человек, из них на поле боя погибли 8,5 миллиона человек, 2,5 миллиона человек скончалось от ран, 3,3 миллиона военнопленных умерло от голода или было истреблено в лагерях, 7 миллионов мирных советских граждан погибли во время оккупации и в ходе обстрелов и бомбардировок городов и деревень. Потери Германии и ее союзников: на Восточном фронте — 3 миллиона убитых на поле боя и умерших от ран, на Западном фронте (за всю мировую войну) — около 1 миллиона человек, потери мирного населения в ходе второй мировой войны — 2 миллиона человек (из них свыше 1,1 миллиона — от англо-американских бомбардировок. — **В. К.**), всего — 6 миллионов человек. Таким образом, общие германские потери примерно в 3,5 раза меньше советских, военные — в 3,7 раза (с учетом погибших в лагерях — 4,4 раза). Профессор Е. И. Рыбкин показывает**, что потери Красной Армии — около 10 миллионов человек, из них 4,5 миллиона попавших в плен, потери Германии на Восточном фронте — около 3 миллионов человек, пленных (вместе с ее союзниками) примерно 7 миллионов человек; соотношение безвозвратных военных потерь Германии и СССР — 1 : 3. Если считать верными данные, полученные Б. В. Соколовым и Е. И. Рыбкиным, соотношение потерь Германии и СССР 1 : 2.

В интервью корреспонденту ТАСС член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе назвал цифру наших общих потерь в войне — 26 миллионов человек («Правда», 3 февраля 1990 г.).

---

* Соколов Б. В. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории», 1988, № 9, с. 116—126.

** Рыбкин Е. И. Мировоззрение и военная история. — «Военно-исторический журнал», 1988, № 3, с. 44—56.

Подсчет советских военных потерь продолжается, и надо полагать, что в скором времени мы будем (и должны!) знать их точно. Однако новые данные, вне сомнения, еще раз подтвердят, что потери СССР в войне превысили потери Германии.

Почему так произошло, в чем причина? Отвечая на этот вопрос, задумаемся над тем, что революция 1917 года, с которой начался переход к новой исторической эпохе, так сильно вывела из равновесия гигантский маятник хода истории, что логично предположить через определенное время его возвратное поступление, которое, по сути, явилось ответной реакцией с целью восстановления нарушенного состояния. Именно такой реакцией, усиленной действиями наиболее агрессивных кругов империалистической буржуазии, стала война фашистской Германии против Советского Союза. Накопленная более чем за два десятилетия существования СССР инерционная сила воображаемого исторического маятника была огромна и беспощадна. Она определила истребительный характер войны, борьбы не на жизнь, а на смерть. Гитлеровские планы «Ост» и «Барбаросса», весь ход Великой Отечественной войны убедительно свидетельствуют об этом. Это подтверждается также радикальным отличием ведения Германией войны на Западе и на Востоке. Накануне нападения Германии на СССР Гитлер заявил: «Речь идет о войне на уничтожение... Война будет резко отличаться от войны на Западе... Мы обязаны истреблять население...» *

В соответствии с генеральным планом «Ост» предполагалось уничтожение в Польше и Советском Союзе около 140 миллионов человек. В Прибалтике оккупанты намеревались полностью ликвидировать все, что напоминало бы о существовании латышей, литовцев, эстонцев как народов, их культуре. Все это было изложено в специальном меморандуме, в котором был особый раздел «Эстония, Латвия, Литва». Вот что в нем говорилось: «В отношении данных областей возникает вопрос, не должна ли перед ними быть поставлена задача превратиться в будущем в территорию немецкого поселения с онемечиванием всех, кто в расовом отношении является наиболее пригодным. Следует позаботиться о том, чтобы обеспечить необходимое переселение (что по фашистской терминологии означало фактически уничтожение. — **В. К.**) значительных слоев интеллигенции, в особенности латвийской... Следует подумать, кроме того, о переселении на эти территории датчан, норвежцев, голландцев... чтобы можно было присоединить Эстонию, Латвию и Литву в качестве новой онемеченной страны к коренной немецкой территории. В таких случаях нельзя было бы обойтись без выселения из Литвы больших групп населения...» **

Такая человеконенавистническая политика была реальностью. Немецким солдатам были выданы соответствующие «памятки», в одной из которых говорилось: «Помни и выполняй... У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожай в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семье и прославишься навеки...» И они убивали: разве забудутся «форт смерти № 9» под Каунасом, Бабий Яр,

* Цит. по: Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. — 3-е изд., испр. и доп. — М., Воениздат, 1984, с. 30.

** «Красная звезда», 1988, 26 августа.

Хатынь, десятки тысяч сожженных деревень и сел России, Белоруссии и Украины, массовые расстрелы в Саласпилсском и Бикерниекском лесу под Ригой...

Так что большая разница в потерях — это и результат противоположного социально-политического характера войны. Со стороны СССР — справедливая, оборонительная и освободительная война, со стороны Германии — истребительная, захватническая. Это особенно проявилось в отношении мирных граждан и советских военнопленных, большинство которых было в конце концов уничтожено.

И все же возникает вопрос, оставляющий довольно горький осадок, особенно в душе и на сердце военного человека: почему все-таки так велики были потери нашей армии. Нельзя сбрасывать со счетов то, что в предвоенные годы была «вычищена» значительная часть командно-политического состава. Армия и флот потеряли примерно 40 тысяч командиров и политработников. Особо существенные потери понес высший офицерский состав: командиры полков, дивизий, корпусов, командующие армиями и военными округами, высшее военное руководство. Занявшим их место не хватало опыта и умения руководить войсками, они учились на войне. Такая «учеба» на собственных ошибках дорого обошлась нашей армии: она была оплачена многими тысячами жизней. Германская же армия, пройдя практику на Западе и в Польше, была подготовлена лучше любой армии мира. Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал о начальном периоде войны: «Лето и осень 1941 г. были самым трудным периодом нашей борьбы с фашизмом. В свое наступление на огромном фронте от Балтийского до Черного моря враг вложил не только всю военную и экономическую мощь фашистского государства и его союзников, но и опыт нескольких лет войны в Европе. Нам же недоставало в то время не только сил и средств, но и умения вести современные боевые действия против оснащенной до зубов самой сильной армии капиталистического мира. Красная Армия отступала, ведя тяжелые оборонительные бои. Ни одна пядь земли не отдавалась врагу без боя» *. И то, что мы в конце победили эту армию, делает нашу Победу еще более значимой.

Другая, более широкого плана причина заключалась в том, что наша армия уступала немецкой в военно-технической выучке, образованности, культуре. В то время мы отставали от Запада в уровне культуры производства, технологии и потому военного дела. Современной военной техники не хватало, специалистов, овладевших ею, было недостаточно. Влияние этих обстоятельств еще более усиливалось репрессиями против тех, кто отстаивал необходимость механизации и моторизации войск.

Переход от территориально-милиционной системы комплектования армии к кадровой наша страна завершила только к 1940 году, а Германия — уже в 1938 году. Поэтому настоящую военную подготовку прошло очень мало наших призывников. И когда нас толкают сейчас к возврату территориальной системы комплектования Вооруженных Сил, причем делают это люди — не специалисты военного дела и не несущие никакой ответственности за оборону страны, опыт прошедшей войны дает хороший ответ на вопрос: что с нами может быть, если мы последуем совету дилетантов.

---

* «Новая и новейшая история», 1982, № 2, с. 77.

Нельзя сбрасывать со счетов внезапность нападения Германии на СССР. Строго говоря, эта внезапность условная, относительная. Летом 1941 года было ясно, что Германия в любой момент может напасть на СССР, однако необходимых мер в полном объеме советской стороной предпринято не было. Стремление И. В. Сталина не дать Германии ни малейшего повода к развязыванию войны против СССР вполне понятно, но оно, к сожалению, сыграло роковую роль. Здесь Сталин как политик «перевесил» в себе стратега. Но даже Г. К. Жуков, человек до мозга костей военный, будучи начальником Генерального штаба, тоже поддался общей атмосфере, видимо, больше думал о предотвращении войны и, естественно, не мог повлиять на Сталина. Цель — любой ценой не допустить войны — парализовала проведение советским руководством своевременных и очевидных необходимых военных мероприятий.

Удавшаяся немецкой армии внезапность нападения привела к поспешному отступлению частей Красной Армии, панике, боям в окружении, многим жертвам и пленению. Большая часть военнопленных попала в плен в начале войны. При этом многие из них были только что призваны в армию, не успели как следует овладеть военным делом, поэтому точнее было бы их назвать гражданами в военной форме.

Обстановка осложнялась тем, что советские войска до начала войны не успели оборудовать укрепленные районы по новой границе, слабо освоили театр военных действий.

И еще. Советский Союз долгое время вел борьбу с фашизмом в одиночку. Англия и США вступать в войну не спешили, решая по обстановке, за кого и когда будет выгоднее начать воевать. Всем известны сказанные тогда будущим президентом США Г. Трумэном слова: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше...» *. Вот почему «второй фронт» не открывался до июня 1944 года! Следует сказать, что постановка вопроса, заключенная в словах Г. Трумэна, не такая уж узкопрагматичная. Это не только самодовольный цинизм дельца, наживающегося на войне: за этими словами кроется большая политика. Правомерным будет такой вопрос: как повели бы себя Англия и США, если бы Советский Союз успешно отразил нападение и, допустим, в 1942 или 1943 году его армия оказалась на территории Германии? Когда и против кого был тогда открыт «второй фронт»? Ответ ясен.

С другой стороны, Англия и США, испугавшись Гитлера и возможного близкого поражения СССР, могли в любой момент заключить с Германией мир и осуществить новый передел мира. Делить было что: Советский Союз большой. Чтобы не допустить образования единого империалистического блока, мы вынуждены были в 1941 и 1942 годах делать все, чтобы затруднить военные успехи Германии, удержать территорию. Известный приказ от 28 июля 1942 года № 227, известный под названием «Ни шагу назад!», преследовал именно эту цель. В связи с окружением и пленением многих частей, нехваткой техники и вооружения основная тяжесть решения этой задачи часто падала на только что призванных и потому слабо обученных людей. Все это не могло не привести к достаточно большим жертвам.

* Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 34.

Но эти жертвы не были напрасны. Именно героическое сопротивление Красной Армии удерживало Англию и США от возможности, поставив крест на СССР, пойти на союз с Гитлером. Тем более что Гитлер ранее фактически предложил такой союз, когда позволил Англии эвакуировать армию из-под Дюнкерка, хотя были все условия для ее разгрома. В этом проявилось продолжение Гитлером своего предвоенного плана объединения главных империалистических государств против Советского Союза при посредничестве улетевшего в Англию Р. Гесса. Сущность этого плана: «С Англией должен быть заключен мир, чтобы обе нации могли повернуться против России», которую Гесс называл «врагом Европы». Пространства Советского Союза «должны быть расчленены и поставлены под руководство Германии, а также Великобритании и США после того, как эти нации объединятся с Гитлером. Германия тогда будет контролировать районы до Оби. Англия должна получить район между Обью и Леной. Американцы — области восточнее Лены, включая Камчатку и Охотское море» *.

Своими жизнями советские солдаты не позволили Гитлеру достичь скорой победы, объединения империалистических держав. План раздела Советского Союза, уничтожения его как государства был сорван! Вот какова роль приказа «Ни шагу назад!». Отход за Волгу, оставление Сталинграда могли быть той последней каплей, которая могла вызвать именно такой ход событий. До земли надо поклониться погибшим и живым советским солдатам, которых теперь оскорбительно называют «сталинистами» морально разложившиеся деятели из «пятой колонны» и морально не окрепшие, одурманенные наркотиками юнцы!

Нужно особо отметить, что такие акции, как приказ «Ни шагу назад!», не только имеют право на жизнь в чрезвычайных условиях, но часто оказываются единственным средством, позволяющим выйти из создавшегося положения. Пока наша армия, весь народ не ощутили, что дошли до предела, за которым уже ничего не будет — ни жизни, ни страны, что дальнейшее отступление — это смерть, это конец, пока не сказали друг другу правды о том тяжелейшем положении, мы отступали. Сказали правду — выстояли у Волги, окружили и разгромили армию Паулюса и добились коренного перелома в войне.

Во многом по тем же идеологическим причинам Советский Союз был вынужден спешить с наступлением, чтобы быстрее освободить свою территорию. А поспешность в наступлении — это, к сожалению, излишние жертвы. Как только после Сталинградской и Курской битв стало ясно, что СССР должен победить, так вновь стали проявляться классовые империалистические интересы. Гитлер, стараясь как можно дольше затянуть войну, в надежде расколоть политическую антигитлеровскую коалицию, стал вновь эксплуатировать тезис «гибели Европы от коммунизма». Классовая солидарность империалистов сработала, и в США и Англии эти попытки Гитлера нашли поддержку у определенной части агрессивных кругов, что проявилось в затягивании открытия «второго фронта».

Личный врач У. Черчилля лорд Моран 1 августа 1944 года записал в своем дневнике: «Уинстон не говорит о Гитлере в эти дни, он постоянно брюзжит об опасности коммунизма». К концу войны

* Замойский Л. Динамит прошлого. — «Литературная газета», № 43, 1989, 25 октября, с. 14.

У. Черчилль окончательно настроился на борьбу с нами, с откровенной циничностью сформулировав стратегию такой борьбы:

1. Советская Россия стала смертельной опасностью для свободного мира.

2. Надо без промедления создать новый фронт против ее стремительного продвижения.

3. Этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток...

Другим свидетельством может служить неопубликованный протокол заседания Объединенного англо-американского штаба от 20 августа 1943 года, на котором обсуждался вопрос об отношении к СССР. В этом документе указывается, что военные руководители США и Великобритании обсуждали вопрос о том, не помогут ли немцы вступлению англо-американских войск на территорию Германии, чтобы «дать отпор русским» *.

Известны факты, что через дипломатические и разведывательные каналы ненавидящие социализм и Советский Союз империалистические круги пытались сколотить «гитлеровскую коалицию» еще тогда, когда линия фронта проходила по территории СССР. Но так как Гитлер был слишком одиозной фигурой, была предпринята попытка устранить его от власти, чтобы продолжить эту линию. По стечению обстоятельств оставшись в живых, Гитлер расстроил эти планы, хотя в конце войны такие попытки за его спиной предпринимались не раз. Все это широко известно.

Чтобы избежать какой-либо закулисной сделки западных государств с Германией, мы, повторим, очень спешили (несмотря на большие потери!) освободить свою землю и выйти к границе СССР. Война есть прежде всего политика, и именно она в то время, как, впрочем, и всегда, определяла стратегию.

При этом необходимо учитывать одно очень серьезное обстоятельство, которое объективно заранее предопределяло большие советские потери по сравнению с германскими. Территория СССР от западной границы до Волги в операционном отношении более благоприятна для наступающей стороны, чем для обороняющейся: большие равнинные пространства, во-первых, затруднили нашим войскам создание устойчивой обороны, тем более в условиях переноса границы СССР и внезапности нападения Германии, во-вторых, они позволили наступающей стороне осуществлять, особенно на колесах и гусеницах, маневр, обход, охват, окружение обороняющихся войск, избежать соприкосновения с ними и потерь, достигая при этом цели захвата территории. Когда же наступала Красная Армия, германские войска успели к тому времени подготовить оборону, при этом чем далее на запад, к Германии, продвигались наши войска, тем у́же становилась «горловина» наступления, тем более плотной, благоприятной для обороны была территория и более подготовленным оказывалось сопротивление противника.

Нельзя в этом контексте не упомянуть и о честном выполнении Советским Союзом своих союзнических обязательств. Например, начало Висло-Одерской операции было запланировано на 20 января 1945 года. Однако в это время гитлеровская армия нанесла внезапный удар по войскам союзников в районе бельгийских Арденн,

---

* Подробнее обо всем этом см.: Правда и ложь о второй мировой войне / Е Н Кульков, О. А Ржешевский, И. А. Челышев; Под ред О. А. Ржешевского. — 2-е изд., доп. М. Воениздат, 1988, с. 296.

в результате чего они оказались в исключительно трудном положении. У. Черчилль был вынужден обратиться к И. В. Сталину с просьбой ускорить начало наступления советских войск. Советское руководство, несмотря на имевшиеся трудности, на эту просьбу ответило положительно и начало операцию на восемь суток раньше. А ведь эта операция была одной из самых тяжелых, фронт переходил на германскую территорию, которая была отлично оборудована для ведения обороны. Недостаток времени на ее подготовку и обеспечение наши потери мог только увеличить.

Надо также отметить, что бытовавший тогда взгляд на человека как на винтик не мог не наложить своего отпечатка на ведение боевых действий и их подготовку. Вместе с тем, рассматривая этот вопрос в принципе, Г. К. Жуков писал: «Ныне, конечно, очень легко и просто заниматься бумажной калькуляцией соотношения сил, глубокомысленно поучать, каким числом дивизий следовало бы выигрывать четверть века назад то или иное сражение, рассуждать, где вводилось войск больше, а где меньше того числа, которое кажется сегодня целесообразным тому или иному историку. Все это было неизмеримо сложнее на полях битв». Поэтому, продолжал он, советское командование «вводило в сражения столько войск, сколько нужно по складывавшимся обстоятельствам...» *.

И еще об одном не надо забывать — о потерях, которые понесла Красная Армия при освобождении Румынии, Венгрии, Югославии, Польши, Чехословакии, Австрии и северной Норвегии. Одни из этих стран были в начале войны союзниками Германии, другие были захвачены ею с малыми потерями или бескровно. Освобождала же эти страны наша армия в кровопролитных боях и сражениях с гитлеровской армией. Свыше одного миллиона советских воинов отдали свои жизни за освобождение порабощенных народов от фашистского ига, в том числе в боях за освобождение Польши — 600 тысяч человек, Чехословакии — 140 тысяч, Венгрии — свыше 140 тысяч, Румынии — 69 тысяч, восточных районов Германии — 102 тысячи, Австрии — 26 тысяч человек **. «Кто пережил вторую мировую войну и принимал участие в антифашистской борьбе, — отмечалось на международном форуме коммунистов в 1969 году, — тот никогда не забудет об исключительной роли Советского Союза в битве за свободу народов, о его жертвах, о героизме его народа и армии. Тот не забудет, что эта борьба и жертвы Советского Союза дали возможность многим народам вновь обрести свою национальную свободу и государственную независимость, а также начать борьбу за победу рабочего класса, за путь к социализму» ***.

Так какова же цена нашей Победы? — Свыше 20 миллионов жизней... Страшная цена... Вместе с тем наша Победа бесценна, как не имеют цены Человек, Жизнь, Родина, Вселенная... Вот только бы не забывать об этом живым, чтобы не платить больше таких цен и не потерять бесценное...

---

* «Коммунист», 1970, № 1, с. 93.

** См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне; Якушевский А. С. Правде вопреки: Против фальсификации истории Великой Отечественной войны. — Киев, 1981, с. 63—77.

*** Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы, Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, с. 180—181.

Станислав КОРОЛЕВ,
доктор исторических наук

ПРАВОСЛАВИЕ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 ГОДОВ

Мало кто знает, что в воскресенье, 22 июня 1941 года, у верующих был большой праздник: «Всех святых, в земле Российской просиявших». Именно в этот день митрополит Сергий, местоблюститель патриаршего престола, сначала в проповеди, а затем в письме-обращении, заявил, что «Церковь всегда была с народом». Не называя имен, он, между прочим, писал: «...мы, жители России, лелеяли надежду, что пламя войны, которая объяла почти весь мир, нас не коснется...» «Наша Православная Церковь всегда делила с народом и успехи и испытания. Не оставит она его и сегодня. Церковь даст свое святое благословение предстоящей борьбе».

Далее Сергий призвал священнослужителей не оставаться молчаливыми наблюдателями, не говоря уже о тех, кто занялся подсчетом выгод от сотрудничества с одной из воюющих сторон, «это было бы прямым предательством по отношению к Отечеству и к долгу священнослужителя».

26 июня 1941 года патриарший место-

блюститель заявил в проповеди в Благовещенском Соборе: «Пусть идет буря. Мы знаем, что она принесет не только страдания, но и очищение; она очистит воздух и развеет ночные испарения... Мы уже сейчас замечаем некоторые признаки этой дезинфекции».

Эти и другие сведения можно почерпнуть из роскошного московского издания книги «Правда о религии в России»; по иронии судьбы книга была издана в 1942 году редакцией «Лиги Воинствующих Безбожников». Книга была рассчитана на экспорт и поэтому имела очень узкое хождение в СССР. Не было в ней многого из того, что означала патриотическая позиция Церкви, — тогда, в конце 1930-х годов, после 24 лет непрерывных гонений против всего думающего, всего патриотического, русского, славянского, традиционного.

Внешние способы выражения приверженности судьбам Отечества, готовности разделить судьбу с российским народом со стороны иерархов Церкви мало что скажут современному читателю, даже если он ветеран войны или войн. В деятельности Церкви было и иное, более незаметное, более традиционное и глубинное содержание. Это содержание коротко не выразишь.

Россия, измученная войнами, революцией, голодом и произволом, — вот тот противник, которого видела перед собой Германия. На первом этапе войны, в первые ее месяцы, казалось бы, подтверждались такие стратегические расчеты. Но вот война подошла к Москве. Здесь, в оборонительном сопротивлении, а затем в битве за Москву, внутренние распри, обиды, безысходность и идейные выверты уступили место подлинному чувству Родины, боли за ее судьбу.

Достаточно вспомнить, что и в 1812 году растерянность перед успехами Наполеона в верхних эшелонах власти, боявшихся собственного народа, да и своих же боевых генералов, была сломлена, побеждена, когда крепостные, посадские и монастырские люди взялись за топоры, хотя они и без обожания относились к своим повелителям.

Такого рода сопоставления делал еще Бисмарк. Он активно возражал тем, кто хотел бы попытать счастья в борьбе с Россией. Сейчас уже мало кто помнит, что писал Бисмарк в прошлом столетии по этому поводу, поэтому имеет смысл уступить место в этом тексте его словам: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, чтобы Россия была разгромлена. Но подобный результат даже при самых блестящих победах лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских — эти последние, даже если их расчленить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного куска ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими просторами и ограниченными потребностями». «Примеры Карла XII и Наполеона доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиций в Россию».

С началом войны в тех немногих храмах, которые сохранились у Православной Церкви, зазвучали молебны в память великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Дмитрия Пожар-

ского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Стали звучать эти имена и в речах Сталина.

Любопытно, что на Пасху, 9 апреля 1942 года, в Москве впервые за многие годы был разрешен Крестный ход со свечами, несмотря на опасность налета. Было приостановлено действие чрезвычайного положения. В блокадном Ленинграде митрополит Алексий в тот же день провел службу и особо отметил, что дата Пасхи совпадает с датой Ледового побоища, что ровно семьсот лет отделяют эту битву под водительством Александра Невского против тевтонов от дня сегодняшнего.

Церковь не имела права юридического лица, а потому не было у нее собственного счета в банках, однако верующие несли и несли свои сбережения в приходы, в фонд Обороны. Так, в кафедральном соборе Ленинграда кто-то положил под икону Николы-чудотворца сто пятьдесят золотых монет десятирублевого достоинства. В январе 1943 года митрополит Сергий (Страгородский) обменялся письмами со Сталиным и получил разрешение на открытие счета в банке, что стало признанием заслуг верующих де-факто. На октябрь 1944 года на счет поступило свыше 150 миллионов рублей. Только ленинградцы-верующие передали к 15 января 1943 года 3 182 143 рубля и еще полмиллиона специально для строительства танковой колонны «Дмитрий Донской».

Признание партией заслуг верующих выразилось в ряде частных проявлений. Так, в Красноярске главный хирург военного госпиталя, доктор медицины Воино-Ясенецкий, который был сослан сюда за религиозные убеждения, в самом начале марта 1943 года получил личное уведомление от первого секретаря обкома о том, что ему вновь будет разрешено выступать в другой своей роли — роли епископа Луки. Шестнадцать лет тюрем и ссылки... и признание. Вынужденное, конечно.

Не вдаваясь в частные эпизоды, в факты широкого участия православных священников в партизанской борьбе, непосредственно в войсках, в том числе на командных должностях, отмечу лишь, как эти факты отразились на взаимоотношениях Церкви и Государства, партийной и религиозной идеологии. Главное положение марксистского учения о государстве в том, что в идеале государство должно обслуживать общество. Искажение учения в том, что наше государство объявило себя самоцелью и в этом качестве занялось целенаправленным уничтожением всего, что могло быть отнесено к понятию общества. Вдруг война выявляет в растерзанном обществе остатки общественных структур, и государство вынуждено идти с ними на союзнические отношения.

Самое неудобное в отношениях власти и церкви было то, что Церковь опиралась на славянское единство и традиции, которые тот же Бисмарк считал главным гарантом силы России и ее нерушимости, а власть — на интернационализм, некое всеобщее межнациональное единство и братство.

Партийное и религиозное мировоззрения, по Ленину, не должны бы разделять общество, если цель развития общества едина. Правда, у одних проявлялась осторожность перед будущим, а для других это было лишь частным случаем, обобщенным в канцелярии с деловым безразличием. До поры разрешалось цитировать слова Герцена, который считал, что верить пророкам прошлого ничуть не более глупое занятие, чем доверять современным утопистам. Тем не менее: утверждалась вера в разумность и линей-

ность истории, в то, что партия и есть выразитель такой разумности, все остальное от лукавого.

В битву за Родину включилось общество и создало разумное единство многонационального государства. Поэтому в том числе 3 сентября 1943 года митрополита Сергия прямо с вокзала, куда он прибыл из Ульяновска, привезли не в патриаршие покои, а в роскошное здание, бывшую резиденцию германского посла, которая затем и стала новым домом русских патриархов.

В 9.00 следующего дня Сергий вместе с митрополитами Николаем и Алексием были приглашены в автомобили и через некоторое время вошли в кабинет Сталина.

Приветствия. Молотов вежливо спрашивает о здоровье иерархов и... о текущих нуждах Церкви.

Говорил Сергий. Другие молчали. «Нужно открыть приходы, нужны церковные старосты и общины, необходимо избрание патриарха, нужны учебные заведения — священников-то почти не осталось...»

Сергий стал патриархом, правда, всего на год (1943—1944), церковные школы открыты, открыты некоторые храмы и издательство Патриархии. За крестики на груди солдат уже не наказывали. Даже генерал Чуйков не стеснялся иной раз поставить свечу к иконе св. Николая в разрушенной церкви Сталинграда.

Не был забыт «религиозный фактор» и в рейхе. Здесь он решался двояко. В оккупированных районах открывались ранее бездействующие церкви. Крещения и другие требы, скажем, на Украине возросли на 600 процентов. Были и отцы Церкви, которые перешли на службу к гитлеровцам: митрополит Сергий-младший (Воскресенский), который возглавлял православную общину в Прибалтике, и архиепископ Поликарп-украинский. Предательство этих иерархов было осуждено даже далекими от большевизма епископами-славянами в США, которые выступили в поддержку борьбы СССР против нацизма.

С ростом партизанского движения гитлеровцы сначала стремились вербовать приходских священников, но затем факты сожжения церквей, расстрелы священнослужителей вместе с паствой говорили о том, что приходы остались в основном с народом и участвовали в борьбе с оккупантами.

Христианские догматы оказались очень неудобными немецкому командованию для пропаганды целей войны в собственной армии. Если Православная Церковь, призывая народ к сопротивлению, все же осуждала войну в принципе, то цели оккупантов и их пропаганды были иными.

Так, фельдмаршал Людендорф заявлял, что христианство со своим догматом любви к ближнему «неизбежно ослабляет животную, биологическую жестокость». Поэтому в обращении к солдатам он призвал забыть о Христе и вспомнить «древних тевтонских богов».

Церковь в войне, религия и общество, закон и произвол — все это часть более глубоких вопросов, которые можно было бы поставить иначе. Смысл жизни, соотношение бытия с его частными проявлениями. Сказанное может (иным читателям) показаться апологетикой, но это будет всего лишь полуправдой, если не совсем неправдой.

Воспоминания о религии в обществе в период больших бед — это не только использование юбилея для какого-то чествования,

это не только повод поговорить на тему о... Давайте посмотрим на то, что происходит сейчас. Материализм утверждает, что бытие определяет сознание. Возможно, это не так.

Тогда возникает непонятное противоречие. Например, для чего планируется экономическое бытие на пятилетку? Для того ли, чтобы запланировать и сознание на конец этой пятилетки? Для чего нам сейчас предлагают американские, японские, европейские образцы развития, схемы нашего будущего благоденствия? При этом все такие вещи делаются не в стихах, а в программах, в постановлениях и инструкциях, в схемах, в конце концов, в новых утопиях. Но намного ли новые утопии содействуют сохранению общества, насколько они долговечны... Но главное несколько в другом.

Неуверенность в завтрашнем дне, общая неопределенность жизни военного времени не может оставаться неопределенностью в мирной жизни. Перестройка создала массу «мирных» неопределенностей, среди которых человек существовать не может — он ищет определенности и не всегда ее находит. Тогда он берется за наркотики... или вновь возвращается к тому определенному, малопротиворечивому миру, который включен в религию. Общество и сейчас подвластно государству, а не наоборот, как того требовал классический марксизм.

Если мы верим в разумность истории, то почему бы не взглянуть на ее проявления и с предложенной точки зрения. Собственно, в этом и смысл всего написанного выше.

●

Автор перечисляет гонорар в Фонд помощи беженцам при Ассоциации «Объединенный Совет России» (Московское управление ЖСБ СССР, р/с № 609421 МФО—Н—7).

ЧИТАТЕЛЬ СТАВИТ ПРОБЛЕМУ

У РОССИИ ДОСТАТОЧНО СИЛ...

Когда после «знаменитого» инцидента, происшедшего 18 января 1990 года в ЦДЛ, представители «Апреля» явились к работникам правоохранительных органов Краснопресненского района Москвы, чтоб выразить свои претензии, в ответ услышали совершенно справедливые слова: «В Азербайджане проливается кровь, а вы чем занимаетесь?»

Когда мир начал дробиться фронтами, политизированными группировками, движениями, время продиктовало появление и Русского центра. У многих это вызвало кривую ухмылку: в Москве — столице России и...? Но Россия — это сто с лишним национальностей, а в Москве их и того больше, ибо она является олицетворением всего Советского Союза...

В стольном городе появляются один за другим объединения по национальному признаку, именуемые «культурными», — украинские, еврейские, татарские, армянские, белорусские и т. д. В целом уже — четырнадцать, вместе с нашим — русским.

Именно в Москве, основанной русскими людьми, русским не находилось места: беженцам отводили солдатские казармы, некоторые ночевали на вокзалах с

детьми — полураздетые, перепуганные, растерянные перед свалившейся на них неожиданной и непомерной бедой.

Сердца прошила острая боль: пришел и наш час.

Несчастные люди прибывали и прибывали в Москву: в ночных сорочках, домашних тапочках, в том, что успели накинуть на себя, когда в спешном порядке их доставляли на бронетранспортерах на аэродром.

В Москве на митинге у Останкина была пущена «шапка по кругу», собрали 2300 рублей. В толпе находилось около семидесяти беженцев. Одна женщина из них рискнула выступить, но не смогла долго говорить, заплакала. Вторая, помоложе, по имени Оля, сообщила, что она ночует на Курском вокзале с детьми. Ее вскоре забрала к себе какая-то сердобольная москвичка. В этот день секция милосердия Русского центра при СП СССР разместила по частным квартирам около двадцати «бакинских» семей: русских, украинцев, азербайджанцев, армян, евреев, татар, маргеналов и др. Отягченная всеобщей бедой и выполняя волю соратников, я отправила вечером телеграмму Советскому правительству: «Москва. Кремль. ЦК КПСС. Российское бюро. Горбачеву Михаилу Сергеевичу.

Русский центр при СП СССР обращает Ваше внимание на практическое бездействие центральных и республиканских органов власти по отношению к русским беженцам.

В сложившейся обстановке мы требуем решительно предпринять все меры по обеспечению безопасности, размещению и материальному обеспечению детей, женщин, их семей и возместить все морально-материальные издержки, которые они понесли не по своей вине.

Поскольку союзное правительство несет ответственность за судьбу каждого гражданина, мы требуем незамедлительно выполнить конституционный долг.

По поручению Русского центра Пономарева».

На другой день отвезла текст телеграммы в «Литературную Россию» и «Московский литератор» и сообщение о фонде денежных пожертвований для «русских беженцев», открываемом при нашей общественной организации:

«Дорогие соотечественники! И прежде всего русские люди! Пришла и для нас пора тяжелых испытаний. Из-за того, что государственная административно-управленческая машина оказалась «урезанной» именно для русских, нам приходится думать о себе самим.

В Россию прибывают первые русские беженцы из Азербайджана, их уже более 30 тысяч человек. Они требуют к себе участия и материальной помощи.

Русский центр при СП СССР сообщает адрес, на который можно перечислить денежный взнос с пометкой «для русских беженцев»:

123007, г. Москва, 5-я Магистральная ул., 10, расчетный счет № 1700581 в Краснопресненском отделении жилсоцбанка».

Теперь прибывших беженцев много больше. И первые, кто ступил на плиты московского аэропорта, были встречены словами коменданта: «Мы вас ждали!»

Комендант назвал гостиницы «Алтай», «Восток» и «Заря», где беженцев должны были принять. Один мужчина мне засвидетельствовал, что он с детьми, тещей и женой ринулся в эти гостиницы. Оказалось, ждали, но... армян. **Все три гостиницы отказались в эту**

ночь принять русских беженцев. Ни в коем случае я не хочу это ставить в вину армянам, но для чего подобное делалось в страшные часы для той и другой стороны?

Бакинке, выступавшей на митинге по событиям в Азербайджане, стало дорогой плохо: подскочило непомерно давление.

На другой день в моей квартире раздался звонок. Голос звучал будто из-под земли:

— Не знаю, как упала. Забрала «скорая». Я сейчас нахожусь в больнице. А у меня дочка осталась в пионерлагере «Голубой факел» под Подольском. Как туда дозвониться, не знаю. Нужно сообщить, что я в больнице. Помогите!

День воскресный. Через официальные организации едва ли добраться до Подольска. Начинаю посылать «волны» по частным телефонам.

Молодая многодетная мать мне рассказывала:

— С трудом села в самолет, который оказался на пятьдесят человек перегруженным. Все пятьдесят наотрез отказались сойти на землю! Кричали, плакали... А на аэродроме стреляли... И летчик рискнул!

Другой беженец поведал:

— Три дня улететь не могли... ОНИ ЖЕ БЕНЗИН СПУСТИЛИ!

Беженцы летели, ехали через Ереван, Ростов, Минводы, Краснодар в Россию — спасительницу и заступницу всех народов.

А Москва собирала для них вещи, деньги, по силе возможности старалась согреть, одеть, накормить и дать угол, испытывая и сама в этом непомерную нужду.

Замечательные мои женщины из т/о «Русский центр» — зав. секцией милосердия Макарова Т. К., Полушкина В. Н., Минакова Е. Е. — собирали вещи, деньги, лекарства и везли в казармы, на вокзалы, по домам. Они-то помнили войну и все, что с ней связано! Беда сплотила людей, открыла в них вечные человеческие качества — бескорыстие, доброту, участие, подвижничество — спутников каждого русского. И не было для нас ни национальности, ни религии — было одно всеобщее несчастье.

Из Переделкина позвонил известный романист Н. П. Воронов:

— Что еще нужно? Сообщи! Мы вчера с Егором Александровичем Исаевым отвезли в Таманскую дивизию тысячу рублей, детские и взрослые вещи. Там у двух кормящих матерей молоко пропало от ужасов, которые им пришлось пережить. Дай телефоны, адреса... Мы все Переделкино поднимем! Сегодня Алексеев спрашивал: куда высылать деньги?..

Аня Ефремова (она у нас экологией занимается!), мать двоих детей, повезла сама вещи и деньги, чтоб рядом побыть с несчастными людьми, согреть их участливым словом, сказать: вы не одни. Мы — с вами.

Потом раздались звонки незнакомых людей — М. М. Гербышевой, В. Е. Сухановой с предложениями собрать вещи, деньги, поехать к беженцам.

Дал автобус МЭЛЗ, второй пообещал Институт химической физики АН СССР. Завод «Квант» взял данные у беженцев, чтоб запросить в трех городах: нужна ли рабочая сила и какая?

Из Москвы развозили людей в Болянку, Боровое, Рузу, Подольск, Можайск. От Совмина РСФСР уходили автобусы в Калинин, Владимир, Рязань, Калугу, Ярославль.

НИИ автоматических устройств из Куйбышевского района столицы

привез 2629 рублей, на гражданских беженцев — педагогов, математиков, музыкантов, экономистов, бухгалтеров, слесарей-теплотехников, инженеров-строителей, электромехаников, отделочников, библиотекарей...

Позвонил Ленинград: высылаем тысячу с лишним! Кто говорит? Сормач Валерий Сергеевич.

По очереди позвонили Гоголева Т. Ф. и Кузьмина В. М. — Всероссийский НИИ экономии труда и управления в сельском хозяйстве: «Десять тысяч выделил коллектив!»

Одно за другим высвечиваются удивительные лица наших людей, их замечательные характеры, и среди них Т. А. Чепуренко — из Московского института повышения квалификации руководящих работников и специалистов отрасли Министерства химической промышленности. Она выезжала, не щадя ни себя, ни времени, как и Макарова Т. К., в любой конец Москвы и Подмосковья, где были беженцы.

У всех несчастных на устах одно: «Спасибо Советской Армии за спасение!» А в ее рядах уже поредело, ибо гибли воины в мирное время на азербайджанской земле, прекрасные парни, у которых вся жизнь была впереди.

Страна встревоженно перекликалась, переговаривалась, волновалась, искала пути урегулирования конфликта. А телевизионный комментатор убаюкивающе вещал:

— В Азербайджане нормализуется обстановка! А здесь беженцам выдали по сто рублей...

В казарме возмущенные беженцы окружают меня, Макарову, молодую поэтессу Любу Льдову:

— Какие сто рублей? Привезли немного газета «Красная звезда» и «Собеседник», издательство «Современник», Русский центр. Десять дней уже здесь, никаких от государства пособий не получали. Телевизор — последнюю связь с окружающим миром — забрали! Мы же ничего не знаем, как там, в Азербайджане, что с нами будет здесь?

Остролицая, худенькая женщина тихонько мне говорит:

— Нужна детская обувь двадцать второго, двадцатого, шестнадцатого размера, тапочки, брючки, колготки...

Макарова вынимает из своих сумок вещи — болоньевое пальто, кофты, рубашки детские мальчиковые, ночнушки для девочек. Их тут же начинают разбирать, примерять.

— Я — русская. Мой муж три специальности имеет. Непьющий! — говорит плотная круглолицая молодая женщина, будто сошедшая с полотна Кустодиева, Гималюк Елена.

Рядом пожилая, седовласая, с лицом славянки, сердито подносит под нос младшей, видимо своей дочери, паспорт, следует перепалка на азербайджанском языке. Как-то странно звучит эта речь в их устах здесь, в Московии... Но в Баку бы это оценили: русские владеют их языком. Значит, не одно поколение выросло на земле Азербайджана. И вспоминается невольно мысль, сказанная не мной: национальность — не кровь, а религия, самосознание, язык.

В булочную — под охраной автоматчика.

Над толпой плакат: «Русские, не уезжайте! Нам нужны белые рабы!»

Средневековье? Или времена Грибоедова?

На крыше роддома установлен пулемет, а солдаты, прикрывая

собой женщин беременных и с новорожденными детьми, выводят их из-под огня, чтобы отправить в Россию.

А в Москве — избирательная кампания. И периодически звучат несправедливые слова по поводу действий армии в Азербайджане. К микрофону выбегает молоденький лейтенант:

— Да если б армия не встала между армянами и азербайджанцами, они б друг друга перерезали!

Оставляющие квартиры, нажитой скарб, деньги на сберкнижках люди лишаются крыш над головой, работы, а значит, и средств для существования. Кто они теперь? «Перекати-поле»? Лжеучителя, создавая супердержаву, не подумали о том, что у русских всегда одно Отечество, куда стремились эмигранты всех времен и народов, видя в нем оплот, но из России эмигрировали только перед лицом смерти. Нельзя уйти от тысячелетней истории, ибо она кричит в людях и на чужих берегах. В дальних странах умирали русские князья духа, для которых Отечество, Долг, Честь были не просто словом, а смыслом жизни! Теперь мы это понимаем.

В двухэтажном здании справа от Совмина РСФСР идет очередная регистрация беженцев. Окружают меня, Любу Льдову, почувствовав искреннюю заботу о себе.

— Мой отец — армянин, мать — азербайджанка, а муж — русский. Кто же я? Прихожу в армянское постпредство — не своя, в азербайджанское — не нужна. Остается только — Россия.

— Мы же все — «перемешанные»! — вырывается у другой.

Именно в такие мгновения приходит осознание: этнос — неприкосновенное пространство.

Милосердная моя Родина, как и во все времена, принимает и обогревает в первую очередь не своих детей, кладет свои головы «за други своя». Но закономерен и вопрос одной беженки:

— А мы, русские, разве не у себя дома? Или крыша над ним окончательно рухнула?

И тогда один из работников комиссии по регистрации и распределению беженцев произносит:

— У России достаточно сил, чтоб не дать в обиду русских!

Да, было время разбрасывать камни, наступила пора их собирать.

Тамара ПОНОМАРЕВА,
поэтесса,
Москва

●

Н. КУЗЬМИН

ИСК К СОВЕСТИ И ЗАКОНУ

Как усиленно и самозабвенно вещает ультраперестроечная пресса, да и некоторые депутаты-радикалы с высоты трибун, страна наша стремительно движется к справедливому правовому государству. Так стремительно, аж пар свистит...

Пар, может, и свистит. Только он обжигает тех, кто тому верит.

Вот посудите сами. 31 августа 1989 года в Кировский районный суд Москвы поступило от гр. Дмитриева Юрия Васильевича, отрекомендовавшегося членом Союза журналистов, спецкором газеты «Труд» и заслуженным работником культуры РСФСР, «Исковое заявление» — о защите чести и достоинства — следующего содержания: «В 8-м номере журнала «Молодая гвардия» за август 1989 г. автором публикации «От войны до войны. Ночные беседы» Н. Кузьминым я назван автором «злобного», «грязного пасквиля». Очевидно, имеется в виду статья «Чужой орден», напечатанная в газете «Труд» 16 сентября 1989 г., хотя все приведенные в ней сведения о писателе И. Г. Падерине соответствуют действительности и подтверждены документально. Поскольку «пасквиль» — это «клеветническое произведение с оскорбительными нападками» (см. Словарь современного русского языка под ред. С. И. Ожегова), то налицо голословное обвинение меня и моего соавтора полковника Дунаева в совершении уголовно наказуемых деяний — оскорбления и клеветы».

После многочисленных заседаний, представляющих, на мой взгляд, весьма своеобразно работу советского суда, иск был удовлетворен и в судебное решение был вставлен текст «Опровержения», составленный самим подателем иска, с указанием опубликовать его без изменений за подписью редколлегии. Не знаем, законны ли таковые действия истца и суда, подменяющие редакцию, но доводим до сведения читателей сей текст: «В нашем журнале — 1989, № 7 и 8 — была опубликована биографическая повесть Н. Кузьмина «От войны до войны. Ночные беседы», в которой по вине автора распространены недостоверные сведения, касающиеся «истории И. Г. Падерина».

В частности, не соответствует действительности оценка статьи

«Чужой орден» в газете «Труд», названной «злобным пасквилем», поскольку изложенные в ней факты правдивы и подтверждены документально.

Кроме того, являются вымыслом сведения, будто «один из авторов грязного пасквиля в «Труде», некто Дмитриев, оказался сыном полицая... что не только его отец, но и вся родня служила пособниками фашистов», а также последующие измышления Н. Кузьмина по этому поводу.

Мы приносим свои извинения редакции «Труда», авторам статьи «Чужой орден» тт. Дмитриеву и Дунаеву, всем читателям нашего журнала».

На склоне лет своих я оказался под судом (а вместе со мной редакция журнала) и вынужден был держать ответ за то, что вступился за собрата по перу, ветерана нашей Великой Отечественной, воевавшего в окопах Сталинграда и штурмовавшего Берлин.

Истец, как видим, оскорблен тем, что статья «Чужой орден» названа пасквилем. «Все приведенные в ней сведения, — уверяет он, — соответствуют действительности и подтверждены документально».

Если бы так!

Я уже писал, что И. Г. Падерин, «герой» статьи «Чужой орден», человек заслуженный и уважаемый в среде московских литераторов. Достаточно упомянуть, что его 60-летие отмечалось в Доме Советской Армии, зал был переполнен, присутствовали боевые уцелевшие товарищи писателя и многие видные военачальники.

Публикация газеты «Труд», и это можно сказать без преувеличения, прозвучала подобно взрыву. Даже невооруженным, как говорится, глазом в статье видны подтасовки, натяжки, несоответствия. И группа именитых литераторов — Егор Исаев, Михаил Алексеев, Иван Стаднюк — все фронтовики, люди с боевыми орденами и шрамами на теле от вражеских пуль и осколков, — вступилась за товарища. 16 декабря 1987 года в «Литературной газете» появилась их статья «Если говорить о чести». Документами и фактами писатели не оставили от статьи «Труда» камня на камне.

Меня же, когда я выводил пером слово «пасквиль», приводили в негодование две чудовищные и вполне сознательные лжи авторов. Первая: они уверяли, что в дни самых ожесточенных боев в Сталинграде (сентябрь, октябрь и ноябрь 1942 г.) И. Г. Падерин на передовую и не заглядывал, а благополучно околачивался на левом берегу Волги, в глубоком тылу. И вторая: они, опять же намеренно и сознательно, принялись глумиться над участием Падерина в штурме Берлина, высмеивая его как новоявленного Кузьму Крючкова. А между тем документы, факты, свидетельства еще живых ветеранов говорят совершенно иное. Достаточно сказать, что за участие в боях в Сталинграде И. Г. Падерин награжден медалью «За отвагу», солдатским орденом, который в те тяжелейшие дни выдавался крайне редко. Настоящие фронтовики об этом знают! А за штурм фашистской столицы политрук И. Г. Падерин награжден орденом боевого Красного Знамени.

Судите сами: как же квалифицировать газетный материал, авторы которого выставляют солдата-окопника, настоящего чернорабочего войны, трусом и шкурником?

Газета «Труд» пошла по совершенно иному пути. Из потока писем, хлынувших в редакцию после статьи «Чужой орден», были выбраны наиболее гневные, и к авторам их отправились опытные устрашители.

Я сам разговаривал с В. Яцкевичем, подполковником в отставке, тоже ветераном, кавалером боевых орденов. В Томск, где живет подполковник, приезжал бывший начальник клуба дивизии, где служил И. Падерин, — З. Гурарий и отправился на квартиру дочери Яцкевича. «Я вижу, уважаемая, у вас дети. Надо вам позаботиться о них. Знайте, что завтра вашего отца арестуют. Да, да, это уже решено. Ради будущего детей вам следует срочно отказаться от отца. Я подготовил бумагу. Вот — подпишите».

Женщина, естественно, в слезы, звонит отцу. Тот советует гнать устрашителя в шею. Выгнали. Однако Гурарий не унялся. Последовало его заявление в военную прокуратуру. Он назвал Яцкевича «самострелом», обвинил его в дезертирстве. Обвинения тягчайшие! Расследование нелепых обвинений заняло несколько лет. У меня на руках уведомление прокуратуры Сибирского военного округа: дело против Яцкевича прекращено «за отсутствием состава преступления». Но что такое расследование стоило для здоровья ветерана! Но, собственно, на это и были в основном расчеты клеветника... После Яцкевича настала очередь кавалера трех орденов Славы А. Гончарова. Его Гурарий обвинил в том, что тот свои высокие награды... выписал себе сам. Тоже разбирательство, тоже нервотрепка... Затем неутомимый Гурарий напустился на Героя Советского Союза В. Семикова и едва не довел его до инсульта.

Такие вот методы, такие нравы.

По второму пункту искового заявления — о полицае и сыне полицая — состоялось несколько судебных заседаний.

Отмечу сразу же, что сам Ю. Дмитриев вел себя довольно спокойно. Активничал некто Игорь Маркович (фамилию он назвал невнятно), почему-то допущенный к разбирательству темного прошлого родителей истца. Добивался он одного: откуда автор взял сведения, кто ему дал? Помня о печальной участи Гончарова, Семикова и Яцкевича, я, естественно, никаких фамилий не называл. Да и для чего они нужны, если не для расправы? (Истцы во всеуслышание грозили: «Мы до них все равно доберемся, мы их вытащим!»)

Но все же кое-что необходимо прояснить.

Падеринская «эпопея» длилась более двух лет. Обвинения разбирались на писательских собраниях, несколько раз заседал партком. Мало-помалу стали высвечиваться и биографии авторов «Труда». Так, полковник П. Дунаев оказался бывшим работником аппарата Министерства обороны, большим любителем подбирать всяческие досье, а сослуживцы Ю. Дмитриева еще не забыли настоящую бурю, когда в парторганизацию поступили сведения о том, что «член Союза журналистов, спецкор и заслуженный работник культуры» всю жизнь, оказывается, лгал и изворачивался.

Дело касалось прошлого его родителей. Уроженец Краснодара, города, где сразу же после войны состоялся первый судебный процесс над полицаями, он упорно указывал во всех анкетах, что ничего не знает о своих родителях. Благодаря этому он получил партийный билет, стал работать в средствах массовой информа-

ции, обрел возможность часто ездить за рубеж. Сведения о том, что Ю. Дмитриев лгал и лжет во всех анкетах, стали предметом самого тщательного разбирательства.

Но вот у меня в руках повестка в суд.

Казалось бы, проще простого затребовать в суд документы из личного дела Ю. Дмитриева. Так суд и поступил. Однако архив, где хранилось это личное дело, на требование суда никак не отреагировал. А истцы распалялись все больше: клевета, навет, смертельное оскорбление! Все-таки после долгих и непонятных проволочек сотруднику редакции журнала разрешили пролистать заветную папку. Настолько оказался высок уровень секретности хранения этой папки!

Мне, как автору, которому грозит наказание за злостную клевету, пришлось обратиться с заявлением в Комитет государственной безопасности. Ответ, и не один, последовал по телефону. Сказано было, что никаких бумаг КГБ на руки не выдает. Пришлось дать телеграмму на имя самого В. А. Крючкова. На этот раз в голосе сотрудника слышалось откровенное раздражение. «Я же знаю, каких вы справок добиваетесь!» Лукавить незачем: уж кто-кто, а КГБ просто обязан знать о прошлом родителей Ю. Дмитриева, вернее, об их жизни и работе в оккупированном фашистами Краснодаре.

— Должен вас разочаровать: пособничество Дмитриева оккупантам не подтверждается.

— Но тогда почему он сбежал из родного города вместе с немецкими войсками?

— Мало ли почему... Просто боялся.

— А чего боялся?

— Ну, знаете, у вас устарелое мышление. Вы что, не знаете, что творилось в сталинские времена?

На мое замечание, что миллионы советских граждан с нетерпением ждали освобождения от фашистской неволи и как могли приближали этот счастливый миг, последовало странное предупреждение:

— В общем, учтите: вы будете плохо выглядеть на суде. Очень плохо!

Не везет мне с этой организацией, да и только!

И все же при всем том, что довелось пережить благодаря стараниям некоторых его сотрудников, у меня и по сей день к КГБ сохранился пиетет. Забота о безопасности государства — высочайшее же назначение! Тем более что буквально на днях в «Правде» опубликован материал о разоблаченном и расстрелянном шпионе. Значит, не зря работники едят свой хлеб! Задумываюсь лишь о том, что не настанут ли времена и этого шпиона вдруг да и объявят пламенным и несгибаемым борцом... только вот с кем, с чем?

Но я невольно отвлекся.

Истцы являлись в зал суда, отягощенные толстенными портфелями. Гурария, преклонного годами, ручная кладь даже перекашивала набок. Так что, выражаясь спортивным языком, выступали мы в разных весовых категориях.

Что я считал нужным бросить на весы, чтобы перетянуть эти набитые портфели? Очень немногое. Однако, на мой взгляд, весьма весомое. А именно: боевые награды И. Г. Падерина за Сталинград и Берлин, статью трех писателей в его защиту в «Лите-

ратурной газете» и справку уполномоченного КГБ по Краснодарскому краю о преступном прошлом В. Дмитриева.

Я и сейчас продолжаю считать, что в любом человеке главное то, что основное. И еще я убежден, что судить поступки какого бы то ни было человека следует (и это принято повсеместно) по законам и обычаям тех лет, когда они совершены. Между тем у нас почему-то расцвела манера измерять все, вплоть до событий нашей нелегкой истории, исключительно настроениями сегодняшнего дня.

Судиться надо уметь. Кроме того, не исключено, что и необходимо сознавать, с кем и за что судишься. Недаром же Игорь Маркович веско заявил, что в судебном зале столкнулись две позиции. И еще он сказал, что наша позиция давно осуждена.

Скажу сразу же, вернее признаю, что наша позиция на самом деле напоминала глухую оборону. Удерживали мы ее изо всех наших сил. Однако, как вскоре выяснилось, на позициях патриотизма, интернационализма, а особенно антисионизма нынче долго не продержишься.

Наступательная, добивательная манера истцов порою выглядела вызывающе безнаказанной. На месте Игоря Марковича я, например, удержался бы от хвастливого заявления: «Да кто им даст архив! Кто им позволит!» Кроме того, едва ли уместно заявлять в судебном зале угрозы своим еще неразоблаченным противникам, как это сделал главный истец Ю. Дмитриев. И уж совсем не к месту прозвучало восклицание Гурария — растерявшись перед судейским столом, он обратился к деятельнейшему Игорю Марковичу: «Так вы же дирижируйте мной, ради бога!» И тот «дирижировал» своим свидетелем, главным образом унимая его в моменты, когда ненависть Гурария грозила выплеснуться на участников процесса самым подсудным образом.

Расследование вышло долгим, нервным. Повторяю, моими аргументами в основном были боевые награды Падерина. Истцы же... О, эти истцы! Их поведение не забудется до смертного часа.

Игорь Маркович, как видно, большой дока по судебной части, сразу же оговорился, что в статью на самом деле вкралась, как он выразился, «натяжка»: Падерин от участия в боях не уклонялся. Однако он тут же постарался исправить впечатление от вынужденного признания:

— Какая, слушайте, разница? Берег левый, берег правый... Ну, бывал Падерин и на правом берегу...

«Имеется разница, и большая. Ибо левый берег — это тыл, а правый — передовая».

Обращает на себя внимание и дата награждения Падерина «солдатским орденом» — медалью «За отвагу» — 20 октября 1942 года, то есть в самый разгар Сталинградского сражения.

Таким образом, оскорбление Падерина, как солдата, как офицера, как бойца с передовой, налицо. И оскорбление, надо сказать, тягчайшее. Прежде по законам офицерской чести русской армии оскорбленный вызывал обидчика на дуэль. Бесчестье смывалось только кровью.

Ныне же процветают совсем иные нравы. В наши дни ратные подвиги, увенчанные боевыми наградами Отчизны, вдруг стали испытывать нужду в защите.

Давайте признаем, что в запале спора с языка может сорваться и досадное горячее слово. Но спокойное, взвешенное шельмо-

вание! По адресу многих и многих ветеранов, посмевших молвить слово в защиту Падерина, отпускались характеристики типа: проходимец, авантюрист, подонок.

А ведь эти люди прошли фронт, защитили Родину. Вполне допуская, что после войны, после эйфории великой нашей Победы кое-кто и запятнал себя какими-то поступками. Но... «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень!»

По мере того как все дальше уходят от нас страшные годы Великой Отечественной, все меньше остается среди нас тех, чей ратный труд обеспечил нам наше нынешнее житье, возможность заявлять и спорить. Мне не довелось услышать свист вражеских пуль и осколков. Но я в вечном долгу перед всеми, в кого эти пули и осколки угодили. «Мертвые сраму не имут...» Но почему этот срам имут те, кому посчастливилось уцелеть на кровавых полях войны? А ведь этот срам косвенно ложится и на нас, живых и здоровых, ложится в тех случаях, когда мы видим явное надругательство над подвигами и почему-то отодвигаемся в сторонку, молчим, не можем молвить слова...

Разбирательство искового заявления незаметно превратилось в суд над Падериным. Пристальному разбору подверглась чуть ли не вся жизнь старого солдата. Дошло и до настоящего глумления.

Игорь Маркович:

— Да, он брал Берлин. Вернее, он находился в том подразделении, которое брало Берлин.

— А высокая награда?

Гурарий:

— Так этими орденами тогда награждали всех подряд! Вы разве не знали?

Все это рассказ о словесных перепалках. Но вот раскрылись увесистые портфели, и на судейский стол стали подаваться кипы всяческих бумаг. Надо признать, выглядело это внушительно. Многое зачитывалось вслух, самое необходимое мне удалось «взять на карандаш».

В приказе о награждении И. Г. Падерина медалью «За отвагу» отмечается его «самоотверженное поведение в любых условиях», а кроме того, успешное выполнение задания командования в ночь с 17 на 18 сентября... В приказе о награждении орденом Красного Знамени указано, что политрук И. Г. Падерин заменил убитого командира батальона и вместе с бойцами отразил десять вражеских атак.

Десять! И все отражены! Во все времена такое называлось подвигом. Но не у нас, не у нас. Вернее, не теперь.

Истцы ожесточенно спорили, трясли бумагами, доказывая, что Падерин «взял» в Берлине вовсе не это здание, а то. Может быть, они и правы: точность в деталях необходима. Но столь ли уж важна? Ведь для достижения окончательной Победы нашим солдатам надо было «взять» все без исключения здания фашистской столицы. Иначе враг не сдался бы, не капитулировал...

Повторяю: факты геройского поведения Падерина на фронте зафиксированы в документах, представленных суду самими истцами.

Все это, так сказать, баталии на падеринском фронте. Настала очередь и разобраться в прошлом родителей истца.

Как я уже говорил, папка с персональным партийным делом

Дмитриева хранилась в партархиве. Там собраны документы скрупулезного разбирательства примерно тридцатилетней давности. Видимо, давность, а следовательно, и своеобразная уникальность подшитых в папку документов придавала им вполне объяснимую ценность. Такие документы положено хранить и охранять. Таких в наши дни уже не соберешь.

Моему «подельнику», члену редколлегии А. Н. Афанасьеву, все же удалось полистать драгоценную папку. Но как добиться доставки ее в суд?

Очередное заседание суда началось унылым сообщением народного судьи Н. Шибановой о том, что из архива ничего так и не поступило. Но тут поднялся Игорь Маркович и, небрежно щелкнув кейсом, достал и положил на судейский стол заветную папку. Признаться, я обомлел! Выходит, секретнейшие документы легко и просто выдаются для домашнего пользования! Да что же это за всесильный Игорь Маркович? Какая могучая организация стоит за его спиной?

Здесь самое время сказать об одном доверительном разговоре, состоявшемся у меня по телефону в сентябре месяце. Мне был сообщен номер и просьба позвонить. Это оказался ответственный работник средств массовой информации. Беседа с ним заставила меня задуматься. До него «дошли сведения, правда не проверенные», что отец Ю. Дмитриева, убежав с фашистами и оказавшись за рубежом, будто бы оказал нашей разведке какие-то услуги и был будто бы за это самое даже награжден. Что ж, вполне могло такое быть. Но, во-первых, мне не положено знать кадры советской разведки, и я оперировал фактами, так сказать, доступного пользования. Во-вторых же, не надо забывать, что замаливать свои грехи беглеца заставила только наша Победа над теми, под чьим крылышком он спасался от петли. Что же насчет ордена... Тоже могло быть, так сказать, замаливал грехи столь усердно, что чашечки весов колебнулись в его пользу. Однако тут же вспомнилось, что сам Ю. Дмитриев уже несколько раз письменно заявлял о том, что его мать заслуженный труженик и награждена орденом и медалью. Документами же установлено, что она как была осуждена в 1945 году, так до сих пор не реабилитирована. Не исключено, что легенды о родителях-орденоносцах исходят из одного крайне заинтересованного в этом источника.

Мой собеседник на другом конце провода высказал туманный намек на то, что «спецкор» Ю. Дмитриев, очень часто выезжая за рубеж, исполняет там не одни лишь корреспондентские обязанности. Вот и завтра, например, он вдруг срочно улетает в Афины.

— Но если только все так... зачем же он затеял всю эту кутерьму с судом? Она же ему страшно повредит!

— Вы себе не представляете, какой на него был оказан нажим!

И я снова подумал о том, какую притягательную цель представляет в наши дни все, что связано с репутацией журнала «Молодая гвардия». Хоть чем-нибудь, да очернить!

Но вернемся в зал судебного заседания.

Одарив суд заветной папкой, Игорь Маркович предупредил, что знакомиться со всеми документами нет времени, он обязан сегодня же эту папку вернуть. И он по бумажке назвал номера страниц, которые следовало огласить.

Все, что собрано в папке, посвящено упорной и многолетней лжи Ю. Дмитриева. Стремясь получить партийный билет, поступить на работу в редакцию газеты, он, по существу, всю свою жизнь сознательно отказывался от своих родителей. Будто бы родителей совсем не знал, воспитывался где-то на стороне... Однако соседи засвидетельствовали, что воспитывался он в своей семье, на руках отца и матери. И всю их нелегкую, даже трагическую судьбу знал доподлинно. И все же он упорно и настойчиво лгал! А в те времена ложь коммуниста считалась тяжким, непростительным грехом. Перед партией лгать не полагалось.

Финалом того далекого, почти тридцатилетней давности, разбирательства, было строгое партийное взыскание.

Прочитанные судьей документы я воспринимал исключительно на слух. Мне даже прикоснуться к этой папке не разрешили! Игорь Маркович своим конвойным зычным голосом заявил, что у меня на это нет никакого права. Он даже требовал запретить мне делать записи. Но тут я его ослушался и кое-что успел записать.

Итак, родитель нынешнего журналиста Василий Григорьевич Дмитриев. В год начала войны с Гитлером ему исполнилось 44 года. Сын его уверяет, что возраст этот не призывной, отец имел право не идти на фронт. Кто с этим спорит? Хотя все знают, что тогда с врагом воевали не только здоровые мужчины, но даже старики, но даже дети! Игорь Маркович несколько раз с надрывом заявил: «Он, конечно, не герой. Нет, не герой».

На самом деле, какое уж там геройство!

От тех времен, уже примерно полувековой давности, сохранились скудные свидетельства. Документ, подписанный уполномоченным КГБ по Краснодарскому краю, служебным языком фиксирует арест В. Г. Дмитриева в 1942 году по закону от августа 1932 года (крупные хищения приравнивались к диверсии и карались очень строго: расстрелом или 10-летним заключением). Вспомним, советские люди сдавали в фонд обороны своего Отечества последнюю копейку, но находились и такие, кто из этого общенародного кошелька крал, тащил себе в карман. Следствие по этому хищению закончить не удалось, ибо В. Дмитриев бежал из-под стражи, — еще одно, к слову, преступление. Но это еще не самое страшное... Истцы с пафосом и возмущением восклицали на суде: «Не мог же он сам вернуться в бериевский застенок!» Звучит, конечно, сильно, однако демагогично. Даже в страшные бериевские времена расхитителю полагалось находиться там, где и положено, — в камере. Не в почетный же президиум его сажать!.. Но что же дальше? А дальше последовал самый ответственный поступок сбежавшего из-под стражи В. Дмитриева. Он перешагнул рубеж, если хотите, своего рода Рубикон, который в те военные дни назывался линией фронта. Грохотала война, и по обе стороны этой линии действовали войска. В. Дмитриев не вошел в состав какого-нибудь советского подразделения (хотя подобные случаи бывали), он не ушел ни в партизаны, ни в подпольщики, а, покинув сторону советскую, ступил на сторону фашистскую и добровольно отдался под защиту немецкого оружия. Подобному шагу, такому перебеганию во всех языках существует определенное название — предательство, измена Родине. Таким образом, к прежнему греху — воровству — В. Дмитриев

прибавил еще одно, куда более тяжкое — предательство, измену своей стране, своему народу. Иного названия подобному поступку не существует.

Короче, он стал искать смягчения своей вины не в подвиге. Законы же войны суровы: кто оказался на стороне врага, тот против нас.

Документы скупо, почти пунктирно освещают дальнейший путь В. Дмитриева. Дома, в оккупированном Краснодаре, В. Дмитриев прожил недолго. Сами события тех дней принуждали его искать спасения в бегстве.

Любопытная деталь, касающаяся родни Дмитриевых. Тетка нынешнего журналиста Эмилия Яковлевна обзавелась документом подданной «третьего рейха» и, естественно, чувствовала себя среди оккупантов куда лучше, нежели остальные граждане захваченного фашистами Краснодара. Ей, например, удалось вызволить из подвалов службы СД своего мужа, арестованного гитлеровцами как еврея. Эта же тетя вскоре обошла всю свою родню, о чем-то предупреждая их по великому секрету. О чем она их предупреждала, можно лишь догадываться. Именно в те дни заканчивалась ликвидация окруженной под Сталинградом группировки Паулюса. С Северного Кавказа начинался драп немецких войск.

Для подданной гитлеровского рейха и ее мужа нашлось место на фашистском транспорте. Вскоре они оказались далеко от родных мест — в Верхней Силезии. Однако В. Дмитриеву такого места не находится. Ему приходится передвигаться на своих двоих. И он, как говорится в документе, исчезает из Краснодара.

В официальном документе, зачитанном в судебном зале, о спасении тети с дядей истца Ю. Дмитриева сказано так: «эвакуированы в немецкий тыл». Давайте-ка поразмышляем. Ну прежде всего меня приводит в содрогание арест дяди истца сотрудниками страшной службы СД. Они хватают и утаскивают в свои кровавые подвалы еврея. О том, как хозяйничали фашисты в Краснодаре, советую прочесть книгу Л. Гинзбурга «Бездна». Волосы становятся дыбом! Однако для этого дяди арест обернулся всего лишь испугом, не больше. Дядю истца выпускают на свободу, а когда послышались раскаты советской артиллерии, его вместе с женой «эвакуируют в немецкий тыл». Что стоит за этим? Вспомним, у нас тоже существовала эвакуация. Но увозилось от врага в тыл все самое ценное. Что же за ценность представляли для немецкого командования эти самые дядя с тетей нашего истца, если о них позаботились даже в суматохе спешного отступления?

После того как папка с документами давнего расследования побывала в руках Игоря Марковича, оба они — и Дмитриев, и Игорь Маркович — стали гневно требовать:

— Нет, вы покажите, где, на какой странице написано слово «полицай»?

Признаться, именно этого слова я не расслышал, когда судья зачитывала указанные Игорем Марковичем документы. Но выражение «изменник Родины» расслышал отчетливо! И — записал. И теперь недоумеваю: что же, все многомесячное судебное разбирательство затеяно ради того, чтобы слово «полицай» заменить двумя словами «изменник Родины»? Извольте, давайте будем квалифицировать поведение родителя истца на оккупированной фа-

шистами территории именно таким образом. Стоило ли огород городить?

Однако поведение истцов, их напор, их самодержавная самоуверенность заставляют меня задуматься вот о чем. Не в терминологии здесь дело! Подумаешь, вместо полицая добиться права именоваться изменником Родины. Что в лоб, что по лбу. Но это лишь на наш, молодогвардейский взгляд.

Родителей, как известно, не выбирают. Никто и не собирался осуждать Ю. Дмитриева в этом плане. В свое время он был наказан лишь за свою упорную многолетнюю ложь перед партией. И вдруг все переменилось. Отрекаясь всю жизнь от своих родителей, Ю. Дмитриев теперь требует защиты их чести и достоинства. Позвольте, спросим мы, это о чьей же чести идет речь? О чести изменника Родины?

Нет, воля ваша, а я никогда не думал дожить до таких дней, когда в советском народном суде накануне 45-летия нашей Победы будет разбираться дело о чести и достоинстве людей, которые пуще огня боялись освобождения от фашистской неволи и предпочли бежать с родной земли вместе с ненавистным врагом!

Миллионы советских людей ждали этого спасительного освобождения. И лишь жалкая кучка этого освобождения боялась. И теперь кое-кто самозабвенно рассуждает об их чести и достоинстве.

В конце концов в суде была оглашена бумага о том, что родитель истца вроде бы не запятнал себя активным сотрудничеством с фашистами. Появился этот документ лишь после того, как папка с уникальными документами давнего расследования побывала в руках Игоря Марковича. Но если бы даже и не побывала!

Не будем забывать, что страшная война с фашизмом недаром называлась Великой Отечественной. Речь шла о существовании нашего государства, нашего народа. Причем борьба была такой, что важна на весах Победы каждая капелька, каждое усилие. Вспомним, как наши бойцы закрывали телом амбразуры, бросали свои самолеты в гущу вражеских колонн, шли на муки и виселицы, вспомним надсадный труд подростков, подставлявших к станкам ящики, — так малы были эти герои труда. Нам пришлось отступить до самой Волги, но все же мы сломали хребет кровавому зверю, пришли в Берлин и водрузили славное красное знамя на поверженном рейхстаге.

Поверим тому, что родитель истца не оказывал врагу активной помощи. То есть ему удалось уберечь свои руки от крови наших людей. Может быть, он даже и не стрелял, пусть даже для острастки, в воздух. Но все дело, на мой взгляд, в том, что он не помогал нам. В нашей большой, мирового значения Победе нет и грана его помощи. Наоборот, он этой помощи всячески избегал, тащился где-то в фашистских обозах, выжидая, чья возьмет, и теперь его сын выставляет такое поведение своего предка достойным похвалы. А может быть, и подражания?

В голову пришла вдруг нелепая, шальная мысль: представим на минутку, что победили бы не мы, а Гитлер! Не говорю уже о том, что стало бы со всеми нами. Известно, что по планам оккупантов почти все славяне были обречены на быстрое уничтожение. Но беру в расчет тех, кому посчастливилось бы уцелеть в качестве рабов, и почему-то представляю этот вот зал суда и... кто же бы сидел тогда за судейским столом? Скорее всего какой-

нибудь ариец. Но не исключено, что удостоился бы чести и некто, уцелевший в фашистском обозе и призванный на ретивую службу в колониях поверженной России. Кстати, стал бы тот судейский фашистский чин разбирать вопрос о чести и достоинстве, скажем, Зои Космодемьянской или героев-краснодонцев?

Словом, не следует былые преступления выдавать за нынешние достоинства или, скажем мягче, грехи за добродетель.

В исковом заявлении выражено возмущение и словом «мерзавец». Истец почему-то относит его на собственный счет. Однако что требовать от человека, сделавшего свою карьеру на постоянной лжи! (См. свидетельства о партвзысканиях в личном деле.) Дмитриев и здесь провоцирует судью в надежде: а вдруг клюнет? Однако «клевать» там абсолютно не на что. Слово «мерзавец» адресовано не самому истцу, а его родителю. И я настаиваю на этом определении, ибо не менял своих взглядов на поведение тех, кто в жестокую годину для нашего народа пусть и не стрелял в нас вместе с нашими врагами, но, образно говоря, всего лишь подносил им патроны.

Да, великодушие нашего победившего государства сейчас настолько велико, что оно простило оступившихся, заблудших и раскаявшихся. Но не будем при этом забывать, что для такого всепрощения нам потребовалось буквально на брюхе проползти от Волги до Эльбы и закопать на всем этом чудовищном пространстве 20 миллионов наших лучших граждан. Это наши отцы, братья, мужья. Это и наши матери и сестры. Они исполнили свой долг, встретили проклятого врага грудью в грудь, глаза в глаза, с оружием в руках. Теперь они лежат в нашей многострадальной и героической земле и молчат. Молчат, вот что не дает мне покоя. А голос их, подлинных героев, творцов нашей великой Победы, обязан звучать, по крайней мере, все мы, кто пережил те страшные годы, об этом не имеем права забывать.

Иначе зазвучат совсем иные голоса!

Здесь самое место сказать о досадных упущениях в моей повести, послуживших для возбуждения судебного дела.

Прежде всего, далеко не «вся родня» журналиста боялась этого освобождения. Имелись и среди них солдаты нашей славной армии, защитники своего Отечества. Перед ними я снимаю шляпу и прошу прощения. Поклон этот нисколько не принужденный, а совершенно искренний, ибо нет ничего приятнее сознания великой патриотической силы советского народа. Ведь именно потому мы и вышли победителями в жесточайшей войне с фашизмом.

Употребил я и слово «полицай». Почему, с какой стати? Признаться, почти автоматически. Дело в том, что в обиходном нашем языке слово «полицай» синоним всякого предателя, изменника. Оно не связывалось с обозначением конкретных услуг, оказываемых изменниками врагу. Человек мог работать писарем, переводчиком, шофером, охранником, осведомителем... да мало ли кем! Названием им в народе было одно — полицай. А настоящий полицай, точнее — полицейский обязан был носить на рукаве какую-то повязку. На эту деталь истцы особенно напирали на суде. «Вы можете доказать, что он носил повязку?» Нет, именно этого не смог я доказать. И вот результат.

Думаю, подобные судебные разбирательства станут обычным делом нашего литературного быта. Поэтому предупреждаю всех,

что следует быть предельно точным в определениях деяний своих героев, употреблять много раз выверенные характеристики.

К слову, на непродуманном употреблении термина «полицай» могла сказаться и вполне понятная обида за Падерина. Все-таки что ни говори, а ветерана принялись втаптывать в грязь. Слишком уж выразительной деталью в расправу над заслуженным солдатом укладывалось прошлое одного из авторов разгромной статьи в «Труде».

Пойдем, однако, дальше.

Оставив в Краснодаре жену и сына, В. Дмитриев устремился дальше, на Запад. В паническом бегстве теперь заключалось все его спасение. Попади он тогда в руки победителей, ему пришлось бы худо. До сих пор помню киножурнал: публичная казнь полицаев на площади Краснодара. Это был первый процесс над фашистскими прихвостнями. Так что если бы не быстрые ноги В. Дмитриева, его сынишке довелось бы наблюдать воистину страшную картину: казнь родного отца. Не дай, как говорится, и не приведи!

Как бы то ни было, но беглец удачно избежал сурового возмездия той суровой военной поры и в конце концов оказался за рубежом. Чем уж он там занимался, приходится только гадать, ибо активнейший Игорь Маркович вновь и вновь напоминал, что перед нами отнюдь не герой, нет, не герой, а сам Ю. Дмитриев не переставал напускать туману, заклиная, что о славном пути его родителя еще не настала пора рассказывать, и это сделает «сама история».

Мы знаем о подвигах наших славных разведчиков. Знаем и о том, как они вынуждены были вести себя, «отрабатывая свою легенду». Но если перед нами тот самый случай, то зачем понадобилось это долговременное и очень нервное судебное разбирательство? Достаточно было одного слова, одного документа. Не настало еще время? Но тогда к чему постоянное упоминание «компетентных органов» и такие прозрачные намеки, что они понятны и младенцу? Предавать преждевременной гласности подобные вещи с государственной точки зрения по меньшей мере преступно.

Признаться, меня не оставляло подозрение, что волею случая я оказался причастным к чьей-то тайной судьбе. Но — истинно ли разведчик? Не скрывается ли за постоянными намеками истца новая ложь? Ведь писал же он в анкетах, что его мать награждена орденом, а, припертый товарищами по работе к стенке, объяснял эту свою выдумку (на суде, кстати, тоже) малодушием. Что ему стоило смалодушествовать еще один раз?

Все мы вышли из своего прошлого, и оно, это прошлое, постоянно с нами, в нас. Кое-кому мучительно хочется набело переписать его, и ради этого они идут на многое, в том числе и на малодушие, а сказать проще — лгут.

Журналист Ю. Дмитриев промолвил на суде: «Судьба моя сложилась тяжело». На самом деле, тяжелее не придумаешь. Представим только заполнение тогдашней анкеты: пребывание на оккупированной территории, отец у немцев, мать осуждена как член семьи изменника Родины, тетя — подданная гитлеровского рейха, дядя — с тетей. Страшно! Так что я готов понять малодушие Ю. Дмитриева. Но только, пожалуй, в том случае, если бы оно было, как говорится, ложью во спасение. Однако все дело в том,

что ложь эта была отнюдь не во спасение, а в преуспеяние. И он, имея такую ужасную анкету, в отличие от многих и многих завидно преуспел. Игорь Маркович даже торжественно заявил, что таких проверенных работников, как Дмитриев, в редакции «Труда» всего двое, им, и только им двоим, поручаются самые ответственные задания. Кстати, остальные, что же, под подозрением? Но это к слову. И вот преуспевающий журналист самозабвенно топчет старого солдата, а в наши дни, в самый канун 45-летия Победы, затевает судебный иск о чести и достоинстве своих родителей, один из которых во всех официальных документах, сохранившихся в пухлой папке личного дела журналиста, назван изменником Родины.

Законы общества меняются, и в этом имеется историческая необходимость и целесообразность. Но не меняются и не могут измениться такие категории, как нравственность, мораль. Потому они и относятся к числу вечных, непреходящих. Только потому во всей истории человечества постоянно соседствуют и противостоят одно другому такие понятия, как подвиг — трусость, благородство — подлость, патриотизм — измена.

Мучительно помнится чей-то рассказ (а может быть, отрывок из прочитанного) о расстреле немцами населения одной нашей деревни. За околицей была вырыта огромная яма. Приступив к делу, каратели положили на дно ряд людей лицом вниз и убили их выстрелами в затылок. Подогнали новую группу и велели им аккуратненько укладываться на расстрелянных тоже лицом вниз. Немецкий порядок! Обреченные, естественно, плачут, вырываются. Немцы стали нервничать. Офицер что-то крикнул переводчику, молоденькому учителю деревенской школы. И тот угодливо засуетился, стал стыдить своих односельчан:

— Ну, давайте, ложитесь. Чего ломаетесь? Как людей ведь просят. По-человечески...

Как нам теперь квалифицировать поведение такого человека? А ведь он сам не убивал, на его руках нет крови. Но не исключено, что кое-кто из уцелевших жителей этой деревни еще жив и все помнит до мелочей. Что ему делать со своей памятью? Ему, именно ему, непосредственному участнику ужасных событий, а не модному эстрадному «гуманисту», призывающему к забывчивости и всепрощению.

...Короче, след старшего Дмитриева обнаружился через много лет после войны, чуть ли не в Италии. Он там женился, чем-то занимался, чем-то зарабатывал на прожитье. В эти годы его народ залечивал раны войны, зяб и голодал, но все же через два года после Победы ощутил прелесть отмены карточек. А труд был каторжный. У меня сохраняется снимок первых послевоенных лет: там с десяток деревенских баб впряглись в старенький плуг и вздирают пашню под посев.

С годами человек добреет. Государство — тоже. Я, например, никак не могу принять жестокого указа о членах семей изменников. Жены-то, дети-то при чем? Но так было и тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Это наша история... Сейчас планка великодушия нашего государства поднялась настолько высоко, что оно сочло уместным простить грехи всем оступившимся, раскаявшимся и позволить им вернуться на Родину, вдохнуть напоследок родимый воздух.

Где-то в середине 70-х годов вернулся в покинутую когда-то

Россию и старший Дмитриев. Дальше я сужу по тому, что своим напористым голосом зачитывал в зале суда Игорь Маркович. Казалось бы, возвращение должно было бы вызвать на глазах состарившегося на чужбине беглеца слезы радости и умиления и он, едва сбросив с плеч дорожную котомку, поспешил приложиться к святыням Родины, о которых ему думалось под холодным чужим небом. Нет, совсем не так. Игорь Маркович зачитал письмо дважды Героя Советского Союза Леонова, которого счастливому сыну (то есть Ю. Дмитриеву) удалось залучить в гости. «Итальянец» беспрестанно брюзжал за столом: как у вас здесь все плохо и как т а м все хорошо. В конце концов дважды Герой, видимо подпив, не выдержал и по-солдатски обложил реэмигранта, простите, самым площадным матом. Что-то вроде того: «Ну и сидел бы себе т а м. Зачем приперся?»

По мере того как разбирательство близилось к концу, мной овладевало недоумение: ведь документы самих истцов красноречиво и доказательно свидетельствовали в мою пользу. Судите сами: боевые награды И. Г. Падерина за Сталинград и Берлин получены вполне заслуженно; правда, не прозвучало слово «полицейский», однако характеристика «изменник Родины» зафиксирована в документе. Что же тогда стоит за всей затеей привлечь меня и редакцию журнала к суду?

Ясность внес Игорь Маркович. Грозно сверкая глазами, он потребовал вынести аж четыре частных определения. Естественно, среди них главное — привлечение к суду за пресловутый антисемитизм. Кроме того, он положил на судейский стол загодя написанный текст «Опровержения» и потребовал не только утвердить его, но и обязать редакцию журнала опубликовать его именно в таком виде, не меняя в тексте ни запятой.

Плечи мои сами собой полезли вверх. Выходит, пуще всего истцам хочется приклеить журналу позорный ярлык антисемитизма. Но где, в какой строке журнала усмотрели они хотя бы малейший намек на это позорное явление? Уж не там ли, где я предлагаю обсудить этот вопрос именно в духе гласности и плюрализма? Или, может быть, мне ставится в вину, что я наконец-то молвил слово о желанном равноправии своего народа? Да что же в этом грешного, что преступного?

Заготовленный же текст «Опровержения» и требование опубликовать его именно в таком виде заставили меня порыться в памяти. Прожито в общем-то немало, видано было всякого, однако такого не водилось даже в самые страшные времена. Взять редакцию журнала за горло и принудить его изрекать только то, что диктуется со стороны. А как же тогда быть с хваленой нынешней гласностью?

Нет, истинно кто-то молвил, что сознание своего всесилия неизменно приводит к вседозволенности!

Народный судья и заседатели удалились в совещательную комнату. Развязный Гурарий стал вслух отпускать грязные шуточки, стараясь вызвать нас на скандал. Пришлось выйти в коридор, чтобы не слышать его и не видеть. Несколько раз он проходил мимо, задиристо и глумливо бросая на нас взгляды. На его физиономии было разлито предвкушение полного торжества.

Невольно вспомнился беспомощный Иван Григорьевич Падерин, почти совсем ослепший и раздавленный газетной травлей, вспомнилась и могилка его малолетнего сынишки на далеком Вто-

ром русском кладбище в немецком городе Веймаре. А недавно на одном из московских кладбищ появилась совсем свежая могила отважного фронтового разведчика Василия Графчикова. Что сразило старого солдата? Не пуля, не осколок. Его убило грязное слово. И на руках у меня постановление прокуратуры Сибирского военного округа: с подполковника В. Яцкевича сняты все наветы в том, что он являлся дезертиром и самострелом.

А устрашитель наших ветеранов, бывший начальник дивизионного клуба Зиновий Гурарий бодро семенит по коридору и с торжеством ожидает решения суда.

Слов нет, во фронтовом хозяйстве важен и дивизионный клуб. Но почему в наши дни именно директор этого клуба с таким азартом и безнаказанностью остервенело втаптывает в грязь не своих соратников по клубной сцене, а именно фронтовиков-окопников, людей с передовой, отбивавших ожесточенные вражеские атаки? И. Г. Падерин, как было уже сказано, отразил десять вражеских атак. А сколько атак отразил Гурарий? Я уже не говорю о старшем Дмитриеве. И все же Падерин почему-то оказался в наши дни «под конем», а Гурарий «на коне», и суд сейчас вырабатывает свое решение о чести и достоинстве бывшего вора и предателя, виноват — изменника Родины.

* * *

Как видно из вышеизложенного, мы уже многого достигли в создании правового государства. Не знаю вот только, кому же предъявить иск об издевательстве над законами? Пусть они хиленькие, эти законы, но ведь законы, и судам надо бы их соблюдать.

Ну а иск к совести вышеназванных мною людей предъявлять бесполезно. Ибо совести, даже хиленькой, у них не обнаруживается.

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ПРАВДОЮ ПОБЕДИШЬ!

Из писем в редакцию

НЕПОПУЛЯРНЫЕ МЫСЛИ

У каждого народа свое историческое предназначение. Русским, если не забыть историю, предначертано свершение подвигов. Победы россиян символичны и глобальны. И как бы это ни злило сторонников теории о русских — тысячелетних рабах, факты в карман не спрячешь. Что же остается тем, кого от одного слова «великоросс» передергивает? Интерпретировать события таким образом, чтобы как-то принизить великое и выпятить малозначительное. Они извращают правду, называя ее именем все, что соответствует их собственным взглядам и вкусам.

В настоящее время десятки бойких перьев услужливо заскрипели, выводя обоснования того, что победы СССР в мировой битве с фашизмом и японским милитаризмом были, оказывается, не столь уж и грандиозны. Уже звучит: «Пиррова победа», «оккупация Европы», «ошибки в руководстве»... Что ж, некоторым авторам «Огонька», «Литературной газеты», «Дружбы народов», «Московских новостей», «За рубежом» и прочих «рупоров

гласности», видимо, трудно давалась в школе отечественная история. Поэтому побеседуем о том, чего в учебниках нет и, судя по всему, вряд ли появится.

Один из тезисов сторонников «переосмысления» предвоенного и военного периодов — «обезглавливание» накануне войны нашей армии и «уничтожение лучших полководцев», поэтому, мол, и отступали мы до Москвы. Что ж, посмотрим, так ли это было? Но для этого нам придется из 30-х заглянуть в 20-е годы. Ведь армейское руководство, репрессированное в основном в 1937—1938 годах, выдвинулось еще тогда. Возглавлял военный комиссариат комиссар армии и флота Бронштейн (Троцкий), мало смысливший в военных науках. А вот кого он назначил на ключевые посты. Его помощниками как председателя Главного Московского военного совета были Гиршфельд и Склянский; военный комиссар Московской губернии — Штейнгардт; военный комиссар Московского военного округа — Метказ; политический комиссар того же округа — Губельман; начальник Петроградского военного округа — Гиттис. Это в стольных городах. Теперь на периферии. Комиссары: военно-судебный 12-й армии — Ромм, военных реквизиций города Слуцка — Кальманович, реквизиционного отряда Московского округа (орудовал под Москвой) — Зузманович, школы пограничной стражи — Глейзер, военного совета Кавказских армий — Лехтингер, военный комиссар Самарской дивизии — Глузман. Политические комиссары: 12-й армии — Мейчик, штаба 4-й армии — Ливенсон, Витебского военного округа — Дзеннис, Румынского фронта — Спиро. Чрезвычайный комиссар Восточной армии — Фишман, Совета армий Западного фронта — Позерн. Командующие: Красной Армии в Ярославле — Геккер, Западным фронтом против Чехословакии — Вацетис, Курским фронтом — Слузин с помощником Зильберманом. Начальник обороны Крыма — Зак...

Названные и многие другие «птенцы Троцкого» оказались способными воевать только с ополчением, а лучше с безоружными, стариками, женщинами да детьми. Расстреливать пленных и вешать крестьян, зверски убивать русских офицеров у них получалось гораздо ловчее, чем сражаться в поле. Победы же Красной Армии приносили народные герои Чапаев и Буденный, Миронов и Котовский, Фрунзе и Щорс... Кроме того, немаловажно отметить, что боевыми командирами-красноармейцами на 80 процентов были бывшие царские офицеры, которых почти всех перестреляли в 1927 году, когда опасность миновала и острая необходимость в них отпала. С «классово чуждыми» разговор был короткий, хотя сам Бронштейн и назначаемые им комиссары, как мы уже знаем, тоже не имели к пролетариям никакого отношения. Впрочем, разделался «романтик революции» не только с «бывшими», но и с любимцем казачьего Дона Мироновым.

Итак, к 30-м годам ситуация сложилась такая: лучшие командиры, наиболее талантливые полководцы, воевавшие за идею народного счастья, погибли; наиболее образованная и обученная часть офицерства была уничтожена. Кто пришел к руководству армией? Кого оплакивают нынешние «гуманисты»?

И. Э. Якир, расстрелянный в 1937 году, до революции не отягощал Россию своим присутствием, обучаясь в Швейцарии в Базельском университете, который так и не окончил. Некоторое время черпал знания в Харьковском технологическом институте.

Впрочем, недостаток образования не помешал ему в 1923 году стать помощником командующего вооруженными силами Украины и Крыма. Потом, уже в 1927—1928 годах, он учился в Высшей военной академии Германского генерального штаба. Замысловатый путь карьеры Ионы Эммануиловича проходит и через казачьи хутора, где «для укрепления Советской власти на местах» выполнялась расистская директива Свердлова о «поголовном уничтожении верхов казачества» и о «массовом терроре по отношению к казакам».

До Маршала Советского Союза дослужился М. Н. Тухачевский. В 1936 году был заместителем наркома обороны. По образованию — военный. В 1914 году окончил Александровское военное училище. Свои знания и опыт успешно применил в 1921 году при подавлении матросского восстания в Кронштадте (так называемый Кронштадтский мятеж). Надолго запомнили его и на Тамбовщине, где крестьяне подняли восстание против произвола продотрядов («антоновщина»). В 1937 году сначала переведен на должность командующего Приволжским военным округом, потом арестован и расстрелян.

Так же в борьбе с «антоновщиной» отличился и И. П. Уборевич. Тамбовщина, Украина, Белоруссия полностью переквалифицировали Иеронима Петровича из артиллериста в специалиста по борьбе с русскими (украинцами, белорусами) повстанцами. До ареста в 1937 году командовал войсками Белорусского военного округа.

Тот же год стал последним и для А. И. Корка. В его послужном списке фигурируют Украина и Германия. В 1921 году он был помощником командующего вооруженными силами Украины и Крыма. В 1922 году командовал Туркестанским фронтом. В 1925-м — Ленинградским военным округом, потом был военным атташе в Германии, в 1935-м получил под свое начало Московский военный округ, потом академию имени М. В. Фрунзе. Несмотря на то, что Август Иванович в 1914 году окончил академию Генерального штаба, нет оснований полагать, что годы дипломатической и административной работы развили в нем полководческий талант.

Что же касается Я. Б. Гамарника, начальника Политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, то он вообще не имел образования. Ему, правда, довелось немного поучиться на юридическом факультете Киевского университета. Этот соратник Троцкого имеет неоспоримые заслуги в проведении в жизнь постановления Совнаркома 1918 года об антисемитизме, ведь в 1919 году Гамарник был председателем Одесского губкома. С 1934 года он — заместитель наркома обороны. В 1937-м — расстрелян. Разогнали и его подручных: Озола, Булина, Россета, Рудзита, Блументаля, Рейзина, Берлина, Раскина, Райхмана, Полтмана, Гринберга, Канцельсона... Ведь дело в том, что Гамарник, как и его «крестный отец» Троцкий, умело проводил кадровую политику, протаскивая на ключевые посты людей, которые соответствовали двум пунктам: лояльность к начальству и «подходящая» национальность. Так, начальниками Политического управления стали: Дальневосточной армии — Аронштам, Украинского военного округа — Амелин, Закавказской авиации — Генц, Волжской авиации — Вельтнер, Балтийского флота — Рабинович, Приволжского военного округа — Мезис, Северокавказ-

ского военного округа — Шифрес... Тут было бы кстати вспомнить расстрелянного в 1938-м Гершеля Ягоду и сотрудников НКВД, подобранных Ягодой еще более тщательно, чем комиссаром Гамарником.

Неоднозначно отношение у многих исследователей этого исторического периода к Маршалу Советского Союза В. К. Блюхеру. Кавалер двух Георгиевских крестов, первого ордена Красного Знамени, военный министр Дальневосточной республики. Человек беспримерного личного мужества, прекрасный организатор. Правда, и он, когда в 1917 году был в Челябинске комиссаром Красногвардейского отряда по борьбе с «дутовщиной» и председателем ревкома и когда в 1919 году вел 51-ю стрелковую дивизию от Тюмени до Байкала, тоже не особенно церемонился с «врагами пролетариата». Но более важен вопрос — сумел бы полководец гражданской войны соответствовать принципиально иным требованиям новой стратегии и тактики? Ведь оказался же, по существу, несостоятельным в изменившихся условиях герой 20-х, легендарный красный командир Семен Михайлович Буденный. Его ставка на кавалерию явно была днем вчерашним, и невольно появляется мысль: хорошо, что он вовремя дал дорогу новому поколению военных руководителей, и хорошо, что таких «зубров», как он, в тот период было уже немного.

А разве не похожа ситуация с Маршалом Советского Союза Егоровым? Ведь уже в 1917 году он был полковником. В Красной Армии командовал 10-й армией (1918 г.), Киевским, потом Петроградским военным округом (1921 г.), Белорусским военным округом (1927—1931 гг.), в 1937-м — заместитель наркома обороны, после чего звезда Егорова закатилась. В 1938-м он командующий Закавказским военным округом. В 1939-м — репрессирован. Смог бы Егоров создать систему противостояния германской военной машине, доживи он до 1941 года? Сделал бы он это лучше, чем пришедшие ему на смену военачальники? Здесь можно только высказать личное мнение, точнее, сомнение, поскольку история распорядилась иначе. Но как бы там ни было, в тяжкие 40-е годы врага встретила новая когорта военачальников во главе с великим русским полководцем Георгием Константиновичем Жуковым.

Вероятно, кому-то покажется странным, но в 1937 году не только увозили в «черных воронках», но и оканчивали академию Генерального штаба. Маршал Советского Союза А. М. Василевский, некогда — штабс-капитан, работая в Генеральном штабе, а с 1942 года возглавляя его, участвовал в разработке всех крупнейших операций Великой Отечественной войны и планов разгрома Японии. Проявил себя как выдающийся стратег.

Вместе с А. М. Василевским в том же 1937 году академию Генерального штаба окончил Н. Ф. Ватутин, руководящий во время войны штабом Северо-Западного фронта, обороной Новгорода. В 1942-м командовал войсками Юго-Западного фронта, участвовал в Сталинградской битве. Он автор операции «Малый Сатурн» по разгрому немцев на Дону. 1943-й — Курская битва. В успехе грандиозного наступления советских войск на этом участке фронта немалый вклад генерала армии Ватутина.

Представителем нового стратегического мышления можно назвать и Маршала Советского Союза Л. А. Говорова, выпускника академии Генерального штаба 1938 года. В 1941 году командовал

армией под Ельней. В 1942-м — войсками Ленинградского фронта. В 1943-м руководил прорывом блокады Ленинграда. В 1944-м — освобождал Эстонию. И таких военачальников в Советской Армии накануне войны было немало, по крайней мере, нет никаких оснований говорить об обезглавливании военного руководства.

Тем более неправомерно заявлять, что Советские Вооруженные Силы возглавили недостаточно компетентные люди. Вспомним, что все с того же 1937-го по 1942 год начальником Генерального штаба был, с перерывом в 1940 году, Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников. Талантливейший стратег, окончивший еще в 1914 году академию Генерального штаба и встретивший революцию в чине полковника. Он многое сделал для советского военного строительства, хотя заметим, что и он постепенно уступил место военачальникам нового стратегического мышления.

А Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский? Ему поручались ответственнейшие участки: Брянский, Донской, 1-й и 2-й Белорусские фронты. Кроме того, Рокоссовский был крупный политический деятель, о чем упоминают как-то вскользь. А ведь в 1949 году советский военачальник стал министром национальной обороны Польши, членом Политбюро ЦК ПОРП и заместителем Председателя Совмина этой страны! Мнение о Рокоссовском во всем мире было столь высокое, что ему доверили бы армию любой страны.

Но главной фигурой, и это бесспорно, был Г. К. Жуков. В 1938 году он еще широко неизвестен — всего лишь заместитель командующего войсками Белорусского особого военного округа. Полководческий гений Георгия Константиновича проявился в 1939 году на Халхин-Голе. Во время же Великой Отечественной войны именно ему принадлежит слава беспрецедентных исторических побед Советской Армии. 1941-й — Ельня и сражение под Москвой, 1942-й — Сталинград, 1943-й — Ленинград, Курск, Днепр. 1944-й — блестящие операции в Европе. 1945-й — Берлинская операция. Георгий Победоносец! Гений, равных которому не было ни в одной армии мира. Вот чей величественный памятник должен стоять в центре столицы нашей Родины. Вот чьим именем, а не именем палача Свердлова, стоило бы назвать одну из лучших площадей Москвы.

А ведь Жуков не только выиграл войну, он спас Россию от гибельного для нее тандема Каганович — Берия. Именно он сокрушил этих всесильных правителей и широким жестом, по-русски передал власть гражданскому правительству. Мало кто усомнится в том, что у Георгия Константиновича была реальная возможность самому возглавить страну. Как отплатили великому полководцу, нам известно.

Итак, можно утверждать, что вымыслы о чуть ли не злоумышленном ослаблении военного руководства перед войной с фашистской Германией безосновательны; что сменены (необязательно репрессированы) офицеры, генералы и маршалы были по трем причинам: поскольку, как правило, мыслили категориями гражданской войны и в военном отношении уступали пришедшим им на смену полководцам, поскольку были выдвиженцами Троцкого и преданными ему людьми и поскольку имена многих из них ассоциировались у значительной части населения страны с кровавым подавлением крестьянских, матросских, рабочих, национальных... возмущений. Их сменили высочайшие военные про-

фессионалы, преданные Родине, и с незапятнанной репутацией. Кроме того, все они были русскими, что положительно воспринималось населением Советского Союза.

Теперь, что касается потерь. Ю. Геллер в статье «Неверное эхо былого», опубликованной в «Дружбе народов» (№ 9 за 1989 г.), утверждает следующее: «По подсчетам ученых (видимо, израильских. — **В. Т.**), общее количество наших потерь (армии и мирного населения) — 46 миллионов. То есть мы потеряли четверть населения страны. Из них 22 миллиона солдат, или почти 12 процентов населения. Германия потеряла (армии и мирного населения) 6 миллионов. Из них армия — 3 миллиона... На Восточном фронте (против Польши и СССР) немцы потеряли 1,5 миллиона солдат...» Ошарашивающая своей наглостью ложь, к тому же широко тиражированная толстым журналом. Придется напомнить Ю. Геллеру и прочим сотрудникам службы дезинформации некоторые цифры, имеющиеся в десятках (!) достоверных источников, в том числе в Советской военной энциклопедии. На 18 ноября 1942 года, когда закончился оборонительный период Сталинградской битвы, немецко-фашистские войска потеряли 700 тысяч убитыми и ранеными. 23 ноября советские войска окружили 22 немецкие дивизии общей численностью 330 тысяч человек. С 10 января по 2 февраля была разгромлена южная группа войск генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, потерявшая только убитыми 140 тысяч. Всего же за 200 дней Сталинградской битвы германская армия понесла огромные потери — 1,5 миллиона солдат и офицеров — четвертую часть своих сил, действовавших на советско-германском фронте. Кстати, битва началась со значительным превосходством фашистов. А ведь были еще и Ельня, и Курская дуга (Германия потеряла полмиллиона человек) и десятки других кровопролитных сражений, были бомбардировки территории Германии. Всего же во второй мировой войне немцы потеряли более 10 миллионов человек.

Взяты с потолка и «22 миллиона солдат» наших потерь. К июню 1941 года численность Советских Вооруженных Сил составляла 5 миллионов 373 тысячи человек. К началу 1944 года в действующей Советской Армии было 6,3 миллиона человек. Кстати, в том же 1944 году только за лето и осень были разгромлены немецкие группы армий «Север», «Северная Украина», «А», «Юг», в результате чего потери фашистов составили 1,6 миллиона человек. Наши же чисто военные потери в то время не только не превышали в несколько раз потери немцев, а в ряде сражений были меньше. Говорить же о 22 миллионах солдат (тем более только солдат!) — значит утверждать, что каждый год войны наша действующая армия полностью уничтожалась. Что за бред! Нет ни одного хоть сколько-нибудь серьезного документа, подтверждающего это. Что же касается едва ли не 50 миллионов общих наших потерь, то эта цифра верна, но не для 40-х, а для 20-х годов, когда Троцкий и Свердлов, Якир и Тухачевский, Гамарник и Эпштейн осуществляли геноцид народов России. Правда, и 20 миллионов жизней, унесенных войной, — цифра страшная. Но можно ли было «малой кровью» сломать чудовищно мощную военную машину Германии, легко перемоловшую почти все европейские армии? Но... это уже школьная программа.

Сегодня, однако, стремление перестроить, точнее, перевернуть все вверх дном приобрело характер эпидемии. В повествовании

В. Гроссмана «Жизнь и судьба» автор ставит знак равенства между социализмом и фашизмом, между советским солдатом и эсэсовцем, чем восхищается в своей статье в «Литературной газете» (31.01.90) В. Кондратьев. Он же видит причину больших потерь советского народа как «итог полководческого искусства «великого... всех времен и народов»... и полководческого искусства наших военачальников, и способов ведения войны, где главным искусством было — «мы за ценой не постоим». И не постояли...». Какое кощунство! Какое издевательство над памятью великих русских военачальников, которые вели в бой войска, дошедшие до Берлина! Впрочем, что можно ожидать от того, кто заявляет, что «крови оказалось так много, что победу-то можно назвать пирровой». Почитаешь такое и засомневаешься, а может, вообще не мы, а немцы победили?

Дискредитация военных и политических побед Советского Союза в годы Великой Отечественной войны лишь часть общей и неплохо спланированной программы оплевывания нашего прошлого, всей истории русского народа. Для чего это надо? Чтобы вдолбить нам: мол, и работники мы плохие, и тысячелетние рабы, и пьяницы, и Иваны-дураки, а лучший выход для нас, исходя из нашей ущербности и генетической неполноценности, — преобладание в руководстве всеми государственными и общественными структурами поголовно умных и талантливых представителей «малого народа». Но ведь было это уже, и последствия известны, только не все это помнят и попадаются на дешевую приманку воинствующего нигилизма.

В. ТРОФИМЕНКО,
историк

ПРОКЛЯТЫЙ НАРОДОМ ДЕНЬ

22 июня 1941 года, наверное, самый тяжелый и трагический день нашей многовековой истории. В ночь на 22 июня каждого года я редко когда сплю и знаю, что многие ветераны войны тоже не спят в эту ночь и думают свои невеселые думы об этом страшном дне. Иногда в эту ночь я уезжаю с последней электричкой подальше от Москвы, иду к лесу и по дороге, встречая рассвет, пытаюсь представить то раннее утро на нашей западной границе.

Мне довелось в 1944—1945 годах воевать в танковых войсках, поэтому я думаю всегда в эти часы о танкистах 41-го года.

Что делали они в эти утренние часы? Никто из экипажей, надо полагать, и представления не имел, что такое гореть в танке. Немногие «испанцы» и «халхингольцы», испытавшие это, занимали уже высокие посты, а в танках сидели мальчишки 30-х годов...

И вот, через считанные часы лихие их командиры, не разобравшись в обстановке, не оценив противодействующие силы врага, уверенные в могуществе нашей армии, надеясь на скорую победу над вторгшимся врагом, бросят танки навстречу ему. И будут бить врага наши танки, и начнут гореть сами. А хитрый и коварный враг, хорошо зная свое разбойничье дело, разбомбит тылы

пограничных частей, уничтожит горючее и боеприпасы. И танки встанут, и сделаются беспомощными без снарядов, с пустыми баками, и в немалом количестве достанутся врагу. И в марте 45-го тридцатьчетверки нашего 10-го Днепровского танкового корпуса встретятся в бою тоже с тридцатьчетверками, захваченными у нас в 41-м, с фашистскими крестами. Я сам видел эти сожженные тридцатьчетверки с крестами под Браунсбергом в Восточной Пруссии, лазал по ним, осматривал пробоины... А в то проклятое утро 41-го и в ближайшие дни многие наши танкисты впервые будут гореть, гореть, гореть...

В отличие от авиации, где боевые заслуги летчиков оцениваются количеством сбитых вражеских самолетов и количеством боевых вылетов, у танкистов появится своя неофициальная оценка боевых заслуг экипажей: количество танков, в которых ты горел сам.

Опять-таки в отличие от авиации, где самолеты готовят к боевым вылетам наземные технические экипажи, танки обслуживают и готовят к бою сами штатные экипажи. Заливают топливные баки горючим, моторным маслом, смазывают солидолом ходовую часть, другие агрегаты, смазывают и снимают смазку ствола пушки, проводят многие другие работы с горюче-смазочными материалами. Поэтому одежда танкистов очень часто на войне была пропитана горючим и маслами. Основное горючее для танков времен Великой Отечественной — дизельное топливо — газойль. Оно значительно менее летуче, чем авиационный бензин, и на одежде держится долго. Когда танк пробивает броневой снаряд или броню прожигает так называемый фаустпатрон и на одежду попадает расплавленный сгусток металла, одежда мгновенно загорается. К тому же очень часто бронебойный снаряд пронзает бак с горючим (а баков в Т-34, например, было три с правого борта, еще два и бак с маслом — слева), внутрь танка выплескивается газойль или масло, попадает на одежду людей. Не дай бог тому, кто не был на войне, когда-нибудь видеть корчащихся, израненных, сгорающих заживо людей или испытать это самому. Немногим горевшим довелось уцелеть. Вот почему и существует среди танкистов такая своеобразная, неофициальная оценка бывалости, опытности мужества и боевой зрелости.

Война перемолола, по моим подсчетам, около 90 тысяч наших танков. Если взять в среднем состав экипажа четыре человека и среднее число погибших в каждом из сгоревших и подбитых танков два человека, то получается около 200 тысяч погибших танкистов. А гибли и около танков от бомб, от мин, от снайперов... Вот примерно тот «вклад» в жертвенник Великой Отечественной войны, который внесли танкисты.

Только зная все это, всю правду о войне, о тяжести и опасности, которым подвергались танковые экипажи в бою, можно по-настоящему оценить мужество, стойкость, преданность великой освободительной миссии наших танкистов времен Великой Отечественной войны. И какой ценой достались нам победа и наша нынешняя мирная жизнь. И как надо беречь этот мир и не допустить повторения того трагического дня.

В. ФЕДИН

ГИТЛЕР — «ЖЕРТВА СТАЛИНИЗМА»!

Сейчас убеждают людей, что в 30—40-х годах в армии была «дедовщина». Нет! Не было! Есть живые свидетели, служившие в те годы в Красной Армии, и они помнят, какая была дисциплина в те годы в армии. Идеальная дисциплина, никакого унижения, оскорбления солдаты не получали. В те времена не было пьющих офицеров. Командира солдат никогда не мог видеть выпившим. Командиры были требовательны и к себе, и к солдатам. Были они честны, морально чистые, справедливые, культурные. Тогда родители ждали и радовались, когда их детей брали на действительную службу, говоря: «Вот отслужишь в армии и вернешься настоящим геройским человеком».

А что может сказать массовая информация о причинах восхищения советской молодежи гитлеровскими зверствами, когда юнцы, одевшись в фашистскую форму, кричат «Хайль Гитлер!»? И это на улицах Ленинграда! Вот до чего довела «демократия», цель которой — полное разложение молодежи. Каждому здравомыслящему человеку понятно, что наша молодежь без тщательной и умелой психологической обработки кем-то из агентов никогда бы на такое кощунство не пошла. «Неясно» это только тем, кто должен пресекать, но не пресекает глумления. Может, они хотят на Красной площади установить памятник Гитлеру, — он ведь тоже «жертва сталинизма»?

Ко всем гибельным делам, в том числе и к разжиганию национализма, прикладывают руку наши враги, и чем успешнее идет разложение и ослабление страны, тем умильнее их речи «в поддержку перестройки». Это — факт.

Куда же делась слава великого русского народа? А сейчас нельзя и говорить «великий русский народ», ведь эти слова произносил И. Сталин...

Будем и дальше позволять, терпеть резню между национальными республиками и делать вид, что в наше время нет «пятой колонны», приносящей разорение нашей любимой Родине? Но и эти слова произносить «не демократично»... Но до каких пор будем терпеть разорение нашей интернациональной Родины, называя национальную рознь отголоском прошлого, вирусом Сталина, в то время как в прошлом никогда этого не было и быть не могло?

М. МАЛИЕВА,
г. Орджоникидзе

ПОРА ОПОМНИТЬСЯ!

Мы, нижеподписавшиеся, представители трех поколений, защитившие Отечество от фашизма на фронтах ожесточенной войны, отдавшие немало сил для восстановления народного хозяйства и ныне работающие в годы перестройки, гордимся своей прожитой трудовой и боевой жизнью. Мы хотим высказать конкретные мнения по больным вопросам нашей жизни.

Из-за неправильной оценки короткой истории нашего государства и партии, из-за приписки ошибок руководителей государства и окружающей их группы лиц всему народу сегодня идейно

противопоставлены старшее и молодое поколения, потеряно доверие к руководству — партии и правительству.

Дальнейшее проведение гуманизации не уменьшило, а увеличило число правонарушений. Даже у нас, в глуши якутских деревень, участились случаи грабежей, воровства, которые в недавнюю пору считались самыми постыдными, крайними проступками среди якутов.

Появились искусственные дефициты на товары повседневного спроса, редеет ассортимент продуктов. Исчезли с прилавков разные сорта консервов, конфет, пряников. За 1989 год в магазинах нашего поселка продавалось лишь по 1 килограмму колбасы на душу, два раза по праздникам привозили лимонадный напиток, один раз по нескольку яблок... Давно в аптеках не приобретешь самые нужные таблетки от головной боли, от самых распространенных заболеваний.

Мы обеспокоены тем, что медики (!) начинают протягивать руку в карман несчастных больных. К примеру, недавний двухдневный визит врача-психотерапевта Кашпировского в г. Краснодар принес ему несколько сот тысяч рублей. Даже в нашей республике с явно спекулятивной, жульнической целью давно уже укоренились развлекательные кооперативы, проведение денежно-вещевых лотерей под эгидой республиканского, районных комитетов комсомола.

История развития и построения социализма в нашей стране развертывается в основном вокруг трех генсеков, на которых мы навешиваем всякие ярлыки. Сомнительные произведения, публикации вводят молодежь в заблуждение, воспитывают в недоверии к прошлому, к будущему.

В нашей жизни уже становится привычным оклеветать, критиковать умерших, не придерживаясь мудрой народной пословицы «Лежачего не бьют».

Мы не помним и раньше не знали, где существовали «казарменный социализм», «уравниловка», а знали то, что в наших краях люди работали от ранней зари до позднего заката. Работали не из-за страха, а за будущее своих детей, страны. В то время не было слышно у нас в Якутии о спекулянтах, взяточниках, грабителях, люди шли на работу с чистой душой, иногда голодные, но с песней — песней оптимизма. Пишут и утверждают, что при «казарменном социализме» якобы вся страна превратилась в ГУЛАГи... Во времена руководства И. В. Сталина пик максимального количества заключенных НКВД равнялся 1,5 миллиона человек в 1941 году («АиФ» № 45 за 1989 г.). А за десять месяцев 1989 года количество зарегистрированных преступлений (не количество преступников) достигло 1 988 881 («Правда», 15.11.89 г.) и возросло на 31 процент по сравнению с 1988 годом. При таком движении через считанные годы действительно перейдем к «казарменному социализму».

При всем этом мы одобряем и поддерживаем усилия партии и правительства по проведению оправдательной и реабилитационной работы в отношении незаконно осужденных людей в тридцатые, сороковые и начале пятидесятых годов.

С целью «исправления прошлых ошибок» в настоящее время в полный оборот пущен механизм охаивания, очернения всего пройденного. Еще не поздно, нужно повернуть лицо к самым лучшим традициям прошлого. Учить героизму, патриотизму, любви к Ро-

дине — святая обязанность нашего общества. Сейчас трудно довести до молодежи правду о героической, справедливой войне СССР в 1941—1945 годах, об отмене карточной системы через три года после окончания войны, об удешевлении цен на товары и продукты семь лет подряд. Трудно достать литературу, статистику тех времен.

Читая стенограмму XVII съезда КПСС, удивляешься артистизму Бухарина, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Хрущева, красноречиво восхвалявших и величавших Сталина. Трудно поверить тому, что, являясь преступниками, Сталин и его окружение с таким усердием оставили следы преступления для нас, тщательно упрятав дела репрессированных в архивы. После внимательного чтения переписки Сталина с президентами США и премьер-министром Великобритании невольно возникает вопрос: за что уважали и преклонялись перед ним правители двух великих держав (Политиздат, 1976)? За что оставил хвалебные слова в его адрес его идейный враг А. Керенский («Родина» № 2 за 1989 г.)?

Больше веришь Жукову, Громыко, Грабину, Бенедиктову, Ковалеву, чем А. Рыбакову или М. Шатрову. Считая все ошибки, просчеты и заслуги Сталина перед народом, тем не менее нужен более объективный подход к оценке его деятельности, ибо, как говорится в мемуарах А. А. Громыко, спор вокруг этой личности продлится еще на несколько сот лет и принесет немало негативного в воспитании будущих поколений.

Лишь только правда, полная правда о прошлом и настоящем поможет нормализовать накаленную до предела обстановку в стране.

В. П. ГОТОВЦЕВ — ветеран советско-партийной работы,
М. Н. ТРОЛУКОВ — ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда,
И. П. МАТВЕЕВ — директор средней школы, Якутская АССР,
Усть-Алданский район,
с. Борогонцы

РАЗНИЦА В ВОСПИТАНИИ

Пишу вам в связи с одним письмом «Надо ли метать бисер...» (№ 9 за 1989 г.) в ответ на публикацию интервью с Бенедиктовым. Оно от 1980 года, а многое очень злободневно и сейчас. Нет, товарищи, надо метать не бисер, а копья, наблюдая за тем, что происходит в настоящее время. Как появляется публикация в защиту нашего прошлого, сразу возгласы: «Черносотенцы, сталинисты!»

Смотрела я встречу, организованную тов. Познером с издателями некоторых наших газет и журналов, по телевизору. В. Коротича спросил возмущенный старческий голос по телефону: «Кто ему дал право издеваться над ветеранами?» Ответ: «Я не воевал, мне было 9 лет...» И пояснил, что он дворянин, как Ленин.

Насколько известно, в начале войны у нас дворян не было, а вот мне лично было 4 года, а я «воевала» — была в оккупации 2 года в Орловской области. Отправили нас с сестрой

(10 лет) на лето к бабушкам, сначала отец не приехал (дедушка ему написал, что «в наши овраги немцы не пойдут, в Москве хуже»), а в августе уже нельзя было «проехать», а в сентябре в «овраги» пришли финны и немцы. Из нашей деревни в ноябре всех жителей выгнали — «на время». Как гнали стариков, женщин и детей по снежному полю, полураздетых (валенки и тулупы почти у всех «конфисковали»), а в деревнях ребятишек много, а зимней одежды — только старшим, остальные зимой на печке. Вот и осталось больше половины на этом снежном поле...

Нас, эвакуированных, размещали по домам в других деревнях, хозяева должны были нас кормить, но жили все трудно, многие «каждый за себя». Бабушка подрабатывала, ходили мы просить и милостыню, посылали меня и к немцам на кухню — там мне наливали «зупу» (в январе 1942 года умерла сестра, а августе — дедушка).

5—6-летним ребенком я за два года отшагала не одну сотню километров, гнали на Запад, в основном почему-то запомнились весенне-летние «переходы».

Летом 1942 года немцы отобрали молодежь на работы в Германию, в их число попали мамина сестра Шура и брат. После войны им трудно было устроиться на работу, в частности, на оборонный завод, где работали мои родители. Когда я возмутилась, сказав, что ведь они не виноваты, Шура заметила: «А знаешь, сколько среди нас было добровольцев?» Оказывается, в деревнях, где мы размещались, многие верили в немецкую пропаганду, ехали в Германию «за культурой», а уже потом эту «культуру» почувствовали на своей шкуре. Там немцы не разбирались, кто доброволец, кто подневольный, все были рабочим скотом. Вот и пусть теперь «реабилитируют» всех подряд, хотя каждому известно, что люди разные, все не так просто.

В августе 1943 года нас перегоняли власовцы. Этих подонков я запомнила на всю жизнь. Нельзя никогда, ни под каким видом прощать предателей. Как они выслуживались, как заставляли женщин, стариков, с детьми по жаре бежать по полю; если кто замешкается, подбегали, стреляли в воздух из автоматов — пугали.

В последней (на нашем пути) деревне мы спрятались (с помощью хозяина хаты). Началась перестрелка, мы с бабушкой схоронились в сенях, гремели орудийные залпы, потом стихло, кого-то повыгоняли из хат, но, по-моему, просто особенно не искали «эвакуированных». Замерло все, наш хозяин вышел, уже совсем светло было. Ходил куда-то, а потом пришел, сказал, что немцев в селе нет, можно выходить.

Так мы, я с папиной мамой, родители моей мамы с младшей дочкой и еще несколько родственников, пошли обратно к своей деревне. В конце августа 1943 года нас с бабушкой мой отец забрал в Москву. У отца была «бронь» — работал на оборонном заводе по 12—15 часов в сутки, прибегал только поесть, но это не было подневольно. Люди понимали: так надо.

Первое время я не могла спокойно видеть нищих, которые ходили по домам, готова была отдать им все, хотя, когда я сама была в их положении, я еще не совсем понимала, ведь я не просила, а читала стихи, я их знала много. Говорили: «Девочка не деревенская». На что я с гордостью отвечала: «Я москвичка».

В 1944 году пошла в школу. Как принимали в пионеры, в ком-

сомол — все правильно описал Н. Кузьмин. Да, мы свято верили, что должны приносить пользу Родине. На собраниях открыто выступали, ничего не боялись, никаких выгод не искали для себя. О нашей нравственности говорить можно только в самом высоком смысле этого слова. Наши учителя нас воспитывали в духе патриотизма, высокой морали, мы много читали, играли в детские игры: в лапту, в волейбол, а сколько извели веревок у родителей на прыгалки!

Сейчас по телевизору в передаче «О любви» рекомендуют в школе «обучать пользоваться... презервативами». Нас, «глупых», в школе учили возвышенным чувствам. Мы сначала «дружили», краснели, если кто-то посмотрит с нежностью... Вот такая разница в воспитании.

После фильма «Молодая гвардия» организовали «Юную гвардию», фамилии были от молодогвардейцев. Я была «Любка Шевцова». Чтобы вступить в нашу организацию, надо было прыгнуть... со второго этажа клуба, куда мы взбирались по пожарной лестнице (правда, прыгали зимой в сугроб). Теперь, конечно, можно и сказать — «фанаты», «сталинисты».

Да, мы сталинисты, но все-таки мы верили не в одного Сталина, а в свое правительство, в свою власть.

Мама рассказывала о первых днях войны в Москве, ведь были разные слухи (кто-то их распространял!), что «Сталин бежал вместе с правительством».

Паника началась, завод эвакуировали, родители сразу не уехали, так как ничего не знали о нашей судьбе. И вот выступление Сталина 3 июля... Что угодно сейчас можно говорить, но его речь резко изменила настроение народа. Это может подтвердить любой из оставшихся в живых с той поры. Правда, их очень мало. Труд и недостаток сделали свое: рано состарились, болели, умерли. Мой отец уже в 40 лет заболел туберкулезом, затем сердце — в 66 лет умер, хотя не был на фронте, инвалид труда 1-й группы, в 54 года. В партию вступил в октябре 1941 года.

Но писать о тех днях можно бесконечно...

В. РЕВАЗОВА,
Москва

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО М. С. ГОРБАЧЕВУ

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Я простой советский гражданин, рядовой труженик, никогда не занимавший высоких постов, почти с полувековым трудовым стажем и таким же стажем в партии.

Или, как принято сейчас говорить, никогда не был «номенклатурным чиновником командно-административной системы», не имел и не имею никаких льгот и привилегий.

Перестройку воспринял всем сердцем и сейчас еще остаюсь ее сторонником.

Это письмо меня вынудило написать чувство беспокойства за будущее нашей страны, боль и обида за незаслуженное оскорбление старших поколений.

Мы начали перестройку с безудержного и безжалостного охаи-

вания и очернительства нашей истории, своей страны и своего народа.

Я уверен, что ни одно государство мира за всю историю человечества не вылило столько грязи на свое прошлое, как это сделали мы за годы перестройки.

Для чего это делается и по чьей инициативе? Неужели только для того, чтобы на «черном фоне» нашего прошлого ярче высветить дела нынешнего руководства?

Ну если мы никак не можем отрешиться от «уродливой традиции» с приходом нового руководителя обязательно очернить старого, ушедшего, то кому это позволено так безжалостно и бездоказательно оскорблять и обворовывать целые поколения советских людей, которые за 70 лет вывели нашу страну в одну из двух сверхдержав мира?

Под вывеской критики «сталинизма», «волюнтаризма», «застоя» некоторые группы и средства массовой информации ведут беспрецедентную травлю и шельмование партии, стараются дискредитировать социализм, показать старшие поколения как «неполноценную», «немыслящую» толпу рабов, называют рабским патриотический девиз «Если надо — сделаем!», стремятся принизить и предать забвению дорогие нам имена героев-тружеников, революционеров и воинов, на которых воспитывалось наше поколение.

Сейчас в печати, в студиях радио и телевидения редко увидишь и услышишь слово защиты тружеников, людей дела, героев войны и космоса. Зато идеалом для молодежи, героями перестройки всячески выставляются те «обиженные» и «непризнанные», которые в трудные для страны годы в поисках легкой жизни сбежали за кордон, клеветали на наш народ и Родину, а сейчас выступают в роли нас поучающих.

Или в ходу сейчас «полесские Робинзоны» и «лесные братья», дождавшиеся смерти последних свидетелей из прошлых неблаговидных дел и вышедших из своих укрытий, а также различного рода прорицатели и исцелители, среди которых для полного букета не хватает Гришки Распутина.

Вместо патриотического «Если надо...» усиленно навязывается коммерческое «если выгодно...», стремление воспитать молодежь «рабами рубля», лакеями Запада.

Становится стыдно и обидно за страну, за великий наш народ, когда видишь отдельных представителей средств массовой информации, злорадно и раболепно-заискивающе смакующих наши недостатки с представителями западных стран, порочащих и отвергающих все советское.

Сейчас много говорится о духовной культуре советского человека. О какой духовности может идти речь, если вся национальная история, культура, национальные традиции очернены и унижены, когда все русское считается «низкопробным», «неприемлемым», а программы радио и телевидения заполнены хрипящей и кривляющейся бездарью из западного (далеко не лучшего) репертуара. Создается впечатление, что мы скоро начисто разучимся говорить и петь по-нашенски.

Даже в праздничном концерте в честь 72-й годовщины Октября нас развлекали в основном западными песенками и рок-музыкой. И это в годовщину великой русской революции, в столице Русского государства! Где же наша национальная гордость?

Все перечисленное явилось важным негативным отголоском на делах нашей страны, перестройки. Отсюда все наши беды. Подорвана вера в партию, в идеалы социализма. Это привело к расколу нашего общества. То, что не смогли сделать с нашим обществом буржуазные идеологи за 70 лет, сделали мы сами за 4 года. За это нас так снисходительно «поглаживают по головке», но скоро зажмут в крепкие экономические «объятия».

Из периода «застоя» мы постепенно вползаем в период «развала». Развала Советского многонационального государства и всего социалистического содружества.

Примеров тому достаточно.

С уважением
МОРКОВИН Федор Иванович,
ветеран войны,
г. Минск
Гонорар прошу перечислить
в помощь русским беженцам

ОТВЕТ ВЕТЕРАНОВ

Как известно, целенаправленные усилия «Огонька», «Собеседника», «Комсомольской правды», «Московского комсомольца» по оплевыванию Советских Вооруженных Сил уже дали свои обильные плоды: с каждым годом растет число юношей, отказывающихся служить в Советской Армии, ныне это уже тысячи молодых людей... В Сумгаите и в Фергане погибли десятки и сотни людей, и число этих жертв, думается нам, прямо пропорционально усилиям главных редакторов названных молодежных изданий очернять великое прошлое и непростое настоящее нашей Советской Армии. Раздумья и промедления, которые имели место в Азербайджане и Узбекистане, резко умножили число неповинных жертв: вспомните ложь некоторых народных депутатов СССР от Грузии на I Съезде, и станет понятна нерешительность действий внутренних войск в Узбекистане. Не так уж трудно представить и «альтернативный» ход событий 9 апреля 1989 года в Тбилиси. «Свержение существующей власти в республике, идущей на поводу у Москвы», к чему несколько суток подряд призывали националистически возбужденную толпу, непременно привело бы, рано или поздно, к жертвам. Возможно, погибли бы другие люди, но их количество могло бы оказаться куда большим: пример тому — Румыния... Призывы: «Русские! Вон из Грузии!», «СССР — тюрьма народов!» — более чем ясны: покинуть «тюрьму» без кровопролития нельзя. И какова же оценка этих событий, выраженная в постановлении Съезда 24.12.89? Она однозначна: «...ОСУДИТЬ применение насилия против участников демонстрации 9 апреля 1989 года в гор. Тбилиси...» Так кого же осудили? Опять Советскую Армию и внутренние войска! А тех, кто скандировал: «Зиг хайль!», приготовил и пустил в ход металлические прутья, их осуждать не за что?! По утверждению депутата Т. Гамкрелидзе, они «гуляли со свечами». Думается, что недальновидное это решение: национализм и экстремизм, не удостоенный даже слова — «осуждение», рано или поздно приведет к кровавым жертвам. Но зако-

тят ли наши внуки, многократно обруганные, защищать людей от преступников, поощряемых владельцами «отмытых» и неотмытых миллионов? Ведь последние рвутся к власти: деньги без власти стоят мало.

Будущее большинство Съезда, защищающее партию от спекулятивных нападок на статью 6 Конституции СССР, а нищих ветеранов войны и труда от «рынка», сулящего в условиях повального дефицита лишь десятикратное или стократное повышение цен, было заранее, сознательно оскорблено 13.12.89 «Литературной газетой» и ее любимым автором — Е. Евтушенко: «Депутатские элегии» — так называлась эта публикация в «ЛГ» от 13.12.89. Открываем словарь и читаем: «Элегия — лирическое стихотворение, проникнутое грустным настроением». Читаем: «Подавляющее большинство, пахнешь ты, как навозная роза, и всегда подавляешь того, кто высовывается из навоза... В подавляющем большинстве есть невинность преступная стада и козлы-пастухи во главе и тупое козлиное: «надо!»... Кто же выступил в защиту большинства депутатского корпуса от «грустного» хамства? Генерал-майор Сурков, политработник. Он закончил: «Я просил бы быть друг к другу немножко поуважительней...» И вот на трибуне появляется Евтушенко и вместо извинений Съезду, кривляясь и паясничая, чернит армию и ее представителей: «...некоторые политработники с золотыми погонами... осуществляли бесстыдное цензурное насилие над мемуарами Жукова.., они пихнули в «психушку» правозащитника генерала Григоренко.., еще со сталинских времен завелось особое подразделение идеологических пожарников...» И снова ложь во имя оправдания своего хамства: «Ей-богу, вы ошибаетесь, досточтимый (?) молодой генерал, по адресу стихотворения «Подавляющее большинство», в котором нет никакого конкретного обращения к нашему Съезду. Это стихотворение философское...» А как же быть со словами «ДЕПУТАТСКИЕ элегии», написанными аршинными буквами? Или «гражданин мира» Евтушенко имел в виду сенаторов и конгрессменов США? Но их вроде бы «депутатами» не кличут... Итак, Советская Армия и ее политработники в очередной раз подверглись шельмованию. И не нашлось у Съезда ни времени, ни желания, чтобы дать отповедь московскому поэту, депутату из харьковской глубинки. Позвольте же хотя бы нам, ветеранам, дать ему ответ в той форме, которую он предпочитает:

«Философствующее» меньшинство,
Расплодившееся на «навозе»,
За душой у тебя — ничего,
Ты как голый король в пошлой позе.

Ненавистно тебе большинство,
И его именуешь ты стадом.
Но в который уж раз меньшинство
К нуждам бедных становится задом.

К счастью, минули те времена,
Когда верили все демагогам.
Меньшинство, твоя поза ясна,
Но бесплодна она и убога.

Ты бессильно исполнить наказ
Тех, кто к власти стремится так яро.
Меньшинство не расколет всех нас,
Большинством мы зовемся недаром.

По поручению Президиума Совета ветеранов войны авиации дальнего действия

В. ПЕРОВ,
участник ВОВ,
Москва

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ РУССКИЕ»

Для Прибалтики, и в частности для Эстонии, годом включения в Советский Союз является 1939-й, согласно заключенному советско-германскому договору о ненападении. По решению первого Съезда народных депутатов СССР в 1989 году составлена Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора от 23 августа 1939 года. На основании заключения комиссии съезд вынес постановление, в котором отмечается, что протокол 23 августа 1939 года, как и другие протоколы, подписанные с Германией в 1939—1941 годах, «находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран», решение о подписании этих протоколов «не отражало воли советского народа, который не несет ответственности за этот сговор». В докладе председателя комиссии А. Н. Яковлева сказано также, что договор юридически утратил силу, ибо все советско-германские соглашения «были полностью зачеркнуты с первым залпом орудий на рассвете 22 июня 1941 года». В докладе говорится также, что изначально поставлена задача сконцентрировать внимание на этой дате, не рассматривая предвоенный период. Такой упор на договор 1939 года был бы правомерен, если бы только с этой даты Россия и Эстония вступили бы впервые во взаимные отношения друг с другом. В действительности отношения между русским и эстонским народами отнюдь не исчерпываются полувеком, корни их уходят в глубь веков. Учитывая, что эти отношения были на протяжении целого ряда столетий весьма тесными, отбрасывать этот факт и сводить все дело к договору 1939 года является по меньшей мере нелогичным.

Несколько шире и полнее, чем в докладе А. Н. Яковлева, рассматривается вопрос о положении Эстонии перед договором историком-международником Ю. Емельяновым в статье «Август 39-го». — До и после» («Советская Россия» от 6 августа 1989 года). Здесь учтены события 1918, 1925 и 1938 годов, как и последующих — 1940—1944 годов, все обстоятельства подвергаются взвешенному анализу. Что касается предшествующего периода, о нем сказано весьма расплывчато: «...вплоть до 1918 года ни эстонский, ни латышский народы, находясь поочередно в составе Ливонского ордена, различных епископств, Курляндского герцогства, Швеции, Российской империи, не имели своей государственности».

В противовес этим попыткам рассмотреть юридическую сторону вопроса о вхождении Эстонии в СССР на документальном ма-

териале, с принципиально других позиций подходит к этой теме депутат Верховного Совета СССР из Эстонии Т. Маде. Сначала вышла провокационная статья его «Великорусский национализм» в газете «Свенска дагеблатт» (Стокгольм), а затем он издал на финском языке книгу «Империя на распутье». В своих сочинениях Т. Маде высказал враждебные и оскорбительные для России суждения, пускаясь в оценку «русского национального характера», не останавливаясь при этом перед искажением истории русского и эстонского народов.

Как обстояло дело в действительности в области взаимоотношений эстонцев с русскими? Проследим ход исторического развития эстонского народа за последнее тысячелетие.

Эстонцы (эсты) принадлежат, как и карелы, к финно-угорскому племени, в русских летописях они именуются чудью, а в народном названии — чухонцами. Прибалтийские народы с глубокой древности были связаны с Русью. В период сложения Древнерусского государства, уже в IX—X веках, эсты — чудь вошли в его состав и участвовали в походах Олега на Киев (882 г.) и на Византию (907 и 944 гг.). В 1030 году Ярослав Мудрый основал для противостояния агрессии скандинавских и немецких рыцарей город Юрьев (нынешний Тарту), который стал центром управления киевскими князьями землей эстов. В 1060 году Изяслав Ярославович присоединил юго-западную эстонскую область. Это было обычное в историческом развитии народов явление — победа сильнейшей культуры.

Начиная с 1030-х годов — сложения республики Великого Новгорода, руководство землей эстов перешло к Новгороду. Новгородцы несли не только материальную, но и художественную культуру — на о. Готланд сохранились превосходные фрески новгородских мастеров XII века.

С конца XII века начинаются набеги немецких рыцарей-крестоносцев, направляемых папской курией, но после Ледового побоища земли Восточной Прибалтики были освобождены, и лишь в конце XIII века ослабленная татаро-монгольским завоеванием Русь отступила перед натиском немцев.

Эстонский народ, оставшись один на один с западными агрессорами, продолжал вести с ними борьбу, доведенный до отчаяния зверствами немецких завоевателей. Один из эпизодов этой борьбы — восстание на Юрьев день 1343 года. Эстонцы не хотели мириться с тем, что немецкие феодалы грабили их имущество, обращались с населением как с рабами, насиловали женщин. Эсты просили помощи у русских, но рыцари рвались и в новгородско-псковские земли — впрочем, безуспешно. Восстание потерпело поражение, жертвы были огромны — убито около 30 тысяч эстонцев.

Для упрочения господства в Прибалтике был создан Ливонский орден. В своей борьбе с немецкими феодалами эстонцы и латыши видели своего союзника в русском народе. Начатая в 1557 году Россией Ливонская война была поддержана эстонским народом, в этой войне русские войска разгромили и окончательно уничтожили Ливонский орден — жестокого врага народов Прибалтики.

В XVI и XVII веках Эстония подпадает под власть Польши, потом Швеции, но с 1710 года снова присоединена к России, оставаясь Эстляндской губернией вплоть до 1918 года. В 1934 году

здесь одержала победу фашистская диктатура, в 1941 году Эстония была оккупирована рейхом, а в 1944 году освобождена Советской Армией.

В свои союзники Т. Маде призывает карелов, близких эстонцам по крови. Но стоит напомнить события из истории карельского народа. Когда, воспользовавшись трудностями Русского государства в начале XVII века, Швеция захватила Западное Приладожье и город Корелы, карельское население побросало имущество, землю, чтобы не попасть в кабалу к завоевателям. Тысячи, десятки тысяч карелов двинулись на северо-восток, к русским. Московская власть придала переселению организованные формы, переселенцам отводили земли — вот вам и имперские притязания русских, вот вам и «Россия — тюрьма народов».

Сам факт, что эстонцы, карелы, как и другие соседние народы, при самом тесном общении с русскими на протяжении многих веков сохранили свой язык и свои обычаи, говорит сам за себя.

Да, Эстония при гитлеровцах имела видимость «суверенного» государства, но это было не больше, чем источник рабочей силы для «третьего рейха». Можно не строить иллюзий, к чему бы пришла Эстония, если бы Советская Армия не освободила народы Европы от фашизма и его чудовищных преступлений по отношению к покоренным народам. Не об этом ли проливает слезы Маде? Похоже на то!

Кто такие русские? Маде походя решает и этот вопрос: «Татары и монголы вторглись в свое время в русские деревни, истребляли и захватывали в плен мужское население, насиловали русских женщин. Поэтому сегодня русский народ так смешан с теми людьми, которые когда-то насиловали русских женщин. Отсюда эта агрессивность, необходимость показать силу и выдавание чужих успехов за свои».

Не будем говорить об элементарной логике — ее нет. Уважения к 150-миллионному народу также нет, как нет и знания истории. Вообще не вижу перед собой ученого. Расчет простой: пишет профессор — надо верить.

Итак, эстонцы, побывавшие на протяжении столетий в составе нескольких государств (преимущественно же в составе России), их женщины — простим назойливость, с которой автор проводит эту, полюбившуюся ему «мысль», которых насиловали немецкие и шведские завоеватели, — сохранили чистоту нации! Карелы, жившие веками бок о бок с русскими, — также. Да и вепсы, коми и множество других народов! А вот русские беспородно растворились в среде завоевателей, да еще и приобрели от них агрессивность. Новый, так сказать, взгляд на особенности «русского характера».

Полноте, «профессор» Маде! Да знаете ли вы историю хотя бы на уровне средней школы? Известно ли вам, что в первую волну нашествий в иных городах и селениях татары вырезали поголовно всех, так что и насильничать было не над кем, а оставшихся в живых уводили в рабство. Да и потом шли многотысячной лавиной, и эти походы можно перечесть. Обычно же они ограничивались сбором дани, боялись русских. Предпочитали вызывать в Орду русских князей или их сыновей в качестве заложников. И князья и княжичи ехали, чтобы избавить от карательных экспедиций свой народ, — этой участи не избегли ни Александр Невский, ни Дмитрий Донской, ни его сын Василий Дмитриевич.

И многие принимали там мученическую кончину, как князь Михаил Черниговский, за что и почтен народом канонизацией в святые. Известный метод срезания голов, цвета нации. Непохоже это на картину мирного сожительства с завоевателями, когда происходит «смешение» этносов, которая представляется воображению Маде.

Уже через двадцать лет после Батыя повсеместно восставали русские города, а в XIV веке, как отметил В. О. Ключевский, за сорок лет не было ни одного похода татар, а Куликовская битва положила начало освобождению от ига. Нет, не гуляли татары по Руси хозяевами, хоть и много крови русской пролито, чтобы народы Европы, — в том числе и эстонцы! — не знали этого ужаса. Не надо спекулировать на величайшей трагедии народа и предаваться больной фантазии.

Да и есть ли вообще народ «однонациональный», выращенный в пробирке?

Не русская нация «многонациональна», — не надо безграмотно путать простые вещи, а Российская держава была и осталась многонациональной, и вся ее история за тысячу лет — это поистине история народов, ее составляющих.

По мнению Маде, «Россия — колониальная держава». Это большое заблуждение. Россия была империей, но отнюдь не была «классической» колониальной державой. Вопреки историческим фактам Маде цепко держится за свое «открытие»: русские — «колонизаторы», их главная цель — «расширение владений путем изменения границ», и для этого их будто бы рассылают в Казахстан и Эстонию, Молдавию и на Дальний Восток. И «там они тоже требуют себе прав».

Но... русские есть и в Америке, и в Австралии, и в Канаде; есть они, несомненно, и во всех европейских странах. И что же, там они тоже являлись колонизаторами? И тоже требуют себе прав? Нет, как во всех цивилизованных странах, русские пользуются теми же правами, что и коренное население. Лишь в колониях узаконено неравенство по национальному признаку — для народа-господина и для аборигенов: в ЮАР, Израиле. Именно такой политический статут и приняла Эстония, ограничив выборные права русскоязычного населения, возмечтав себя колониальной державой.

В качестве примера колонизаторских устремлений Маде приводит присоединение к России Сибири: «Завоеванные земли нужно было колонизовать, и тогда начались перемещения. Уже несколько сот лет назад людей посылали на поселение в Сибирь, что сохраняет актуальность и поныне».

Возьмем на себя труд восполнить этот пробел в образовании «профессора» по части колониальных держав.

В XVI—XIX веках, когда наиболее развитые страны стали укрупняться за счет менее развитых, процесс колонизации проходил по-разному. Американцы, ныне почитающиеся как родоначальники демократии, предпочли, переселившись из Европы на Американский континент, физически уничтожить местное население — индейцев, или же оттеснить их в резервации, или превратить в рабов. Другим, весьма распространенным способом было принудительное разделение путем расстрела мирных жителей и террора на народ-господин и на бесправных подданных, данников. Пример — колонизация Англией Индии.

Россия пошла по другому пути и реализовала три способа расширения территории. Первый, и наиболее характерный, — это крестьянская, народная колонизация. То есть совершенно мирное, бесконфликтное освоение новых земель, при полном согласии с местными жителями, народностями, племенами. Так преимущественно и была освоена Сибирь, которая, по образному выражению, «покорилась тому, кто ее накормил». Русские приносили с собой высокую культуру земледелия, строительства жилья, дорог, мельниц, несли высокую культуру зодчества, книжность, живопись, учили жителей ткацкому, гончарному делу и множеству других ремесел. Едва ли не единственным сражением в акте завоевания Сибири историки считают битву Ермака с Кучумом. Поистине никакими указами-приказами нельзя было совершить подвиг, какой был совершен народом; за двадцать лет — с 1619 по 1639 год — был пройден путь от Красноярска до Тихого океана. Кто посылал русских мужиков с семьями? В. Распутин не нашел других слов для объяснения этого чуда истории: «Здесь было словно волеизъявление самой истории, низко склонившейся в эту пору над этим краем и выбирающей смельчаков, чтобы проверить и доказать, на что способен этот полусонный, по общему мнению, и забитый народ. Так суждено было Сибири войти в плоть и кровь России».

Карикатурный жанр, с рассказом про царя-дурачка, посылающего дурака Ивана в целях перемещения в Сибирь, уместен более для потерявшего всякое понимание реальности телевидения, чем для претендующего на ученость автора.

Итак, семь или восемь десятых территории всей Российской империи — праматери СССР, было освоено и присоединено героическим, самоотверженным, высокопрофессиональным трудом русского крестьянина. Когда-нибудь дойдет дело и до того, что ему поставят памятник.

Второй способ колонизации «по-русски» — это добровольное присоединение к России целых стран, классическим примером чему могут служить Украина и Грузия. После присоединения Грузия почти на два столетия забыла о войнах, которые до этого чуть не ежегодно опустошали страну и обескровливали многострадальный грузинский народ. Вспомним заодно, что Армения из рук России получила свою территорию, отвоеванную у турок, как отвоевала Россия у тех же турок после 500-летнего ига Болгарию для болгар.

Не будем идеализировать прошлое — Россия не избежала и третьего пути — некоторые страны Азии были присоединены путем завоевания. Но даже и в этом случае мы ошибемся, называя это «колонизацией». Дело в том, что обычным, неукоснительно соблюдаемым Россией правилом было распространение на новые земли прав и обязанностей жителей метрополии. Правящая верхушка приравнивалась к привилегированному классу потомственных князей, бояр, дворян, а черный люд — к российскому тяглому люду. Поощрялись смешанные браки. Никогда русские не занимали положения народа-господина по отношению к другим народам. Это и привлекало более малочисленные, «малые» народы к России, и не только малые, но отнюдь не желание оказаться за тюремной решеткой. Кстати, слова «Россия — тюрьма народов, и в первую очередь для русского народа» принадлежат Герцену, не ладившему с самодержавием, но это обстоятельство

ни в коей мере не даст права на выделение в самостоятельную мысль первых трех слов, заведомо искажающих смысл сказанного Герценом с вполне определенной целью.

Да, Россия была колониальной державой, как были в свое время владетелями колоний едва ли не все европейские страны, и нет никакого резона выводить ее из общей линии исторического развития. Но не это определяло специфику ее государственного устройства, как это силятся сделать разного рода Маде: «У русских появилась плохая привычка жить за счет соседей и потому меньше работать и напрягаться!» Неправда это. Работоспособность русского человека, простого труженика, всегда была его отличительной особенностью, она выгодно выделяла его среди даже и других народностей нашей многонациональной страны. Что касается 70 лет существования Советского Союза, тут уж и говорить не приходится — союзный бюджет складывается преимущественно из бюджета РСФСР, а также Украины и Белоруссии, тогда как иные республики прочно удерживают за собою кем-то и когда-то санкционированное право на дотации, то есть живут за счет в основном русских, украинцев и белорусов. Живут неплохо и богатеют, тогда как Россия доведена до нищенского состояния. Это ныне известно всем и каждому, и неловко все же публично изрекать столь явную ложь. Расчет простой — найдутся же «темные люди», далекие от знания реального положения дела, и поверят.

О «привилегиях русских» Т. Маде, будучи народным депутатом СССР, заметил, что среди делегатов на съезде преобладали русские. В самом деле, почему не эстонцы, например?

Маде приводит цифры: из 2249 депутатов русских 1032. «Точность» указанных чисел свидетельствует о том, что автор не пожалел труда для уяснения столь важного для него вопроса. Подсчитаем и мы, хотя не с такой скрупулезностью, раз уж под прицел взят русский народ (увы, теперь это модно). Оказывается, что подсчет Маде неверен, фактически русских оказывается вдвое меньше. Не будем же мы путать русских и «русскоязычных» — тогда и эстонцев можно было бы посчитать как русских.

Русские вполне заслуживают упрека по двум статьям: безразличию к власти, отсутствию властолюбия, нелюбви к командованию другими; и второе — по излишней доверчивости, неумению распознавать за красивыми лозунгами прямой обман. Вследствие этого оказалось, что Советское правительство первых лет после революции сплошь оказалось из «псевдонимов», оставалось таковым и в последующее время. Это удобно: можно вершить любые беззакония, а отвечать за все будут русские. Так русские оказались повинны и в «сталинизме», и в репрессиях против всех народов, и прежде всего против самих русских, да и в развале своей собственной страны — Российской Федерации. Грозное указание на «руку Москвы» стало олицетворяться с «рукой русских».

А фактически посмотрим — много ли русских среди экономистов, среди авторов проекта ликвидации «неперспективных деревень», проекта-диверсии «переброса северных рек» и других акций государственного масштаба? Их нет, или почти нет. И это вполне закономерно, учитывая, что русские оттеснены от сферы высшего образования, как и вообще вытеснены из верхушки социальной пирамиды (об этом см., например, интервью «Мужество познавать правду», — «Молодая гвардия», 1989, № 12).

Но вернемся к вопросу о национальном составе депутатского корпуса. «Сильное представительство русских имелось в киргизской и белорусской, в молдавской, латышской и узбекской делегациях», а «от избирательных округов, представляющих Казахстан, в качестве делегатов было 40 казахов, а 27 русских», — пишет Маде. Но известно ли Маде, что в Казахстане казахов менее 40 процентов, а русских — 32 процента? Такая же картина и в других республиках — процент русских среди депутатов Съезда и членов Верховного Совета намного ниже, чем в составе населения. В составе делегации от республик Прибалтики этот разрыв — двух-трехкратный. Это означает, что возможности реализовать свое право быть избранным у русских, проживающих в Прибалтике, в 2—3 раза ниже, чем у коренного населения.

Как депутат, Маде должен быть знаком с Законом о выборах, и ему должно быть известно, что в самом этом, по общему признанию, весьма несовершенном законе заложено серьезное ущемление прав народов наиболее крупных республик — РСФСР, Украины и Белоруссии: все они при выдвижении депутатов по национально-территориальным округам имеют по 18 округов и, следовательно, право на выдвижение 18 депутатов. Столько же, сколько и любая другая республика, подобно Эстонии, Латвии и Литве. Чьи же права ущемлены?

Раз речь зашла о «привилегиях русских», уместно напомнить также общеизвестный факт, что Российская Федерация — единственная из союзных республик имеет урезанную государственную структуру, того, что «в полном наборе» имеется в любой, самой малой республике. Для России инкриминируемые ей «националистическое высокомерие», «великодержавный шовинизм» оборачиваются отнюдь не преимуществами, но, наоборот, самой откровенной дискриминацией. Уже и на съездах — I и II — об этом говорилось открыто и притом не столько русскими, сколько депутатами других республик, озабоченными катастрофическим экономическим и политическим положением «старшего брата» (в кавычках потому, что это выражение если и применяется теперь, то лишь в издевку).

Требуют безусловной корректировки финансово-бюджетная политика, ценообразование, поскольку социальное и экономическое неравноправие России становится уже серьезным тормозом ее развития, а следовательно, и развития всего Советского Союза. К нынешнему положению России и всех населяющих ее народов как нельзя более подходит старая русская пословица: «Один с сошкой, семеро с ложкой».

О правах человека и правах нации. Сейчас много шумят насчет прав человека, хотя на поверку сводится все это лишь к одному — иметь право уехать из своей страны и при желании снова вернуться, и притом на льготных условиях. Много развелось таких «правозащитников», которые Россию клеймят в печати непечатной бранью не хуже Маде.

А как быть с правами нации? Один человек может безнаказанно оскорбить целый народ, наплевать на разные там правоохранительные статьи Советской Конституции, а также статьи, вещающие о равноправии наций, и продолжать заседать — не на скамье подсудимых, нет, — но в депутатском кресле. Кому нужны такие законы и такое правовое государство?

Гнет национального неравноправия ощущают на себе не толь-

ко турки-месхетинцы или немцы Поволжья, или же крымские татары, но и, может быть, в наибольшей степени Россия с ее многочисленными народами и народностями. Думается, пора сделать из этого соответствующие выводы.

«Интернационализм» без обеспечения фактического равенства прав наций превращается в ширму для хозяйничанья космополитической мафии. На пути этой мафии, неразрывно связанной с теневой экономикой и «транснациональным» диктатом, стоит Россия с ее не лозунговым, а реальным жизненным интердобролюбием и состраданием. Совершенно очевидно, что рупором этой космополитической мафии и выступают Маде и подобные ему.

Вера БРЮСОВА,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии РСФСР
Москва

КТО РВЕТСЯ К ВЛАСТИ!

В последнем за 1989 год номере «Молодой гвардии» была опубликована статья И. Дьякова и С. Королева «Мужество познавать правду (продолжение диалога)», а во второй книжке за этот год напечатана корреспонденция С. Наумова «Голод 1933 года: палачи и жертвы». Прочитал эти важные, на мой взгляд, материалы и подумал: почему редко печатаются подобные статьи, почему наша пресса полна исторических «разоблачений» совсем иного порядка. Ведь это не что иное, как новая фальсификация истории.

Какие, скажем, только эпитеты не применяются, когда речь заходит о Сталине. Но неужели «писатели» думают, что за годы, когда самостоятельность мышления считалась тяжким преступлением, советские люди настолько отупели, что могут поверить сказке, как некий ловкач всех обвел вокруг пальца и захватил абсолютную диктаторскую власть в такой огромной стране, как СССР. И все это без поддержки определенной, отнюдь не малочисленной и весьма хорошо организованной группы. Но вот что это за группа? Ответ на этот вопрос, как и анализ происшедшего, — это уже запрещенный плод, на него ни гласность, ни демократизация не распространяются.

К счастью, правила не бывают без исключений. Публикации в «Молодой гвардии» тому подтверждение. Но какой ценой удается редакции говорить правду? Откройте журнал «Огонек», газеты «Советская культура», «Московские новости», «Известия», и вы узнаете, каких только ярлыков не навешивают там на авторов «МГ». Их сравнивают и с провокаторами, и с шовинистами, и с фашистами, и с антисемитами. И все за то, что они осмеливаются сказать правду, какой бы горькой она ни была, называют среди тех, кто устанавливал в нашей стране тиранию, кто повинен во многих наших бедах, не только Сталина, но и лиц из его окружения, в том числе и еврейской национальности.

Я ничего не имею против евреев. Но зачем выдавать частное за общее, зачем подчеркивать в названных изданиях, что зло не интернационально, зачем вообще наводить тень на плетень. Историю мы должны изучать «без купюр» и «прикрас». Виновато,

скажем, в чем-либо русский — говори об этом, и пусть тебя не обвиняют в русофобии. Виноват еврей — называй его, и это не проявление антисемитизма. Такова моя точка зрения, которую я должен был высказать, прежде чем приступить к воспоминаниям, вызванным публикациями в «Молодой гвардии».

Я родился до революции. Жили мы в селе Новая Босань недалеко от Киева. Село наше стояло на перекрестке дорог. И кого только не побывало здесь с 1917 по 1921 год. И войсковые части Центральной Рады, и немецкие соединения, и чехословацкие «бунтари», и деникинцы, и поляки. И все они то и дело сменялись подразделениями Красной Армии, в которой командовали, как известно, и комиссары. Не берусь доказывать, насколько они были необходимы в воинских частях. Поделюсь иным наблюдением: как это ни странно, но ни разу не было, чтобы комиссаром тех красноармейцев был русский, не говоря уж об украинце. Откуда я знаю о национальной принадлежности комиссаров? Мой отец был врач. Его дом был одним из самых больших в селе, да и находился он на главной сельской магистрали. Поэтому командование всех проходивших воинских соединений всегда останавливалось у нас.

Поскольку наше село находилось недалеко от Киева, до нас доходили сведения о том, что творила Киевская ЧК. Подчеркиваю: **творила.** Я вовсе не сторонник тех, кто перекладывает сейчас вину за прошлые преступления некоторых чекистов на нынешних работников КГБ. Так вот, Киевская ЧК творила то, что даже расшалившихся детей в селе пугали именем одного из местных чекистов Баумштейна: «Перестань безобразничать, а то Баумштейн тебя заберет!» Для нас это было гораздо страшнее, чем попасть в руки домового, или черта, или самого сатаны. Говорили еще про изобретательницу пыток из этого заведения, некую Розу.

Когда Киев, а затем и наше село заняли деникинцы, отец, помню, отправился в Киев раздобыть лекарств для больницы. Завалы трупов жертв ЧК еще не были разобраны, и отец видел их своими глазами. Трупы с вырванными ногтями, с содранной кожей на месте погон и лампасов, трупы, раздавленные под прессом. Но самая жуткая картина, которую он видел, это были 15 трупов с черепами, пробитыми каким-то тупым орудием, пустые внутри. Служители рассказали ему, в чем состояла пытка. Одному пробивали голову, а следующего заставляли съесть мозг. Потом пробивали голову этому следующему и съедать его мозг заставляли очередного...

Такой еще случай произошел в нашем селе. Когда Советская власть уже более-менее установилась, у нас остался лишь небольшой отряд. Однажды его командир решил отобрать драгоценности у местных богатеев. И надо сказать, в селе было 52 еврейских семьи. Четыре из них «рабочие» — бондарь, портной, вдова — баба Симониха, выпекавшая вкусные булочки, и еще одна вдова, вязавшая шерстяные носки. Все остальные были торговцы, а значит, люди состоятельные — буржуи, как их тогда называли. Так вот, этот командир — молодой русский парень, прошел по домам зажиточных селян, в том числе и этих торговцев, и забрал у них золото, которое было на виду (в основном пятирублевые монеты царской чеканки), и собирался сдать драгоценности представителям Советской власти. Нет, награды за

эту операцию он не получил. Через день из уездного города приехал комиссар с отрядом, и... командир был расстрелян.

Мы, мальчишки, побежали прямо из школы посмотреть, что случилось. Белобрысый парень с рыженькими усиками лежал на краю болота. Ноги на сухом месте, а голова в воде. Залитая кровью гимнастерка. Страшное зрелище! Нам много раз приходилось видеть мертвецов, умерших от болезней, но впервые мертвого человека, которого убили люди.

Врач на селе очень почетная и авторитетная персона, поэтому крестьяне приходили тогда к отцу и задавали ему недоуменный вопрос: «Що ж це таке робится? У нас можно брать усе, що схочеш, ніхто тобі а ні слова не скаже. А той парубок потрусив трохи жидів і його вже разстріляли». Что мог сказать на это отец? Он отвечал вопросом на вопрос: «А ви бачили лице того комiссара?..»

Нашей семье и самой пришлось столкнуться со зверствами тех времен. Мой дядя Андрей во время первой мировой войны был мобилизован и, поскольку имел среднее образование, был произведен в офицеры. После революции он был призван в состав украинской армии и послан командиром отряда в свой родной шахтерский поселок Успенск (мой дед был шахтером, работал машинистом на шахте). Когда к поселку подходили части Красной Армии, дядя решил: зачем зря проливать кровь? Распустил на все четыре стороны свой отряд и украинскую администрацию, а сам остался. У него не возникло ни малейшего опасения, что от шахтеров, с которыми был знаком с малых лет и которым ничего плохого не сделал, он будет иметь какую-либо неприятность. Но дядя Андрей не учел, что судьбу его будут решать не товарищи его детства — шахтеры, а комиссар того подразделения, которое первым войдет в поселок. И комиссар решил: он не только приказал расстрелять дядю, но перед расстрелом ему отрезали нос и уши. А жену его, тетю Маргариту, лишь за то, что она была не чужим человеком офицеру украинской армии, живой бросили в шахту.

Впрочем, если бы им удалось избежать смерти во время гражданской войны, она, очень возможно, настигла бы их в 1924—1928 годы, когда во время «царствования» на Украине Лазаря Кагановича систематически истреблялась украинская интеллигенция. Возможно, что и мои родители не избежали бы этой участи, если бы наша семья не выехала с Украины в 1925 году. Особо опасной «преступницей» среди нас была мама. В нашем селе сразу же после революции был создан театр, в котором ставились украинские музыкальные пьесы (даже «Запорожца за Дунаем» ставили). Артистами были в основном школьные учителя, были и просто сельские парни, имевшие хороший голос. А так как оркестра не было, то пьесы шли под аккомпанемент на рояле моей мамы.

Среди моих школьных учителей были арестованы тогда учитель украинского языка, учитель украинской литературы, учитель математики. Никто из них из тюрьмы, разумеется, не вернулся. Погиб и учитель истории: видя, как одного за другим арестовывают его коллег, он не выдержал ожидания своей очереди и покончил жизнь самоубийством. И все это происходило до того времени, когда Сталин, как теперь говорят, достиг положения абсолютного диктатора.

Жестокость времен гражданской войны не может быть, конечно, оправдана, но она может быть хотя бы объяснена. Это было время, когда чувство ненависти оставалось едва ли не единственным, охватившим людей разных политических направлений. У акушерки нашей сельской больницы было два сына. Один пошел к большевикам, другой к деникинцам. Как же они ненавидели друг друга! Если бы они встретились, я уверен, хотя носа и ушей они отрезать не стали бы, но застрелили бы один другого — точно.

Другое дело мирное время. Чем, например, объяснить голод, начавшийся на Украине и Кубани в 1932—1933 годах? В одном из прошлогодних выпусков газеты «Литературная Украина» была опубликована обстоятельная статья об этом голоде, основанная на архивных материалах, появилась вот и публикация в «Молодой гвардии», тоже основанная на документах. Но, кроме архивов и документов, есть еще человеческая память. Мне пришлось косвенно столкнуться с трагическим событием.

В 1932 году меня назначили начальником нефтеразведочной экспедиции, которой предстояло работать в Туркмении. Ехать в пустыню, где орудовали еще басмачи, где свирепствовал тиф, никто из кадровых работников Ленинградского нефтяного геологоразведочного института не согласился, и мне пришлось собирать экспедицию из случайных людей. Среди них оказались четыре беглеца от того самого голода. Из писем, которые они получали от оставшихся на Украине родственников, становились известными некоторые факты. Например, такой: вожаки местного комсомола мобилизовали пионеров, заставляли их ходить по крестьянским хатам и забирать те граммовые кулечки с зерном, которые крестьяне традиционно хранили за иконами, надеясь, что бог пошлет им урожай. Могла ли такая «идея» прийти в голову простого украинца или русского человека? Я в это поверить не могу.

Однажды я зашел в кибитку, в которой жили участники моей экспедиции, и увидел одного из «беглецов», который лежал на своей походной кровати и дрожал, как в приступе малярии. «Мефодий, что с тобой?» — спросил его. Он не ответил, а протянул мне письмо. Это было письмо от его сестры, которая жила в селе под Уманью. В нем я прочел, что их тетю и ее сына Мыколу расстреляли за людоедство. Расстреляли в селе публично. «Коли тітку вели расстреливати, вона реготала» (хохотала. — **Авт.**), Я тоже задрожал. «А сколько же лет Мыколе?» — «Восемнадцать», — стуча зубами, ответил Мефодий.

Главный путь беглецов от голода проходил по Северному Кавказу к промышленным городам, таким, как Грозный, Баку. Бежали в надежде найти в них какую-либо работу. Мой отец в то время был заведующим одной из больниц в городе Грозный. Так что я хорошо помню, как каждое утро выезжало несколько грузовиков для того, чтобы подобрать умерших от голода и свалить в общую яму. При этом без всякого медицинского освидетельствования. Мертв голодающий или еще живой, это решали грузчики. А по больницам был разослан секретный приказ, строго запрещающий медикам оказывать помощь голодающим.

Как же можно назвать все это? То, что пережили тогда люди, явно выходит за рамки человеческих жертвоприношений фетишу индустриализации. Это было проявлением почти неприкрытой не-

нависти к народу! Но разве русские люди или украинцы могли самих себя ненавидеть, да еще до такой степени...

То, о чем я писал до сих пор, относится к одной сфере человеческой деятельности — к политической. А как обстояли дела в других областях? Мне хорошо известно положение, которое складывалось во взаимоотношениях людей науки.

Был, например, крупный математик, академик Академии наук УССР Михаил Кравчук. В 1939 году, после присоединения к СССР западных областей Украины, он пытался привлечь способную западноукраинскую молодежь к научным исследованиям. За это был обвинен в национализме и арестован. В 1953 году М. Кравчука освободили из концлагеря, но домой он не доехал — умер в пути. Так вот, в «либеральные» хрущевские времена удалось познакомиться с архивами НКВД и выяснить некоторые моменты, касающиеся судьбы Кравчука. Оказывается, после ареста НКВД направил запрос в институт математики АН УССР: повлияет ли арест Кравчука на развитие математики на Украине? Из института последовал ответ, что никакого значения для развития математики на Украине Кравчук не представляет. Ответ подписали три сотрудника математического института: Илья Яковлевич Штаерман, Феликс Рувимович Гантмахер и Марк Григорьевич Крейн. (Первого я лично не знал, так что не исключена ошибка в написании фамилии.) Не так давно вышла книга о Кравчуке, которую написал киевский журналист Н. Сорока. О том, что рассказал я, в ней ни слова, хотя автор знал все. Мужества ему не хватило? Не думаю. Книга вышла в свет в брежневское время, так что, возможно, кое-что из нее изъяла цензура.

Были и у меня неприятности. Я работал в одном весьма засекреченном институте. Сразу после войны в институт был принят на работу один молодой одессит. Каждый устраивающийся к нам должен был проходить весьма тщательную «анкетную» проверку. Должен, но не каждый был обязан. В институте на ответственных должностях было немало земляков одессита. И вот через каких-нибудь полгода он не только хорошо у нас освоился, но и представил кандидатскую диссертацию. На заседании ученого совета выступил сначала диссертант, затем спел дифирамбы талантливому одесситу его руководитель. Официальные оппоненты, произнеся несколько формальных критических замечаний, тоже дали положительное заключение. Я же слушал и удивлялся. В диссертации не только не было приведено доказательств ни одного из положений, но не было дано даже сколько-нибудь убедительных обоснований. Словом, я не выдержал. Выступил и указал собравшимся на совершенно необоснованные, а иногда и просто неверные утверждения диссертанта. Мое выступление не было бесполезным. Однако я сразу этого не понял. Ведь после взяли слово пять человек. И каждый, правда почти не касаясь обсуждаемой работы, говорил о талантливости одессита. Но вот счетная комиссия, выполнив свои обязанности, сообщила результат тайного голосования: 7 — за, 16 — против. Провалился одессит! И вышло: я приложил к этому руку. То, что это многие истолковали именно так, доказывает поступившее к нашему куратору-полковнику КГБ. К нему поступило на меня заявление о том, что я антисемит. Заявление подписали руководящие работники института, земляки одессита.

Небезынтересно, как я об этом узнал. В последние годы жизни Сталина (1950—1952) из закрытых институтов началось массовое увольнение евреев. Среди увольняемых были, конечно, и такие, от которых следовало избавиться как можно скорее, но были и дельные, работящие сотрудники. В нашем институте работала специальная комиссия ЦК, проверявшая кадровый состав и выносившая решения об увольнении. Я был единственным, кто осмелился пойти в комиссию и попытаться защитить от увольнения хороших работников (в то время это было не совсем безопасно). Председатель комиссии в ответ на мои доводы прочел мне лекцию о политическом положении, о том, что в Советском Союзе организуется «5-я колонна» и допустить ее наличие в нашем институте, имеющем исключительно важное оборонное значение, было бы непростительным, но все же пообещал внимательно отнестись к тем, за кого я хлопотал. И вот что затем произошло.

В конце того же дня ко мне зашел наш полковник КГБ и сказал: «Вот вы пришли в комиссию защищать евреев, а с этим документом вы знакомы?» И показал мне то самое заявление. В нем четко было сказано, что я проваливал того одессита не потому, что его работа была слабой, а потому, что я антисемит. Я бы посмеялся над этой бумагой, если бы не один факт. Среди подписавших заявление я увидел подписи тех, кого считал своими близкими товарищами и которые прекрасно понимали, насколько слабой была работа одессита.

Я бы мог привести еще много примеров подобного рода. Рассказать, например, о том, как «своих» протежируют, как расправляются в науке с неугодными, а по выборам в Академию наук можно было бы написать целую книгу. Но не в этом цель, которую я преследую, излагая свои воспоминания. Этими своими воспоминаниями мне хочется доказать бесспорную, на мой взгляд, истину: в нашей стране давно ведется борьба за власть одной группы людей над всем народом, причем она ведется широким фронтом не только на политическом уровне, а во всех областях человеческой деятельности. Знание этого позволяет многое понять и из того, что происходит у нас сейчас.

А. ДОРОДНИЦЫН,
Москва

От редакции. Эта корреспонденция была подписана инициалами и фамилией. Рядом с ними на последней странице рукописи был дан еще номер телефона и... все. Когда статья готовилась к печати, мы связались с автором, уточнили, с кем имеем дело. Оказалось, с известным советским математиком, геофизиком и механиком, академиком АН СССР, Героем Социалистического Труда, трижды лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом премии имени А. Н. Крылова, кавалером пяти орденов Ленина и ордена Октябрьской Революции, почетным директором ВЦ АН СССР Анатолием Алексеевичем Дородницыным.

— Почему Вы не указали в корреспонденции ни своих званий, ни должности, ни наград? — задали мы вопрос ученому.

— Отбирая материалы для печати, журналисты, по-моему, должны руководствоваться их содержанием, а не тем, кто посылает им письма, — ответил А. А. Дородницын.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

Мир не без добрых людей. На днях один из моих товарищей, зная мое отношение к Коротичу, предложил почитать журнал «Молодая гвардия».

К моему стыду, это первое мое знакомство с ним. Трудно передать мои чувства, возникшие от первой заметки Вячеслава Горбачева. А дальше еще больше. После того как «навязал» всем своим членам семьи, знакомым, а потом и в парткабинете нашего завода, у меня начали вырывать из рук этот журнал. Впечатление такое, что многие его не знают, даже в парткоме. Еще бы! Ведь там столько журналов, газет, и большинство с перцем, с солью, с чем хотите, а до журнала «Молодая гвардия» вроде бы и руки не доходят.

Сравнил этот журнал с одной листовкой времен оккупации на Смоленщине. Фашисты уничтожили весь наш уклад, а на смену пришли отщепенцы-полицейские, которые терроризировали народ. Будучи 11-летним пацаном, пошел когда-то в кустарник на заготовку дров. И там я нашел нашу советскую листовку, очевидно, сброшенную с самолета. Так я тогда читал ее и целовал. Вот и сейчас, взяв ваш журнал, я расстроился так же.

Валентин ФИРСОВ,
рабочий,
Харьков

* * *

Вы много делаете по защите чести и достоинства нашей Родины — СССР, по восстановлению исторической справедливости в отношении русского народа. Материалы, опубликованные в прошлом году, особенно в № 7—12, вывели вас на суть всего кровавого в нашей истории Советского периода, на роль сионизма в свержении царизма, в мировом революционном движении и «сталинских репрессиях».

Вы бросили открытый вызов не только доморощенным сионистам и их покровителям в СССР, но и мировому сионизму в целом. На это не смог решиться И. В. Сталин.

В № 2 «Известия» пытаются уколоть вас письмом из Румынии (готов под ним подписаться), но в № 1 «Известия» в заметке «И все-таки праздник» дают четкий ответ, что произошло в Румынии, — «Над Испанией безоблачное небо». Кто организовал переворот: «Моссад» при содействии ЦРУ или наоборот, роли не играет. «МЫ» одобрили.

Чаушеску я бы тоже сверг. Но после расстрела без суда и следствия не будет ли он причислен к лику «святых»?

Пишу вам с единственной целью сообщить, что сторонников у вас куда как больше, чем подписчиков.

Т. ВОРОНАЕВ,
инвалид Великой Отечественной войны,
Запорожье

* * *

Написал в «Огонек» несколько писем по поводу поднятой журналом травли русских писателей журнала «Наш современник», армии, в которой я прослужил 38 календарных лет. Ни одного ответа я не получил.

«Ура, победа!» — восклицает «Огонек», когда из армии и флота досрочно демобилизовали 17 тысяч студентов. «Победа» над кем, победа кого?

Я рад, что есть у нас еще такие писатели и журналы, которые осознают свою ответственность за державу, за русский народ. Я к ним присоединяюсь и всецело поддерживаю.

Г. ДЕМИДОВ,
ветеран ВВС,
г. Пенза

* * *

Вряд ли можно согласиться со ставшим расхожим утверждением, что бюрократизм в 30—40-е годы, «тяготея к упрощенным моделям казарменного коммунизма и насаждая его, вытравливал все живое, неординарное, несанкционированное... Слой бюрократов, способных только приказывать, проводя «линию» в те годы, креп и ширился».

Подобное преувеличение вводит в заблуждение молодежь.

Кто честно, добросовестно трудился в те годы, знает, что было все далеко не так. Люди старшего поколения не имели ни малейшего понятия о приемных днях и часах. Рабочий, колхозник, служащий мог зайти к любому партийному или советскому руководящему работнику района, области, республики в любое время, в любой день недели. Меня, например, в 1934 году принял заместитель министра просвещения в 11 часов вечера. Ответы на письма, заявления, жалобы по всем вопросам заявитель получал из любой инстанции в течение одной-двух недель.

Да, после XX съезда партии бюрократия оживилась и начала распространяться. И не потому, что «критика ошибок прошлого стала сворачиваться». Произошло это по той причине, что кое-где принялись огульно охаивать все прошлое и с высоких трибун чересчур часто говорили о количестве штанов у рабочего.

Несколько слов о том, как «запрещали» и «распекали» в 30-е годы мастеров культуры — Ахматову, Шостаковича, Хачатуряна, выкорчевывали вейсманизм. Так можно обвинить и великого критика В. Г. Белинского в том, что он «бюрократ от культуры». За его «Письмо Н. В. Гоголю».

ЦК ВКП(б), принимая в 1946—1948 годах ряд постановлений по вопросам литературы и искусства, заострял внимание на необходимости противостояния всем формам духовной реакции в художественной культуре. В этих постановлениях Центральный Комитет партии обязывал деятелей культуры быть активными участниками борьбы за победу коммунизма в нашей стране. Наши деятели культуры после принятия указанных постановлений сделали правильные выводы. Так, например, А. А. Ахматова в 1950 году опубликовала ряд стихотворений из цикла «Слава ми-

ру». Д. Д. Шостакович создал замечательную музыку к кинофильмам «Мичурин», «Молодая гвардия», а А. И. Хачатурян создал чудесное музыкальное сопровождение к киноэпопее «Сталинградская битва» (1950). Говоря о достижениях советской музыки в 30-е и в 40-е годы, никто не забывал упомянуть об именах этих выдающихся композиторов.

Что касается А. Вейсмана, то здесь получается недоразумение. Нелепость и несостоятельность утверждений этого «ученого» показал великий ученый К. А. Тимирязев, который умер в 1920 году.

Неубедительным является утверждение о том, что в 30-е годы был какой-то застой в культуре. Именно в те годы созданы шедевры советской литературы, кино, театрального искусства. В клубах и театрах жизнь била ключом. А сколько было создано песен, вдохновляющих человека на труд. В селах колхозники шли на работу и возвращались с работы с песнями. А о чем говорит статистика? В РСФСР было в 1940 году общеобразовательных школ 116,9 тысячи, театров — 465 тысяч, в 1986 году их было, соответственно, 71,7 тысячи и 338 тысяч.

Сказанное говорит о том, что критика прошлого должна быть объективной.

Два слова о молодежи. Сейчас модно говорить о молодежной субкультуре. Другими словами — о том, что молодежь должна сама себя воспитывать. Но позволительно спросить: когда и в каком государстве воспитание молодежи было пущено на самотек? Никогда и нигде! Начиная с первобытнообщинного строя. Второе. Нет и никогда не было музыки для молодых и для пожилых. Многие великие композиторы создавали сложнейшие произведения в детском возрасте. Была и есть музыка хорошая и музыка плохая. Это относится и к литературе. Вспомним статью М. Горького «Музыка толстых». Сказки А. Пушкина, Л. Толстого, Ушинского с большим интересом читают и дети, и юноши, и люди пожилые.

Мы часто слышим и читаем: о вкусах не спорят, людям нравится. Можно не спорить о вкусах, когда принимаем пищу. Когда же дело касается искусства, литературы, морального поведения, то надо спорить. Убеждать, разъяснять. Если не хотим застоя, движения вспять. Если какое-то зрелище пользуется большим успехом, то это не всегда значит, что оно сто́ящее.

М. ЗУБРЖИЦКИЙ,
бывший начальник политотдела
Академии Генерального Штаба
Войска Польского,
г. Одесса

* * *

Я, ветеран войны и труда, прошел войну с Курской дуги до Победы, трижды был ранен. С 14 лет я комсомолец, с 19 лет прямо после взятия Орла — член КПСС. Безусловно, знаю, что такое жизнь, не по книжкам и хочу сказать одно: при плохом Сталине и я, и мои сверстники были большие патриоты нашей Родины! И настроение у нас было в тяжкие времена получше, чем у сегодняшних молодых.

А. И. БОГАНСКИЙ,
Воронеж

* * *

Как известно, с легкой руки Р. Медведева в идейно-пропагандистский арсенал «нового исторического мышления» вошла цифра в 40 миллионов жертв сталинских репрессий. Созданная КГБ СССР специальная комиссия, в отличие от «выдающегося новатора» всесторонне и детально изучившая вопрос на основе документально-архивных данных, определила общее число этих жертв в 1930—1953 годы в 3 778 234 человека, из них 786 098 человек расстреляно. Необоснованно пострадавших из них — 844 740 человек, и хотя это еще не полная цифра, но она уже где-то близка к истине. Когда корреспондент «Московских новостей», обескураженный «заниженностью» вышеприведенных цифр, сослался в беседе с представителем КГБ на авторитет Р. Медведева и А. Солженицына, тот назвал их данные «весьма приблизительными», включающими в себя «жертвы раскулачивания, голода, выселений и депортаций, а также погибших в начале войны (!!!)...» Объявленная перестройщиками-идеологами «абсолютной истиной» цифра в 40 миллионов, которую, кстати, с самого начала подвергал сомнению Институт истории АН СССР, оказалась в полном смысле этого слова горой лжи, построенной на перетолкованном вкривь и вкось холмике истины... И тем не менее издательство «Просвещение» усилиями известных историков А. Самсонова и Ю. Борисова направило в спешном порядке в средние школы «Историю СССР для 10-х классов», где эта циничная ложь закреплена в качестве установочной истины для нашей молодежи.

Отважиться на подобное, без всякого преувеличения преступное очернение собственной истории в глазах доверчивых юношей и девушек даже в эпоху разбушевавшейся гласности было бы невозможно без поддержки самых влиятельных лиц. Поддерживающая тесные контакты с нашими «прорабами» и «новаторами» английская газета «Гардиан» писала в данной связи, что «главным вдохновителем нового подхода к истории выступил... близкий соратник Горбачева Александр Яковлев... Вероятно, это по его совету Горбачев в январе 1988 года сделал поправку к своей речи, произнесенной в честь 70-летия Октябрьской революции. Существуют и более масштабные проблемы: роль Ленина в подготовке почвы, на которой вырос сталинизм, оценка наследия Троцкого...». Неужели советские школьники скоро будут на уроках истории в обязательном порядке разоблачать В. И. Ленина? Ведь А. Н. Яковлев, как известно, высказался по этому поводу совершенно однозначно, осудив Владимира Ильича за «увлечение насилием» и неоправданный-де «утопизм»?..

В. НИКОЛАЕВ,
член Союза журналистов СССР

* * *

Мне раньше казалось, что все посходили с ума (имею в виду верхние слои общества). Но нет, не все. Есть еще среди нашей интеллигенции здравомыслящие люди, есть смелые люди.

И все же я задам вам несколько вопросов:

— Почему такие, как Т. Мадс, являются представителями народа (а народа ли?) в Верховном Совете?

— Почему такие, как Коротич, возглавляют наши журналы? Ведь руководимые ими издания льют помои на армию, на русский народ?

— Почему, кто разрешил создание «Союза сионистов»? Может, наше правительство боится Запада?

— До каких пор будут рекламировать фильм «Маленькая Вера»? За свои 64 года я видел немало фильмов, но ни в одном не слышал мата. А в этом нам преподнесли не только секс и пьянку, но и мат (в сцене ожидания жениха).

Конечно, вы мне ответите: демократия, гласность. Но ведь, по-моему, гласность — это не голосить везде и всюду все, о чем взбредет в голову. Гласность я понимаю — это прежде всего информация для народа о деятельности наших руководящих органов, о том, что происходит в стране, а не обливание грязью друг друга, не разжигание национальной вражды, разжигание ненависти к Вооруженным Силам.

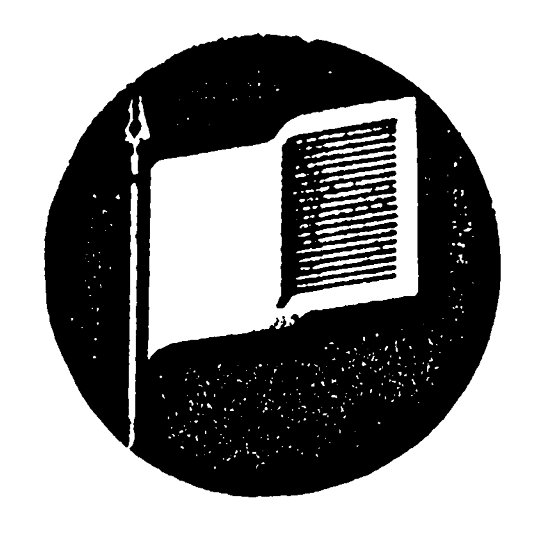
Я отдал армии свои лучшие годы — с 17 до 45 лет — с конца 1942 года по 1971 год. Для меня армия — святыня. И мне непонятны взгляды некоторых «деятелей» от печати, искусства, пропаганды и воспитателей.

Как же понимать статью Конституции: «Защита Отечества — священный долг каждого гражданина СССР». Значит, плевать на Отечество? Или защищать будет нас заморский дядя?

Вот почему и аплодирует нам Запад, что мы сами друг другу скоро перегрызем глотки.

Извините за мою писанину, но я считаю, что каждый честный человек, патриот своей Родины, обязан высказать свои мысли, свое мнение о происходящем в нашей стране.

М. П. ГУСЕЛЬНИКОВ,
участник Великой Отечественной войны,
Киевская обл., п. Гостомель



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

А. ОГНЕВ

СКОЛЬКО МОЖНО КЛЕВЕТАТЬ?

В последнее время, когда демократия кое-кем понимается как удобная возможность использовать любые, даже самые недозволенные средства и приемы, чтобы расправиться с неугодными авторами, нарастает поток грязных измышлений, направленных против лучших русских писателей. Давнее и очень устойчивое недоброжелательство к М. А. Шолохову сейчас вылилось в хорошо скоординированную и особенно недостойную кампанию. Чего только не выдумывают о Шолохове, чего только не приписывают ему!

Уже не первый раз Т. Иванова стремится очернить личность и творчество этого писателя. Так, в сентябре 1989 года она публикует в «Книжном обозрении» такое суждение одной из читательниц: «...я никогда не смогу простить Шолохову, что он выступил против Дудинцева».

Хорошо бы напомнить этой читательнице и самой Т. Ивановой, что Шолохов заслужил общенародную любовь и самое глубокое уважение не только своим писательским подвигом — своими бессмертными произведениями, но и мужественной

борьбой против произвола и беззакония. В 1929 году он, возмущенный крайне несправедливым, жестоким отношением к хлеборобам, написал Е. Левицкой: «...надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка». Он решительно выступил против издевательств и надругательств над крестьянами в начале 30-х годов. Когда он не нашел поддержки в Ростове, то обратился к Сталину, написав ему 16 апреля 1933 года: «Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот, этакое «исчезновение» было проделано не над тремя заподозренными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. ...Если все, описанное мною, заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вешенский район доподлинных коммунистов, у которых хватило бы смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные «методы» пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это».

С тех пор прошли десятилетия, но и теперь все еще не унимаются недруги Шолохова, на страницах советского журнала они снова распространяют постыдные домыслы о нем. В восьмом номере за 1989 год «Вопросы литературы» опубликовали сразу две статьи Р. Медведева (обещают напечатать и третью), в которых «доказывается» мысль о литературной «нечистоплотности» Шолохова. Многое удивляет и возмущает в этих опусах.

Некий Д. опубликовал работу «Стремя «Тихого Дона» (Париж, 1974), поддержанную по каким-то странным причинам А. Солженицыным, который написал к ней предисловие. В своем пасквиле Д. предположил, что главный автор «Тихого Дона» — Ф. Крюков, но затем Д. и его сообщники, как заметил А. Калинин, «вдруг спохватились, что биография событий в четвертом томе «Тихого Дона» никак не совпадает с биографией их очередного «кандидата», они всего-навсего объявили восьмую часть романа с ее ослепительным финалом «мелодрамой», «рваньюı» и «клочками», которые «свел» воедино «кто-нибудь другой», например, «тот же» Серафимович. «Тот же», который уже после первой книги «Тихого Дона» предсказал Шолохову великую будущность. «Тот же», чья подпись стояла под гневной отповедью анонимным авторам первой клеветы» («Правда», 1987, 16 мая). Р. Медведеву пришлось согласиться с убедительной критикой американского литературоведа Г. Ермолаева в адрес некомпетентного и недобросовестного сочинения Д., который слишком часто опирался «на необоснованные интерпретации и ложные посылки», и признать, что Д. не сумел поэтому доказать свой тезис о существовании в «Тихом Доне» авторского и соавторского текстов» («Вопросы литературы», 1989, № 8, с. 202). Однако Р. Медведеву показалось, что есть достаточно оснований, чтобы «всерьез рассмотреть и изучить подобную гипотезу» (там же).

Тщась доказать, что «Тихий Дон» написал — в своих лучших частях — не Шолохов, а кто-то другой, Р. Медведев усиленно акцентирует внимание на том, что он никак не может «объяснить тот огромный и ничем не заполненный разрыв, который существует между автором «Донских рассказов» и автором «Тихого Дона». Но такой разрыв существует только в его воображении, на-

целенном на разоблачение нелюбимого писателя. Сам Шолохов, беседуя в 1975 году с работниками Центрального телевидения, заметил: «Можно сказать, он («Тихий Дон». — **А. О.**) рос из «Донских рассказов» («Лит. Россия», 1975, 23 мая). В. Гура в книге «Как создавался «Тихий Дон» на конкретных примерах показал, что у этой эпопеи есть поразительное сходство с «Донскими рассказами» в самой словесно-изобразительной ткани, в присущей Шолохову колоритной манере письма, хотя, конечно, эти произведения по своему стилистическому и языковому богатству существенно отличаются друг от друга. Однако Медведеву «Донские рассказы» представляются предельно субъективными, по его словам, «в них нет и следа той спокойной объективности и кажущегося беспристрастия», которые являются характерной чертой «Тихого Дона». Нет и следа? Но ведь сам же Медведев констатирует, что кое-где между ранними произведениями и эпопеей «можно встретить сходство и в авторском отношении к описываемым событиям» (с. 159). Г. Ермолаев справедливо указывает, что Медведев «забывает о таких рассказах, как «Семейный человек», «Чужая кровь», «Обида», «Ветер», где объективное изображение эмоциональных и сюжетных коллизий доминирует над политическим базисом» (с. 180). Многие различия объясняются и разными жанровыми структурами: для эпопеи, какой является «Тихий Дон», как раз и необходимы многоцветность картин, объективность авторского отношения к изображаемым событиям и героям.

И первые произведения Шолохова написаны талантливой, самобытной рукой, что отметили многие рецензенты. А. Серафимович в своем предисловии к «Донским рассказам» провидчески заметил: «Все данные за то, что т. Шолохов развернется в ценного писателя».

Конечно, между первыми произведениями Шолохова и «Тихим Доном» есть существенные различия, и было бы не только удивительно, но и непростительно для исключительно талантливого автора, если бы их не существовало. Эти различия в немалой степени объясняются разными творческими замыслами и, как уже отмечалось, самими жанровыми особенностями. В «Тихом Доне» поставлена такая грандиозная задача, которая непосильна для воплощения в повести и рассказе. Он создал в нем огромную эпическую картину, показал судьбу казаков и всего русского крестьянства на протяжении 10 лет, их трагические колебания между советской властью и контрреволюцией. По словам Шолохова, создавать «Тихий Дон» помогало ему «знание казачьего быта». В декабре 1965 года он встретился со студентами факультета славистики Упсальского университета (Швеция) и, рассказывая о своей работе над «Тихим Доном», отметил: «...впечатления детских лет, постоянные невольные наблюдения за жизнью и бытом моих одностаничников давали мне живой материал для воссоздания мирной эпохи на Дону» («Литературная газета», 1985, 5 июня). Только поразительной предвзятостью можно объяснить утверждение Р. Медведева о том, что «формирование молодого Шолохова протекало вне казачьей среды и казачьих традиций» (с. 154). Будущий писатель жил среди казаков, в школе учился вместе с их детьми, с малых лет из года в год познавал особенности казацкого уклада жизни, навсегда полюбил свою малую донскую родину, и, как верный сын ее, он не мог не изобразить, воспеть то ценное, что было у казачества, — устремленность к свободе, демократизм,

трудолюбие, гуманистическое чувство и патриотизм. Михаил Александрович очень любил донские песни. Когда он с женой Марией Петровной отмечал свою золотую свадьбу, их дети «вышли к столу и запели старую казачью песню». («Литературная Россия», 1985, 24 мая). Р. Медведев, использовав весьма сомнительные источники, неизвестные читателю, пишет о полной отчужденности Шолохова от земли, он-де «не пристрастился ни к садоводчеству, ни к огородничеству. ...Никто не видел его за возделыванием собственного сада или огорода» (с. 155). Но вот свидетельство Марии Петровны: «Природу, землю любил он очень, открытой душой воспринял ее, живую, свободную, не уставал удивляться и восхищаться ею. Часто в саду или в огороде зовет меня, будто что-то произошло, подойду, а он, радостный, возбужденный, говорит: «Посмотри, еще вчера огурец всего-то вот такой был, а сегодня!..» («Литературная Россия», 1985, 24 мая).

Обосновывая мысль о том, что Шолохов не мог создать «Тихий Дон», Р. Медведев слишком опрометчиво утверждает: этот «шедевр лежит за пределами его творческих возможностей». Что же привело его к такому выводу? Он, видите ли, убежден, что «Тихий Дон» предполагает «несомненное личное участие в описываемых событиях». Но этот явно сомнительный тезис он не мог (и никто не сможет) убедительно доказать. Если бы писатели изображали в своих произведениях только такие картины, в которых они лично участвовали, то не были бы созданы ни «Капитанская дочка» А. Пушкина, ни «Война и мир» Л. Толстого, ни «Петр Первый» А. Толстого, ни «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского и многие другие выдающиеся художественные романы.

Работая над «Тихим Доном», Шолохов почти все время жил среди тех людей, из которых вышло подавляющее большинство героев его эпопеи. Он своими глазами видел, как начиналось и протекало Вёшенское восстание, позже участвовал в боевых стычках с бандами, среди них была и та самая, которую возглавлял Фомин и которая изображена в «Тихом Доне». Случилось так, что он был схвачен махновцами, его товарищей по продотряду расстреляли, а самого Шолохова, совсем молодого, шестнадцатилетнего, пожалел батька Нестор Махно, отпустил его, но предупредил: во второй раз попадется — окажется на виселице. Однажды ревтрибунал приговорил юного продкомиссара Шолохова к расстрелу за превышение власти, за то, что он угрожал оружием одному из казаков. То, что Шолохов не раз оказывался в смертельно опасных ситуациях, потом помогало ему как писателю глубже понять и очень правдиво показать, что чувствует, как ведет себя человек, поставленный перед лицом смерти.

Отмечая боевые эпизоды, в которых принимал участие молодой Шолохов, Р. Медведев считает, что «они слишком незначительны, чтобы послужить основой картин грандиозных сражений и жестоких боев, которые следуют одна за другой во всех четырех книгах «Тихого Дона» (с. 171). Здесь Медведев принижает воссоздающую силу творческого гения, который, используя свои жизненные впечатления, может по разным источникам правдиво изобразить то, в чем автор не принимает самоличного участия. Сам Шолохов прямо говорил о том, что у него «все было под рукой — и материалы и природа», но он ездил в Ростов и Москву, где работал в архивах, знакомясь с многими материалами,

необходимыми для создания эпопеи. 17 августа 1934 года в «Комсомольской правде» Шолохов писал: «Работа по сбору материала для «Тихого Дона» шла по двум линиям: во-первых, собирание воспоминаний, рассказов, фактов, деталей от живых участников империалистической и гражданской войны, беседы, расспросы, проверка всех замыслов и представлений; во-вторых, кропотливое изучение специальной и военной литературы, разборки военных операций, многочисленных мемуаров, ознакомление с зарубежными, даже белогвардейскими источниками». На упоминавшейся уже встрече со студентами Упсальского университета Шолохов рассказывал, что ему приходилось изучать материалы по истории гражданской войны двусторонним образом: кроме личных наблюдений, он «пользовался архивами — нашими, советскими архивами, но, чтобы не попасть впросак, использовал и материалы зарубежные, в частности «Очерки русской смуты» генерала Деникина, воспоминания генерала Краснова, бывшего донского атамана, и массу других, современных изданий, которые выходили во Франции и в Англии, вообще всюду за рубежом» («Литературная газета», 1985, 5 июня). Писатель говорил о своих встречах с казаком Харлампием Ермаковым, военная биография которого дала очень многое для изображения Григория Мелехова и который, по словам Шолохова, «знал о событиях Вёшенского восстания больше, чем знали и писали наши историки», книги которых он читал, материалами которых он интересовался.

Р. Медведев уверяет, что «в целом личность 23-летнего М. А. Шолохова весьма разительно не соответствует тому «слепку личности автора», который можно было бы сделать по роману «Тихий Дон», если бы этот роман в конце 20-х годов вышел анонимно» (с. 177). Но как он мог выйти в то время, если не были написаны еще третья и четвертая книги? Для какой же цели говорится здесь обо всем произведении и подчеркивается 23-летний возраст Шолохова? Всеми силами стремясь оторвать Шолохова от «Тихого Дона», Р. Медведев утверждает, что его создал антибольшевистски настроенный автор, который «проявляет глубокую любовь к казакам, особенно трудовым, и враждебен к неказакам». Вот так: только антибольшевистский писатель может глубоко любить трудовых казаков. И потому «для молодого советского писателя-комсомольца странными являются и те народнические взгляды и политические симпатии, которые с несомненностью видны в «Тихом Доне», казалось бы, даже вопреки воле автора» (с. 173). Шолохов завершил «Тихий Дон» в 1940 году, когда ему было уже 35 лет. Так зачем же подчеркивается здесь принадлежность автора к комсомолу?

Если опуститься до литературоведческого уровня Р. Медведева, если не считаться с тем, что подлинный художник-реалист стремится к безусловной правде, к честному и объективному изображению действительности и отнюдь не ограничивает себя только черной и белой красками при обрисовке персонажей, что он не превращает произведение в одномерную агитку и может находить и в немилом его сердцу герое привлекательные черты, то есть немалые основания отнести к антибольшевистски настроенным писателям не какого-то мифического соавтора Шолохова, а его самого. Ведь именно Шолохова критиковали за «кулацкую идеологию» в «Тихом Доне», а он и в «Поднятой цели-

не» не без сочувствия изобразил тех, кого раскулачивали. Не случайно же работники «Нового мира» требовали изъять из романа главы о раскулачивании. Шолохова критиковали за якобы неверное изображение красноармейцев, которые, «безобразно подпрыгивая, затряслись в драгунских седлах!, а он в письме к М. Горькому от 6 июня 1931 года высмеивал тех, кто хотел приукрасить красных кавалеристов. Шолохова бичевали за оправдание Вёшенского восстания, а он в том же письме утверждал: «Возникло оно в результате перегибов по отношению к казаку-середняку». Интересный факт сообщают В. Васильев и Ю. Дворяшин в «Литературной России» от 3 ноября 1989 года: «Во всех изданиях романа выступлению генерала Краснова перед «послами» держав Согласия предшествует лаконичная ремарка: «Краснов начал речь» (см., например, Собр. соч. в 8-ми т., т. 3. М., «Художественная литература», 1985, с. 87). Между тем в рукописной редакции эта ремарка выглядит таким образом: «На хорошем французском языке Краснов начал речь». Слово «хорошем» далее вычеркнуто М. Шолоховым и заменено «отличном».

О настоящем общечеловеческом гуманизме Шолохова можно судить и по воспоминаниям писателя М. Обухова, который много раз встречался с ним в начале 30-х годов и который рассказал, как однажды работник краевого центра выразил категорическое несогласие с изображением в «Тихом Доне» смерти Петра Мелехова: «Читатель должен радоваться, что одним гадом стало меньше. А мы смерть Петра воспринимаем глазами его родного брата, Григория, тоже контрреволюционера. Так ли должен писать пролетарский писатель?» Несколько позже, когда этот работник ушел, «Михаил Александрович уничтожающе проговорил: «В жизни, в отношениях людей, он не может или не хочет понять главного: смерть есть смерть, умирает враг или наш человек — все равно это смерть!..» Шолохов встретился в тюремной камере с бывшим есаулом Сениным, прототипом Половцева в «Поднятой целине», которого вскоре ожидал расстрел. Разговор с Се́ниным сильно подействовал на Шолохова: «Потом весь долгий вечер Михаил Александрович, видимо, находился под впечатлением своего свидания с бывшим есаулом. Он задумчиво сосал потухшую трубку, был молчаливей, чем обычно» («Творчество Михаила Шолохова», Л., 1975, с. 292).

Всецело устремленный к тому, чтобы любыми средствами разоблачить Шолохова как литературного вора, Р. Медведев находит недоступную для его понимания существенную разницу между «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» в изображении картин донской природы. Он признает, что «в «Поднятой целине» можно встретить 4—5 раз те несравненные описания донской природы и донского села, которые напоминают нам аналогичные страницы «Тихого Дона». Но вместе с тем он пишет о «явном оскудении Шолохова-живописца, рисующего волнующие картины природы и быта Донского края», и доказывает это удивительным образом: «В «Тихом Доне» мы встречаем такие картины почти в каждой главе, а в «Поднятой целине» для этого нужно перелистать едва ли не сотню страниц» (с. 199). И вот в этом-то он видит какую-то опору для домысла об использовании Шолоховым чужой рукописи: «Не оскудел ли к 1932 году источник этих драгоценных росписей?»

Можно только пожалеть человека, который прибегает к такой

беспомощной мотивировке. Почему Шолохов обязан был чуть ли не повторять самого себя в новом произведении, изображать в нем столько картин природы и донской обстановки, сколько их было в «Тихом Доне»? Почему он не может поставить перед собой новой художественной задачи, требующей иных решений, иной тональности, иных красок? Такие вопросы, видимо, не вставали перед Р. Медведевым.

Г. Ермолаев убедительно показал, что Медведев допустил в своей работе о Шолохове непростительно много ошибок, фактических неточностей, касающихся истории донского казачества и литературы. Медведев не утруждает себя особыми сомнениями, не взваливает на свои плечи обязанность учитывать всю совокупность известных фактов, не перегружает себя нравственной щепетильностью, когда пускает в ход весьма сомнительные утверждения, относящиеся то ли к творчеству Шолохова, то ли к его биографии. Для чего подходит все, что помогает дискредитировать этого чуждого ему по своему мировосприятию писателя. Для доказательства того, что Шолохов был комсомольцем, он привлекает биографические сведения из давнего школьного учебника «Русская советская литература» и другие — весьма ненадежные — источники, но почему-то не ссылается на слова самого Шолохова: «Юность моя сложилась как-то так, что я, действительно не был в комсомоле. Вступил сразу в партию» («Советский Казахстан», 1955, № 5, с. 75). Но имеет ли какое-то серьезное значение при изучении творчества Шолохова ответ на вопрос: был ли он комсомольцем? Для Медведева, оказывается, это означает весьма многое: давая желанный для него, но фактически неверный ответ, он стремится подкрепить тем самым свою фальшивую версию о плагиате. Он настойчиво отмечает принадлежность Шолохова к комсомолу для того, чтобы связать с этим догматизм, классовый гуманизм, однолинейность политических оценок, обязанные, по его мысли, так или иначе проявиться в художественном произведении. И самое главное: не может же молодой комсомолец создать такое гениальное произведение, каким является «Тихий Дон». И вот Медведев прямо спрашивает: «Но все же, как оказался «философский ключ» к тайнам революционной эпохи в руках 20-летнего юноши с очень малым по тому времени жизненным опытом и очень скромным образованием?» (с. 173). Да, Шолохову было 20 лет, когда он начал писать «Донщину», но потом он почувствовал, что-то у него не получается. Не оказалось у молодого писателя нужного «философского ключа», пришлось ему бросить начатое, и только в конце 1926 года он снова стал писать роман — теперь уже «Тихий Дон». Концепция этой эпопеи уточнялась, окончательно оформилась только тогда, когда была завершена четвертая книга. Позволительно спросить: зачем же Медведев делает здесь акцент на 20-летнем возрасте Шолохова? Нельзя ли считать это преднамеренным искажением истины?

Р. Медведев мучительно и крайне безуспешно бьется над безответным вопросом: «Но откуда и когда пришло к Шолохову художественное мастерство?» (с. 166). Уж очень непозволительно быстро досталось оно молодому писателю. Гениальное дарование тут не в счет. Не учитывается и нередкое несовпадение внешней стороны жизни писателя, которая может быть как будто лишенной ярких многообразных впечатлений, и его богатейшей духов-

ной деятельности, не обращается внимание и на то, что Шолохов в детстве и юности очень много читал — и художественную литературу, и философские произведения Спинозы, Дидро, Плеханова (у отца была большая библиотека), что у него рано обнаружилась ярко выраженная склонность к литературному творчеству. Ну как можно поверить Медведеву в то, что молодой Шолохов мог создать гениальную эпопею, если он родился и вырос не в культурной семье, проживающей в Москве, а в каком-то захолустном хуторе? Пусть кто-то считает, что молодость Шолохова «могла быть только его союзником при создании «Тихого Дона»: ведь много сил, огромная впечатлительность, к тому же в провинции много подчас такого, чего нет в столице, там можно найти кладезь «мудрости, колорита, огромного количества материала», удивительный по красочности язык простых людей. Нет, все это не убедит Р. Медведева, который упрямо не перестает твердить, что Шолохову мешала создать «Тихий Дон» его «необразованность». (Общеизвестно, что мысль об этой самой «необразованности» нередко эксплуатируется в наше время тогда, когда речь идет о В. Шукшине, В. Белове и других писателях-почвенниках.) Образованность Медведев связывает, как видно из его рассуждений, только с обучением в школе и в вузе, он не желает считаться с тем, что она может серьезно повышаться в результате самообучения, самостоятельного чтения разных книг, научных работ. Он не учитывает того, что русская земля рождает таких великих сынов и дочерей, которых «аршином общим не измерить», которые за очень короткое время могут постигнуть в науке и литературе столько, сколько другим смертным не усвоить за всю свою жизнь.

Медведев отмечает, что сама жизнь, партийные постановления заставляли многих задуматься над судьбой среднего крестьянства, но он полагает, что эти проблемы не могли проясниться в социальном и художественном отношении «за год настолько», чтобы Шолохов «тут же написал на эту тему гениальную эпопею». Но почему за год? Сам же Шолохов писал, что не сразу у него выкристаллизовалась идейная концепция «Тихого Дона», что первоначальный замысел оказался слишком узким для него. Эти проблемы прояснялись у писателя ровно столько времени, сколько он писал свою эпопею. У Шолохова была огромная работоспособность, он мог работать ночи напролет, много помогала ему жена Мария Петровна, которая перепечатывала написанное им. И все же при всем этом Шолохов написал эпопею не «тут же», на это понадобилось ему пятнадцать лет.

Медведев снова использует затасканный и негодный прием, когда пишет: «И тем не менее странным было бы предположить у 25-летнего писателя, не получившего систематического образования, столь энциклопедические познания всех слоев и сторон жизни казачества, какие видны уже в первой книге «Тихого Дона» (с. 160). Да, очень странно и крайне грустно читать этакое у «слишком образованного» публициста, который в беспомощных в литературоведческом отношении рассуждениях допустил столь много грубых натяжек, непозволительных домыслов, проявил поразительное игнорирование неопровержимых доводов, приходится только удивляться его заявлению о том, что у него не было повода сожалеть о публикации в заграничной печати своих книг о Шолохове. Какая «высокая» нравственная позиция!

Неужели не бросается в глаза явная тенденциозность и разительная противоречивость этой позиции, когда читаем этакое: «Я не обвиняю Шолохова в плагиате, хотя я... думаю и об использовании какой-то рукописи или даже многих рукописей и мемуаров» (с. 151); «...лучший во всех отношениях первый том «Тихого Дона» был создан еще до 1920 года и почти в завершенном виде попал молодому Шолохову» (с. 211); «Я продолжаю думать, что большая часть первого тома «Тихого Дона» и некоторая часть второй и третьей книги этого романа создана не Шолоховым, хотя доказать это с абсолютной точностью я не могу. ...Для меня и сегодня является несомненным, что у «Тихого Дона» есть и автор и соавтор» (с. 123). Если это не обвинение в плагиате, то что же это такое? И этично ли обнародовать свои думы о литературном воровстве, если ты их не можешь доказать? Как это называется на юридическом языке? Не клеветой ли? Не привлекают ли за это к судебной ответственности?

Когда Г. Хетсо коснулся клеветнической кампании против Шолохова и сказал, что тут главное — зависть коллег-писателей, то Шолохов с горечью добавил: «Зависть организованная». Ведь на самом деле в США, как сообщал «Голос Америки», предлагали пять тысяч долларов тому, кто докажет, что не Шолохов автор «Тихого Дона» («Комсомольская правда», 1981, 31 октября). Что бы чувствовал Р. Медведев, если бы в нашей печати обнародовали чьи-то соображения о том, что не он написал свои книги о Шолохове (ведь он же не имеет литературного образования), что они — групповое сочинение в угоду тем, кто презрительно относится к русскому народу, к русской литературе, что он захотел получить те самые пять тысяч долларов... Нет, такого не случится, никто этакое не опубликует. И в общем-то правильно поступят.

●

Евгений ОВАНЕСЯН

ГДЕ ИЩЕТ ПОЧЕСТЕЙ ГЛУМЛИВОЕ ПЕРО?

О «ПОХОЖДЕНИЯХ» СОЛДАТА ЧОНКИНА В СССР

«Вы, конечно, уже отсмеялись над романом-анекдотом Владимира Войновича?»

(Из «Огонька»)

1

Вот уже больше года, как в литературно-общественный обиход вошла книга В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Несмотря на мощную рекламную кампанию, открытую леворадикальной прессой задолго до появления романа в советской печати, эта «артподготовка» не смогла создать атмосферы единодушия: мнения и оценки резко разошлись, в диапазоне страстей от восторгов до негодования. Напрасно читатель ждал сколько-нибудь обстоятельного, уравновешенного анализа как самого романа, так и ситуации, сложившейся вокруг него, — хотя эта история, безусловно, того заслуживает.

Молодое поколение пребывало в полнейшем неведении относительно значения и места Владимира Войновича в отечественной литературе, когда средства мас-

совой информации взялись за активную пропаганду этого вопроса. Кто-то постарше, возможно, смутно помнил, что был такой автор песенки о космонавтах, да куда-то исчез... Но были, конечно, и те, кто знал о Войновиче многое.

Полностью солидарные с ним в его затянувшемся конфликте с широкими слоями общества, руководством Союза писателей и правительством СССР, а также лично товарищем Брежневым, они ухитрились сохранить верноподданническое молчание на долгие годы. И только теперь, когда стрелку идеологического компаса «зашкалило» за пределами разумной левизны, они разжали стиснутые зубы.

Первым это сделал кинорежиссер Э. Рязанов в статье «Великодушие», опубликованной «Московскими новостями» (19.6.1988). Заявив о своем многолетнем желании экранизировать «Чонкина», Э. Рязанов не поскупился на щедрые комплименты, утверждая, что В. Войнович «создал прекрасную книгу, которая, несмотря на изгнание, останется в истории нашей литературы, станет гордостью нашей словесности».

Такая метода восхваления еще не обнародованных произведений давно уже используется радикалами для формирования общественного мнения. Массовый читатель (или зритель), подавленный авторитетом популяризаторов, должен был принимать на веру все, что ему предлагалось. Вот и сейчас: в его сознание вдалбливалось, причем без всякого гнилого плюрализма, что главная ценность романа Войновича «в народности, в создании двух сочных национальных русских характеров — солдата Ивана и почтальонши Нюрки. Именно такие, как Чонкин, честные, добрые, отважные, выиграли Великую Отечественную войну» (там же).

Что здесь возразишь, если даже и возникнет вполне законное недоумение? (Ведь совершенно непонятно, почему автор столь выдающегося произведения оказался в «изгнании»?) Но, раз уж сам знаменитый Рязанов любит книгу «за то, как она написана, за ее художественность, за народный превосходный юмор, за национальную самобытность», — видимо, наши сомнения беспочвенны.

Одно, правда, все же смущает: уж не великодержавные ли шовинисты Рязанов с Войновичем, который еще и в письме к режиссеру подчеркивает: «Мой роман о солдате Чонкине — книга глубоко русская, и я хочу, чтобы фильм по ней был снят в России...» (там же).

Впрочем, если бы мы смогли заглянуть примерно на год вперед, то наши опасения в русофильской направленности «Чонкина» быстро рассеялись бы...

Но пока что мы еще захвачены рекламной бурей, мы еще карабкаемся по ступенькам гласности, читая октябрьский за 1988 год номер «Юности», где опубликовано первое интервью с В. Войновичем. Перед нами развертывается с помощью его импресарио Б. Сарнова драматическая судьба автора популярных повестей и любимой песни космонавтов (и всего народа) «Четырнадцать минут до старта». Его главная книга, запрещенная на Родине, триумфально выходит на Западе, куда через некоторое время отправляется, хотя и не по своей воле, и сам Войнович: его «за границу выпихивали...». Но с чего бы? Многие

ли из нас, простых смертных, могут припомнить в своей заурядной жизни такую экстравагантную ситуацию?

Оказывается, «выпихиванию» предшествовало сильнейшее административно-идеологическое давление. Для воссоздания более полной картины гонений на Войновича воспользуемся другим его интервью, в журнале «Искусство кино» (№ 8, 1989). Первую волну репрессий, которым он подвергся в 1968 году после своих писем в защиту Синявского и Даниэля, Войнович объясняет еще и пошлой завистью театральной мафии, которой не нравилось, что он «стал зарабатывать приличные деньги» благодаря идущим «довольно широко по стране» пьесам. Гром грянул в Новосибирске: закрытие спектакля и разгромная статья в вечерней городской газете, причем об этой статье «прекрасно знали в Москве во всех кабинетах», где позже прорабатывали Войновича...

К тому же отвергнутый «Новым миром» «солдат Иван Чонкин» сбегает в самоволку на Запад! Все хватаются за головы, в том числе и Войнович, категорически отрицающий — по сей день — свое причастие к этому позорному факту.

Как бы то ни было, для автора «Чонкина» настали черные дни: «Запрещено у меня было все. Мои старые рассказы выдирались из журналов, карточки с моим именем изымались из библиотечных каталогов, некто наверху... поставил целью уморить меня голодом...»

Здесь Войнович допускает некоторое сатирическое преувеличение. Ничего-то из его произведений до исключения из Союза писателей в феврале 1974 года не запрещалось и не изымалось.

Но гораздо досаднее то, что Войнович подзабыл о своей книжице «Степень доверия», выпущенной Политиздатом в 1972 году в серии «Пламенные революционеры». Нетрудно прикинуть, что договор с автором был заключен году в 70-м, если не раньше, — то есть в те самые дни тотальных запретов, когда Войнович якобы умирал с голоду... А если мы не поленимся открыть данную книжечку, то обнаружим весьма теплую (для гонимого писателя) аннотацию, где упоминается и об изъятых якобы повестях и пьесах, и об известных песнях на стихи Войновича: «Комсомольцы двадцатого года» и «Я верю, друзья...», — кстати, последняя пышно именуется «гимном советских космонавтов»...

Лишь после исключения из Союза писателей, когда «положение стало совсем уж беспросветным», можно было задуматься об отъезде. Хотя... из более свежего интервью Войновича явствует, что его тогдашнее материальное положение было не столь ужасным: «Я написал для милиции объяснение, что я писатель, что мои книги издаются во многих странах мира, и, как каждый известный писатель, я зарабатываю достаточно, чтобы содержать себя и свою семью» (см. «Юность», 1990, № 1). Хорошо, что мы имеем возможность иногда заглядывать вперед, иначе бы не избежать многих недоразумений!..

Впрочем, идея воспользоваться «машиной времени» подсказана не столько Г. Уэллсом и (позднее) В. Войновичем, сколько спонсором последнего Б. Сарновым. В беседе, проведенной 17 мая 1988 года и напечатанной в октябрьской «Юности», сей фантаст напоминает Войновичу о статье Э. Рязанова, опубликованной «Московскими новостями»... 19 июня! Небрежность это или подтасовка?..

2

Читающая публика томилась в ожидании завершающего 1988 год номера «Юности», где был обещан прославленный роман... Слегка обогнав родственный журнал и заодно разрядив наэлектризованную атмосферу, отрывок из «Чонкина» напечатал «Огонек» (№ 50). Но мало того: брошюрный «Горизонт» параллельно тиснул фрагмент уже из второй (!) книги романа, именуемый «Претендент на престол». Из предисловия всезнающего Б. Сарнова мы узнаем еще одну причину преследований биографа И. Чонкина. Оказывается, в январе 1980 года, после высылки академика А. Д. Сахарова в Горький, В. Войнович отправил в «Известия» такое письмишко: «Позвольте через вашу газету выразить мое глубокое отвращение ко всем учреждениям и трудовым коллективам, а также отдельным товарищам, включая передовиков производства, художников слова, мастеров сцены, героев социалистического труда, академиков, лауреатов и депутатов, которые уже приняли или еще примут участие в травле лучшего человека нашей страны...»

Сарнов, явно восхищенный гражданской смелостью Войновича, пишет, что «это было последней каплей». Действительно, здесь концентрация презрения к советским людям, не несущим никакой вины ни перед Сахаровым, ни тем более перед Войновичем, достигла предела. Истинный борец за справедливость испытал бы не отвращение, но сострадание к обманутому народу, сделал бы все возможное для разоблачения лжи, ибо нельзя презирать огромное целое, кровной частицей которого ты являешься. Другое дело, если ощущение этого родства утеряно.

Так что напрасно тот же Сарнов старается убедить нас в том, что «никакого конфликта у Войновича с советским народом и даже с Советской властью не было» и что расхождения были только с некоторыми организациями (какими же?) и с Союзом писателей...

Кстати, сам Б. Сарнов вовсе не собирался оставаться в тени обожаемого писателя. В предисловии к новому отрывку из «Претендента» («Искусство кино», 1989, № 1) этот неутомимый антрепренер прозрачно намекал и на собственный героизм, рассказывая, как взял интервью у Войновича *, «почти не надеясь», что его «удастся опубликовать». Но, позвольте, как это «не надеясь», когда там же Сарнов твердо заверил читателя, что вскоре будет опубликован весь «Чонкин»?.. (И даже игриво пошутил, не будет ли, мол, Войнович возражать против этого?) Уж если с романом было все решено, что говорить о какой-то безликой беседе?..

Фальшивый, задним числом, героизм Сарнова — явление того же порядка, что и реабилитация «вынужденных» отъездов на Запад. Когда нам твердят о горестной участи эмигрантов этой волны, не следует забывать, что все покидавшие СССР деятели культуры выезжали не наобум, не мостовые подметать и не мытьем посуды зарабатывать на жизнь. Почему-то вовремя прилетали к ним лестные приглашения и контракты от сердобольных академий, издательств, университетов, а первоклассные западные адвокаты контролировали вопросы безопасности своих клиентов вплоть до пересечения границы опостылевшей родины.

---

* Для той же октябрьской «Юности» за 1988 год...

Теперь Войнович может сколько угодно, как в беседе с Сарновым, бубнить о том, что ему «больно за нашу страну, за наш многострадальный народ», но, уезжая в ФРГ по приглашению Баварской академии изящных искусств, он, осмелимся утверждать, испытал огромное чувство облегчения.

Да и могло ли быть иначе, если его отторжение от родины началось задолго до выезда? Если даже Москва чужела с каждым днем? Если уезжал он как холодный, чужой этой стране человек?..

Именно такими воспоминаниями делился Войнович со слушателями радиостанции «Свобода» (РС) 26 февраля 1989 года, в ожидании визы на поездку в СССР.

3

Упомянутый монолог В. Войновича вышел в эфир как раз в то время, когда читатели «Юности» завершали знакомство с первой книгой нашумевшего романа. Думается, нет смысла пересказывать его содержание: учитывая более чем трехмиллионный тираж этого журнала, оно слишком хорошо известно. Щекотливым представляется и вопрос о литературных достоинствах эпопеи: можно ли вообще отнести к литературе цепь анекдотов, перемежаемых цирковыми репризами и псевдонародными прибаутками?.. Не случайно же «Чонкин» даже льстивыми поклонниками был воспринят как явление безусловно идеологического, нежели литературного порядка! Предпочитая не вдаваться в анализ формы и содержания, они ограничивались только выспренними и совершенно бездоказательными сравнениями Войновича с целым рядом писателей мирового уровня, надеясь подавить этим и возможное несогласие, и попытку объективного исследования, и просто читательское раздражение.

Между тем нераскрытые «темные пятна» сочинения Войновича буквально взывают к пристальному рассмотрению. И в первую очередь это касается фигуры центрального героя, чью так называемую «русскость» усиленно педалировали все пропагандисты романа. Напомним, кстати, одно из многочисленных высказываний Э. Рязанова: «Иван Чонкин — человек простодушный, наивный, в чем-то как бы глуповатый, а на самом деле честный, верный, беззаветно храбрый, полный здравого смысла — подлинно народный тип, подлинно русский характер. Он прямой наследник Иванушки-дурачка из русских сказок...» («Искусство кино», 1989, № 1).

Знакомство с этим «наследником» происходит в несколько неудобный для народного героя момент: он покорно выполняет прихоть своего свирепого старшины (лечь — встать — лечь — встать...), запуганный и забитый. Да и внешне: «Маленький, кривоногий, в сбившейся под ремнем гимнастерке, в пилотке, надвинутой на большие красные уши, и в сползающих обмотках...» — он ничем не напоминает сказочного героя — упырь, да и только.

Дело, конечно, не в несуразной внешности; может быть, и хорошо, что автор, по его словам, решил отказаться от шаблонного «отличника учебно-боевой и политической подготовки», но почему же этот нетривиальный замухрышка никаких чувств, кроме недоумения и неприятия, не вызывает?

К тому же Войнович ясно дает понять, что Чонкин поврежден еще и в смысле головы: «Мысли у него были разные. Внимательно наблюдая жизнь, постигая ее законы, он понял, что летом обычно бывает тепло, а зимой холодно». Уж не дебил ли этот наш «подлинно народный тип»? Для чего нам Рязанов вправляет мозги? А как быть с его утверждением, что Чонкины выиграли войну?.. Ведь даже известие о начале войны, даже речь Сталина Чонкин воспринимает с полнейшим равнодушием. Волей автора он почему-то проявляет неуместные лингвистические склонности, размышляя о врагах, которые, по выражению Сталина, «нашли себе могилу на полях сражений», причем уподобляется опять-таки недоумку: «Почему они не искали ее в другом месте? И кто эту могилу для них вырыл?»

Собственно, и «беззаветная храбрость» Чонкина — порождение абсурда, ибо справиться с чекистами-болванами (как их рисует автор) не составляет особого труда...

Мог ли писатель, создавая образ русского солдата, насыщать его таким количеством издевательских подробностей? Как, например, вот эдакое «умственное» открытие Чонкина: «А вот если бы было... летом холодно, а зимою тепло, то тогда бы лето называлось — зима, а зима называлось бы лето». Овладел ли автором приступ смеха, когда он выписывал этот признак олигофрении, трудно сказать, но читателю, наверное, становится не по себе, ибо дурачок-то наш Иванушка вовсе не сказочный, а самый натуральный. Яснее ясного, что Войнович задумывал именно карикатуру, а не подлинного героя. Не для того ли так акцентируется русская направленность романа, чтобы злой шарж выдать за обобщенный образ русского человека?..

4

Чем больше мы углубляемся в чтение, тем отчетливее становится основная идея Войновича: все это беспросветное скопище грязи, насилия, подлости, глупости и лжи именно и является нашей действительностью.

Правда, автором предусмотрен отвлекающий маневр, и критики, дружно его уловив, объявляют Войновича непревзойденным сатириком. Назвав роман «комедией преданности» («Огонек», 1989, № 21), критик Н. Иванова имеет в виду не только преданность людей, «служивших неправедной идее» (социализму? защите Родины?..), но и то, что писатель «весело обыгрывает разные значения слова «преданный». Здесь Н. Иванова ссылается на сон Чонкина, где преданные им сослуживцы, а также товарищ Сталин попадают на подносах, «готовые к употреблению», в одну милую компанию.

Будь этот веселый каннибальский сюжетик рассказан средним обывателем на приеме у психиатра, он, несомненно, вызвал бы живейший интерес последнего и, возможно, острое желание изолировать рассказчика от общества. Но поскольку описание кровожадного сна дается «всемирно известным сатириком», оно до сих пор еще не вошло, к сожалению, в учебники в качестве особых клинических случаев: маниакальная человеко- и сталинофобия с депрессивным уклоном.

Н. Иванова уклонилась от анализа всего эпизода сна, равно как и других патологических сцен романа, по понятной причине: любая такая попытка возбудила бы естественную неприязнь к автору, что, разумеется, не входит в планы радикал-русофобов.

Итак, сон Чонкина представляет собой вставную сцену свадьбы его сожительницы Нюры с... кабаном Борькой, — в окружении свиней, поросят, хрюшек, которые вроде бы являются и людьми. Борька же — это не просто кабан, а объект, к которому Чонкин накануне жгуче ревнует Нюру, причем не во сне, а совершенно реально, на многих страницах, и происходит это после того, как сельский болтун намекает Ивану на интимную Нюркину с кабаном связь: «накроются одеялом и лежат, как муж и жена»...

Войнович не только смакует эту мерзейшую выдумку, но и заставляет своего Иванушку в нее поверить. Вот вам и пасторальные чувства, так умилявшие Э. Рязанова! (Интересно, кого он планировал на роль Борьки в этой замечательно смешной «одеяльной» сцене?..)

Странным образом смыкаются в эпизоде сна (который, кстати, мог присниться именно Войновичу, а не Чонкину, ибо каждому снятся сны, соответствующие уровню интеллекта) булгаковский Шариков и кабаночеловек Войновича. Но то, что у Булгакова служило протестом против оскотинивания человека, у Войновича, напротив, превращено в утверждение скотского начала в человеческой личности.

В сцене свиной свадьбы и пира Чонкин постепенно, под давлением окружающих, тоже становится свиньей, причем насилие уже не выглядит насилием, потому что Ивану, с подачи автора, нравится его метаморфоза.

Весь этот эпизод выражает общую концепцию Войновича: все люди — свиньи, а русские, надо полагать, — особенно.

Возвращаясь к статье Н. Ивановой, отметим одно небезынтересное открытие: оказывается, «Чонкин» — это «пародия на поток массовой литературы о преданности, о военных подвигах и героизме. Невероятные рассказы о невероятных подвигах в тылу врага буквально заполонили страницы отечественных серийных изданий...»

Как видим, Н. Иванова вступает в смелый спор с теми, кто, как Рязанов, утверждает патриотическую направленность романа. Более того, успешно состязаясь по части цинизма с самим Войновичем, критик фактически дегероизирует историю войны. Следуя за Н. Ивановой, не пора ли спросить: да и вообще все русские военные подвиги и герои, «навязшие в зубах», — все эти сусанины, матросы кошки и генералы карбышевы, — не пропагандистский ли это трюк?..

Войновичу и его единомышленникам, видимо, невдомек, что подвиг — этот порыв прекрасной души, — невозможен там, где царят трезвый расчет, корыстное размышление и циничная ухмылка. Именно благородными историческими примерами и воспитывается готовность человека к подвигу. Можно с полнейшей уверенностью сказать, что никогда не совершит героический поступок тот, кто воспитан на пародии, на карикатуре и комиксе.

5

Настойчивое стремление апологетов романа представить Ивана и Нюру положительными персонажами, а их отношения — одухотворенной любовью несколько обескураживает, ибо роман дает слишком мало оснований для такого утверждения.

Посмотрим, какова наша положительная Нюра. Автор умело ввел ее в действие с помощью идущего на вынужденную посадку самолета. Испугавшись «железной птицы» (как папуаска с Новой Гвинеи), Нюра повалилась на землю, да так и осталась лежать, пока Войнович расписывал идиотизм сельской жизни. После того как «сверкнула в мозгу ее тревожная мысль», что она здесь лежит, «а люди давно уж глядят», мы понимаем, что столь мастерским способом заявлен образ тупой деревенской бабы, достойной сподвижницы Чонкина, и настраиваемся на сплошное развлечение.

Сцена неизбежного знакомства и флирта Вани и Нюры написана с пародийно-глуповатым ёрничеством, пресекающим любые попытки рассматривать эту пару всерьез. Войнович не то пародирует штампы «пейзанской» литературы соцреализма, не то претендует на новое видение деревенской эротики, используя наспех сляпанную «стилистику». Стертыми, общими фразами рассказана и биография Нюры, — как и раньше Чонкина, — что говорит о полном безразличии к деревенской жизни... Впрочем, всех, кто интересуется проблемой саморазрушения прозы, отсылаем к тексту романа.

А сами поспешим в избу Нюры, где уже достигнут «интим». Подвыпивший Чонкин — кто мог бы ожидать от него такой прыти? — проявляет немалую искушенность в любовных делах. Завоевание сексапильной почтальонши происходит молниеносно, в три броска. «— Чтой-то холодно стало, — сказал Чонкин, кладя левую руку ей на плечо»; затем: «Чтой-то руки замерзли, — сказал он и правой полез к Нюре за пазуху», — и, наконец, «просовывая руку у нее под мышкой за спину, чтобы расстегнуть лифчик».

Даже странно, что никто из авгуров-критиков не налепил на эту возвышенную любовь какой-нибудь излюбленный ярлык типа «Ромео и Джульетта военного лихолетья»!.. Тем более что Войнович весьма недвусмысленно определил их дальнейшие отношения: Нюра, скажем, уже очень скоро «еле ноги таскала» — вы думаете, отчего? Да ведь Иван, даром что заморыш по виду, оказался настоящим сексуальным гигантом! «Хотя ложились они рано, Чонкин ей спать не давал, будил по *несколько раз* за ночь (здесь и далее разрядка моя. — **Е. О.**) для своего удовольствия (и для Нюриного, конечно, тоже. — **Е. О.**), да еще и *днем*, только она, уставшая, через порог переступит, он *накидывался* на нее, как голодный *зверь*, и *тащил* к постели, *не давая* сумку сбросить с плеча».

Воистину раблезианские страсти! Нюра, бедная, «пряталась от него на сеновале либо в курятнике (нашла где прятаться! — **Е. О.**), но он и там ее настигал (видимо, особых возражений не возникало! — **Е. О.**), и не было никакого спасу».

Охоч же наш Казанова — Чонкин на плотские утехи! (Тут, конечно, попахивает и фрейдизмом, поскольку без сублимации —

вспомним изверга-старшину — явно не обошлось!) Зря вот только Войнович как-то буднично приземляет это возвышенное занятие: «...Нюра, вернувшись из района, разнеся почту и **уступивши** Чонкину **дважды**...»

Кстати, левые патриоты могли бы предъявить Войновичу вполне законный протест: как мог наш советский писатель злостно преуменьшить возможности русского солдата?! Разве не обязана была Нюра уступить народному герою и десять, — а если надо, то и двадцать, допустим, раз?!

Та же обедненность чувств выявляется и в интимных разговорах наших героев:

«— Слышь, Нюрка, ты давай прибирай скорее, щась приду, поваляемся.

— Иди, черт чудной, — с ласковой грубостью отозвалась Нюра. — Сколь можно?

— А сколь хошь, — объяснил Чонкин. — Кабы ты не сердилась, так я хочь бы целые сутки».

Отрадно, что бойцы Красной Армии обладают такой могучей потенцией (и хорошо, что писатель вовремя заметил свои недоработки!) не только в смысле охраны вверенного объекта!..

Впрочем, пародировать любовные отношения вымышленной парочки — личное дело В. Войновича. Но когда он открыто глумится над действительно прекрасной и драматичной любовью реальных героев русской истории, это уже далеко выходит за пределы «творческого поведения» (выражение М. М. Пришвина). Пример красноречив: «Когда царь Николай Первый сослал декабристов у Сибирь, черт-те куда, так ихни жены на этом не успокоились, а свои шмотки собрали и поперли туды за ими... И лошадей позагоняли, и ямщиков перемучили, и сами чуть не подохли (не забудем, это говорится о женах декабристов! — Е. О.), а все же добрались...» — причем, как следует из контекста, все было проделано для подавления мужского достоинства.

Совсем не имеет значения, от кого мы слышим глумливую «хохму»: от автора ли, от умного либо глупого персонажа: анекдотец-то вверчен!.. — и, разумеется, при полной нейтральности Войновича и его литературного чадушки-упыря!..

Однако не стоит предаваться малодушным сомнениям, ибо есть, есть в эпопее истинно положительные герои! Те самые возлюбленные, о которых пишут лукавые критики, на самом-то деле носят знаменательно другие имена, и напрасно их стараются подменить какими-то плоскими Иваном и Нюрой!..

Конечно же, это мудрый еврей Моисей Соломонович Сталин и его верная жена, старая и прозорливая Циля! Пускай эпизод допроса сапожника Мойши (Сталина) в отделении НКВД чрезвычайно растянут, пускай он не имеет ни малейшего отношения к объявленным приключениям Чонкина, но зато он ярко выявляет (что само по себе не преступно!) определенные симпатии В. Войновича к данному, по его словам, «национальному меньшинству».

На фоне помойной ямы, куда он заботливо помещает русских персонажей, эта спаянная ячейка выглядит особенно привлекательно: нас покоряет и ум, и бесстрашие, и остроумие, и неза-

урядное чувство собственного достоинства (хотя и выраженное несколько своеобразно: Мойша полагает, что любому, кто его обидит, придется целовать его зад...).

Поразительно, что утонченные критики, углядевшие даже некий «потаенный диалог» с Гоголем (А. Немзер), поголовно умолчали об отнюдь не потаенных акцентах в пользу вышеозначенного «меньшинства». А почему бы и не сказать об этом? Например, когда чекист Миляга передразнил картавость старого Мойши, тот «приятно удивился», заподозрив в капитане НКВД единокровного собрата. Но, что самое любопытное, убедившись в обратном, старик сокрушенно вздыхает: «А на вид такое интеллигентное лицо». Намек тут более чем прозрачный.

Далее, выпущенный на волю Мойша говорит своей Циле о том же Миляге: «Он не еврей, но (то есть как ни странно. — **Е. О.**) он очень интересный молодой...» Но Циля мгновенно гасит его «интернациональный» пыл, негодуя на то, что он общается с «этими гоями»... Это презрительное, многое объясняющее словечко «гой» как будто нечасто появляется в нашей печати, а жаль, ибо молодое поколение до сих пор пребывает в розовой эйфории относительно своего гойского предназначения...

Мотив еврейского превосходства звучит и в реплике Мойши, когда он улавливает нелестный намек в словах секретарши Капы:

«— Эта девушка, мне кажется, немножко антисемитка, — сказал он с явной тревогой за ее будущее...» — и поглядел на нее «как на несчастную калеку». Можно смело предположить, что даже самый нелестный отзыв той же Капы об оленеводах, скажем, Якутии, вряд ли повлек бы за собой ту зловещую иронию, которая содержится в словах местечкового Спинозы. (Здесь возникает невольный вопрос: да неужели евреи настолько чисты, умны, высоки и честны, что любой насмешливый намек в их адрес звучит оскорблением? Кто и почему создал им привилегированное положение среди других народов мира? Любопытное наблюдение на этот счет можно найти в повести В. Астафьева «Зрячий посох». Вспоминая об отвергнутом в свое время рассказе, где у отрицательного персонажа «фамилия была натуральная, еврейская», — и о резком охлаждении интереса к нему, начинающему тогда писателю, — Астафьев так объясняет «смысл происходящего», постигнутый им «ой как не скоро»: «плохие люди, гады, сволочи, продажные шкуры, ловкачи и рвачи по кем-то установленным и ревниво, даже болезненно соблюдаемым правилам (мистика, да и только! — **Е. О.**), должны носить в современной нашей литературе русские фамилии, ну, в крайности, украинские или белорусские»... *)

В читательской памяти ненавязчиво откладываются также и фамилии «великих людей, которых дал миру» еврейский народ: не зря же их перечисляет Циля, ожидающая Мойшу у ворот НКВД: «...Маркс, Эйнштейн, Спиноза, Троцкий, Свердлов, Ротшильд...» Самое замечательное здесь в том, что этот замусоленный список включает и «вождей мировой революции», и финансовых королей, на чьи деньги производились многие кровавые «революционные» акции...

---

* «Москва», 1988, № 2, с. 96.

Так или иначе, но все же явно бедноватой выглядит картина величия «избранной» расы, так что лучше бы уж Войнович не тщился отрабатывать таким образом заокеанскую валюту!..

Что же до Моисея Сталина (не правда ли, смешно! Но почему не Моисей Хрущев, не Моисей Брежнев?.. — Е. О.), то он со своей мудроватой Цилей появляется еще раз, чтобы проявить выдающуюся проницательность в разграничении гоев от евреев. Не еврей ли Чонкин? — взволнованно спрашивает Циля. Нет, это ихняя фамилия, отвечает муж, что заставляет Цилю посмотреть на него как на безнадежного глупца: «— А как же тогда Ривкин и Зускин?»

Сделаем почтительную паузу и спросим: а действительно, что же это за фамилия такая — Чонкин? Вслушаемся — ведь кто он: ни солдат, ни мужик? — некий мужичонка, некто средний и невнятный, но прямо указанный — Чонкин.

...Впрочем, опираясь на острый (и вряд ли случайный) интерес Моисеевой подруги, выскажем и еще одну занимательную догадку. Есть в произведениях Шолом-Алейхема и других классиков еврейской литературы такой странноватый, нелепый, попадающий в разные глупые ситуации (не по своей вине) персонаж, которому удача совсем не сопутствует, но в то же время и не обходит совсем стороной. В еврейском обиходе сей герой называется «шлёмиль» и никаких отрицательных эмоций обычно у еврейского населения не вызывает. (В современной литературе находим воплощение этого канонического персонажа в киноповести Э. Севелы, напечатанной журналом «Искусство кино» в конце 1989 года.)

Так вот, не от «шлёмиля» разве рожден якобы русский национальный герой Чонкин?...

6

«...Не над народом смеется Войнович, не над мужиками и бабами», — утверждал А. Немзер в журнале «Октябрь» (1989, № 8). Главная цель критика очевидна: опрокинуть сложившееся в «консервативных» кругах мнение, «что Войнович глумится над деревенскими своими героями и что главный объект осмеяния здесь русский народ».

Придется нам совершить хотя бы краткую экскурсию по страницам романа, где в изобилии разбросаны чудесные деревенские образы. Вот, скажем, удивительный колхоз, где за два года «сменилось три председателя: одного посадили за воровство, другого — за растление малолетних», а третий так страшно пил, что повесился в кабинете, пропив предварительно колхозную кассу. Председатель же в деревне Красное (оно «сперва называлось Грязное» — не без юмора сообщает автор) «тоже пьет без всякого удержу...»

Едва отхохотав по этому поводу, натыкаемся на очень смешных колхозниц, которые всегда «либо беременные, либо только что после родов, а иногда и вроде только что после родов, а уже и опять беременные»...

Не менее выразительна и зарисовка ночной жизни деревни: от

вопля — «Катька, сука несчастная, ты пойдешь домой али нет?» — до созерцания соседки Чонкина, которая «торопливо помочилась возле крыльца»... Над всем этим несется удалая народная песня:

А хулиганом мать родила,
А хулиганом назвала,
А финку-ножик наточила,
А хулигану подила.

Прервем, пожалуй, нашу прогулку. Самое время задуматься: кому и для чего понадобилось издание «Чонкина» несуразно гигантским тиражом? Почему с таким упорством шла борьба за скорейшее «возвращение» советскому читателю именно этого романа, где русские предстают сборищем идиотов, негодяев и пропойц?..

Не в том ли дело, что кампанию очернения нашей истории нужно было подкрепить «художественной» иллюстрацией? Учитывая провал в целом эпопеи А. Рыбакова и неудавшуюся попытку поднять на котурны В. Гроссмана до Льва Толстого, роман-анекдот В. Войновича пришелся как нельзя кстати.

Поспешно причисленный к когорте великих сатириков, Войнович охотно делился своими мыслями о назначении сатиры и трагической участи сатирика: «Люди думают, что он смеется над ними, а он плачет...» («Книжное обозрение», 24.3.1989). Перефразируя Белинского, Войнович заявляет, что «настоящее кощунство по отношению к истинно высокому... — неосуществимо. Оно, это кощунство, к нему не пристанет» (там же). Одним словом, кощунствуйте на здоровье!

Именно такая позиция и приводит к тому, что роман Войновича менее всего является сатирическим: не может вся жизнь быть поводом для иронии. Критерии истины и добра, нравственные точки отсчета должны проецироваться на любое произведение. Беда Войновича в том, что ему просто нечего проецировать, кроме злорадства, которым переполнена его душа. Настоящий сатирик, принимаясь за труд обличения пороков, не отчуждает себя от общества, от народной жизни, что и дает полнокровные, глубокие литературные образы. Между тем все персонажи романа — не более как фанерные манекены из музея ходульных героев соцреализма, столь ненавистного Войновичу. Юмористические же приемы зачастую настолько низкопробны, что вряд ли достойны даже какого-нибудь «уголка смеха» в захолустной лесоповальной многотиражке.

Наконец, обратим внимание на вопрос выбора темы для сатирического (если условно считать таковым «Чонкина») произведения. Наверное, Войновичу удалось перешагнуть все нравственные и этические барьеры, если он сумел нагромоздить смрадную кучу идиотически-водевильных ситуаций, в которых оказываются его персонажи накануне и в начале Великой Отечественной войны.

Могут ли подобные трагические моменты истории использоваться как исходный материал для сатиры вообще? До «Чонкина» такой вопрос даже не возникал. «Черный юмор» известных анекдотов — лишь мелкая ветвь глумливой «вседозволенности», и всерь-

ез о ней говорить нечего, хотя безымянные авторы нередко покушались и на общенациональные святыни. (Оказались довольно живучими гаденькие анекдотцы «о Чапаеве и Петьке», о Ленине и т. д., но что-то не слышно анекдотов из серии «по пути в гетто» или «как там, землячок, в газовой камере»...).

Исторические события глобального масштаба неприкасаемы для сатиры и юмора по нравственному, а не цензурному запрету. Юмор немыслим в описании подвига панфиловцев или штурма Кенигсберга, так же, как непредставима, скажем, и сатирическая повесть писателя-немца о разгроме гитлеровцев под Сталинградом. Осмелимся высказать предположение, что и американцы были бы возмущены комическим романом о своем поражении в Пирл-Харборе...

Войнович же глубоко убежден в том, что сатирик — это «человек, который посягает на священные устои общества, убивает священных коров» («Советский экран», 1989, № 10). Вполне очевидно, что мы сталкиваемся не с каким-то случайным заблуждением, а с четко выраженной позицией. Точнее сказать — нравственной аберрацией.

Легко понять негодование авторов открытого письма «Кощунство» — членов клуба «Золотая Звезда», куда входят 72 Героя Советского Союза и 16 полных кавалеров ордена Славы, — направленного главным редакторам «Юности» и «Огонька». Они пишут о том, что стало предметом глумления: «Прежде всего это первый день Великой Отечественной войны. Это кадровые командиры, политработники, бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, колхозники и колхозницы» («Ветеран», 1989, № 18).

А ведь от всех, кто ушел на войну в ее первые дни, осталось ко дню Победы в живых лишь т р и процента!..

Видимо, В. Войнович и ему подобные никогда не впускали в душу чужое горе; их горло не сдавливала чужая боль, а чужое страдание оставляло их равнодушными. Но может ли быть иначе, если даже «кредо» писателя предельно эгоцентрично: «Основной источник моего вдохновения — моя собственная жизнь...» («Юность», 1988, № 10).

Горечь проступает у Войновича, лишь когда он говорит о себе: «Отрезанный ломоть. Я здесь не могу ни быть избранным, ни избирать, ни издавать журнал, ни создавать кооператив, ни купить, допустим, на свои гонорары квартиру (наверное, читатель понимает, сколь мизерны причины этой скорби в сравнении с тем, что испытывали ветераны. — Е. О.). У меня здесь нет ни кола, ни двора, никаких прав и никаких обязанностей...» («Огонек», 1989, № 43). Но посмотрим, как этот «несправедливо-обиженный» изгой развлекался описанием армии в то время, когда он еще мог приобрести квартиру в Москве. Все военные люди предстают в «Чонкине» как вызывающий смятение сброд разгильдяев, тупиц, садистов и хамов.

Старшина издевается над Чонкиным; дежурный по части кроет матом начальника штаба; командир полка, узнав о начале войны, думает об изменах своей («сука!») жены, которая уже «перетаскала на себе всех, кого только могла» (хороша армейская семейка!); генерал Дрынов сделал карьеру благодаря доносам («доложил Кому Надо»), но в военных вопросах был полным идиотом («на учениях приказал обстреливать личный состав своей части настоящими снарядами»)... Смешно, читатель?

А если вы смеетесь еще не до колик в животе, то вот вам и спец-юмор: комполка, заступаясь за бойца, напоминает, что у того двое детей, — генерал же парирует: «А я, товарищ полковник, по-моему, приказываю расстрелять Филюкова, а не его детей». Кому же здесь улыбнуться, как не начальнику СМЕРШа, который «ценил добрый юмор»?! (Все рассчитал Войнович, но упустил из виду, что наименование «СМЕРШ» появилось только во второй половине войны.)

Не будем уж говорить ни о глупейших, неправдоподобных ситуациях, в которые попадает воинская часть, посланная ликвидировать несуществующую «банду Чонкина»; ни об издевательском финале, где заявление о приеме в партию, таинственно пропавшее у молодого офицера, оказывается под копытом убитого мерина, «очеловечившегося» и сбежавшего из дому...

7

Особое место в сочинении Войновича занимает «селекционер»-самоучка Гладышев. Опираясь на него, автор зло пародирует не только теории Мичурина — Лысенко, но и социалистическую эпоху в целом: «Знания, накопленные Гладышевым, может, и пролежали бы в его голове без всякого толку, если бы не Октябрьская революция, которая освободила народ от всевозможного рабства...»

Ирония, разумеется, в том, что новый строй поддержал не талантливого самородка, а самодовольного дурака, мыслительный аппарат которого мало отличается от мозгового придатка Чонкина. «Увидит, скажем, Кузьма на печи тараканов и думает: а нельзя ли, мол, их связать между собой и направить в одну сторону? Это ж такая сила получится, что ее можно с выгодой использовать в сельском хозяйстве».

Но эта и другие сходные идеи Гладышева тускнеют в сравнении с главной целью его жизни: «создать гибрид картофеля с помидором, то есть такое растение, у которого внизу росли бы клубни картофеля, а наверху одновременно вызревали бы помидоры».

Здесь Войнович, размахнувшись, влепляет в нас здоровенный торт с кремом (правда, дурновато пахнущим) — в виде «гэга» из чаплинской кинокомедии: «Будущий свой гибрид Гладышев назвал в духе того великого времени «Путь к социализму», или сокращенно «ПУКС»...»

Дальше это словечко пишется уже как обычное существительное, чем должна подчеркиваться его укорененность и даже нарицательность. В сознании читателя, особенно молодого, который успел наглотаться кошмарных историй о банкротстве партии и социализма, — теперь и весь социалистический п у т ь станет всего лишь п у к с о м, которого, конечно, всякий воспитанный человек должен избегать в хорошем обществе.

Вот где ключ ко всей эпопее, фактически отпевающей и отрицающей наш путь развития: злорадные поминки по несбывшейся мечте.

Надо сказать, что в создании упомянутого гибрида Войнович не оригинален: он отраженно плагиирует давнюю идею Ф. Искандера, скрестившего в известном романе козла с туром («Созвездие Козлотура»). Ну а поскольку «помидорфель» не донес бы

главную идею «Чонкина», — да и прозвучал бы странновато, — из-под пера Войновича и выскочил ядовитый прыщ.

По части создания всевозможных «гэгов», афоризмов и аббревиатур Войнович, надо отдать ему должное, проявляет немалое мастерство. Например, слово «Дели» — думаете, столица Индии? Нет, куда смешнее: «Долой Единый Ленинский Интернационал»!.. А из его максим приведем определение митинга: «Это такое мероприятие, когда собирается много народу и одни говорят то, что не думают, а другие думают то, что не говорят».

В нынешнюю же либеральную эпоху по РС (24.6.1989) прозвучал новейший афоризм мюнхенского юмориста: перестройка — это борьба советского народа против коммунистической партии под руководством партии... На наш взгляд, определенная доля истины в этом высказывании имеется.

8

Внедрение В. Войновича и его сочинений в СССР напоминало хорошо продуманную боевую операцию: от первых осторожных упоминаний до триумфального визита в Москву. Правда, было заметно, что Войновичу хотелось чего-то большего — ну, может быть, завизировать проект памятника, запланированного к его следующему приезду... Еще бы: ведь писатель знавал и лучшие времена, когда «его песню «Закурим перед стартом» (журналисты, видимо, организовали негласный конкурс на лучшее название этой гимнопесни! — *Е. О.*) пел с трибуны Мавзолея Никита Хрущев» *, — уверяли в конце марта 1989 года «Московские новости». Кстати, не случайно рекламисты делали такой акцент на «предстартовый» марш — это мандат на лояльность, вырванный из рук затравленного писателя и ставший символом несправедливости, проявленной к нему.

Вот уж о своих кровных обидах говорено было Войновичем немало. «Раньше говорили, что я свинья и подонок, а теперь, что я совсем не подонок и не совсем свинья, — раздраженно внушал он репортеру «Советского экрана». — А я не желаю, чтобы меня называли честным на девяносто восемь процентов!..» (1989, № 10). Не меньшее недовольство вызывает у Войновича и призыв Э. Рязанова «проявить великодушие и вернуть гражданство многим эмигрантам», на что журналист подобострастно подхватывает: «Великодушие проявляет не власть», а «...Коржавин и Войнович, приезжающие в государство, нанесшее им обиду» (там же).

Вот так, уважаемые читатели! Не упасть ли нам на колени перед всеми «обиженными»?.. Впрочем, не следует с этим спешить: «Сейчас многие почему-то считают, — заявил Войнович, — что русский писатель-эмигрант просто «на пузе поползет» в страну, если ему вдруг разрешат вернуться. Это, конечно, глупость («Вечерняя Москва», 7.4.1989).

Да и в самом-то деле — что он увидит у нас такого, что сравнилось бы с хрустальным Западом? Ведь даже Москва, по мнению Войновича, явно продвинулась по пути, пророчески начертанному им в романе-антиутопии «Москва, 2042», — то есть к полному обнищанию... Об этой утопофантазии наш читатель уже

---

* Не из-за этого ли и погорел?..

имеет некоторое представление благодаря опубликованным отрывкам, а наиболее любознательные могли ознакомиться с ней в устном варианте: по РС она читалась самим автором.

Наиболее смелыми в романе являются, без сомнения, эпизоды о переработке... извините, дерьма в съедобный «продукт». Тех, кто испытал легкий приступ тошноты, отправляем к «Чонкину», где указанная идея еще только-только забрезжила в писательском воображении. В то время, как основная писательская масса силится словесно передать великое многообразие запахов, которым одаряет нас природа, Войнович вдохновенно исследует запах дерьма и от имени все того же Гладышева делится своими впечатлениями: «Запах как будто противный, а на самом деле здоровый и для организма пользительный...»; «...мы привыкли относиться к дерьму с этакой брезгливостью... А ведь если разобраться, так это, может быть, самое ценное на земле вещество, потому что вся наша жизнь происходит из дерьма и в дерьмо опять же уходит».

Неужели же, напрашивается горестный вопрос, и бесценная жизнь писателя Владимира Войновича произошла из... неудобно молвить, дерьма?.. И, что еще прискорбнее, неужели она в дерьмо и уйдет?..

Великодушно опуская этот вопрос, Войнович набрасывает впечатляющую картину «круговорота дерьма в природе» и завершает исследование вдохновенным призывом: «Зачем же нам потреблять это дерьмо в виде мяса, молока или хотя бы вот хлеба, то есть в переработанном виде? Встает законный вопрос: не лучше ли, отбросив предубеждение и ложную брезгливость, потреблять его в чистом виде, как замечательный витамин?»

По бездонной глубине этой всеобъемлющей и гениально простой идеи Войновичу, пожалуй, нет равных в мировой литературе — да что там! — и в философии тоже!..

Могла ли оценить такое величие серая советская публика? — вопрос риторический. А иначе что руководило С. Залыгиным, отвергшим повесть Войновича «Путем взаимной переписки» в силу того, что «Новый мир» «будет печатать только талантливое»?.. (См.: «Вечерняя Москва», 7.4.1989.)

Любопытно здесь, впрочем, другое: уже второй главный редактор «Нового мира» отказывает Войновичу в писательском даровании. Первым был сам А. Твардовский, вынесший столь суровый приговор именно «Чонкину».

Стоит, право, привлечь в свидетели его автора, чьи устные мемуары выходили в эфир по РС 14 и 21 января 1989 года, проливая некоторый свет на историю этого романа.

В 1968 году начались переговоры о публикации первой части «Чонкина» с ответственным секретарем редакции «Нового мира» Б. Заксом, который ныне уже лет 10 благополучно живет в Нью-Йорке. Первые читатели — А. Берзер и И. Сац — приняли дипломатическое решение: передать роман Твардовскому окольными путями, то есть минуя А. Кондратовича, его заместителя и недруга Войновича. (Был, впрочем, и друг — А. Г. Дементьев, в свое время отличившийся в Ленинграде, по словам Войновича, как яростный борец против космополитов, но при Хрущеве радикально изменивший свои позиции...)

Хотя Войнович был абсолютно уверен в том, что рукопись вызовет у Твардовского восторг, все получилось наоборот: «Слушать

Твардовского мне было неприятно...» — и было отчего, ибо мнение главного редактора оказалось однозначным: это карикатура... не умно... не остроумно... не талантливо.

* * *

Цель анекдота, как известно, вызвать смех, причем одноразового свойства: вряд ли нужно оспаривать факт, что анекдот, рассказанный дважды, перестает выполнять свою функцию.

На что же рассчитывал В. Войнович, не только назвав свой роман анекдотом, но и сделав все возможное, чтобы он не поднялся выше заявленного анекдотического уровня? Какому читателю захочется еще раз открыть это сочинение, еще раз окунуться в его скабрезную атмосферу?..

Нравственная и творческая несостоятельность Войновича с полной очевидностью пересекаются именно в этой плоскости анекдота-пародии, обрекая книгу на судьбу бабочки-однодневки.

Поправка

В № 2 «МГ» на стр. 104 следует читать Араго (а не Арго), на стр. 111 — Захарьиным (а не Захарьевым).

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Александр АФАНАСЬЕВ, Сергей БОБКОВ, Анатолий ВАСИЛЕНКО, Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Игорь ДЬЯКОВ, Вячеслав ЕРОХИН, Игорь ЖЕГЛОВ, Геннадий КОМАРОВ, Александр КРОТОВ** (ответственный секретарь), **Михаил ЛОБАНОВ, Петр ПРОСКУРИН, Сергей РОГОЖКИН, Юрий СЕРГЕЕВ, Владимир ФИРСОВ, Евгений ЮШИН.**

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 16.03.90. Подп. в печ. 19.04.90. А02279.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 730 000 экз. Заказ 2043. Цена 80 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ДОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
КНИГИ

имеет в продаже
и высылает наложенным платежом
книги молодежной тематики:

Азаров Ю. П. РАДОСТЬ УЧИТЬ И УЧИТЬСЯ. — М.: — Политиздат, 1989.— (Б-чка семейного чтения).— 1р. 10 к.

Кириллов Г. В. ЮНАЯ ГВАРДИЯ.— М.: — Мол. гвардия, 1989.— (Герои комсомола).— 50 к.

ЛУЧШИЙ ПУТЬ ВОСПИТАТЬ КОММУНАРОВ.— М.: — Мол. гвардия, 1985.— (Для тех, кто работает с пионерами).— 25 к.

ОТКЛИК. Сб. вопросов и ответов. Вып. 5.— М.: — Мол. гвардия, 1989.— 40 к.

ОТКЛИК. Вып. 6.— М.: — Мол. гвардия, 1989.— 35 к.

...ПЛЮС ПРЕССА, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, РАДИО: Сборник.— М.: — Мол. гвардия, 1985.— (Для тех, кто работает с пионерами).— 10 к.

Индекс 70544
80 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1990
5

Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.
Анна Ахматова

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Сергей Орлов

Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Николай Майоров

Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом?!
Муса Джалиль